

А.Мальшевский

16+

Братство любви Николая Неплюева

А. Мальшевский

Братство любви
Николая Неплюева

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мальшевский А.

Братство любви Николая Неплюева / А. Мальшевский —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

«Пора России отдохнуть от нелепого раздора между властями и либеральничающей оппозицией одних, глубоко нечестного молчаливого протеста других и легкомысленного равнодушия третьих. Пора ей перестать быть взбаламученным морем. Пора приступить к честному совместному мирному, братскому труду на пользу общую» (Николай Неплюев. 1851—1908). Общественный деятель и писатель, религиозный мыслитель и экономист. Создал на началах апостольского служения уникальную образовательно-воспитательную и производственно-хозяйственную систему общественных отношений, а также воплотил ее в Крестовоздвиженском трудовом братстве.

© Мальшевский А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Введение	7
Глава I. Молодой преобразователь	10
Глава II. Апостольская община	33
Глава III. Созидание добра	34
Глава IV. Братьям-мирянам	47
Глава V. Понимание и поддержка	52
Глава VI. Мировое возрождение	55
Глава VII. Свидетельства былого	62
Глава VIII. Духовные универсалии	75
Приложение	92
Глава I. Христианское мировоззрение	92
§ 1. Бог Отец	92
Бог есть Альфа	92
Первопричина Бытия	95
Творение видимого мира	95
Творение человека	96
Грехопадение	97
Смысл земной жизни	98
Промысел Божий	99
§ 2. Бог Сын	100
Негодная плоть	100
Сыны Божьи	103
Избранники Божьи	105
Свет от Света Небесного	108
Церковь Христова	109
Антихристы	111
Христиане	113
§ 3. Бог Дух Святой	115
Святые	115
Остаток дней	118
Судьбы церкви воинствующей	123
Судьбы церкви торжествующей	125
Пришествие во славе и воскресение мертвых	129
Страшный суд и вечность мучений	131
Бог есть Омега	132
Глава II. Христианская гармония духа	135
§ 1. Царство Божие внутри вас есть	135
Царство Божье	135
Дух и тело	138
Любовь	141
Разум	149
Ощущения	155
Формула христианской гармонии духа	160
§ 2. От ада к раю, от геенны огненной к Царству Божьему, от рабства подзаконного к свободе славы чад Божьих	162
Ад царства ощущений	162

Чистилище царства разума	169
Царство любви. Свобода славы чад Божьих	176
§ 3. Внешние проявления внутренних настроений	184
Представление о Боге	184
Отношение к Богу	187
Церкви поместные	189
Отношение к самому себе	191
Семья	192
Общество	193
Государство	194
Глава III. Что есть истина?	196
§ 1. Томление духа	196
Как жить?	196
Что есть истина?	198
Ответ школы	200
Ответ церкви	204
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Любите прошлое в предках, добрых заветах и национальных традициях. Любите настоящее в современниках, с ними объединяйтесь, дружно собирайте добро. Любите будущее, готовьте любовно и разумно лучшее для грядущих поколений.

Николай Неплюев

Введение

Николай Николаевич Неплюев – кто он? Подобный вопрос на рубеже XIX–XX веков вызвал бы немалое удивление. Неплюев – это крупный общественный деятель, писатель-публицист, православный философ. О его месте в общественной жизни свидетельствует Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона¹. Однако вопрос, вызвавший бы в свое время определенное замешательство, сегодня оправдан. Имя человека, поднятого в общественном сознании досоветского периода истории российского государства до пророков Нового Завета² и подвижников земли русской³, на целое столетие ушло из обыденной речи, исчезло со страниц газет и журналов, было утрачено научной литературой. Оно и в XXI веке продолжает свидетельствовать о сути того глубинного разрыва традиций, который постиг русскую культуру.

Так кто же он, Николай Николаевич Неплюев?! Сын родового помещика Черниговской губернии Н. Н. Неплюев родился 11 (23) сентября 1851 года. «Предки при святом Невском из варяг пришли, испоместило их вече Новгородское, во бояре ставили цари московские, пожег их вотчины царь Грозный, Великий Петр в Венецию учиться послал; мудрецов в роду не запомнили, а служили верой и правдой в знатных чинах царю православному»⁴. Если конкретизировать приведенные выше слова самого Н. Н. Неплюева, то со стороны отца его род вел свое начало от московского боярина новгородского происхождения Андрея Кобылы⁵. В этой связи достаточно сказать, что Андрей Иванович Кобыла является первым исторически достоверным родоначальником боярского, а затем царского рода Романовых. В летописях Кобыла упоминается лишь однажды: в 1347 году он вместе с боярином Босоволковым ездил в Тверь за невестой Семиона Гордого Марией – дочерью великого князя тверского Александра Михайловича, ставшею третьей женой великого князя московского. Именно сыновья Андрея Кобылы являются родоначальниками знатнейших русских родов: от Семена Жеребца пошли Лодыгины и Коновницыны, Кокоревы и Образцовы; от Александра Елки – Колычевы, Неплюевы, Хлызневые и Немятых-Колычовы; от Гавриила Гавшы – Бобрыкины; от Федора Кошки – Захарьины, Захарьины-Юрьевы, Яковлевы, Романовы, Шереметевы, Кобылины, Сухово-Кобылины, Голтыевы, Беззубцевы и др.⁶ Н. Н. Неплюев особо гордился своим родством с митрополитом московским

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. Т. 22 (а).

² В откликах на смерть В. В. Розанова прозвучало буквально следующее: «Что такое Розанов? Это один из трех величайших, современных нам, пророков Нового Завета. Пророки эти: Владимир Сергеевич Соловьев, Николай Николаевич Неплюев и он, Василий Васильевич Розанов. И участь всех троих была чисто пророческая: всю жизнь на них летели камни порицания, наветы, преследования, самого непростительного их непонимания». См.: Протоиерей Александр Устинский. Из отзывов о В. В. Розанове // Вешние воды. 1917. Т. 19. С. 119.

³ См.: Н. Н. Неплюев – подвижник земли русской. Венок на могилу. Сергиев Посад, 1908; Митараки П. Г. Доброй памяти Неплюева. Одесса, 1911; Н. Н. Неплюев – подвижник земли русской. Некролог. Киев, 1912; Уманец М. Н. Краткий очерк Крестовоздвиженского трудового братства. СПб., 1915.

⁴ Неплюев Н. Н. Совесть.

⁵ В рукописной книге «Генеалогия рода Неплюевых» говорится, что род Неплюевых происходит от сына прусского конунга (вождя, военачальника, короля) Дивона III Гланда Камбилы. Дивон III был друидом, а дочь его Скумена-Наздада одною из последних друидских жриц. Разбитый коалицией чешского короля Премыслава-Оттокара, ландграфа Тюрингии Генриха и рыцарей-меченосцев, Дивон III был подвергнут крещению по католическому обряду вместе с сыном Гландамом, получившим имя Ричарда. В период правления сына святого благоверного Александра Невского князя Василия Александровича, при посаднике Анании, Гландам Камбила получил от новгородского вече право поселиться с дружиною в 3 000 человек в Новгородских пределах, был вторично крещен, но уже по православному обряду, в Софийском соборе и получил имя Иоанн. Сын Иоанна Андрей Иванович Камбил перешел в Москву, был ближним к великому князю боярином; известен в истории под именем Кобылы. От его второго сына, боярина Александра Андреевича Елко, произошли уже Неплюевы.

⁶ См.: Петров П. Н. История родов российского дворянства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1885; Родословная Российская книга кн. П. В. Долгорукова. В 4 т. Т. 3; Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия: в 2 т. Т. 1 / Авт. – сост. В. В. Богуславский. М., 2001. С. 573–574.

Филиппом Колычевым, выступившим против террора Ивана Грозного и причисленным впоследствии Русской православной церковью к лику святых.

В Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи, начатом в 1797 году, значится, что фамилии Неплюевых «многие Российскому престолу служили разные дворянские службы и жалованы были <...> поместьями и знатными чинами»⁷.

Мать Н. Н. Неплюева Александра Николаевна была урожденной баронессой Шлипенбах. Шлипенбахи осели на Руси после поражения шведских войск в Северной войне. Вот знаменитые пушкинские строки, посвященные полтавской битве:

Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах⁸.

О детских и юношеских годах Н. Н. Неплюева известно сравнительно мало. Если судить по его собственным словам, то он с малых лет отличался чувствительностью и склонностью к религиозному воодушевлению. «С раннего детства, – вспоминает Неплюев, – я носил глубоко в сердце религию любви и был, в некотором смысле, фанатиком любви... Не только присутствие человека грубо недоброжелательного, но даже присутствие человека равнодушного, холодного доставляло мне тяжелое, иногда почти невыносимое страдание; я чувствовал, как дух мой коченел, как овладевает им паралич, мучительный как смерть... В отсутствии любви я коченел, замирал, сердце наполнялось тоскою и ужасом»⁹.

Мало походил на беззаботных шалунов-мальчуганов. Вдумчиво относился к явлениям окружающей жизни. Чувствовал, что, кроме этого земного мира, есть мир иной – мир дольний; в него верил бесконечно больше, чем в тот мир, который непосредственно видел глазами. Так рождалась восторженная религиозность, долгие ежеутренние и ежевечерние молитвы, в которых он доводил себя до блаженства экстаза, чудесные сны, в которых виделись бесконечно дорогие, неземные существа, дарившие любовь.

У маленького Николая Неплюева сформировалась привычка ежедневного чтения Евангелия, в котором он находил подлинную сердечную отраду. «Не все было понятно для детского ума, – сознавался он впоследствии, – но сердце чуяло правду животворящего духа святых слов, любило эту святую правду и привыкало ею проверять явления окружающей жизни»¹⁰. Однако его все больше поражала и по-детски пугала *оторванность жизни* от узнаваемой им *святой правды*. Общение с людьми только развивало это настроение, а более глубокое изучение слова Божиего стало увеличивать пропасть между практикой жизни и христианскими заветами. Вскоре разнообразные наблюдения над жизненными явлениями привели его к неизбежному для детства и юности максималистскому выводу, что люди, называя себя христианами, в жизни своей относятся друг к другу совсем не по-христиански, что *люди*, с одной стороны, *молчаливо отказались от христианства, как основы жизни*, а, с другой стороны, поставили на очередь вопрос: *какие же разумные основы приняло человечество наместо молчаливо упраздненного христианства?*

Осознанные религиозные переживания Н. Н. Неплюева принимали вполне определенную форму: в Иисусе Христе он видел не грозного бичующего ветхозаветного Бога, требующего возмездия, но милостивого, пришедшего призвать к покаянию, прощению и любви Спа-

---

⁷ Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Репринтное издание. В 2 т. Т. 1. СПб., 1992. С. 61–62.

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 4. Л., 1977. С. 213.

⁹ Неплюев Н. Н. К лучшему будущему.

¹⁰ Там же.

сителя. Поэтому ему мало были доступны религиозные воззрения Ф. М. Достоевского с их, как он считал, мрачным оттенком и непрременной теорией страданий. Н. Н. Неплюев был убежден, что образ подлинного христианина у Достоевского – это отрешившийся от мира старец Зосима, наводящий на мысль, что христианство и аскетизм однозначны, что умные люди путь к спасению должны искать не в преобразованиях мира, а в отречении от него. Такое понимание христианства слишком противоречило натуре Н. Н. Неплюева, который в христианском самоограничении, вместе с апостолом Павлом, видел лишь средство нравственного развития, а не оправдания. Вот почему впоследствии Н. Н. Неплюев полностью укрепит в мысли, что *хлебом насущным* для России является возрождение генотипа православной христианской культуры, основанной на идеях апостольского служения, в котором, как он считал, заложена возможность мирного переворота в экономическом строе России, в выходе ее на уровень мировой цивилизации.

Глава I. Молодой преобразователь

В 1871 году Н. Н. Неплюев поступает на юридический факультет Петербургского университета, нарушая сложившуюся вековую родовую традицию семьи. «По примеру дедов и прадедов, – пишет Н. Н. Неплюев, – и я бы служить пошел. Добрым молодцем сиял бы доспехами ратными и закончил бы жизнь безмятежную сановником знатным, звездами украшенным, некрологом чувствительным увенчанным. Да на роду так видно не было написано. Порешили родимый мой батюшка с родимой моей матушкой прогресса ради в университет отдать»¹¹.

Студенческие годы Н. Н. Неплюева совпадают со временем пересмотра нигилистических традиций шестидесятих годов. Принципы и убеждения, над которыми еще так недавно смеялись, теперь находят новое признание. Ни Якоб Молешотт, ни Карл Фохт – авторы известных работ в области физиологии, оказавшие огромное влияние на развитие материализма и атеизма в России 60-х гг. XIX в., – уже не могут противостоять пробудившейся вновь потребности религиозного мировоззрения.

В то же время, у здравомыслящей и просвещенной части российского общества растет чувство ответственности перед освобожденным царем народом. Зарождается течение, в котором сходятся и кающиеся дворяне, и разночинцы. И Н. Н. Неплюев ищет свое место в нем. О времени, в котором ему выпало на долю жить и действовать, он писал следующее: «Многие реформы и крупные реформы были завершены, а всем казалось между тем, что это еще только начало, почти ничто, а что нечто заправское, хорошее где-то впереди. Об этом нечто заправском и хорошем много мечтали, а оно все не приходило, будто все оставалось по-прежнему. Крестьянин свободен, а ожидаемого превращения с ним от этого ни на другой, ни на третий день реформы не последовало. Дано земство, и опять-таки заседающие в нем гласные не только в мудрецов, но даже и в заправских граждан не обратились, а остались все такими же обывателями российскими...»¹².

В своих размышлениях о социально-экономическом положении России Н. Н. Неплюев приходит к неутешительному выводу: «При настоящем положении вещей мы неминуемо идем к полному расстройству как помещичьего, так и крестьянского хозяйства. Надель крестьян очень невелики, и нигде, сколько мне известно, не существует обработки земли сообща; везде, напротив, общественные земли разбиваются на участки и до следующего передела эксплуатируются отдельно, на правах ограниченной собственности. Не говоря уже о том, что при подобном экономическом устройстве увеличение народонаселения неминуемо приведет к появлению у нас пролетариата, крестьянские земли с каждым годом все более и более истощаются вследствие трехпольной системы и крайне плохой обработки. Если даже теперь экономическое положение в России далеко не блестящее, что же станет с нею, когда одна половина населения будет бездомными пролетариями, а другая не будет иметь возможности прокормить семью скудным урожаем, получаемым с истощившейся почвы своего надела»¹³.

Для Н. Н. Неплюева было ясно, что века рабства исковеркали и ум, и нравственные качества полуодичалого крестьянина, что выше сил его встать на ноги без посторонней помощи, что необходима дружеская рука, дружеский совет, чтобы при их помощи умственно и нравственно дорасти до своего нового социального положения; что без посторонней поддержки, при исключительной помощи воспитательного действия новых социальных учреждений, бедный крестьянин-собственник еще в течение многих поколений останется на умственном и нравственном

---

¹¹ Неплюев Н. Н. Совесть.

¹² Там же.

¹³ Там же.

уровне, мешающем ему пользоваться и теми скромными благами, какие могли бы ему дать и ныне существующие в России социальные институты.

Мысли о грядущей экономической катастрофе, уготованной России хозяйственной некомпетентностью помещиков и непрофессионализмом всякого рода должностных лиц, а также пробуждающаяся в сознании идея социального служения Отчизне все более отдаляли Н. Н. Неплюева от привычного для него светского общества. Кто-то попросту не разделял его образа мыслей, а кто-то начал относиться к родовитому студенту прямо враждебно. Студенческая жизнь Неплюева не интересовала, знакомых студентов у него почти не было... Оставалось все более уходить в себя, изолироваться в мире книг, лелея величавую простоту идеала, завещанного человечеству представителями всех веков и народов. Все сильнее и сильнее билось сердце молодого человека при чтении Евангелия и Отцов Церкви, и, чем сильнее оно билось страстным желанием торжества на земле идеала любви и братства, тем глубже и глубже становилась пропасть, отделяющая его от действительности.

Весь, что называется, пропитанный идеальными стремлениями и не имея ни малейшего понятия об условиях действительной жизни, Н. Н. Неплюев в 1875 году заканчивает университет и спустя год отправляется в Мюнхен, куда его командировывает Министерство иностранных дел в качестве советника при русском посольстве. Для Неплюева открывается возможность блистательной карьеры...

Неплюеву – человеку с пышной генеалогией, очевидно, уготовано было одно из важных положений в государстве. Быть может, его родители и не менее именитые родственники это и имели в виду, давая сыну первоначально прекрасное домашнее образование, отправляя в гимназию и университет, определяя на дипломатическую службу... Но судьба распорядилась иначе...

Мюнхенская жизнь лишь обостряет психическую разупорядоченность мыслей и чувств Н. Н. Неплюева. Не случайно об этом периоде жизни он вспоминает так: «Жилось мне весело, что ни день, то праздник, но сердце манило назад, в бедную Россию, в серые русские будни. Бывало, стою я в роскошном зале, люстры блестят тысячью огней, гремит веселая музыка, кругом меня кишит нарядная толпа... и мерещится мне необозримая снежная равнина; маленькие, покосившиеся хижины чуть видны из-за снежных сугробов. Тускло светится в крошечных оконцах лучина... Стыдно мне станет среди всех этих веселых людей, которые во мне не нуждаются, когда у меня на родине так много страдают, так много во мне нуждаются. И дал я себе слово всю мою жизнь, все мои силы отдать на служение моей бедной родине»¹⁴.

К этому времени у него уже сложился план социально-экономического и духовного возрождения России: «Россия переживает в настоящее время в сельскохозяйственном отношении критический момент перехода от экстенсивной формы хозяйства к интенсивной. Интенсивная форма хозяйства немыслима без устройства отдельных ферм на каждых 200–300 десятинах земли, не более. Возникновение таких ферм или хуторов желательно было бы видеть как на землях помещиков, так и на землях крестьян. Ни помещики, ни крестьяне без помощи правительства этих хуторов не заведут. Крестьяне – по бедности и по самой форме владения землею; помещики – потому что не желают затрачивать капиталов для покупки нужного инвентаря и приобретения необходимого количества скота»¹⁵. То есть главная задача состоит в том, чтобы осуществить поворот в общественном мнении на пользу дела, от успеха которого зависит вся будущность России.

Выход из глубокого экономического кризиса, охватившего Россию, виделся через преобразования отношений собственности в аграрном секторе. Фермерское хозяйство как основа сельскохозяйственного производства и различные формы аренды – вот путь к прогрессу. Н.

---

¹⁴ Неплюев. Н. Н. Мысли и советы искреннего друга.

¹⁵ Неплюев Н. Н. Хлеб насущный.

Н. Неплюев решает сам создать некую реально существующую модель нового хозяйства: «При первой возможности я разделю всю принадлежащую мне землю на участки десятин в сто, на каждом участке устрою небольшую ферму и отдам эту ферму в долгосрочную аренду земледельческим артелям, снабдив их заимообразно необходимым оборотным капиталом»¹⁶.

Но в отличие от многих преобразователей у Н. Н. Неплюева присутствовало четкое понимание сложности осуществления своего замысла: «Предпринимаемое слабыми силами частного человека, дело это требует гораздо больших гарантий для своего успеха, чем то было бы необходимо при выполнении его в больших размерах. Если бы я образовал артель фермеров из людей, нравственно и умственно исковерканных ненормальной обстановкою современного крестьянского быта, можно с уверенностью сказать, что при моей неопытности в этом новом деле мне не удалось бы побороть духа розни, узкого эгоизма, взаимного нерасположения и других антисоциальных инстинктов, привитых нашему народу веками рабства. Подобная артель могла бы существовать только искусственно, под неперменным условием постоянного воздействия с моей стороны; предоставленная сама себе, она, без сомнения, распалась бы. Чтобы поставить это дело прочно, мне необходимо воспитать первый контингент первой артели для жизни свободных людей, сознательно образующих ассоциацию для разумного, единодушного труда ввиду достижения общей цели»¹⁷. Иными словами, нужна школа, которая в состоянии не только развивать ум, сообщая полезные сведения, давая умения и жизненный закал, нужный для практической деятельности, но и воспитывать волю в направлении добра, побуждая стремление к добру.

Считая, что помимо религиозно-нравственных начал, которые являются основой жизни православного христианина, для воспитания полезных для России граждан необходимы еще знания практического свойства, Н. Н. Неплюев тогда же решил познакомиться с земледельческими науками, чтобы впоследствии своими знаниями стать полезным для своих питомцев. С этой целью по возвращении в Россию он поступает в Московскую земледельческую академию.

Мировоззрение Н. Н. Неплюева к этому времени принимает строго определенные формы. Он убежден, что библейское мировидение самое стройное, наиболее удовлетворяющее потребностям ума и сердца человеческого; евангельский идеал наиболее высокий, вмещающий в себя все философские идеалы, как часть в целом¹⁸. С народом, в культуре которого выработано отношение к труду как к долгу перед Богом, обществом и самим собой; с народом, у которого есть представление о некоем обязательном уровне чистоты, порядка, образованности, – вы можете сделать все, что угодно, он все равно быстро восстановит свой жизненный уровень.

В отличие от Макса Вебера, показавшего взаимосвязь протестантских религиозных ценностей и развития *духа капитализма*, утверждая, что в странах, где ценности доминировали, быстрее и легче утверждались прогрессивные капиталистические отношения, феномен Н. Н. Неплюева проявился в теоретической проработке и практическом претворении идеи апостольской общины как единственной формы братской любви, составной частью которой было *образование как со-бытие с Богом*¹⁹. «Мне нечего, – утверждал Неплюев, – придумывать форму жизни, наиболее соответствующую вере и пониманию жизни верующего христианина, святые апостолы... научили нас тому примерами братских общин, этой единственной формы социального строя, вполне соответствующей братской любви»²⁰ и вполне содержащей возможность мирного переворота в экономическом строе православной России.

---

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Неплюев Н. Н. Христианское мировоззрение. Путь веры.

¹⁹ См.: Неплюев Н. Н. К лучшему будущему.

²⁰ Неплюев Н. Н. Хлеб насущный.

«Для меня стало ясно, – пишет Неплюев, – что мне надо уйти из общества людей, которые во мне не нуждаются, единомыслие и единодушие с которыми, на почве честного исповедания Христа Спасителя, для меня очевидно невозможно; уйти от них к тем бедным детям народа, которые нуждаются во мне во всех отношениях, которых надо только научить думать и чувствовать по-христиански, чтобы вера их из сильной стала сознательной, с которыми возможна будет по завету Христа Спасителя жизнь в единодушии и единомыслии любовного братского общения»²¹. С этой минуты программа новой жизни была решена и Н. Н. Неплюев, проникнутый евангельскими идеями и обогащенный практическими знаниями, ревностно отдался ее осуществлению.

К сожалению, ни сочувствия, ни поощрения молодой преобразователь (Неплюеву было тогда 28 лет) не встречает даже со стороны близких ему людей. Отец открыто не разделяет его взглядов. Но сын все же настаивает на своем, и Неплюев-старший наконец дает ему небольшой дом в местечке Ямполь Черниговской губернии. В этом доме 4 августа 1881 года и зарождается будущая школа²², состоящая первоначально из 10 крестьянских детей – *колыбель новых экономических отношений*.

«Теперь, – пишет Н. Н. Неплюев, – пока обстоятельства не позволяют мне приступить к постройке самих ферм, я взял на воспитание 10 детей в малом возрасте с целью возможно основательнее подготовить их к предстоящей для них жизни. В настоящее время дети проходят курс народной школы, года через два или три я переведу их на ферму, где устрою для них элементарное сельскохозяйственное училище, по окончании курса в котором они и образуют из себя первую артель фермеров для обработки сообща арендуемой земли. Переживая вместе с ними все эти фазы их воспитательного поприща, я надеюсь и сам многому научиться и, сообразуясь с обстоятельствами места и реально го дела, выработать в мельчайших подробностях наиудобнейший тип устройства фермерской артели более основательно, чем я мог бы это сделать при теоретической разработке вопроса в кабинете.

Впоследствии, если материальные средства позволят, я буду продолжать это дело в несравненно больших размерах, причем надеюсь найти в моих теперешних воспитанниках, на которых трачу гораздо больше времени и труда, чем сколько буду в состоянии уделить последующим, более многочисленным выпускникам, хороших помощников, способных служить руководителями для новых артелей при их основании»²³.

Первый выпуск сельскохозяйственной школы Неплюева состоялся 4 августа 1884 года. Окончили ее 6 человек. Трое из них решили остаться у Николая Николаевича для продолжения жизни, к которой успели привыкнуть за время обучения. На следующий год из выпускников осталось шестеро. Так мало-помалу начало организовываться трудовое братство, с которым неразрывно связана жизнь и судьба его основателя.

Осенью 1885 года школа Н. Н. Неплюева расширяется за счет 60 десятин земли, полученных от отца, и переносится на хутор Воздвиженск. К этому времени (4 августа 1885 года) она получает в ведомстве министерства земледелия права мужской сельскохозяйственной школы. Все заботы Неплюев направляет теперь на то, чтобы из детей, вверенных его попечению, с одной стороны, создать добрых христиан, понимающих глубинный смысл православия – религии своих отцов и дедов, а с другой, сделать из них полезных тружеников для русской деревни.

Если вначале крестьяне отнеслись к Н. Н. Неплюеву не то, чтобы враждебно, а недоброжелательно (консервативные по природе и недоверчивые по историческим причинам, они взглянули на дело Неплюева, как на барскую забаву, постоянно ожидая хитро скрытого подвоха и особого расчета), то по прошествии времени детей стали привозить не только из мест-

---

²¹ Неплюев Н. Н. Совесть.

²² См.: Неплюев Н. Н. Трудное братство.

²³ Неплюев Н. Н. Хлеб насущный.

ных губерний (Черниговской, Полтавской, Киевской), но и из Петербурга, Вятки, Эстляндии и Кавказа. С некоторых пор в братских школах был установлен конкурсный вступительный экзамен, но и это не уменьшило числа желающих. Родители стали лучше готовить своих детей – и только. В некоторые годы экзаменующихся было до 85 человек при приеме в 25.

Только за период 1889–1894 годов сельскохозяйственную школу закончили уже 47 человек, из которых 32 предпочли связать свою дальнейшую жизнь с братством.

В основе педагогической системы Неплюева лежала идея о том, что для согласия и мира, единения и гармонии умов, сердец и жизней, т. е. для мирного прогресса, необходимо не только понимание, а желание, пересиливающее даже личное и семейное себялюбие. Это самоотверженное желание не может дать ни разум, ни наука, его может дать только любовь, святая, чудодейственная любовь, *двигающая горами*, способная сделать естественным для любящих то, что, очевидно, неестественно для нелюбящих, как бы умны и учены они ни были.

Если признать, отмечает Неплюев, что характер человека не что иное, как ставшие второю природою его духовные привычки, унаследованные и благоприобретенные путем частого переживания того или иного духовного наследия, то можно сделать вывод о значительном влиянии на него самовнушения. Человек, уверенный в том, что ему не по характеру любить, что любовь утопична и невыгодна, не может *возрастать* в любви, никогда не станет способным послужить любви, осуществлять добро в жизни. Воспитайте человека в привычках любви, дав ему разумное понимание жизненного значения любви и оживив тем самым *огонь любви в сердце его*, – все будет достигнуто в отношении к данной личности, которая начнет не только понимать добро и говорить о нем; самостоятельное дело осуществления его в жизни станет насущною потребностью ее (личности) совести. Человек будет дисциплинирован любовью и с тем вместе станет способным пользоваться свободою, не злоупотребляя ею.

Последнее положение имело особое значение для Неплюева, который считал, что из любви к ближним люди сами добровольно ограничат себя во всем, в чем ограничить себя необходимо на пользу общую; ограничат себя, не нуждаясь для этого ни в *палках страха*, ни в *приманках корысти*. Без любви не может быть внутренней, естественной дисциплины. Без любви в уме и сердце анархия, которая непременно проявится в жизни и потребует, для поддержания хотя бы внешнего, призрачного порядка, применения в той или иной форме воздействия *палок страха* и *приманок корысти*. Пока жизнь и отношения не основаны на любви, пока нет добровольной дисциплины любви, невозможна и свобода.

Сколько бы человечество ни мечтало о свободе, как бы горячо ее ни желало, без добровольной дисциплины любви оно при самых свободных учреждениях и всевозможных гарантиях свободы будет фатально переходить от рабства страха к рабству корысти, от рабства насилия к рабству капитала...

Главное, говорит Н. Н. Неплюев, нельзя успокаиваться на малых степенях любви. Пока любовь – каприз и слабонервность, любят немногих и бестолково, балуя любовью своею и предаваясь *спорту* бессистемной благотворительности, стремящейся залечить те раны, которые случайно попадают на глаза и воздействуют на нервы, такая любовь не может быть основой жизни и дисциплинировать. Необходимо, чтобы любовь имела в человеке первенствующее значение, составляла общий тон отношения его к миру, была признаваема за высшую ценность, высшее благо. Только когда люди «умалят себя служением ей, она вознесет их до свободы, до равенства, до братства, до блаженной гармонии умов, сердец и жизней»²⁴.

Первоначально Н. Н. Неплюев постарался обеспечить школу, подобрав в ней таких учителей, которые бы навсегда могли упрочить ее нравственную атмосферу. Опыт привлечения в качестве сотрудников *со стороны* не оправдал его надежд. Как бы ни были благонамеренны взгляды сторонних преподавателей на систему воспитания, но одно то обстоятельство, что

²⁴ Там же.

они явились с разных концов страны, внесли каждый свои понятия, привычки, религиозные взгляды, по существу иногда отвечавшие взглядам и привычкам Неплюева, но по форме расходившиеся с ними, – одно это обстоятельство должно было неизбежно повести и по сути дела привело к полной дисгармонии. Тогда Н. Н. Неплюев в 1888 году выхлопотал *высочайшее дарование в виде исключения* – право Воздвиженской школе предоставлять в ней место учителей бывшим ее воспитанникам. По этому поводу Неплюев писал: «Не могу не выразить еще раз глубокую признательность бывшему министру государственных имуществ М. И. Островскому, просвещенному сочувствию которого я обязан тем, что получил возможность обеспечить за школой христианское направление воспитания и всестороннее процветание в будущем, предоставив места учителям, вместо людей, враждебно или равнодушно относившихся к святой святых школы нашей, ее бывшим питомцам»²⁵. Учителя при школе и составили первую братскую семью Святого Николая Чудотворца. После этого стали постепенно образовываться и новые братские семьи (братская семья Святого Андрея Первозванного, братская семья Святого Иоанна Богослова, братская семья Святой Девы Марии, братская семья Святого Петра, братская семья святой Александры), целью которых было:

- 1) устроить свою жизнь согласно святому учению братской любви Христа Спасителя;
- 2) постоянное самоусовершенствование членов братства в направлении христианского идеала, деятельной, вдохновенной любви к ближнему и безграничного самопожертвования на пользу правды и добра;
- 3) экономическое устройство, дающее возможность членам братства добывать средства к жизни не путем экономической борьбы, основанной на человеконенавистничестве, зависти, хитрости и насилии; а путем совместного дружного труда, основанного на любви, уважении и доверии друг к другу;
- 4) воспитание детей людьми разумными, добрыми, честными, способными стать достойными членами трудовых Христовых братств;
- 5) деятельная пропаганда принципов, на которых братство основано²⁶.

В братские семьи, или общежития, члены трудового братства группировались, по возможности, по одинаковому роду занятий. Все члены братства составляли рабочую и потребительскую артель, имевшую право юридического лица.

Члены братства подразделялись на приемных братьев, братьев, старшин, старост, опекунов, попечителей и посадника.

Приемными братьями могли становиться лица мужского и женского пола любого общественного положения и состояния здоровья, но не моложе 16 лет и обязательно православного вероисповедания. Лица, желающие поступить на испытание, ввиду открывшейся вакансии, обращались к посаднику с письменным заявлением. Срок пребывания в положении *приемного брата* был определен в три года. Ученики братской профессиональной школы, если вступали в права *приемных братьев* непосредственно по выходе из школы, имели право на сокращение срока испытания до двух лет.

Приемные братья пользовались всеми имущественными правами *братьев*, но в управлении делами братства, в собраниях и выборах не участвовали как лица, находящиеся на предварительном испытании.

В *братья* выбирались лица, прошедшие предварительные испытания, т. е. *приемные братья*, показавшие себя людьми честными, добрыми, трудолюбивыми, проникнутыми чувствами христианского воздержания и любви к ближнему.

Избранный на общем собрании (вече) *брат* принимал на себя в церкви братские обеты:

²⁵ Неплюев Н. Н. Трудовое братство.

²⁶ См.: Устав Крестовоздвиженского сельскохозяйственного трудового братства, принятый 4 декабря 1885 года.

- «1. От глубины души принимаю в руководство жизни моей высокое и святое учение братской любви Христа Спасителя.
  2. Буду помнить, что только в единении, согласии и любви честная жизнь и тихая радость людей.
  3. Буду помнить, что живет во мне и вечный дух, и дикий зверь; не дам власти дикому зверю, не унижу перед ним Божественный светоч – вечную душу.
  4. Даю обет быть строгим к самому себе, честно обдумывать мои слова и поступки, говорить правду и поступать по правде.
  5. Буду помнить, что мое доброе имя – честь братства и торжество Христова дела на земле, что мой позор – бесчестие братства и вред для всего человечества.
  6. Буду воздержан в пище, питье и всяких удовольствиях.
  7. Отказываюсь от всех удовольствий, соединенных с вредом, опасностью или унижением для человека.
  8. Обещаю жить согласно уставу и действующим уложениям трудового Христова братства.
  9. Женившись, обещаю быть честным другом моей жены и ни единого мгновения не жить с нею во лжи и обмане.
  10. Имея детей, обещаю помнить обязанности отца и сделать все от меня зависящее, чтобы приготовить из них достойных членов трудовых Христовых братств, подобных тому, в которое ныне вступаю.
  11. Обещаю быть искренним честным другом для всех членов братства.
  12. Обещаю не принять в члены братства человека недостойного.
  13. Обещаю подать голос за исключение из братства даже родного сына или жены моей, если бы они оказались недостойными чести принадлежать к братству, помня, что, из жалости к одному, я не имею права подвергать опасности доброе имя братства.
  14. Обещаю выбирать на должности в братстве без лицепрятия лиц наиболее достойных.
  15. Обещаю быть почтительным и послушным к лицам, удостоенным чести быть избранными на должности в братстве.
  16. Обещаю безбоязненно обличить перед лицом братства всякого, не исключая и самого посадника, если он нарушает обеты или действует во вред братству, злоупотребляя его доверием, нарушая или извращая его устав.
  17. Обещаю, в случае если бы братство оказало мне честь избрать меня на какую-либо должность, помнить, что я не начальник, а слуга, и выгоды братства всегда ставить выше собственных выгод, исполняя свою обязанность честно, по мере сил и разума.
  18. Обещаю во всяком положении торжество дела Христа предпочитать не только земным выгодам, но и самой жизни моей.
  19. Обещаю по силе возможности служить делу единения и братской любви и за пределами братства.
  20. Обещаю служить святому делу Христа исключительно средствами достойными Его, мерами любви и убеждения, примером, основанием новых братств, но ни в каком случае не осквернять святого дела мерами обмана, предательства и насилия.
  21. Обещаю во всех людях уважать вечную душу и свободу человеческой личности.
  22. Обещаю во всем подчиняться законам, действующим в моем Отечестве»²⁷.
- Все *братья* имели право участвовать в общих собраниях братства и в семейных советах, избирать и быть избранными на должности.
- Братья* подвергались наказанию в виде выговора по решению семейного совета, более строгим взысканиям по решению собрания старост (рады), наконец, исключению из братства

---

²⁷ Там же.

по приговору вечевого суда, которому *брат* мог быть предан исключительно по постановлению братской думы.

В случае болезни (за исключением болезней, происходящих от распутства и невоздержания) *брат* имел право на лечение и уход за счет средств братства. В случае утраты трудоспособности, а также по старости, *братья* могли быть переводимы в разряд *опекунов*.

В случае вступления в брак с лицом, не принадлежащим к братству, *брат* должен был оставить братство, если лицо, с которым он вступал в брак, не пожелает подчиниться укладу братской жизни, или братство не пожелает допустить ему жить в пределах братских владений. В случае принятия брачующегося лица на братскую вакансию оно подвергалось обычному трехлетнему испытанию на правах *приемного брата* или *приемной сестры*. При отсутствии соответствующей вакансии брачующееся лицо оставалось кандидатом и не пользовалось отдельными от супруга правами.

Дети *братьев* находились под специальным попечением *посадника*, который, в случае дурного воспитания детей, имел полномочия отправлять родителей на суд рады или вече, смотря по степени их виновности.

Дети братьев, по достижении 8-летнего возраста, начинали воспитываться в соответствующем воспитательном учреждении, а затем проходить курс систематического обучения в братской профессиональной школе. Для этих целей 1 октября 1891 года Н. Н. Неплюев учреждает воспитательное заведение для девочек, а в ноябре 1893 года – женскую сельскохозяйственную Преображенскую школу и детское общежитие при ямпольской народной школе. 14 октября 1893 года Неплюев основывает детский приют²⁸.

Для особо одаренных детей, проявивших себя с нравственной стороны, было предусмотрено выделение средств из *запасного капитала братьев* для получения среднего и даже высшего образования.

Каждая братская семья избирала *старшину*, утверждаемого в должности *посадником*. В обязанности *старшины* входил контроль за соблюдением членами семьи братских обетов и защита интересов семьи в раде. *Старшина* председательствовал на семейных советах, имел голос на общем собрании братства, на заседаниях рады, а в отдельных случаях и на заседаниях думы.

Братья, занимающиеся делом, требующим специальной научной подготовки или особого доверия, носили почетное звание *старосты*. К старостам относились: священник, управитель, воспитатель, учителя, врач, казначей, ключарь и т. п.

До принесения братских обетов кандидат на должность *старосты* должен был прослужить по найму в трудовом братстве не менее одного года. По истечении испытательного срока по представлению *посадника* происходили выборы *старосты* на общем собрании братства.

Все *старосты* были равноправны и подчинялись братской думе. Они имели право голоса на вече, в совете старост и, по приглашению *посадника*, в братской думе.

В тех случаях, когда отпадала надобность в конкретном специалисте или возникала необходимость замены одного специалиста другим, старосте предлагалось, согласно постановлению думы, перейти в разряд либо *почетных попечителей* и *опекунов*, либо простых *братьев*. В последнем случае переход совершался простым постановлением думы, но после соответствующей резолюции *посадника* на прошении.

Братья, которые по старости или слабости здоровья не могли долее принимать участия в работах, но желали вложить свой капитал в общую братскую кассу, могли просить о переводе их в разряд *опекунов*.

Опекунами могли избираться исключительно *братья*, пользующиеся всеобщим уважением и доверием. Избирались *опекуны* на вече по предложению думы. Они имели право голоса

---

²⁸ Неплюев Н. Н. Трудовое братство.

на вече и в думе. В их обязанность входило следить за точным выполнением всеми членами братства устава и действующих уложений.

Лица, сделавшие значительные денежные пожертвования или оказавшие братству особо важные услуги, могли быть избраны на вече, по предложению думы, *почетными попечителями*, пользующимися всеми правами *опекунов*. В случае нарушения *попечителем* основополагающего принципа братства, ему должны были возратить все его пожертвования, после чего лишить общим собранием почетного звания.

Посадником пожизненно избирался человек безукоризненного поведения, пользующийся всеобщим уважением и авторитетом, способный с честью занимать это высокое положение. Должность *посадника* была не совместима ни с какою другою должностью, кроме должности священника.

Посадник был высшим блюстителем братства. Он председательствовал в братской думе и на общем собрании, выступал почетным представителем трудового братства во всех его взаимоотношениях с правительственными и земскими учреждениями, пользуясь всеми правами землевладельца. На земских собраниях и в период земских выборов вся земельная собственность братства включалась в личный имущественный ценз *посадника*.

В случае длительной болезни *посадника* или его продолжительного отсутствия на территории братства дума вправе была по согласованию избрать временного *наместника*. В случае же неспособности *посадника* выполнять более свои обязанности по старости или по состоянию здоровья дума вправе была предложить общему собранию перевести его в ранг *почетных попечителей* с назначением ему пожизненной пенсии.

Все члены братства, старшины, старосты, опекуны, попечители и даже *посадник* были равны друг перед другом в исполнении взятых на себя братских обетов. Каждый из них при своей бездеятельности или деятельности, направленной против главных принципов Христова братства, мог быть не только смещен с любой из занимаемых должностей, но и исключен из братского союза единомышленников по вере.

Все трудовое братство в совокупности составляло из себя правоспособное юридическое лицо. Все члены братства несли всевозможные обязанности: управляли имением, лесами и заводами, переданными Н. Н. Неплюевым в общую собственность, занимались в конторе, учительствовали в пяти братских школах (двух сельскохозяйственных и трех начальных), работали в мастерских, на полях, в садах и усадьбе, а также на скотных дворах. Женщины шили, стирали белье, готовили по графику на кухне братских семей, занимались воспитанием детей, принимали участие в полевых работах, особенно в горячую пору уборки хлебов. Между мужчинами и женщинами в братстве существовало полное равенство. На всех членов трудового братства распространялись одинаковые имущественные права. Деньги на руки не выдавались, а записывались на личный счет; получить их мог каждый при уходе из братства, а также если возникала необходимость оказать помощь родным.

Во главе трудового братства стояла братская дума, которая устанавливала нравственный и материальный уклад жизни. Она состояла из опекунов, почетных попечителей, выборных от рады и старост. Имуществом и организацией работ в братстве заведовал хозяйственный совет, имевший председателя и членов правления. Ежегодно совет обсуждал план предстоящих расходов и поступлений материальных и денежных средств, подготовленный старостой-управителем, и выносил его на рассмотрение думы.

Еженедельно на совет собирались братские семьи, зачитывали и обсуждали записи из семейного дневника; старшина подводил итоги деятельности каждого члена семьи. Ежемесячно под председательством *посадника* проводилось собрание старшин (рада), на котором обсуждались протоколы семейных советов. Безотносительно к установленному времени собрание старшин мог провести любой из старост, если того требовала необходимость решения конкретных хозяйственных вопросов. Собрание старшин могло принять решение о вынесении

выговора провинившимся членам семей, наложении на них денежного штрафа или назначения им трудовой повинности. Более серьезные проступки, касающиеся возможности дальнейшего пребывания в братстве тех или иных членов семей, выносились собранием старшин на рассмотрение братской думы.

Ежегодно все члены братства собирались на вечерней сбор для прослушивания отчета посадника, утверждения смет и уложений на предстоящий год, приема новых членов и суда над провинившимися членами братских семей. Любой из вопросов, выносимых на общее собрание, предварительно должен был обсуждаться думой. Это правило действовало в обязательном порядке. Точно так же, только по особому постановлению думы или по личной просьбе посадника, могло быть созвано и внеплановое собрание членов братства.

Важнейшей задачей трудового братства считалось образование подрастающего поколения. Воспитание и обучение детей в братских школах состояло из теоретических и практических занятий. Теоретические занятия продолжались с октября по апрель. Изучались Закон Божий и церковное пение, русский язык и чистописание, арифметика, геометрия, русская история и география, черчение, измерение земель, естественные науки, земледелие, садоводство и лесоводство, скотоводство и лечение скота, законы крестьянской жизнедеятельности. С апреля начиналась практика, для чего при школах имелось свое хозяйство, которое составляли более 51 десятины пахотной земли, 12 десятин луга, более 1 десятины питомников (древесного и плодового). В распоряжении учащихся были 8 рабочих волов, 4 лошади, 4 коровы, свилярник, необходимые орудия и упряжь.

Отчетливая и ясная сознательность усвоения научных данных, полезных в жизни, простое и жизненное отношение к ним – это то, что отличало воспитанников Н. Н. Неплюева. Обратимся в этой связи к воспоминаниям барона Н. В. Дризена.

«Ранним утром выехали мы с управляющим Воздвиженским хутором А. И. Фурсеем (милым и деловым малым из бывших воспитанников школы) для осмотра достопримечательностей экономики, а вернее, для наблюдения за работой воспитанников. Еще издали замечаю я мальчика в большой соломенной шляпе, которые они плетут здесь сами, сосредоточенно шагающего по свежевспаханной борозде, вслед за лениво подвигающимися волами. Мы подъезжаем к самой пахоте и велим кучеру остановиться.

– Бог помощь, – говорю я, вылезая из экипажа и подходя к мальчику ближе, – скажи мне, милый, как твоя фамилия, сколько тебе лет, в котором ты классе?

Мальчик, успевший остановить волов, вынуть лемех из земли и ответить на мой поклон, не спеша удовлетворяет мое любопытство. Ему 15 лет, зовут его Антоном Х., он только что перешел во 2-й специальный класс.

– Вот барон хочет узнать, – вмешивается в разговор Андрей Иванович, – как устроен плуг. Расскажи-ка нам!

Мальчик так же спокойно, как только что называл свою фамилию, объясняет мне устройство плуга. Технические названия он произносит без всякого труда, как будто они были ему знакомы с детства, а не усвоены всего с год назад. Между прочим, рассказывая о стальном лемехе, он упоминает слово *трапецидальный*. Я останавливаю его и спрашиваю, что значит это слово.

– Это значит, – отвечает мне мальчик, – что лемех имеет вид трапеции, т. е. такой геометрической фигуры, у которой из четырех сторон только две между собой параллельны»²⁹.

---

²⁹ Дризен Н. В. Школа и братство Н. Н. Неплюева // Новое время. 1897. № 7516.

Работа между воспитанниками распределялась следующим образом. Подготовительные классы исполняли более легкую работу: посадку корнеплодов, прополку, вывозку корнеплодов, чистку свеклы, жатву хлеба серпами, уборку луга и яровых хлебов. Кроме того, эти классы участвовали и в более важных хозяйственных работах – пахоте, бороновании (в качестве помощников старшеклассников).

1-й специальный класс исполнял вместе со старшими классами и под их руководством пахоту, боронование, отчасти посев на сеялках, вывозку и раструску навоза, обработку питомников, уборку хлебов и корнеплодов.

Ученики 2-го и 3-го специальных классов выполняли все главные хозяйственные работы: посев озимых и яровых хлебов, вспашку; все важнейшие садовые работы: прививку, обрезку, формовку, посадку и пересадку плодовых и лесных деревьев; уборку хлеба машинами, перевозку и укладку урожая в скирды и бурты.

Ученики 3-го специального класса назначались по очереди на дежурство при управляющем школой. В их обязанности входило ведение школьной конторы: табели и учет работ. Эти ученики ежедневно следили за ходом всех работ в хозяйстве, представляли вечером управляющему школой проект наряда на следующий день, приучаясь, таким образом, к самостоятельной хозяйственной деятельности.

Своим воспитанникам Н. Н. Неплюев предоставлял определенную свободу. Они могли еженедельно проводить общее собрание – раз с учителями и другой раз, через неделю, без учителей. На этих собраниях, называвшихся одно кругом, другое товарищеским собранием, не только во всеулышание обсуждалась жизнь школы за истекшую неделю, но и рассматривались нужды школы, о которых свободно мог говорить каждый из учеников. Такие собрания имели целью приучить учеников к тому, чтобы они могли постоянно проверять свою жизнь, оценивать свои поступки и так усваивать добрую привычку себя контролировать. С этой целью ученикам даже советовалось вести дневники и каждый день, отходя ко сну, вспоминать прожитый день и по совести производить оценку своих поступков в нем. Дневник нравственного возрастания своих воспитанников вел и сам Н. Н. Неплюев³⁰. Главное – пробудить в воспитанниках совесть и добрую волю, воспитать в них сознательную самостоятельность.

«В прошлом 1881 году, четвертого августа я принял вас на воспитание. Ровно год мы прожили вместе. За это время я узнал некоторые хорошие ваши качества, узнал и некоторые из ваших недостатков.

Желая вам добра от всего сердца, я старался, как мог, избавить вас от недостатков ваших, укрепить в вас, развить хорошие качества.

Эту книгу я написал для вас на память об этой первой годовщине нашей дружбы, на память о том, что много раз я повторял вам в течение протекшего года.

Обыкновенно детям говорят только об их недостатках; о добрых качествах детям не говорят, боясь, что это может им повредить, дав им слишком высокое мнение о себе. Громко и без боязни я говорю вам о ваших добрых качествах, любите и уважайте их в себе: это святая искра добра; пусть она разгорится в вас в яркое пламя, и осветит оно ум ваш и согреет сердце ваше.

Яков. Наискось от Георгиевской церкви стоит бедная хижина крестьянина Феодора. Не везло Феодору в жизни, прежде, бывало, перепадет ему какая работа, да работал он неохотно, и работа у него не спорилась; кончилось тем, что не стали вовсе давать ему работы; жена его, Ирина, была,

---

³⁰ Неплюев Н. Н. Мысли и советы искреннего друга.

напротив, очень умная и работающая женщина, да заболела тяжелой болезнью, так что не только работать, но и с постели встать не могла.

И прежде они жили небогато, а как заболела Ирина – совсем обеднели. Невмоготу стало Феодору прокормить жену и двоих деток. Бывало, лежит больная Ирина одна-одинешенька, и невеселые думы ей думаются; так бы и встала она, с радостью принялась бы за тяжелую работу, деткам бы своим хлеб заработала, да силы нет: больные ноги не носят, больные руки ослабли.

Горько заплачет Ирина, у Бога смерти просит, только бы не видеть горя домашних, только бы не быть им в тягость. А что станет с бедными детками, кто о них позаботится, – и заносит сердце пуще прежнего.

Прослышала она, что задумал я детей взять на воспитание, поднялась через силу с постели, взяла с собою старшего сына Якова и, опираясь на палку, медленно поплелась ко мне. Хотел было я принимать только одних сирот, да подумал, что такой же сирота Яков и при отце живом – и порешил успокоить бедную мать, взял Якова на воспитание.

Теперь я очень доволен, что взял его. Славный он у меня, добрый, старательный во время работы, прилежный во время учения.

Только глупые и злые люди не понимают ни любви, ни благодарности. Сильно любила Яшу его бедная, больная мать, и Яша помнит о ней и любит ее.

Раз, когда все вы были у меня, я заиграл на фортепьянах грустную песенку. Молча слушал Яша, тихо вышел в другую комнату и долго не возвращался. Пошел я посмотреть, а он сидит грустный такой, весь бледненький: «Что ты, Яша, пригорюнился», – спрашиваю его, а он молчит, глаза опустил, слезы закапали. Взял я его на колени: «Скажи, – говорю, – что у тебя на душе, легче станет». Спрятал он ко мне на грудь свое бледное личико, да так тихо, чуть слышно, говорит: «О маме вспомнил», – крепко обвил мою шею ручонками да так зарыдал, как рыдать умеют только те, кто не только много горя видел, но и чутким сердцем это горе перечувствовал.

Дня через два повез я его в Глухов, где мать его лежит в больнице. Увидел Яша, что хорошо ей там, и успокоился, и повеселел мой добрый мальчик.

Другой раз он сильно провинился.

Стал я ему объяснять значение и последствия его дурного поступка, сильно он затосковал, как понял, что поступил дурно, целую неделю играть не хотел с товарищами, сидит в уголке грустный такой, задумается.

Жаль мне его стало, приласкал его. «Ты понял, – говорю ему, – что поступил дурно, значит, другой раз так не поступишь, ну, посмотри мне в глаза, видишь, и я на тебя не сержусь более», – а он мне отвечает: «Вижу, а все думается», – и опять горько заплакал.

С этой минуты я полюбил моего Яшу больше прежнего. За чуткое сердце его полюбил. Если будет он во всю жизнь так вдумываться в свои дурные поступки, так сильно сожалеть о них, хорошим, очень хорошим человеком станет Яков.

Только бы к чуткому сердцу да железную волю, чтобы никакой дурной человеку, никакое дурное желание не осилило доброе, чуткое сердце.

Сергей. Часто я повторял вам, детки, что никогда не запрещаю вам что-либо без причины; если я что вам запрещаю, значит, знаю, что оно чем-либо вредно для вас, может помешать вашему счастью; потому я никогда и не запрещаю вам ничего, не сказав, почему так поступать или такое чувство в себе иметь не следует и какие последствия из того выйти могут.

Вы еще так мало на свете прожили, так мало видели и знаете, что вам самим не распознать, что хорошо и что дурно.

Все в человеке – привычка; привыкнете вы к дурному, вредному – будете дурными, вредными и несчастными людьми; да, вредными для других и сами несчастными; по пословице: *что посеешь, то и пожнешь*, посеете для других горе и злобу, пожнете для себя то же горе, ту же злобу сторицею.

Зло, вред и горе неразлучны; если бы все люди понимали, как много вреда они себе делают, стараясь вредить другим, все бы они стали добрыми, чтобы быть счастливыми.

Не всегда человек вредит себе и другим, потому что хочет вредить, гораздо чаще он делает это по глупости. Теперь я бы этого не сказал. Горьким опытом я узнал, что зло происходит не от глупости, а от грехолюбия, по незнанию; вот в эти минуты, когда человек не знает, что добро и что зло, ему нужен совет опытного, знающего, искренне любящего его друга.

Таким другом я и хочу быть для вас, дети. Я-то этого хочу от всей души, но этого недостаточно, надо, чтобы и вы смотрели на меня как на вашего лучшего друга и были со мною вполне откровенны, иначе мне невозможно быть полезным вам, несмотря на все мое желание.

Вы все хорошо знаете нашего Серегу и, конечно, удивляетесь, что вместо того, чтобы говорить о нем, лучшем и по учению, и поведению между всеми вами, я напоминаю о пользе откровенности. Когда же Сергей бывал скрытным?

До сих пор я всегда называл неоткровенным, скрытным того из вас, кто лгал, не признавался в своих дурных поступках; такая откровенность обязательна для всякого честного человека, и наш честный Сергей никогда не был скрытен в этом смысле.

Но есть и другая высшая откровенность, такая откровенность, какой не имеет права требовать от вас всякий встречный.

Когда мы сильно любим и уважаем человека, нам хочется поделиться с ним каждым нашим желанием, каждой нашей мыслью; при каждом затруднении мы рады обратиться к такому человеку за советом; ему нам приятно сказать то, что ни за что не сказали бы никому другому.

Только тот человек и может считаться нашим истинным другом, кому мы дарим такое доверие, перед кем чувствуем потребность открыть всю свою душу. Вот этой-то откровенности я и жду от вас, дети, и буду гордиться ею, когда заслужу ее.

Открыто ли сердце моего Сереги передо мною? Мне иногда кажется, что нет – и страшно становится за него. Смогу ли я его направить на добро и счастье, остеречь от зла и несчастья, если останется закрытым для меня хоть один уголок его мысли, хоть один уголок его желаний.

Иван. То было лет 12 тому назад. Приехал я раз на лето в Ямполь; показалось мне, что уж очень я далекий, чужой для всего Ямполья; захотелось мне стать ближе хоть к одной ямпольской семье. Вот и сказал я обоим священникам, что окрещу первого ребенка, какой родится в наибеднейшей семье одного из двух приходов. Бедных семей в Ямполье много. Не прошло и двух дней, как пришел ко мне с письмом от отца Николая отставной солдат Яков Лукьяненко-Дробязка.

Окрестил я его мальчика и дал себе слово, как подрастет мой крестник, заняться его воспитанием, постараться сделать из него хорошего человека.

Крестник мой скоро умер, умер и отец его Яков; осталась кума моя с двумя детьми, Михаилом и Иваном. Случалось, навещал я вдову; бывало, заговорю с маленьким Ваней, а он не дичится, глаз не тупит, прямо в лицо мне смотрит, а в глазах у него так и прыгает чистая, детская радость; самому на сердце весело станет.

Больно мне было думать, что и эту головку наклонит тяжелая нужда, что и в этих глазках выражение детской радости заменит тупой взор безысходного горя, и взял я Ваню к себе.

Прокоп. Вижу, отсюда вижу, как вы все, кроме моего серьезного Сереги, улыбаться стали, как только прочли имя Прокопа. А знаете ли, почему вам смешно становится, как только заговорят о нашем силаче? То вам смешно, что наш силач – добрый силач. Не верите, что смешна в нем для вас именно его доброта? А оно так, и вы, надеюсь, сейчас со мною согласитесь.

Не только вы, дети, но и большинство взрослых людей живет изо дня в день, совсем не вдумываясь ни в свои чувства, ни в свои мысли. Одна мысль сменяется другою, одно чувство сменяется другим; идут у них мысли и чувства привычною чередой; уверены они, что именно так мыслить и чувствовать должно, что иных мыслей и чувств быть не может; а вдумались бы они в свои мысли и чувства, от души бы посмеялись над многими из своих собственных мыслей и чувств.

И теперь люди немного думают, но было время – они еще меньше думали; тогда умели уважать одну только силу; а сила-то была неразумная, а без разума и сила не впрок. На добрые дела у сильных людей ума не хватало: ведь на добро ум нужен; ведь не поняв добра, даже и желая добра, одно только зло сделать можно. Вот и делали сильные люди все зло, какое только сделать могли слабым да беззащитным; и чудное дело, слабая толпа привыкла любить и уважать эту глупую, злобную силу; и чем больше издевался над нею сильный человек, тем более любовалась она его силою и злобою, похваляла его за удалство и молодечество.

Привык человек уважать силу и злобу, и все мы так думаем и так чувствуем, сами того не сознавая. Цепко держится в нас это скверное, подлое чувство, и многое надо передумать и перечувствовать, чтобы вырвать его из себя.

Никто никогда не учил вас уважать эту злобную силу, но и вы сами, не зная того, так думаете и так чувствуете, потому что привыкли с самого первого дня, как стали понимать, что кругом вас делается, видеть, что все так думают и так чувствуют.

Будь наш Прокоп, при своей силе, злым мальчиком, вы бы боялись его и, может быть, до поры до времени его бы уважали, а он у нас добрый; другой бы на его месте да с его силою все бы дрался да других обижал, а наш добрый силач чаще плачет, чем самый слабый из вас, да еще плачет-то при таких обстоятельствах, когда другой и не думал бы плакать.

Бывало, закапризничает брат его, Андрей, а наш силач горькими слезами заливается: «Жаль, говорить, брата, что дурно ведет себя». Добрые это были, хорошие слезы.

А помните ли вы, когда уходила от нас кухарка Ефросиния; грустно было расставаться с вами сыну ее Михайле; сидел он в углу кухни и горько плакал; а наш живчик Денисок, не обдумав, что делает, над ним смеяться стал: увидел

это Прокоп, жаль ему стало Михайлу; так прочувствовал он обиду, что сам заплакал, – святые то были слезы.

Припомню вам и еще один случай. Была у меня красивая коробка из-под конфет – всем вам очень хотелось ее получить; разыграли мы ее в лотерею, выиграл ее Прокоп. Все вы ему позавидовали, а Миша наш даже заплакал; и что же – отдал ему Прокоп коробку; смотрю я ему в глаза, а в них ни слезинки, только улыбается радостно.

А ведь могли вы его сделать дурным человеком; заметил бы он, что над доброю его смеются, стал бы злым, а я его полюбил за доброту; будете умнее, и вы поймете, какая сила в его доброте, и будете уважать его за доброту, а у него от доброты силы не убавится, и будет он сильный и добрый, полезный и счастливый.

Денис. Все вы его прозвали лисою, и ему это название нравится. Посмотрите, как плутовски смотрят его карие глазенки, как они весело запрыгают, когда его так назовут. Видно, он считает, что лисою быть очень хорошо, и ошибается он при этом только наполовину.

Не то хорошо, что он лиса, а хорошо то, что позволяет ему быть лисою. Ведь не прозвали бы вы лисою Адарку, Проську или Гришку. Малоумные в местечке Ямполь, на то у них ума не хватает, ну а нашему Дениске ума не занимать стать.

Умен-то Денисок наш – умен, да выйдет ли толк из его ума; всего более это зависит от него самого. Захочет употребить он свой ум на добро, легко ему будет стать полезным, уважаемым и любимым человеком; захочет он при помощи того же ума делать зло, и станет он вреднее и более ненавидим, чем всякий другой.

Ведь ум его, что нож острый: не будут пользоваться ножом, пролежит он целый век без пользы; возьмут нож в руки, можно им сделать много полезной работы, а можно и человека убить.

Так и ум Дениса. Не будет Денис своим умом пользоваться или употребит его на пустяки, шутки да прибаутки, проживет он таким же бесполезным человеком, как если бы у него ума и не было; шутки да прибаутки забудутся, и никто не помянет его добрым словом. А захочет Денис ум свой употребить с пользою, очень полезным он может стать помощником для меня, другом и советником для вас; тогда мы в нем ум уважать станем, а его любить будем.

Покуда Денис хоть и не глуп, а иногда ведет себя очень глупо.

Вот, например, 8 числа он доказал, что хорошо ведет себя не потому, что понимает пользу для самого себя хорошего поведения, а только для того, чтобы его похвалили. Ведь он уже несколько месяцев так хорошо себя вел, что его постоянно избирали старшиною; оставили его раз без надзора да еще поручили ему товарищей, он и сам дурно себя вел, и другим дурной пример показал. Вместо того чтобы понять, какую ему честь делали, поручая ему товарищей, и постараться доказать, что он этой чести достоин, он доказал только, что ему доверять нельзя и что он звание старшины незаслуженно носит.

Николай. Хорошо в лесу, особенно в тихий жаркий летний день. В то время как на полях дохнуть нельзя от томительной жары, до боли жгут палящие лучи высоко на небе стоящего солнца и поднимаются от земли чуть видные волны трепещущего пара, – привольно, прохладно тогда под сенью развесистых дубов и стройных сосен.

Вот от большой дороги потянулась в самую чащу небольшая лесная тропинка. Травы покрыли ее роскошным ковром, какого не найти во дворце у вельможи. Как он душист, как он чудно разнообразен, этот дивный зеленый ковер. Тут и, как иглы, узкая трава, и тонко изрезанный перистый тысячелистник, и широкие тусклые листья лапушника, и блестящие, как лаком покрытые, двойни просвирняка, а над ними роскошное кружево высокого папоротника. Там и сям разбросаны яркие – красные, желтые, лиловые – цветочки; вот и снежно-белые душистые колокольчики ландыша; там еще более душистые, причудливые, изжелта-белые цветки лесной фиалки; а солнце, пробиваясь сквозь листву нависших ветвей, усеяло дивный ковер яркими круглыми пятнами.

По сторонам тропинки, меж тонких стволов высоких сосен пышно разросся орешник, а сверху, сквозь зеленый свод, кое-где виднеется воздушная синева далекого неба.

А вечером, как волшебю прекарасен становится лес, весь пронизанный косо скользящими лучами заходящего солнца! Один за другим потухают лучи; все выше и выше растет темнота; еще блестят высоко в небе верхушки, да пылает на западе сквозь почерневшие стволы багровое полымя.

Но вот воцарилась полная тьма; жутко становится запоздалому путнику среди величавой тишины заснувшего леса.

Зашелестели листья; пронесся таинственный шорох, пронесся и замер где-то далеко. Опять зашелестели листья сильнее прежнего. Как тревога пошла по лесной чаще; закачались высокие сосны, заходили их вершины, как волны бурного моря; как крик испуга, пронесся по лесу пронзительный свист налетевшего ветра; глухим раскатом пронесся звук далекого грома, и забушевала неистовая буря. Грохочет гром, трещат, ломаясь, высокие сосны, а могучий лес, как страждущий дух, скрежещет, и стонет, и рвется куда-то, зачем-то.

И в тихой красе прекрасного летнего утра, и в грозную пору бушующей бури величаво таинственен лес-исполин.

Кто жил среди леса, кто прислушивался к его голосам, у того сохранится глубоко в душе величавое чувство и светится в задумчивом взоре запавшая мысль.

И Сергей, и Коля родились в лесу, отец их служил лесником у моего отца.

Сергей дольше пробыл в лесу, чем Коля, да и старше брата, лучше мог понимать; оттого, быть может, и теплится его взор так спокойно, иногда почти строго. У Коли взор веселее, да ласковый такой, как будто он видел больше ясных солнечных дней, а Серега наслушался страшного голоса бури.

Как умер их отец Павел, поступила вдова его Фекла хлебопекаркой в Свесу на заводы; и попали Сергей с Колей из лесного одиночества в самый разгар шумной фабричной жизни.

И взрослому человеку трудно прожить, не переняв многое от людей, его окружающих; а ребенок что воск мягкий, все, что он видит и слышит, на нем отпечатлется.

У фабричных рабочих мало чего хорошего перенять можно; не хочу я их обвинять, может, они в том и мало виноваты, да так уж жизнь их сложилась. Целую неделю работает фабричный, кроме машины своей ничего не знает; вот и хочется ему развернуться в свободный день, повеселиться. А веселие у него какое! Принарядится да и в кабаке; что заработал на неделе, в кабаке и оставит;

а пьяный человек что бессмысленное животное, и кончается праздник вместо веселия руготнею да дракою. Так все они к этому привыкли, что не стыдятся пьянство называть молодечеством, а пропойного пьяницу не стыдятся любовно обзывать удалую головушкой; а дома-то у него жена и дети без хлеба сидят, везде грязь и нищета, да и сам он, как пугало, ходит.

Грязно, неряшливо, безалаберно живет наш фабричный; неопрятен, неряшлив и Коля, да отчасти и Серега.

Посмотрите, как неряшливо на Коле сидит платье: все в пятнах, разодранное, пуговицы не застегнуты. И красивый он мальчик, а смотреть на него неприятно.

Богатый человек может и себя, и дом свой украсить дорогими вещами; для бедного человека лучшим украшением и дома и его самого – опрятность, а опрятность невозможна без порядка и бережливости. Не будет бедный человек держать свои вещи в порядке, ему не на что будет купить пропавшую вещь, придется занимать у соседа; не будет он беречь свое платье, будет ходить в грязных лохмотьях. И другим на него смотреть гадко, да и для него самого неприглядна жизнь в грязной, запущенной хате.

Михаил. Помните, детки, когда я вас взял, вы, было, прозвали Мишу совою.

Его большие глаза смотрели как-то дико, бессмысленно, точно он все чему-то удивлялся, точь-в-точь глаза совы, вынесенной на свет дневной.

Теперь вы его совою больше не назовете, а отчего? Глаза у него остались большие по-прежнему, да выражение в них уж далеко не свиное. Много поработала белокурая головка: и читать, и писать научилась, а к арифметике уж так способна стала, что всякую задачу скорее всех товарищей решит. Загорался в больших глазах светлый огонек, и далеко стало свиным глазам до глаз нашего Миши.

Знаем мы за Мишею кое-что хорошее, знаем за ним и кое-что дурное. Учился Миша хорошо и вел себя, бывало, отлично, так что даже хотя он у нас и из меньших, а был выбираем старшиною; зато выдался и такой месяц, что был он признан из всех худшим по поведению.

Помню, после первых выборов в старшины подходит ко мне Миша и говорит: «Буду и я старшиною»; да говорит так твердо, а в глазенках блеснула такая решимость, что так и видно, что очень он этого хочет и непременно достигнет. Во весь месяц он вел себя примерно и на следующих выборах, действительно, был признан достойным и стал старшиною.

Очень понравилась мне в Мише твердая воля. Только такой человек и заслуживает от всех уважения и доверия, кто всегда поступает так, как считает должным и добрым поступать, не поддаваясь никаким дурным советам, никаким дурным примерам, ни даже своим собственным дурным желаниям. Человек, у которого нет такой силы воли, – жалкое создание, которое только презирать можно; он сам ничто; доверять ему невозможно, безрассудно. Сегодня, под влиянием хорошего человека, он поступает хорошо; завтра, под влиянием дурного человека, он сам станет худшим из худших.

Солгал раз Миша и много себе этим навредил. Проступок он сделал такой ничтожный, что даже и простое замечание едва ли получил бы; простая неосторожность – крупу в амбаре рассыпал, а он взял да и сказал на товарища, будто тот это сделал. Не сумел Миша совладать с дурным желанием ложно оговорить товарища да за это прямо из старшин да на последнее место попал,

а что всего хуже, добрую славу потерял. С тех пор он и хорошо себя ведет, а в старшины его не выбирают: доверие к себе с добрую славою потерял.

Ведь по этому поступку можно думать, что сердце у Миши недоброе: сам виноват, а на невинного товарища наговаривает; а мне думается, что поступил он просто не подумавши. Потому мне так думается, что показал мне Миша уголок доброго сердца.

Был я в Глухове, когда пришло ко мне письмо с известием о том, что Миша заболел сильным воспалением мозга. Очень я за него испугался, взял доктора и вернулся в Ямполь. Смотрю, лежит мой бедный Мишун бледный такой, весь исхудал. Защемило у меня сердце, как подумал, что не станет между нами нашего умного мальчика, стал просить доктора испробовать все возможное, чтобы вернуть ему жизнь и здоровье.

В тот же вечер перевезли мы его ко мне. Два дня сильно страдал мой бедный малютка, мало надежды было. Лежит в жару, глазки закатит, то вдруг вскрикнет от боли, меня позовет. Легче ему становилось, когда я растирал его руками или даже просто держал его ручку в моей руке.

На второй день вечером – очень я был уставши, – сижу у его постели, а самого так ко сну и клонит. Сажу, глаза закрыл, слышу – зовет меня Миша; смотрю, глядит он на меня своими большими глазами, сознание к нему вернулось, да так пристально на меня смотрит. И знаете ли, что он сказал мне? «Устали вы, спать идите». Это он-то, страдалец, меня усталого пожалел. На это нужно доброе сердце.

Илья. Мало может один человек без помощи других людей.

Как ни проста эта истина, а ее мало кто понимает. Много есть таких истин: повторяют их все, а понимать почти никто не понимает. Так и о взаимной помощи говорят очень много и в то же время проповедуют злобу и раздор вместо любви и согласия, необходимых для общей работы и взаимной помощи. Этот разлад между словом и делом создает невообразимый сумбур, в котором разобраться очень трудно. Найдутся такие люди, которые не постыдятся, называя себя вашими друзьями, внушать вам ненависть даже и ко мне, вашему лучшему другу. Об этом мы поговорим с вами гораздо подробнее в другое время; теперь помните одно, что не друг, а злой враг для вас всякий, кто проповедует вам злобу и ненависть. Как из семян сорных трав не выйдет пшеницы, так и злоба может породить только злобу и раздор, а не счастье, невозможное без любви и согласия.

Любовь – громадная сила. Ведь вот год тому назад между мною и вами была целая пропасть; казалось, ничего общего быть не может между богатым помещиком и бедными крестьянскими сиротами. Я полюбил вас, наполнилась пропасть; я стал вашим отцом, вы стали моими детьми. Не потому я вам отец, а вы мне дети, что мы так называли друг друга; нет, перед лицом всего света, нелицемерно я могу назвать себя отцом вашим, потому что не краду этого имени. Всемогущею силою любви я стал отцом для вас и люблю вас искренне, глубоко, как, может быть, иные родные отцы не умеют любить своих кровных сыновей; вы же станете воистину детьми моими только тогда, когда, в ответ на мою любовь, полюбите меня так же искренне и глубоко, как я люблю вас, когда станете друг для друга братьями не на словах только, а силою все той же глубокой, искренней любви друг к другу.

Тот, кто, называя меня отцом, а вас братьями, не любит нас, тот вор: он крадет имя сына и брата, он крадет счастье у другого бедного одинокого

сироты, который на его месте любил бы нас, чью жизнь мы бы согрели нашей любовью.

Пусть Ильюша почаще читает эти строки; пусть не забывает и того, что громко в присутствии всех вас, в течение нескольких месяцев, повторяли ему и утром и вечером старшины: «Помни, Илья, что ты к товарищам твоим не доброжелателен».

Пусть помнит и то, что мы все нетерпеливо ждем того дня, когда он полюбит нас; в этот день у меня будет одним сыном, а у вас одним братом более.

Андрей. Понимаете ли вы, дети, что значит бороться с самим собою?

Ведь какая кажется мудреная вещь – борьба с самим собою, а наш маленький Андрей боролся с самим собою и боролся удачно.

Припомните, какой он был капризный; бывало, расплачется по пустякам, и ничем его не уймешь, ни ласкою, ни строгостью; заберется в угол, опустит глаза и упорно плачет, а сам всем телом вздрагивает. Как пройдет припадок каприза, ему и самому стыдно, понимает, что вел себя глупо, а другой раз опять с собою совладать не может.

Только стал он по моему совету примечать за собою: как почувствует приближение припадка каприза, старается ему не поддаться, все тело у него нервно вздрагивает, а он пересилит себя, поднимет на меня глаза, улыбнется, значит – совладал с собою, победил в себе дурную привычку. Много чести в такой победе, потому что она очень трудна, потому что она очень полезна. Ведь при этом в одном нашем Андрее боролись как бы два отдельные Андрея: дурные привычки прежнего Андрея боролись с доброю волею нового Андрея, и новый, умный, добрый Андрей победил прежнего, глупого, злого Андрея.

Без этой борьбы с самим собою не может никто стать хорошим человеком. Чтобы быть хорошим человеком, нужны две вещи: знание и сильная воля любви; знание – чтобы понять правду, сильная воля – чтобы жить по правде, чтобы успешно бороться с дурными привычками, которые мешают нам жить по правде. Человек, который, зная правду, не имеет достаточно силы воли, чтобы побороть в себе прежнего дурного человека и жить по правде, лучше бы совсем и не знал эту правду; тогда он был бы только жалким глупцом, а зная правду и не живя по ней, он нечестный, подлый человек.

Не думайте, чтобы эта борьба с самим собою была неприятна; сознавать, что с каждым днем я становлюсь все лучше и лучше, что то хорошее, что прежде я любил в другом, я теперь могу любить в самом себе, – такое счастье, какого не понять тому, кто не испытал его.

Афанасий. Прежде чем говорить о нем, вспомним о бедном Егорушке, которого он заменил.

Хорошим помянуть Егорушку нечем, так пожалеем его несчастную долю.

Жаль мне было возвратить его матери, а должен был это сделать. Не надеялся я сделать из него хорошего человека, боялся взять на себя дело не по силам; а дурной человек между вами был бы большим горем для меня, большим злом для всех вас.

Помните, друзья мои, что доброе имя каждого из вас – наша общая добрая слава; каждый дурной поступок одного из вас ляжет неизгладимым пятном на всех нас. Всегда и везде найдутся глупые и злые люди, которые будут ненавидеть вас за то, что вы поступаете и живете лучше их. Со злорадством они

будут следить за каждым вашим шагом; из-за одного дурного человека среди вас они постараются очернить, закидать грязью остальных девять хороших и меня, воспитавшего вас.

Слишком я люблю то дело, которому сам служу и вас предназначаю, чтобы рисковать им. Как увидел я, что не в силах пробудить в нем ум, не в силах подействовать на его сердце, отдал я Егора матери его, чтобы взять на его место другого, который бы лучше мог воспользоваться уроками и советами.

Что сказать про Оню? – Ни особенно дурного, ни особенно хорошего сказать о нем нельзя.

Не умеет он еще себя сдерживать: рассердится, товарища прибьет или глупое, бранное слово ему скажет; хорошо было бы ему взять пример с Андрея и постараться побороть в себе эту дурную привычку. Особенно стыдно и больно мне за него, когда он обругает товарища бранным словом, которого и сам не понимает.

Тем и отличается между прочим человек от животных, что у него есть ум; этот ум позволяет ему разумно говорить и поступать. Гнусно, гадко видеть человека, который, рассердившись или просто по привычке, говорит бессмысленные ругательства, ничего не выражающие, кроме бессильной, шипящей злобы; во всяком случае, унижают эти бранные слова не того, к кому они обращены, а того, кто, употребляя их, нисходит до уровня бессмысленно лающей собаки.

Не будем забывать, что Оня между нами еще недавно, что он неглупый мальчик и что ему легко будет исправиться от своих недостатков»³¹.

По субботам в школе проводился *круг*, или так называемое общее собрание воспитанников. В этот день ученики не работали, а под председательством Неплюева или кого-нибудь из учителей собирались вместе и обсуждали сообща, что сделано в школе за неделю. Прежде всего, читали общий дневник, который велся воспитанниками поочередно, потом слушали доклад о сельскохозяйственных работах, наконец, выступали и задавали вопросы сами воспитанники.

«Некто М., – вспоминает Н. В. Дризен, – типичный казак с Кавказа, вышел и спросил, можно ли задавать вопросы после вечерней молитвы и хорошо ли товарищам смеяться над тем, который вопросы задает. Неплюев, руководящий на этот раз кругом, отвечал, что все зависит от того, кто какие вопросы предлагает, но что вообще смеяться над ближним никогда не следует.

– Мы не смеялись над ним, Николай Николаевич, – возразил вдруг мальчик с курчавой головой с задней скамейки, – нам только показался смешным его способ выражения. Он сказал: *прошла чутка*, что по местному, кавказскому, значит: *прошел слух*. Многие, конечно, не поняли и рассмеялись.

– Кто же смеялся, дети? – спросил Неплюев. – Прошла минута, потом встал один, другой, третий...

– Я собственно не смеялся над М., – сказал один из трех, сидевший рядом с обиженным, – я только заметил ему, что всякий вопрос должен иметь повод, а без повода предлагать вопросы странно...

– Нехорошо, дети, – сказал Николай Николаевич, – смеяться над братом своим, вы смеялись над творением Божиим, который создал вас по образу и подобию своему, т. е. вложил в вас ум, сердце, душу живую. А ты М.

---

³¹ Неплюев Н. Н. Мысли и советы искреннего друга.

не приучай себя жаловаться на товарищей. Помни, что Господь наш Иисус Христос заповедал нам всем любить ближнего, как самого себя, а если согрешил против тебя брат, то простить ему... Садитесь, дети...»³².

В определенный момент Н. Н. Неплюев понял, что иногда старшие школьники могут быть более, нежели он и другие учителя, полезными для младших воспитанников. Они для них могут быть более понятными, притом много значило и то, что они вместе жили и, следовательно, всегда в надлежащее время могли прийти младшему товарищу на помощь.

Однажды, читая со старшими из своих питомцев Евангелие от Матфея, Неплюев и его юные друзья дошли до слов: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном; и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает; а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской»³³. Привыкший толковать своим воспитанникам каждую фразу Священного Писания, Николай Николаевич объяснил, что и эти слова, как и все исходящие из уст Божиих, имеют общеобязательное значение для всех времен и народов, что заповедь эту может выполнять богатый человек и бедный, умудренный жизненным опытом и совсем юный. Через некоторое время Неплюев стал замечать, как старшие воспитанники начали заботиться о своих меньших *братьях* и одновременно, совершенствуясь сами, старались нравственным образом воздействовать на наиболее трудных в воспитательном отношении товарищей. Это дало мысль избрать из среды воспитанников помощников и сотрудников в деле воспитания, так называемый старший братский кружок. Все младшие воспитанники были распределены между членами старшего братского кружка по 4–5 человек. В спальне их кровати стояли рядом, за обедом они сидели за одним столом. При этом старшие не должны были быть начальниками и судьями младшим товарищам, а должны были быть добрыми друзьями, всегда готовыми прийти к ним на помощь во всех затруднениях их школьной жизни.

Члены старшего братского кружка не пользовались в школе никакими привилегиями и наряду со всеми несли все обязанности и подчинялись всем установленным правилам, подавали пример младшим в неукоснительном их исполнении.

Как старший братский кружок составил из юношей, свободно взявших на себя благодатный подвиг служения ближним, так и братство трудовое явилось делом свободного волеизъявления каждого из его членов.

К услугам воспитанников, учителей и всех членов братства была предоставлена обширнейшая библиотека Николая Николаевича, которую собирало не одно поколение Неплюевых и которая постоянно пополнялась новыми книгами, газетами и журналами.

Характерным явлением воспитательного процесса в братстве были литературно-музыкальные утренники и вечера, на которых вслух читались произведения различных авторов, разыгрывались театрализованные постановки, обсуждались стихи собственных поэтов. Таким образом, духовная жизнь в братстве не ограничивалась лишь научно-практической и духовно-нравственной сферами; активно поощрялись и развивались художественные стремления воспитанников. В частности, Н. В. Дризен, присутствовавший на одном из литературных вечеров в доме Н. Н. Неплюева, отметил двух молодых людей 18–19 лет, пишущих *очень милые и искренние стихи*:

Не богат я, слава Богу,

---

³² Дризен Н. В. Указ. соч.

³³ Мф. 18, 1–6.

И не беден я пока, —
Книга, плуг и теплый угол,
Разве есть у бедняка?..

Нет гроша в моем кармане —
Сердце бодрое зато,
А с веселым, бодрым сердцем
Не смутит меня ничто...

Нет богатств, – но много братьев,
А сердечный, добрый брат —
Это лучшее богатство,
Самый первый в мире клад...

Хорошо мне жить на свете!
С ранней зорькой я встаю! —
Птичка в поле с песней реет —
Вместе с ней и я пою!

Брошу зерна – выйдет колос...
Что за скирды встанут в ряд! —
Хватит нам, дадим и людям,
Не побил бы только град!

Снег и холод выюг житейских
Не сломают грудь мою.
Я веселой, бодрой песней
Мрачный призрак их гоню...

И таких веселых песен
Много есть в груди моей:
Их и буду петь до смерти
Для себя и для людей...

«Молодой голос, одушевление, малороссийский говор – все гармонировало с характером поэтического произведения, в котором невольно чувствовался отголосок общего настроения слушателей. Так, по крайней мере, объяснил я себе оглушительные аплодисменты, выпавшие на долю чтеца»³⁴.

Литературно-музыкальные утренники и вечера уступали место тематическим собраниям. Одно из них посвятили драматургии Герхарта Гауптмана, поставив одну из его пьес, другое – поэзии Николая Алексеевича Некрасова, третье – музыкальному наследию Джузеппе Верди, четвертое – Михаилу Ивановичу Глинке... В исполнении произведений выдающихся композиторов принимал участие как Н. Н. Неплюев, славившийся игрой на рояле, так и созданные в братстве хор и оркестр. В журнале «Воскресная беседа» начали печататься свои поэты, появились даже их первые самостоятельные сборники стихов...

---

³⁴ Дризен Н. В. Указ. соч.

В 1890 году после смерти отца Неплюева его мать и обе сестры решили последовать примеру сына и брата. Они обосновались в Ямполье и там же основали женскую сельскохозяйственную школу с той же программой и с тем же житейским режимом, какой был заведен в Воздвиженской школе. Мать Николая Николаевича А. Н. Неплюева взяла на себя миссию попечителя Преображенской сельскохозяйственной школы, а его сестры Мария Николаевна Уманец и Ольга Николаевна Неплюева занялись непосредственно вопросами воспитания: первая стала руководить воспитанием девушек, а вторая – заведовать ямпольским детским общением.

11 сентября 1893 года в трудовом братстве происходит знаменательное событие – освящается храм в честь Воздвижения Креста Господня. В 1894 году принимается Священным синодом и утверждается императором Александром III устав православного Крестовоздвиженского трудового братства, за которым последовало право юридического лица и, соответственно, право приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество. 22 июля 1895 года состоялось официальное открытие трудового братства и связанное с ним церковное торжество.

На открытие трудового братства Н. Н. Неплюева лично но благословил иконой святого Алексея, человека Божия митрополит Санкт-Петербургский Палладий. В приветственных адресах во время торжеств прозвучали благословения от старца Варнавы из Гефсиманского скита. Иеромонах Марк, присутствовавший на торжественном открытии братства, благословил собравшихся иконой святого Иоанна Богослова, а Н. Н. Неплюева – иконой святого Николая Чудотворца. Обе иконы были написаны самим иеромонахом, освящены, снабжены на обратной стороне надписями, заключающими в себе посвящения, и подарены братству.

Преосвященный Сергей, епископ Черниговский и Нежинский, на страницах «Епархиальных ведомостей» выразил свое *умиление и восхищение* начатым делом, подарил Н. Н. Неплюеву собрание своих сочинений, снабдив их надписью: *Просвещенному избраннику Божию, воссоздателю народа – семени святого стояния мира русского православия*³⁵.

Протоиерей Иоанн Смирнов, барон Вольф и барон Мирбах в своих поздравительных речах просили братство рекомендовать им молодых людей и молодых девушек для ведения воспитательной работы в учебных и благотворительных заведениях.

В день открытия братства выпускница глуховского учительского института С. Д. Чалина просила принять в дар от нее золотую медаль, полученную ею при окончании учебного заведения, а игумен Исаия прислал вырезанное монахами из дерева блюдо, раскрашенное позолотой.

Профессора российских университетов, частные лица из многих городов России и зарубежья выразили братству горячее сочувствие и добрые пожелания.

---

³⁵ Отчет блюстителя о религиозно-нравственной жизни трудового братства от его основания по 22 июля 1897 года. Глухов, 1897.

Глава II. Апостольская община

Каждому, прибывающему на Юг Российской империи по соединительной ветке Киево-Воронежской железной дороги, в 7–8 верстах от станция Горелые Хутора открывалось взору громадное, едва ли не самое обширное во всей Украине хозяйство, тянувшееся на двести верст единой полосой. Вот что представляло собой родовое имение Неплюевых, становившееся православным Крестовоздвиженским трудовым братством, разбитым на несколько отдельных хуторов, с обширным полеводством, скотоводством, молочным хозяйством и заводами: металлургическим, свеклосахарным, винокурным и пр., и пр.

Согласно духовной записи 29 декабря 1901 года, с согласия матери и обеих сестер Н. Н. Неплюев передал братству недвижимое имущество, находящееся в Глуховском уезде Черниговской губернии и состоящее из 16 435 десятин 1 906 квадратных саженей земли с лесом, постройками и заводами. Часть упомянутого имущества – 5 313 десятин 2 293 квадратных саженей земли и леса – немедленно перешла в полную собственность трудового братства, которое должно было его эксплуатировать при условии ежегодного выплачивания 23 320 рублей на содержание двух школ, церкви и больницы и 5 118 рублей на погашение процентов и оплату долга Дворянскому земскому банку. В целом стоимость имущества, переданного братству, исчислялась 1 750 000 рублей. Остальное недвижимое имущество оставалось пожизненно собственностью жертвователя и членов его семьи (матери и сестер); только после их смерти трудовое братство могло получить его в пользование. Правда, полученные в этом случае доходы передавались на создание других трудовых братств как в России, так и за ее пределами.

Так окончательно организуется трудовое братство, в функциональной модели которого четко просматривается высокая трудовая мотивация, лежащая в основе рыночного предпринимательства. Здесь как бы в одном сошлись и отношения аренды, и фермерство, и акционирование земельной собственности (на скопленные за время учебы деньги каждый ученик сельскохозяйственной школы мог рассчитывать на свой процент прибыли). И все это на началах православного жизненного уклада.

И если признать, что трудовое братство как подлинный феномен Н. Н. Неплюева убедительно доказывает, что без христианско-православной культурной традиции рыночное предпринимательство, как и сам рынок, может стать источником не обогащения народа, а его нищеты, то тогда следует признать и тот факт, что Крестовоздвиженское трудовое братство как форма апостольской общины братской любви было не чем иным, как одним из возможных очагов нашей русской реформации, реформации в лучшем смысле этого слова. И пусть то, что было предложено Н. Н. Неплюевым, может кому-то показаться немного наивным, но все же отдадим ему должное: он не разрушал, а, используя объективно существующие реалии (и общинный характер русской деревни, и скудные технические возможности тогдашних крестьян, которые, увы, и нынче немногим богаче), доказывал жизнеспособность, что называется, библейской матрицы *апостольской общины как формы братской любви*, что основанное на высоких нравственных принципах коллективное не значит обезличенное.

Глава III. Созидание добра

Деятельность Н. Н. Неплюева привлекала огромное внимание русской и мировой общественности; о ней писали на страницах русских, парижских, лондонских, марсельских и других журналов и газет³⁶. В чем причина такого интереса? Многие объясняется пропагандистской работой самого Неплюева. О своих идеях и их практическом воплощении в трудовом братстве он активно рассказывал в своих многочисленных сочинениях: «Благовест библейский» (Лейпциг, 1893), «Братские союзы в учебных заведениях высших, средних и низших. Могут ли дальше обходиться без них церковь и христианское государство и как их осуществить?» (Лейпциг, 1893), «Вера и жизнь. Публичная лекция для верующих» (СПб., 1905), «Воздвиженская школа – колыбель трудового братства. 1885–1895» (СПб., 1895), «Воззвание к друзьям свободы и порядка» (СПб., 1907), «Война или мир? Боевой или мирный прогресс? Что полезнее для человечества? Публичная лекция для неверующих» (СПб., 1904), «Всероссийское братство» (СПб., 1907), «Вставай, страна моя родная. Доклад на киевском Всероссийском съезде Союза русских людей» (Киев, 1906), «Воздвиженское трудовое братство» (СПб., 1906), «Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора» (Киев, 1906), «19 февраля и крестьянская община» (СПб., 1905), «Доклад глуховскому комитету высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности по вопросу о крестьянской общине» (СПб., 1903), «Доклад на киевском совещании по вопросу объединения добрых сил на дело мирного созидания 11 октября 1906 года» (Киев, 1906), «Жизненное значение трудовых братств: церковное, государственное и общественное. Беседа для друзей и врагов» (СПб., 1905), «Звуки души» (Берлин, 1896), «Историческое призвание русского помещика» (М., 1880), «Ко всем верующим» (СПб., 1907), «Конгресс единого человечества» (СПб., 1900), «Материалы для проекта устава всероссийского братства» (Киев, 1907), «Мысли и советы искреннего друга. 4 августа 1881 года – 4 августа 1882 года» (СПб., 1882), «Открытое письмо к учащейся молодежи» (СПб., 1906), «Партия мирного прогресса, ее идеальные основы и жизненная программа» (Киев, 1905), «Партия мирного прогресса, ее идеальные основы и жизненная программа» (Глухов, 1906), «Письмо к духовенству» (Киев, 1905), «Письмо к сельскому населению» (Киев, 1905), «По поводу докладов “Война или мир” и “Вера и жизнь”» (СПб., 1905), «По поводу ложных слухов» (СПб., 1906), «Проект устава воздвиженского сельскохозяйственного трудового братства» (СПб., 1885), «Псалтырь» (Лейпциг, 1893), «Путь к лучшему будущему» (СПб., 1901), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Десятая глава Евангелия от Матфея» (Берлин, 1896), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Пятая глава Евангелия от Матфея» (Лейпциг, 1893), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Десятая глава Евангелия от Матфея» (Лейпциг, 1893), «Слова, исшедшие из уст Божиих. Мысли рядового христианина о жизненном значении их. Молитва Господня» (Лейпциг, 1893), «Совесть. Стимул, забытый проф. Иванюковым при перечислении стимулов, обуславливающих человеческие деяния» (М., 1881), «Таинственные явления земной жизни духа моего. Посвящение моим друзьям и братьям во Христе, членам Крестовоздвиженского трудового братства» (Берлин, 1896), «Трудовое брат-

³⁶ Г. Д. Горбунов в «Виленском вестнике», С. И. Уманец в «Рижском вестнике», Д. В. Лобачевский в «Воскресной беседе», Н. П. Вагнер в «Неделе», М. П. Мясоедов в «Русском труде», пастор Гутер в марсельском журнале «La Mission Intérieure», профессор Боне-Мори в парижском журнале «Revue Chrétienne», аббат Можис в тюркском журнале «Bulletin de St. Martin», английская писательница Crewe (Кру) в лондонском журнале «Church Army»; 5 марта 1898 года профессор церковной истории при парижской Сорбонне Гастон Боне-Мори сделал доклад о трудовом братстве Н. Н. Неплюева и системе воспитания в его школах на заседании парижской академии, а академик Анатолий Леруа Больё написал об этом докладе статью в «Новом времени» и др.

ство и школы» (СПб., 1900), «Трудовые братства. Могут ли далее обходиться без них церковь и христианское государство и как их осуществить» (Лейпциг, 1893), «Хлеб насущный» (М., 1883), «Христианская гармония духа. Психологический этюд» (Берлин, 1896), «Христианское мировоззрение» (Берлин, 1894), «Частное ответное письмо Неплюева на письмо священника Иванова» (СПб., 1903), «Что есть истина?» (Лейпциг, 1893), «Отчет по воздвиженской сельскохозяйственной школе Н. Н. Неплюева» (Киев, 1901), «Воздвиженская сельскохозяйственная школа Н. Н. Неплюева» (Чернигов, 1893), «Воздвиженская сельскохозяйственная школа Н. Н. Неплюева» (СПб., 1895), «Воздвиженская сельскохозяйственная школа Н. Н. Неплюева» (Киев, 1901).

Во всех своих работах Н. Н. Неплюев настойчиво проводил мысль о том, что для блага общества необходимо перейти от критики зла, озлобляющей человека, к умиротворяющему делу созидания добра, от бесплодного *самокопания* в своей прошлой жизни и душе к православной вере, зовущей к реальной жизни любовью, от критики чужих заблуждений к реальному делу. Необходимо преодолеть сковывающий человека пессимизм, т. к. можно ли назвать пессимистом того, кто верит в жизненную правду православия до горячего убеждения в возможности осуществления ее в жизни, в способность людей немедленно приступить к ее осуществлению!

Из-под пера Неплюева выходили тексты с признаками явного, несомненного оптимизма и самого искреннего уважения к христианской истине, православной церкви, к своему Отечеству, ко всем соотечественникам и единоверцам: христианский идеал, завещанный Христом и его апостолами, может быть осуществлен в большей степени, чем это есть в настоящее время. Необходимо тревожить людскую совесть и убеждать, что всякая попытка стройной организации жизни на основе веры, действующей любовью, не может быть беспочвенною, фантастическою утопией!

Человечеству пора понять, писал Н. Н. Неплюев, что только гордость мешает каждому из нас верить в Бога и любить ближних, что именно она является главной помехой в деле честного осуществления христианской правды в жизни, стройной организации жизни, отношений и труда на основе православной веры, действующей любовью на лоне нелицемерного братства людей. Лишь гордость не позволяет человеку отказаться от привычного ему образа жизни, уйти из среды богатых и знатных в среду тех *бедных детей народа*, из которых необходимо воспитать подлинных православных христиан, предпочесть всем другим радостям *света* реальное братское общение со своими *во Христе братьями*.

Неплюев вступил в переписку и личное дружеское общение со множеством людей *доброй воли* в России, Германии, Франции, Швейцарии, Англии, Бельгии. Число корреспондентов достигло таких размеров, что пришлось заменить письма печатными циркулярными бюллетенями, которые рассылались ежемесячно приблизительно по двести экземпляров на русском и французском языках. Во время своих частых поездок в Петербург он почти ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день вел беседы в частных домах А. С. Суворина, М. О. Меньшикова, К. К. Арсеньева, Н. Н. Кармалина и пр., куда подчас собиралась многочисленная публика. То же происходило и в других городах России и зарубежья. Обратимся, в этой связи, к письмам Н. Н. Неплюева барону Н. В. Дризену, хранящимся в рукописном фонде Российской национальной библиотеки. Их три.

Первое письмо датировано 26 сентября 1896 года. На штемпеле значится: «Блюститель трудового братства Н. Н. Неплюев. Почта и телеграммы: Ямполь Черниговский. Хутор Воздвиженск».

«Многоуважаемый, дорогой барон! От души благодарю Вас за доброе, сердечное письмо Ваше от 8 сентября. Верьте, что и мы часто с чувством любви и благодарности о Вас вспоминаем. Конгресс в Будапеште произвел на меня впечатление – очень воинственных

людей, собравшихся обсуждать мирные вопросы. Особенно, до скандала, воинствен был председатель конгресса, друг и сподвижник короля Виктора-Эммануила, генерал Тюрр. Результаты поездки оказались, однако, богатыми и отрадными. Обсуждали много животрепещущих вопросов. Картина религиозно-нравственного облика современной Европы стоит передо мной еще более законченной. Познакомился со многими очень интересными личностями, каковы: Frédéric Passy, Ducommun, барон и баронесса Берта Суттнер (автор романа “Долой оружие”) <...>, венгерская писательница Янко Воль, <...> Пекозер, Madme Pohnon (President de la liguc Francuz se feministe), профессора: Овари, Вамбери, Штейн, Рихтер и мн. др. К первому заседанию опоздал и накануне последнего заседания уехал, чтобы вернуться в Воздвиженск, по крайней мере, за день до 14 сентября, годового братского праздника. В день отъезда, по предложению председателя международного бюро лиги мира Ducommun, я хотел сделать заявление, но генерал Тюрр нашел нужным отложить этот вопрос до следующего дня. Уезжая, письменное заявление я передал Ducommun. Из этого вышло целое недоразумение. В газетах, присланных мне из Венгрии, напечатано, что я уехал оскорбленным и что генерал Тюрр извинялся на другой день перед конгрессом и просил его выслушать мое заявление. Английская писательница M-ss Crewe (Кру) писала мне, что заявление мое было прочитано с большим чувством Ducommun, громко приветствовано конгрессом, и принято предложение генерала Тюрра не только согласиться со мной, но и поручить бюро выразить мне сочувствие. <...> Окончил брошюру “Торжество православия”, приступаю к отчету о моем заграничном путешествии. Кроме этого хочу написать отчет по братству и докладную записку о его положении. Когда все это будет исполнено, выеду оттуда в Петербург. Чтобы ускорить дело, до самого отъезда запрюсь в моей комнате. Буду очень рад иметь от Вас весточки. Простите неаккуратность ответов. Все друзья мои шлют Вам благодарный привет. Искренне Вас любящий и Вам благо желающий Н. Неплюев»³⁷.

Второе письмо датировано 12 февраля 1897 года. На штемпеле значится: «Хутор Воздвиженск».

«Многоуважаемый, дорогой барон! Горячо благодарю Вас за статью в “Новом времени”; в каждой строчке ее слышалась любовь к дорогому нам делу. Все это поняли, приветствовали Вас дружными, оглушительными, долго не смолкавшими рукоплесканиями и просили передать Вам их любовь и благодарность. Статья Ваша уже сделала нам много доброго, приобретя много новых друзей. Немало писем было адресовано на мое имя в “Горелые Хутора”, начинаясь стереотипною фразою: “Прочтя статью барона Дризена”. Между прочим, Вам же мы обязаны сочувствием, выраженным нам Англо-Русским литературным обществом в Лондоне. Казанет написал мне, что Общество желает выразить особое сочувствие нашему делу, избрав меня своим членом. Не сомневаюсь, дорогой Николай Васильевич, что Вы порадуетесь этим добрым плодам вашего доброго дела. На днях выезжаю в Петербург. По пути заеду в Тулу, Москву, Рязань и Старую Руссу. Во всех этих городах есть целые

³⁷ РНБ, Ф. 263, Дризен Н. В., № 221, лл. 1–3.

кружки друзей братства, которых хочу посетить. <...> Примите дружеский поцелуй от сердечно Вам благодарного Н. Неплюева»³⁸.

Последнее письмо датировано 10 августа 1897 года. На штемпеле значится: «Санкт-Петербург. Малая Морская. Гостиница “Париж”».

«Дорогой, милый барон! Поздравляю и от всего сердца желаю безоблачного счастья и Вам, и Вашей невесте. Молю Господа: да воздаст Он Вам семейным счастьем за любовь, оказанную Вами братству нашему и нам. Очень жаль, что письмо Ваше уже не застало меня в Воздвиженске, что лишило меня удовольствия повидаться с Вами проездом в Москве и познакомиться с домом Струве. Возвращаться из Петербурга думаю на пятой или шестой неделе, тогда побываю у Вас непременно. Надо ли говорить Вам, что в Воздвиженске и Вы, и супруга Ваша всегда будете желанными гостями. Получили ли Вы поздравительное приветствие от братства с Новым годом и письмо мое из Воздвиженска с выражением благодарности за статью, напечатанную в “Новом времени”? Петербург по-прежнему ласкает меня, и это добро <...>. Еще раз поздравляю и от всего сердца дружески целую. Н. Неплюев»³⁹.

Вторым существенным моментом общественного интереса к Н. Н. Неплюеву было то, что после типичных образцов русской официальной школы, школы братства представлялись совершенно необычным явлением⁴⁰. Само же Крестовоздвиженское трудовое братство было, с одной стороны, явлением самобытно-независимым, а с другой, находилось в лоне устоявшейся русской православной традиции, объединившей исторически русский народ и православную веру; образовывая братства, русский народ всегда выступал защитником святого дела православной веры и Церкви Христовой. Не случайно братства, как православно-церковные объединения впервые возникли в Юго-Западной Руси как средство борьбы против Унии, провозглашенной на Брестском соборе 1596 года усердиями иезуитов и являвшейся оплотом католической веры. Таким образом, Неплюев в определенном смысле выражал национально-патриотические чувства значительных слоев российского общества.

Было, пожалуй, и еще одно... Н. Н. Неплюеву удалось аккумулировать в своей личности ту социальную психическую энергию, которая не могла найти себе реального выхода из-за чувственно-эмоциональной неустойчивости, поразившей интеллигенцию на переломе столетий. Вот как об этом писал барон Н. В. Дризен в петербургском «Новом времени»:

«Среди самых разнообразных течений, волновавших наше общество в последние годы, едва ли ни самое серьезное внимание заслуживает безотчетное искание истины, жажда веры, тоска по утраченным идеалам. Люди изверились в своих лучших надеждах, возненавидели прежнюю беспутную жизнь свою и в поисках за новыми идеалами и целями буквально не знают, куда преклонить измученные головы. Самое ужасное в их положении, конечно, то, что очень часто жизнь очень крепко связала себя с ними, ценою всего их существования. Для одних она единственный источник благосостояния, для других она отождествляется с семьей, покинуть которую не позволяет долг и совесть, третьих, наконец, переворот застал совершенно неподготовленными, неспособными занять то место, которое, по их мнению, кажется им единственно спасительным. Вот и начинается разлад в человеке

---

³⁸ Там же, лл. 4–5.

³⁹ Там же, лл. 6–7.

⁴⁰ См.: Лютеецкий А. А. Школы Неплюева как пример самобытного воспитания. М., 1900.

– разлад ужасный, обыкновенно непонятный для окружающих, которые по внешнему виду судят о внутреннем и решают, что все обстоит благополучно. Наиболее слабые при этом гибнут, наиболее сильные стараются по-своему решить мучающие их вопросы, ошибаются, падают, увлекают за собой тысячи слепо верующих им последователей. Неужели, однако, все эти вопросы настолько прокляты, что для разрешения их нужно входить в сделку с совестью, отрекаться от всего своего прошлого и, несмотря на это, только в отдалении видеть цель жизни? Некоторые отвечают на это: нет, цель жизни перед нами, вы только не хотите ее замечать, а она перед вами. Мало того, эти люди даже на собственном примере покажут вам спасительную пристань, кстати рассказав вам свою жизнь, полную таких же нравственных тревог, как ваша. Конечно, не ожидайте, чтобы эта была своего рода Магометов рай, обещающий праведным вечное наслаждение; это по-прежнему жизнь труда, сознательного, но все же упорного труда, согретого любовью к Богу и к ближнему... Вы не верите, вы сомневаетесь?.. И я метался из стороны в сторону, искал ответа на мучившие меня вопросы, жаждал какой-то новой деятельности, какой? Никто доподлинно не мог мне указать. В это время у Кармалиных я встретил князя Г. Бывший гвардейский офицер, как большинство своих сверстников быстро разочаровавшийся в военной карьере, он для самообразования жадно набросился на книги, ища в них разрешения мудреных загадок жизни. Но книги только пытали его любопытство, а удовлетворения не давали. Тогда он стал искать общения с людьми, уже нашедшими кладезь мудрости, и напал на Н. Н. Неплюева»⁴¹.

К Неплюеву стали примыкать все те, кто верил, надеялся и призывал к мирному обновлению страны. Все они стали не только рьяными пропагандистами его дела, но и его защитниками. Последнее было особенно важно в период развернувшейся полемики о Крестовоздвиженском трудовом братстве, идейным организатором и вдохновителем которой стал М. О. Меньшиков⁴². Известный публицист и некогда убежденный либерал в обращении к учрежденным Н. Н. Неплюевым школам и братству, получал возможность проаппонировать *самому* Л. Н. Толстому⁴³.

В разделе «Отклики» газеты «Неделя» М. О. Меньшиков, литературное творчество которого к этому времени, по откликам коллег, стало отличаться особой беспринципностью⁴⁴, стал преподносить читателям свои суждения о деятельности Неплюева якобы в ответ на их личные к нему обращения:

«Важные причины заставляют меня писать к вам. Не буду распространяться о том, как много я вам доверяю и как много от вас жду, – вы давно об этом знаете. Смотрите же, не обманите моих надежд!» Так начинается полученное мною на днях очень длинное письмо от одной пожилой, лично мне не известной, но по письмам давно знакомой дамы из одного северного города. Опускаю целую страницу любезных комплиментов, имеющих целью убедить меня, что я должен помочь решению одной новой

⁴¹ Дризен Н. В. Литературные воспоминания // Весь мир. 1918. № 39. С. 8–11.

⁴² См.: Абрамов И. Неплюевская школа. Письмо из Глуховского уезда // Русское богатство. 1899. № 7. С. 177–194; Абрамов И. Неплюевское братство. Второе письмо из Глуховского уезда // Русское богатство. 1900. № 3. С. 1–27.

⁴³ М. О. Меньшиков, некогда увлеченный идеями Л. Н. Толстого, имел с ним многолетнюю переписку. В «Дневнике последних лет» Л. Н. Толстой упоминает, что М. О. Меньшиков находился в числе наиболее враждебно относящихся к нему личностей.

⁴⁴ За глаза коллеги называли М. О. Меньшикова «Иудушка».

грандиозной задачи. “Я не одна, нас дружеский кружок, среди членов которого есть светлые головы, способные творчески мыслить; есть люди ремесленных знаний, привычные к мускульному труду и в то же время способные подняться до идеи, которая всецело завладела ими и воодушевляет их. (И ими сделано уже несколько шагов по пути к осуществлению). Идея эта – объединение товарищей-работников в земледельческо-промышленную кооперацию на началах братской взаимопомощи. В деле нравственного умственного развития и широкая пропаганда кооперации на этих началах словом и примером среди страждущих под гнетом капитализма рабочих масс и среди всех униженных и оскорбленных во имя их экономического нравственного освобождения”...

Прочитал я эти энергично подчеркнутые строки и умилился: что за свежесть, что за впечатлительность этой представительницы 60-х годов! А главное – сколько еще пылкой веры в формулы, вычитанные из книг! Но дальнейшее чтение письма повергло меня в грусть. Оказывается, что дружеский кружок хотя и существует, но к нему нужно “силою слова – горячего и убежденного – вызвать сочувствие в обществе и материальную помощь”, так-так “начинающие пионеры – пролетарии, и без этой поддержки вся их энергия и энтузиазм могут разбиться о суровую действительность”... Меня именно выбрали как пробудителя общественного сочувствия и привлекателя капиталов к этому пролетарскому предприятию. Мне предоставляется действовать всеми средствами и, между прочим, указывается на Англию. “Там живет Человек; вот этот человек, без сомнения, может оказать существенную помощь началу дела своими материальными средствами; а потом оно будет развиваться само по себе, вырастая и накапливая производительные силы и средства”. Когда я дочитал до ожидания помощи от Человека из Англии, рассмеялся...

“Что касается меня лично, – продолжает моя почтенная корреспондентка, – то я глубоко верю в жизненность идеи нашего инициатора и так много от нее жду... Ведь тогда могло бы случиться то, что вся наша обширная Русь зажила бы новою жизнью, а по лицу земли русской кооперации выростали бы как грибы. Тогда песенка капитализма была бы спета; Давид победил бы Голиафа его же оружием; дайте только сначала в руки Давида *праиц* да не препятствуйте сражаться под знаменем лозунга *во имя Бога и человека за мирный труд и прогресс!*”. В *postscriptum* прибавляется, что новую идею разделяет другой мой сочувственник и корреспондент, фотограф, забраванный в солдаты за глухоту на одно ухо. “Теперь он всем своим существом отдался новой идее и готов жизнь положить за нее”, хотя он “был толстовцем с головы до пяток”.

Прочел я это письмо, и невесело мне стало на душе. Хотя и незнакомые, но расположенные мне люди, люди, вероятно, очень хорошие, пылкие энтузиасты, требуют у меня сочувствия. Их осенила “идея”, показалась им великой, и я должен дать громкое выражение. Но, друзья мои, простите меня, я такой идее не сочувствую. Не могу, сколько бы ни убеждал себя, понять ее величия. Мне эта идея кажется ошибочной и пустой. Если я понимаю верно, суть этой идеи в том, чтобы убедить какого-нибудь капиталиста подарить кружку пролетариев некоторый капитал, на который будет куплена земля и устроена трудовая община, цель которой – борьба с капитализмом и поражение его. Сомневаюсь, чтобы нашлись такие наивные “капиталисты”,

которые стали бы организовывать пролетариев в ущерб себе. Мечтать о таких благодетелях просто забавно. И забавна, и возмутительна одна черта почти всех наших “великих идей”, предлагающихся для общественного спасения: все они требуют “денежного пособия”. Иначе как на чужой счет они не могут выдержать даже короткого опыта. На свой счет мы умеем устраивать только нелепо, только отвратительно, – когда же захотим устроиться “разумно” и “честно” – сейчас же требуем субсидии, если не от казны, то от частных благотворителей. Казалось бы, наоборот: если “идея” жизненна и верна, она сама по себе сила огромная и подобно усовершенствованной машине быстро вытесняет все неуклюжие, зачаточные механизмы. Если бы кооперация, о которой пишет дама, была возможна при современных условиях, она давно была бы осуществлена, так как в каждый данный момент осуществляется лишь то, что возможно. На деле мы видим, что предлагаемая дамой кооперация в разных углах России возникала много раз – и без всякого успеха. “Идея” эта вовсе не новая, вспомните энгельгардтовские и так называемые толстовские колонии (говорю “так называемые”, потому что не думаю, чтобы Л. Н. Толстой им сочувствовал). Всегда все эти попытки возникали искусственно и на чужой счет, и всегда лопались. В настоящее время существуют три известные попытки этого рода: В. В. Еропкина на Кавказе, Н. В. Левитского на Юге и Н. Н. Неплюева в Черниговской губернии. На разные манеры, но все эти деятели осуществляют уже немало лет ту самую идею, которая вдохновила мою северную корреспондентку. Всех этих трех представителей я знаю лично и люблю, как людей интересных и энергичных. Но со всеми тремя, взглядевшись в дело их, я совершенно не согласен и не имею ни малейшей веры в их “идеи”. Дело в том, что во всех трех случаях общинная братская жизнь сама себя не окупает; колония близ Новороссийска требует постоянной помощи от своего основателя, который для добывания средств должен работать где-то на фабрике, т. е. в капиталистическом производстве, которое его община должна бы отрицать. Артели Левитского – они и основаны на пожертвования, и ими же да субсидиями земства держатся. “Трудовое братство” г-на Неплюева, как видно из отчетов, тоже себя не окупает и требует присутствия неоскудевающей руки. Во всех трех случаях, очевидно, опыт держится только личной энергией названных лиц: с их смертью, как я глубоко убежден, дело их рухнет, как исчезло замечательное движение, вызванное А. Н. Энгельгардтом, автором “Писем из деревни”. Я, конечно, безусловно, сочувствую трудовой жизни в деревне и братской взаимопомощи, но столь же решительно убежден, что искусственно, на чужой счет ничего нельзя устроить. Я верю в полную осуществимость даже Царства Божиего, но на свой счет и своими усилиями тех, кто войдет в него. Мне кажется, прежде чем не явятся элементы, вполне пригодные для хороших коопераций, прежде чем не явятся честные трудолюбивые люди, – сколько-нибудь прочные трудовые общины невозможны. Это лучше всех понял Н. Н. Неплюев, воспитывающий членов своего братства посредством особой сети приютов и школ. Но и у него – так как воспитание идет “на чужой счет” – грех искусственности сказывается во многом, особенно в непрочности общинной жизни. Около четверти приготовленных к новой жизни братчиков, несмотря на соблазн наследовать огромное состояние, все-таки ушли из братства. Еще хрупче артели г-на Левитского, а колония г-на Еропкина представляет сплошное крушение; тут столько раздоров и разрушенных надежд, что и не честь.

А о более мелких «колониях» я и не говорю; по всем рассказам, они распадаются; не слышал ни об одной общине, которая процветала бы. А люди во главе их становились незаурядные. Н. Н. Неплюев, В. В. Еропкин, Н. В. Левитский не только идеалисты, но и хорошие практики и далеко не пролетарии. У всех у них есть связи, образование, умение вести пропаганду своих убеждений и печатно, и устно, и, наконец, люди они пожилые, т. е. с жизненным опытом, который стоит хорошей школы. И все-таки дело у них идет неважно. Приходится не только материально нести убытки, приходится в самой идее допускать тяжелые компромиссы, которые обесмысливают иногда все дело. Новороссийские, например, колонисты выделывают, между прочим, вино на продажу; христианское трудовое братство г-на Неплюева держит два винокуренных завода. Общины, стремящиеся осуществить нравственный идеал жизни, эксплуатируют окружающее население, торгуют всяким товаром без разбора и вступают во всякие союзы, хотя бы с сомнительным назначением. Начатые с целями возвышенными и чистыми, общины очень быстро или распадаются, или принимают вид уже существующих коопераций, основанных только на выгоде. Чем объяснить этот грустный факт? Ошибкою ли в самом принципе братской жизни? Конечно, нет. Идея земледельческих и вообще трудовых общин прекрасна; хоть и не часто, но встречаются случаи вполне удавшихся колоний – стоит назвать меннонитов или закавказских духоборов. У них при невероятно плохих внешних условиях, в изгнании, на почве бесплодной и суровой, очень быстро земля превращается в Ханаан и все жители ее богатеют. Они не требуют ни горячих статей в печати, ни общественной благотворительности, ни субсидий от земства, ни “помощи человечества из Англии”, ни винокуренных заводов. Они сами себя окупают и дают большие избытки (которые, кстати сказать, часто и губят их дело – внося нравственный разлад). У них и природа, и скот, и сами люди приобретают вид пышный, роскошный, а главное, в общине держится высокий дух действительного, не теоретического, не книжного, а живого братства, которое и творит это чудо счастливой жизни. Да, но это не достигается так просто, как кажется иным мечтателям. Это и в самом деле почти чудо, т. е. явление, требующее силы почти не здешней, и силы нравственной. В удавшихся кооперациях все держится на нравственном принципе, на одушевлении веры горячей, на неудержимом стремлении к жизни новой, свежей, безукоризненной, Люди такого закала, когда сходятся вместе, непременно образуют прекрасную группу; без всякого плана, “устава”, статей и дебатов. Хорошие элементы входят только в хорошие же сочетания: как их не разместить, все выйдет красиво, сильно и жизненно. Зачем тут “лозунги” и “знамена”? Хорошие люди, если бы и хотели, то не могут сорганизоваться плохо. Наоборот, люди, нравственно не подготовленные, в самое идеальное сочетание внесут нечто такое, от чего оно рассыплется. Нынче много говорят об “организации добра”, но я сколько ни видел подобных организаций, вынес убеждение, что добро нельзя организовать искусственно. Добро само по себе есть сила организующая, которая, раз она есть налицо, непременно сама сорганизуется; она сложится так, как и представить трудно. *Дух дышит, где хочет*⁴⁵, и можно ли ему начертать программу? Поэтому, когда я вижу истинно хорошего человека, мне за него не страшно; он непременно

---

⁴⁵ Ин. 3, 8.

выйдет из дурных общественных союзов и войдет в хорошие, он кооперируется с подобными ему людьми естественно и просто, не имея даже представления о лозунгах и девизах. Если же человек “так себе”, со слабостями и без трудовых привычек, то я уверен, что он ни в одной общине не будет нужным. Особенно плохо верю я в наши “интеллигентные” начинания. Если вступают в трудовую кооперацию крестьяне – это вещь естественная и осуществимая; крестьяне с младенчества готовятся к общинной и трудовой жизни. Сотни тысяч общин живут искони веков, сложившись без печатной пропаганды и без “помощи человечества из Англии”, они живут потому, что это так же естественно для них, как деревьям составлять лес или животным – стадо. Но когда трудовую кооперацию затевают интеллигенты, двигавшие всю жизнь не сохою, а пером, я боюсь, что из их порыва ничего не выйдет. Редкие (редчайшие) исключения возможны, но правило, мне кажется, убийственное для нас. Мы очень уж испорчены, расслаблены, засорены, заржавлены – где нам составить правильный механизм? Нас, как отдельные части заржавленных часов, прежде чем сблизить в кооперацию, нужно тщательно чистить и шлифовать, а многие и совсем безнадежны. При нынешнем нравственном состоянии общества я не вижу шансов на процветание трудовых братств. Даже народные братства, сельские общины рушатся вследствие порчи нравов. Как ни симпатичны добрые намерения моих корреспондентов, но я не могу верить в их столь легкую осуществимость. Искусственно же поддерживать, привлекать внешние “средства” к явлению, не имеющему внутренней силы жить, мне противно. И без того мы насквозь проедены паразитизмом: плодить новых паразитов едва ли нужно»⁴⁶.

В своей следующей публикации от общих измышлений М. О. Меньшиков перешел непосредственно к нападкам на Н. Н. Неплюева:

«Я уже имел случай высказать мое общее отношение к учреждениям г-на Неплюева. Мне тяжело писать против этого почтенного деятеля, с которым меня связывают хорошие личные отношения, но боюсь, как бы мое молчание не было сочтено за знак согласия с ним. Своим участием в журнале, где печатается г-н Неплюев, я мог дать повод считать себя его единомышленником, что совершенно неверно. Самый принцип деятельности г-на Неплюева я считаю большой ошибкой, которая будет признана когда-нибудь – если не им самим, то публикой. Когда несколько лет тому назад я впервые прочитал брошюру г-на Неплюева о трудовом братстве в Черниговской губернии, то пришел в восторг и собрался писать о братстве, но, к счастью, что-то мне помешало. Затем года три тому назад г-н Неплюев посетил меня и подарил свои сочинения. Из многочисленных бесед с ним я вынес уже некоторое разочарование, из сочинений его – еще большее, стихотворения же его учеников, изданные в его честь, показались мне нескромными в выражении обожания. Я слушал лекции г-на Неплюева о его братстве (в частных домах) и убеждался из них как раз в противном тому, что он доказывал. Наконец, по просьбе Николая Николаевича, я посетил его черниговское братство и провел в нем, в начале августа прошлого года, неделю. Я присутствовал при приемных экзаменах, выпускном акте, собраниях братства, молитвах, музыкально-литературных

⁴⁶ Меньшиков М. Отклики // Неделя. 1899. № 19.

утрах, богослужениях в церкви, обедах, молебствиях на дому, беседах, осмотрел внимательно все, что мне показали, обошел все семьи и учреждения братства, бывал с управляющим на полевых работах, осматривал заводы, мастерские, скотные дворы, ездил на хутор, – словом, старался – сколько доступно моим силам – взглядеться и уяснить себе истинный дух деятельности г-на Неплюева. Нечего говорить, что от меня не скрывали ничего, что всего лучше рекомендует братство. И при всем том – как это ни грустно было для меня – я вынес окончательно разочарование, которое не скрыл от моих любезных хозяев. Меня пригласили лично ознакомиться и высказать свое мнение, – я это и сделал, как мог. Г-н Неплюев и его поклонники могут доказывать, что я грубо ошибаюсь, – я против этого спорить не буду. Я только высказываю то убеждение, которое во мне составилось обдуманно и прочно.

Когда-нибудь, если это будет нужно, я изложу подробно мои впечатления, вынесенные из знакомства с неплюевской общиной; цель же этой заметки – дать мое категорическое мнение о ней. Самого Н. Н. Неплюева я считаю человеком замечательным, в своем роде, религиозным утопистом, исполненным самых благих намерений, – но, к сожалению, не только благих. Мысль его – устроить жизнь на началах христианского братолюбия – прекрасна, но средства для этого взятые, как мне кажется, не безупречны. В черниговском братстве я не встретил тех начал, которые считаю христианскими. Опять же скажу, что, может быть, не г-н Неплюев ошибается, а я; в спор вступать не буду, – но мне хотелось только сказать, что между нашими понятиями о христианстве лежит пропасть. У г-на Неплюева я нашел огромное, многомиллионное имение с цветущей экономикой, литейными, сахарными и даже винокурными заводами, – что-то около 20 000 десятин земли – среди крайне стесненного землею населения. Это очень бедное и невежественное население обрабатывает и свою землю, и дает возможность существовать неплюевской общине. Сама себя она не вполне прокармливает. Братство со своими школами, приютами и пр. состоит большею частью из крестьянских же детей (по строгому выбору), но перевоспитанных немного на барский лад. Мне очень понравилась сначала тишина, благопристойность, чинность жизни в братстве, чем-то монастырским – но хорошим монастырским повеяло на меня. Но затем я увидел, что эти дети народа уже навсегда оторваны от народа и не возвращаются к нему, увидел, что к родному крестьянину они относятся с интеллигентным пренебрежением, что их идеалы, вкусы, привычки – не народные, и мне показалось, что я вижу мужицких детей, переделанных на шляхту. Они еще принимают участие в полевых работах, но все стремятся в учителя, управляющие, конторщики, бухгалтеры, приказчики и т. п. Все они порядочно образованы, начитаны; некоторые из них пишут стихи, прекрасно декламируют, играют на скрипке и т. п. Все они связаны материальным соблазном – огромное богатство г-на Неплюева дает им не крестьянскую, вполне обеспеченную обстановку в настоящем и надежды в будущем (г-н Неплюев имел, как известно, намерение оставить свое состояние братству). Живут в общине довольно дружно, что достигается беспощадным выбрасыванием за борт всех, кто только не повинуется порядкам общины беспрекословно. С первого взгляда можно подумать, что законом жизни здесь служит взаимная любовь, но затем вы замечаете внутренние, как бы прикрытые гирляндами хороших слов железные механизмы личной воли г-на Неплюева, замечаете самую суровую,

деспотическую дисциплину. Она поддерживается, конечно, не наказаниями, а системой взаимного надзора и страхом изгнания. Тут почти каждый имеет наблюдателя своей души, и всем вменено в обязанность разыскивать сучки в глазу у братьев своих. Поступки друг друга собираются, записываются в нарочно заведенные книги, публично обсуждаются и оберегаются от забвения. Около трети окончивших школу не выносят этого нравственного удушья и, не смотря на указанные соблазны, по окончании курса не вступают в братство. Между теми, кто остается, я не заметил искренней любви (в большей степени, чем всюду среди товарищей), не заметил искренней радости жизни...

Правда, никогда в жизни я не видел столь бесчисленного, повального целования друг с другом, стольких рукопожатий, речей приветственных и даже слез (на церемониях акта), – но все эти изъявления любви были, как оказалось, заранее обдуманы, определены программой, установлены обычаем. Никогда в жизни я не слушал столько нравоучений и повторения слов “Бог – любовь”, – но того, чтобы сама жизнь здесь была нравоучительна, чтобы она безмолвно обнаруживала этого Бога – я не заметил. Н. Н. Неплюев делает, кажется, все возможное для того, чтобы братство сложилось в христианскую идиллию, но ошибка его в том, что ему хочется сохранить и все то, что эту идиллию отрицает, все так называемые “соблазны мира сего” – богатство, комфорт, почет и мир со всеми. Является необходимость в компромиссах с совестью, и самых широких. Получается фальшь – откровенно скажу – для меня казавшаяся невыносимой. Я бесконечно далек от того, чтобы считать себя истинным христианином, но мое представление об истинном христианстве мне очень дорого, и это представление было возмущено тем, что я видел. Если бы г-н Неплюев признал смиренно, что практика его отрицает христианский идеал, то мы имели бы в его лице замечательный пример человека, стремящегося к христианству. Но г-н Неплюев утверждает обратное и видит в своей деятельности именно то, чем должно быть христианство, а потому и крайне преувеличивает достоинства своих учреждений. Было хорошее время, когда Н. Н. Неплюев, никому не известный отставной дипломат, засел в деревне, окружил себя мужицкими ребятишками и скромно учил их тому, что сам знал, заботился о них, как о своих детях. Это было дело христианское, прекрасное. Но прошли года, отошло смирение, явилось желание показать всем свое доброе дело, явилась необходимость придать ему грандиозную видимость – и наступил период, как мне кажется, упадка. Дни черниговского братства, по-видимому, сочтены. Живое начало в нем замирает, – для меня, по крайней мере, это несомненно. Община могла бы существовать очень долго, если бы ее оживляла какая-нибудь великая идея – религиозная или нравственная. В черниговском братстве я такой идеи не заметил, хотя “на бумаге” она и числится. Повторяю – мне очень не хочется обидеть кого-нибудь этой заметкой. Она вынуждена: Н. Н. Неплюев естественно стремится сделать свое личное дело – общественным. От меня требуют моего мнения об этом деле – и я его высказываю»⁴⁷.

Н. Н. Неплюев стал живым примером того, как отдельные мнения, основанные большей частью на личных впечатлениях и собственных идеологических установках, возводятся в принципы, за которыми следует либо восхваление, либо порицание. Мало кто пытался понять возникшее явление, потрудился изучить его основательно. И это при условии, что существенные

⁴⁷ Меньшиков М. Отклики // Неделя. 1899. № 49.

особенности учреждений Неплюева, проявлявшие себя уже в период становления, заставляли придавать им несравненно большее значение и большего от них ожидать.

Оппоненты Н. Н. Неплюева не давали ему, как это чаще всего и бывает, главного – времени, а ведь только оно могло обнаружить, насколько практичны учреждения Крестовоздвиженского трудового братства. Но какой бы ни оказалась их жизнеспособность или, наоборот, утопичность ввиду чрезвычайно высоких требований, предъявляемых к ним их создателем, – и педагогическая система, и православная трудовая община навсегда остались бы интереснейшей попыткой в истории стремлений человечества к облагораживанию своего социального строя и замечательным усилием частного лица в культурном возрождении своего народа. На этом пути непременно должны предполагаться немалые ошибки, но не они составляют главное; важность не в ошибках, а в том положительном и хорошем, что прибавляет новаторская деятельность к уже достигнутому и найденному ранее.

Те, кто не ценили в подвижнической деятельности Н. Н. Неплюева положительного и хорошего, отказали ему в возможности развития, поступили неблагодарно и неблагоразумно, продолжили *сетовать* на отсутствие социальной инициативы у частных лиц, *обвинять* представителей имущего класса в том, что они тратят свои средства на удовлетворение лишь своей прихоти, *возмущаться* тому общественному состоянию, при котором гибнут в зародыше многие добрые начинания и торжествует злая рутина.

«У нас, – писал Неплюев, – не признают еще за собой обязанности понимать, любить и оберегать человеческое достоинство, а считают своим неотъемлемым правом заподозривать, злословить и всячески оскорблять и вредить»⁴⁸. И потому он заявил своим противникам лаконично, категорически и буквально по пунктам:

1. Дело трудового братства есть дело веры, мира и любви, дело воспитания детей на принципах добровольной и сознательной дисциплины любви и организации всех видов труда на началах братолюбия;

2. Пусть нас обвиняют в жестокости, отсутствии христианской любви и узости наших педагогических принципов, но тех, кто захочет *храм братства и храмы школ наших обратить в вертепы разбойников*, непременно будем исключать и из братства, и из школ. Все это по той причине, по которой нельзя допускать в церкви человека, выступающего с акробатическим представлением, как нельзя оставить в хоре человека, который бы вздумал проявлять свою свободную индивидуальность пением камаринской во время херувимской;

3. Наличие винокуренного завода не считаем себе за грех, бессистемной благотворительности не сочувствуем, покупать общественное мнение показным комфортом казарм для наемных рабочих не собираемся;

4. К церкви и государству относимся с искренней любовью, не видя в этом для себя никакого компромисса;

5. Никогда и ни при каких обстоятельствах вновь принимаемые члены трудового братства от родителей не отрекались;

6. Никогда не было обычая целования мне руки ни после молитвы, ни когда бы то ни было;

7. Приемы в кружки и братство совершаются исключительно священником церкви, следовательно, ни о каких мистериях вне церкви не может идти даже речи;

---

⁴⁸ Неплюев Н. В защиту братства // Неделя. 1899. № 51.

8. Мы, верные сыны православной церкви, ни в чем от нее не отделяемся, и лишь желаем, чтобы буква не преобладала над животворящим духом, а наше братство не обратилось в фарисейское учреждение;

9. Никогда я в ризы не облачался и никаких богослужений не совершал, а, по благословию епископа⁴⁹, с церковной кафедры обращался с поучениями, облакаясь в стихарь, и то до тех пор, пока в нашем храме Воздвижения Креста Господня не появился настоятель;

10. Нет ни малейших оснований обвинять членов братства в неискренности и корыстных побуждениях, как и говорить о его разложении. Трудовое братство постепенно возрастает как в численном отношении, так и нравственном⁵⁰.

---

⁴⁹ Облекаться в стихарь и произносить поучения с церковной кафедры благословил Н. Н. Неплюева соответствующею грамотою преосвященный Сергей, епископ Черниговский и Нежинский.

⁵⁰ Неплюев Н. Н. В защиту братства.

Глава IV. Братьям-мирянам

Н. Н. Неплюев приходил в уныние при любой попытке кого бы то ни было проводить аналогии между Крестовоздвиженским трудовым братством и иными братскими объединениями людей в России, но особенно за границей. Чаще всего ему приписывали попытку внедрить в Российской империи опыт Силезии по образу и подобию братства графа Люттихау. Для прекращения подобных инсинуаций Неплюев обращается в редакцию Черниговских губернских ведомостей с открытым письмом, в котором пытается расставить акценты. В частности, он свидетельствует, что графа Люттихау уважает, дружбу с ним почитает себе за честь, но «заимствовать от него основную мысль и, тем более, учреждать трудовое братство по образцу того, что видел у него, не мог уже по тому одному, что познакомился с ним, когда все дело братства трудового было уже закончено, и что никакого трудового братства, по типу нашего братства, ни в Силезии, ни в какой-либо другой стране Европы не существует. Напротив, во время моего пребывания у графа он созвал представителей многих, основанных им религиозных союзов и просил меня рассказать им о нашем трудовом братстве, желая дать им возможность учредить подобное братство, существование которого он признает весьма желательным для церкви и христианского государства»⁵¹.

Больно и обидно было истинному православному христианину Н. Н. Неплюеву выслушивать в свой адрес суждения о вредных иностранных и иноверных влияниях, оказываемых на него в ущерб *верности православию и доброму русскому христианскому патриотизму*. Основаниями для обвинения Неплюева в якобы его исключительных симпатиях к протестантскому католическому миру послужили сочувственные статьи о Крестовоздвиженском трудовом братстве английской писательницы Кру (Crewe) в журнале «Армия церкви», издаваемом представителем англиканского духовенства Карлейлем (Carlyle), католического аббата Можиса (Maugis) в бюллетене общества Святого Мартина и протестантского пастора Гутера (Houter) в марсельском журнале «Внутренняя миссия».

Н. Н. Неплюев со всей свойственной ему деликатностью объяснял, что часто ездит за границу и приобрел там много друзей, считает долгом своей христианской совести поддерживать дружеское общение с добрыми христианами всех народов и всех исповеданий. Он искренне радуется тому, что своей просветительской деятельностью приобрел для России и Русской православной церкви много новых друзей. Неплюев неоднократно был свидетелем тому, как сам факт его деятельности и учрежденного им трудового братства совершенно менял взгляды некогда убежденных врагов России и Русской православной церкви на диаметрально противоположные.

В очередной раз Неплюева обвинили в том, что он, дескать, ослепленный гордыней, в своих мыслях и чувствах вынашивает идею стать *исправителем церкви*. Что и как было отвечать на эти подозрения человеку, во всех своих сочинениях, во всех своих делах и поступках, наконец, во всех своих помыслах исходящему из святости и непорочности Церкви Христовой?!.. Он запирался у себя в кабинете и писал очередные открытые письма, воззвания, обращения к братьям-мирянам вернуться в лоно Церкви Христовой с тем, чтобы неукоснительно следовать заповедям ее главы – Спасителя мира, и тут же получал обвинения то во враждебности к монастырям, то в *самодовлеющем аскетизме* организованной им жизни.

Умудренный тяжелым опытом и просто доведенный до отчаяния Неплюев начинает оправдываться в том, что он не враг монастырей, что с глубоким уважением относится ко многим представителям иночества, что он никогда не соглашался с теми, кто осуждал монашество за некоторые из *немощей* и требовал его упразднения. Неплюева глубоко возмущало, когда

⁵¹ Неплюев Н. Н. Письмо в редакцию // Черниговские губернские ведомости. 1897. 4 февраля.

люди, не сочувствующие насилию вообще, с крайнею непоследовательностью выражали сочувствие насилию в конкретной форме. Для них у него наготове были слова апостола: «Совесть же разумею не свою, а другого: ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?»⁵². Тот или иной инок сам по себе может быть далек от желаемого идеала, но сами монастыри пронесли сквозь тьму веков идею трудового братства, за их стенами преодолевается человеческая корысть и стяжательство, признается духовное родство выше родства телесного. Что же касательно якобы *насаждаемого* в Крестовоздвиженском трудовом братстве *аскетизма*, то он отнюдь не *самодовлеющ*, т. к. не является самоцелью, а выступает лишь средством достижения *свободы духа и торжества любви*.

Помимо злых и подчас надуманных публикаций Н. Н. Неплюева стали сопровождать ложные, но упорно распространяемые слухи. Одни говорили, будто Неплюев, изгнав приходского священника, сам ведет церковные службы, другие – будто члены братства вообще отказались от ношения крестов и стали безбожниками... Николай Николаевич пытался в борьбе за общественное мнение рассеивать всякого рода слухи и домыслы, горячо желая, чтобы осуществляемое им *дело мира и любви* поставлено было в нормальные условия, как для *блага* братства, так и для *достоинства* церкви поместной. Стремясь, чтобы братство, как дело общецерковное, находилось в положении *любимого и законного детища*, Неплюев умолял рядовых служителей церкви стать миротворцами и выступить защитниками правды. С этой целью он даже обратился с письмом к редактору Черниговских епархиальных ведомостей:

«...При воздвиженской сельскохозяйственной школе я на свои средства выстроил и содержу православный храм во имя Воздвижения Креста Господня. При этом православном храме учредил православное трудовое братство. Братство это с доверием поставил под покровительство православного епархиального епископа. В храме нашем совершаются каждое воскресенье и во все важнейшие праздничные дни православные богослужения. О благолепии православного богослужения в нашем храме заботимся по мере сил, украшая служение внятным чтением и стройным пением соединенного хора обеих сельскохозяйственных школ (мужской и женской) и трудового братства. Священником при нашем храме, законоучителем обеих школ и духовником всех членов братства состоит кандидат богословия Московской духовной академии.

22 июля 1895 года на церковном торжестве открытия трудового братства, во время соборного служения, на нас православным священником были надеты братские кресты, которые мы и носим по праздничным дням, дорожа ими, как вещественным изображением принятого нами на себя креста невещественного – стройной организации жизни и труда на началах завещанного Главою Церкви, Христом Спасителем, братолюбия; дорожим и как вещественным знаком признания дела нашего и благословения его церковью поместною.

Казалось бы, всего этого с избытком достаточно для того, чтобы не могло возникать никаких сомнений в верности нашей церкви и признании ее авторитета.

К сожалению, слишком многие в недоброжелательстве своем доходят до изобретения и распространения самых нелепых слухов, и слухи эти, несмотря на очевидную их нелепость, слишком многими принимаются с доверием...

В защиту трудового братства я вынужден был сказать многое, что может стать источником новых нареканий на меня и братство. Не гордость говорит

---

⁵² 1 Кор. 10, 29.

во мне, так как я глубоко убежден, что мы ничего не можем сами по себе, но что все может Бог живой сделать через нас, *во всякой немощи проявить силу свою*⁵³, когда добрая воля позволяет Ему действовать через нас, не насилуя свободы воли своих созданий. Дело трудового братства не наше изобретение и не наше исключительное дело. Трудовыми братствами были и христианские братские общины времен апостольских, и общежительные монастыри. Это дело общецерковное, которое Господь *благоволит творить в немощи нашей* только потому, что мы имели добрую волю отдавать жизнь и силы наши на это дело, имеем и веру в правду, и осуществимость завета братолюбия, веру, сдвинувшую уже многие горы на нашем пути.

Мы сами – люди слабые, немощные, только постепенно воспитывающиеся на деле, которое делаем, от веры в веру, от любви в любовь. Чего мы желаем, это того, чтобы нам прощали немощи наши, как Господь нам их прощает, благоволя творить силу в немощи нашей, желаем, чтобы к нам относились с доброжелательным доверием и не отказывали нам в братской любви, несмотря на немощи наши, ради любви к общецерковному делу братства трудового, которому мы служим по силе разума и по требованиям христианской совести нашей»⁵⁴.

Но болезненнее всего для Н. Н. Неплюева был толстовский контекст рассмотрения его идей. Именно здесь он усматривал отказ российского общества в признании искренности его убеждений, *чистоте* замысла, новизне действий. Отдавая должное вкладу Л. Н. Толстого в дело пробуждения в русской интеллигенции религиозного интереса, Н. Н. Неплюев был далек от его взглядов, т. к. неизменно был, что называется, лично верен *классическому* православию, восходящему к Святым Отцам, и доброму христианскому патриотизму, всегда оставался верным сыном русской православной традиции и Русской православной церкви. Так что, любое соединение мысли и дела Толстого и Неплюева воедино не только не соответствовало истине, но и порождало определенного рода недоразумения.

Были ли личные контакты между Неплюевым и Толстым, когда и при каких обстоятельствах виделись эти два человека, каков был характер их переписки – сказать сегодня трудно, а точнее, вообще не представляется возможным. Со слов Н. Н. Неплюева можно судить о том, что специально Л. Н. Толстого он не посещал и в Ясную Поляну к нему никогда не ездил. Документально подтвержден лишь факт, что 12 ноября 1893 года из Воздвиженска Неплюев направляет графу Толстому письмо, в котором излагает свои религиозные взгляды. 10 декабря 1893 года из Москвы последовал ответ Толстого:

«Многоуважаемый Николай Николаевич, я очень рад был вашему письму и тому доброму расположению, которое вы в нем выражаете мне. Поверьте, что хотя я только один раз видел вас, я знаю про вас столько хорошего, что это чувство совершенно взаимно! Но старому лгать, что богатому красть. Я очень люблю эту пословицу, она так ясно выражает часто испытываемое мною в старости чувство. Жить остается недолго, как же скрыть то, что перед Богом считаешь правдой, такой правдой, которой живешь и с которой предстанешь на суд тому, кто послал нас сюда. Я бы не стал вам говорить того, что считаю правдой, если бы, за что я вам очень благодарен, вы не сочли нужным высказать мне то, в чем вы не согласны со мной. Но раз вы сказали это, с моей стороны была бы ложь промолчать.

⁵³ Ср.: Но Господь сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи». И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова (2 Кор. 12, 9).

⁵⁴ Неплюев Н. Н. Письмо редактору // Черниговские епархиальные ведомости. 1897. 4 февраля.

Я думаю, что ученье Христа есть прежде всего ученье истины, как он сам сказал это, и что поэтому все, что отделяет нас от истины, усложняет, путает понимание ее, все это мешает нам соединиться с Христом, с Богом, а потому и друг с другом. В вашем же исповедании есть много лишнего, мешающего вам самим, такого, что вы с трудом можете облечь в понятную, удобовоспринимаемую форму. А это опасно. Я знаю и перестрадал ту страшную дилемму, которая становится перед каждым человеком, проснувшимся к религиозному чувству и начинающим устанавливать свое отношение к Богу: отделиться от людей, но не принять ничего лишнего, или остаться с людьми, загромоздить свое понимание Бога сложными, ненужными, застилающими Бога верованиями, стараясь придать им искусственный смысл. Выбор второго выхода опасен. В деле веры нельзя удовлетвориться *à peu près*⁵⁵. Истина всегда ясна и проста. И я избрал первый выход; сначала остался один, но, как я верю, с Богом; но потом оказалось, что я не только не один, но со всеми теми людьми и прошедшего и настоящего, с которыми более всего желал единения. Боюсь же за вас того, что вы, желая остаться с людьми и для них сделав уступки, почувствуете себя одиноким, потому что сближение, единение людей только в одной любви, в одном Боге; ни в Христе, ни в Магомте, ни в Будде, а в Боге.

Пожалуйста, кротко и сердечно отнеситесь к моим словам, главное не забывая того, что я не себя защищаю, не на вас нападаю, не имею никакого при этом личного чувства, а одну мысль, что, войдя в общение, и любовное общение с искренним человеком, как вы, я поступил бы дурно, если бы не сказал того, что думаю и чувствую.

Если вам покажется несправедливым все, что я сказал, простите меня, если же что-нибудь из этого пригодится вам, буду очень рад. Поклонитесь от меня милым технологам⁵⁶, которых я искренне любил.

Делу вашему я сочувствую всей душой и желаю ему продолжения успеха»⁵⁷.

Сохранились еще два свидетельства обращения Л. Н. Толстого к Н. Н. Неплюеву. В письме к Л. Ф. Анненковой (19 августа 1895 года, Ясная Поляна) Толстой пишет:

«...Рассказывал мне Сергей Терентьевич, что у вас был разговор о Неплюеве и пользе, которую приносят его приюты и тому подобное, и что вы или еще кто-то говорит, что он бы больше принес пользы, если бы не делал уступок для успеха своего дела, а показывал бы пример твердости. Я и с этим не согласен. Вопрос о пользе должен быть совсем оставлен христианином. Никто не может знать, какую и чем и кому он может принести пользу. Польза вся вне нашей власти; но знать, что мы должны делать для исполнения воли отца, это мы знаем и это должны делать. Я пишу это, потому что часто про это думал и говорил в последнее время и считаю это очень важным...»⁵⁸.

В конце июня 1909 года Л. Н. Толстой получил письмо от крестьянина Федора Андреевича Абрамова – организатора симбирской «Общины свободных христиан». В нем, в частности, говорится:

---

⁵⁵ Приблизительно.

⁵⁶ Студенты-технологи: Иван Степанович Проханов, впоследствии глава и руководитель петербургской общины евангельских христиан, и его товарищи.

⁵⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1992. Т. 66. С. 446–447.

⁵⁸ Там же. Т. 68–69. С. 141.

«В будущую весну мы намерены открыть земледельческую школу, как у Неплюева в трудовом Крестовоздвиженском братстве, для этого мы хотим войти с ним в близкое общение. Вам, конечно, известна Неплюевская школа, будьте так добры, не знаете ли вы за ней каких-либо недостатков»⁵⁹.

---

⁵⁹ Там же. Т. 38. С. 529.

Глава V. Понимание и поддержка

От душевных травм, связанных с наветами и непониманием, Н. Н. Неплюева спасало, как всегда, Евангелие, нравственно и экономически прирастающее Крестовоздвиженское трудовое братство, верные сторонники и единомышленники. Духовно наставлял и молитвенно поддерживал Николая Николаевича в трудные минуты преосвященный Макарий, епископ Калужский и Боровский. Всем был памятен его приезд в Воздвиженск 10 мая 1900 года и то, с какой любовью и простотой он общался и с членами братства, и с воспитанниками школ. Уезжая, владыка выразил желание стать членом православного Крестовоздвиженского трудового братства (преосвященного Макария избрали первым почетным членом братства 7 января 1901 года) и вскоре прислал Н. Н. Неплюеву свое стихотворение-посвящение:

Я был в гостях в семье духовной.
Прекрасная настала ночь,
В природе было все спокойно,
И время шло уж за полночь.

Сияли в небе звезды ясно,
И аромат несли цветы,
Гремели хоры сладкогласны,
И громко пели соловьи.

И две картины лучезарных
Тогда предстали предо мной:
Детей собранье благодетельных,
И мир с небесною красой.

И братством та семья зовется,
Сияет крест над ней честной,
Она путем любви ведется
И крепнет верою святой.

Когда б таких семей духовных
Побольше стало б на земле,
Во градах и селеньях скромных
Престал бы мир лежать во зле⁶⁰.

Понимание и поддержку Н. Н. Неплюев находил и у членов императорской фамилии. 5 марта 1900 года, после приема у принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, он имел счастье удостоиться продолжительной аудиенции у ее императорского величества государыни императрицы Александры Федоровны, оставившей о себе неизгладимое впечатление «вдумчивым отношением к обстоятельствам русской жизни и любовью к русскому народу»⁶¹.

И. И. Барановский, друг Н. Н. Неплюева и убежденный сторонник его дела, обратился к отцу Иоанну Кронштадскому с просьбой вступить за православное Крестовоздвиженское

---

⁶⁰ Отчет блюстителя православного Крестовоздвиженского трудового братства от 14 сентября 1899 года по 11 сентября 1901 года. Глухов, 1901.

⁶¹ Там же.

трудовое братство и написать статью в его защиту. По убеждению Неплюева, этот поступок Барановского ставил в неловкое положение и отца Иоанна и братство. С одной стороны, усматривалось злоупотребление добротой уважаемого пастыря, которого просят о защите дела, ему лично совсем незнакомого. С другой стороны, само братство становилось в странную позицию, точно хотело спрятаться от нападков на него под защиту авторитетного, всеми уважаемого человека. Эти размышления заставили Николая Николаевича послать отцу Иоанну телеграмму с просьбой принять его для личных объяснений.

К большой радости Неплюева, такая встреча состоялась.

«С полковником Семенским, – вспоминал Н. Н. Неплюев, – у которого в доме я переночевал, мы пошли к ранней обедне в Андреевский собор. Меня провели в алтарь, где я и присутствовал на служении отца Иоанна. Извещенный обо мне отцом Андреем Шильдским, отец Иоанн во время чтения *часов* подозвал меня к себе и, благословив, сказал: “Пойдем к жертвеннику, там помолимся”. Пройдя к жертвеннику, отец Иоанн спросил: “О чем особенно помолиться?”. Я ответил: “Прошу помолиться о том, чтобы через меня воля Божия совершалась. Мне предстоит завершить устройство братства трудового, основанного мною в моем имении. Искренне желаю, чтобы все совершалось по воле Божией. Боюсь, чтобы, заботясь о будущих судьбах братства, мне не ошибаться, принимая личные желания за волю Божию”. “Вот это хорошо и, думаю, чувственно”, – сказал отец Иоанн, обнимая меня. Потом мы оба стали на колени и молились. Когда мы встали с молитвы, подошел полковник Семенский и сказал: “Прошу Вас, батюшка, после обедни пожаловать к нам, Николай Николаевич хотел бы с вами поговорить наедине”. “Приеду, друже, приеду непременно”, – ответил отец Иоанн, обращаясь ко мне и положив руку на мое плечо.

После обедни отец Иоанн действительно приехал. Нас оставили наедине. Я сказал, что мне обидно думать, что его уважаемое имя будет причастно к полемике по поводу таких статей, на которые и сам я отвечать не хочу, что для меня гораздо дороже будут его святые молитвы о братстве и обо мне. Кратко рассказав ему о затруднениях внутренних и внешних, я просил его помолиться особенно о том, чтобы Господь дал остатку *верных* в братстве и мне терпение, великодушие, кротость, смирение и любовь, в которых мы так сильно нуждаемся в настоящее время. Все это отец Иоанн выслушал с любовью, обнял меня и потом довольно долго говорил, утешая, ободряя и лаская меня. Не все, сказанное отцом Иоанном и что память хранит в сердце моем, я считаю себя вправе предавать гласности. Между прочим он сказал: “Пошел за Христом, нельзя, чтобы не гнали, не злословили, не ненавидели за имя Его. Радуйся тому. Это доказательство, что ты служишь делу Божию, а не делаешь дело человеческое. Терпи. Даст Бог, смягчатся сердца гонящих тебя, и тебе даст Господь и терпение, и великодушие, и кротость, и смирение, и любовь”.

После того отец Иоанн отслужил молебен с водосвятием, а затем мы удостоились с ним позавтракать. Подав мне рюмку вина, он сказал: “Выпей чару, друже”. С негодованием он говорил о тех, кто “дерзает сеять зло и возбуждать против добра”. Уходя, он сказал: “Да даст тебе Господь успех во всех добрых начинаниях твоих”. Когда я провожал его, уже отъезжающего на лестнице, где по обыкновению многие стремились подойти к нему и получить от него благословение, он, обернувшись, сказал: “Рад, что с тобою

познакомился, я нашел в тебе истинно русского дворянина, занимающегося истинно дворянским делом”»⁶².

---

⁶² Там же.

Глава VI. Мировое возрождение

В смутные для России времена начала XX века Н. Н. Неплюева все больше захватывает идея осуществления *всероссийского братства*, объединяющего людей доброй воли для мирного возрождения страны в духе живой православной веры и любви. Работает он и над созданием партии *мирного прогресса*.

«Отечество наше, – пишет Неплюев, – переживает трудное время. Нет достаточного единения между главными участниками жизни государства: народом, интеллигенцией, высшими классами общества, властями и иерархией церкви православной. Более того – нет сознательного стремления к сознательному единению, не может быть и дисциплины любви, без которой государство обречено на внутренний вооруженный мир, не менее разорительный и опасный, чем вооруженный мир международный. Разлад пустил глубокие корни, мировоззрения, идеалы, этика, программа жизни разные...

Никакие репрессивные меры, никакая борьба, как бы искусно она ведена ни была, помочь горю не могут. Можно заставить молчать, можно временно подавить всякое внешнее проявление недовольствия и протеста, но к духовной гармонии, к взаимному добровольному согласию, доверчивой любви, единомыслию и единомудушию это не приведет, а без этой духовной гармонии не может быть и дружной совместной деятельности на пользу общую, не может быть спокойного и мирного развития государственного организма, не может быть благоденствия союза мира и любви. Необходимо убедить умы, привлечь сердца, пробудить сознательное стремление к единению.

Без этого все язвы нашего общественного организма: разлад умов, ожесточение сердец, стремление к наживе, безумная роскошь и удручающая бедность, презрение к тяжелому производительному труду, грубая борьба за легкий, выгодный и почетный труд, голодовки, волнения молодежи, стачки рабочих, массовые отпадения от православия одних и призрачная принадлежность к нему по букве других, все это станет явлением заурядным, недугом хроническим»⁶³.

Среди отличительных особенностей положения России конца XIX – начала XX вв., чреватых комплексом социальных противоречий, обострение которых в любой момент могло вызвать революционные события, Н. Н. Неплюев выделял следующие:

1. *Россия – государство православное и самодержавное*, но многие явления ее внутренней жизни находятся в полном противоречии с этим принципом.

2. Строй семейной, общественной, трудовой, а также личной жизни российских граждан недостаточно согласован с верой.

3. В народе нет достаточного *церковного самосознания*, что выражается в крайней мировоззренческой неустойчивости людей. Слишком многие православные люди не достаточно понимают, в кого веруют, веруют более формально, нежели сознательно, не понимают нравственной ответственности мирян перед церковью, считая церковью одно лишь духовенство и делая его за все ответственным.

4. Нет в народе и достаточного *государственного самосознания*. Большинство российских подданных не сознает громадного и благотворного значения *Божией милостью* самодер-

---

⁶³ Неплюев Н. Н. В единении сила // Всероссийское братство. СПб., 1907.

жавия, отчего во всех слоях общества происходит *шатание умов и сердец*, как в отношении управления страной, так и в созидании жизни.

5. Сознательное и бессознательное, явное и тайное *отступничество интеллигенции от истинного православия*. Слишком многие представители интеллигенции оказались неспособными устоять против атеизма, индивидуализма и прочих антиправославных основ западно-европейской культуры.

6. Сознательное и бессознательное, тайное и явное преклонение отдельных слоев российского общества перед конституционными, ультрадемократическими, республиканскими и даже анархическими западно-европейскими теориями: слишком много врагов принципа самодержавной власти среди русской интеллигенции; слишком много бессознательных анархистов среди народа.

7. Современная печать и русская литература, за малым исключением, проникнуты *слепым доверием* к западно-европейским ценностям и более или менее бессознательно *отравляют этим ядом* умы и сердца наших соотечественников.

8. Так называемая консервативная печать показывает обществу, не имея никакой определенной программы мирного прогресса, свою *неразборчивость и крайнюю беспринципность*. В своем отрицании необходимости какого-либо стремления к лучшему будущему она лишь компрометирует самые святые и очевидные истины.

9. В российском обществе *слишком мало единомыслия и единодушия, слишком мало гармонии и возможности единства действий* между разными его составляющими. Нет достаточной гармонии между верой, разумом и жизнью. Нет достаточной гармонии между иерархами Русской православной церкви, гражданскими властями, просвещенными слоями российского общества и массой русского народа.

10. Идеи православия и принципы самодержавной власти не в достаточной степени осуществляются в русской жизни, правда их не в достаточной степени ясна для умов, дорога для сердец граждан, составляющих русский народ.

11. Мало-помалу умы и сердца русских людей, *порабощаемые западно-европейским демонизмом*, теряют свою русскую православную самобытность; государство же российское, втягиваясь в рутину западно-европейской культуры, *уклоняется от самобытного пути*, назначенного ей Провидением.

12. Если *букве православия и самодержавия* не будет соответствовать дух жизни русского народа, *буква эта станет мертвящей*⁶⁴ и не будет иметь силы оградить Россию ни от *атеистического индивидуализма*, ни от *прогрессивной анархии в жизни*⁶⁵.

Делая анализ социально-политического состояния Российской империи, Н. Н. Неплюев приходит к неутешительному выводу: «В умах и сердцах миллионов людей хаос анархии, едва сдерживаемый внешнею, насильственной дисциплиною страха и корысти. Для того, чтобы от этого состояния вооруженного мира перейти к гармонии доверчивой любви, необходимо ослабить репрессию. Это неизбежно приведет к обнаружению духовной анархии, и власти, под страхом неисчислимых осложнений, будут вынуждены прибегнуть к репрессивным мерам, которые опять приведут к ожесточающей борьбе и все тому же разорительному, опасному и никого не удовлетворяющему вооруженному миру»⁶⁶. Как же разорвать этот порочный круг? Для Неплюева ответ очевиден: «Вывести правительство из этого крайне затруднительного положения может само общество в лице своих наиболее здоровых и честных элементов. В единении сила. Необходимо, чтобы соединились все люди доброй воли и сознательно приняли на себя

---

⁶⁴ Ср.: Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит (2 Кор. 3, 6).

⁶⁵ См.: Неплюев Н. Н. Путь к лучшему будущему // Всероссийское братство. СПб., 1907.

⁶⁶ Неплюев Н. Н. В единении сила.

роль живой совести и миротворца»⁶⁷. Для умиротворения самых разных слоев российского общества, по мысли Николая Николаевича, необходимо в ускоренном темпе осуществить ряд мер, направленных на восстановление христианской правды жизни. Во-первых, создать в лоне православия, исконно русской религии, нравственно оздоравливающую атмосферу в обществе. Во-вторых, вернуть авторитет Русской православной церкви через пропаганду несравненной высоты и жизненной правды ее идеалов. В-третьих, немедленно приступить к осуществлению в жизни каждого человека идеалов православной церкви, выраженных в подвиге веры, подвиге любви и подвиге труда, оказывая деятельную нравственную и материальную помощь всем родственным частным починам. «Многие мечтают о радости веры и любви, не желая приступить к соответствующим подвигам. Радость есть венец подвига и не дается тем, кто не хочет принять на себя крест подвига. Зато христианский подвиг непременно приведет к радости того мира, которого никто не отнимет у нас, он один может вывести наше отечество и все человечество из всевозможных осложнений и затруднений»⁶⁸.

Н. Н. Неплюев обращается к гражданам России, к своим соотечественникам и единоверцам:

«В лоне церкви православной во всех слоях русского общества есть много людей доброй воли, искренне скорбящих о нестроениях жизни, искренне желающих стройной организации добра, стройного согласования жизни с живым духом веры. Таких людей может быть больше, чем думают, но они разрознены, затеряны в массе людей равнодушных, себялюбивых и своекорыстных, без надежды быть понятыми и найти нравственную поддержку в окружающих, слишком часто без ясного понимания того, что и как делать для практического осуществления желанного добра в жизни. Они страдают, болеют ежеминутным разладом между совестью, самыми дорогими желаниями сердца, собственной жизнью и рутинной жизнью, их окружающей. В конце концов, с ними случается одно из двух: или они замыкаются в самих себя, обрекают себя на пожизненную скорбь духовного одиночества и нравственной неудовлетворенности, или, что, к сожалению, случается гораздо чаще, теряют всякую надежду на возможность осуществления в жизни излюбленных идеалов, отворачиваются от них, как от несбыточных утопий, издеваются над тем, что было дорогою святынею и стало *сентиментальными бреднями*, из разряда сынов света переходят в разряд представителей власти тьмы. Кому неизвестно это грустное явление, так называемое заедание средою! Кому неизвестно, сколько молодежи гибнет, избирая дурные пути, озлобляясь, ожесточаясь или капитулируя перед злом, из непрактических идеалистов переходя в разряд *практических дельцов*, стремящихся к созиданию собственного благополучия в ущерб благу жизни церковной, государственной, общественной и семейной!

Не может быть застоя в живой Церкви Бога живого. И православным людям естественно непрестанно стремиться к высшему от того, что есть, к тому, что было далеко, к высшему пониманию правды Божией, к высшему осуществлению ее в жизни.

Стремиться к лучшему можно только двумя путями: путем борьбы со злом или путем созидания добра. Первый путь – опасный, слишком часто приводящий к ожесточению, вражде и разъединению. Второй – умиротворяет, гармонизирует жизнь, осуществляет добро. В интересах и

---

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

церкви и государства необходимо, чтобы прогресс в жизни совершался именно этим вторым путем.

Для нас, христиан, добро и любовь – синонимы, потому что Бог – любовь. Пока не осуществляется любовь в жизни, не осуществляется и вера наша. Пока мы неустойчивы и нелогичны в любви, мы не способны на стройную организацию добра в жизни.

Не имея определенного понимания православия, не имея добрых духовных навыков устойчивой любви, без которых, и желая, и понимая добро, невозможно приступить к осуществлению его в жизни, остается только отдаться той критике зла и борьбы со злом, которая так вредно отражается на жизни церкви и государства, приводит к ожесточению и разъединению, воспитывает целые поколения в привычках равнодушия, жестокости и заносчивой гордости.

Результаты такого положения вещей и истин прискорбны и в высокой степени опасны для мирного и нормального развития церковной и государственной жизни.

В единении сила! Необходимо, чтобы люди доброй воли соединились вместе, оказали бы нравственную поддержку друг другу, выработали бы совместно определенную программу практического осуществления добра в жизни и немедленно приступили к осуществлению этой программы, поощряя и поддерживая согласные с ней почины частных лиц и собственной деятельностью указывая те добрые пути, на которых, без опасности для блага церковного, государственного и общественного, могут быть осуществлены идеалы истинной христианской жизни.

Мы глубоко убеждены, что это насущная потребность и церкви и Отечества нашего в переживаемую нами историческую эпоху.

Для слишком многих животворная истина идеалов церкви православной недостаточно ясна, слишком многие верят на слово тем самозванным ревнителям православия, которые клеветают на него, выдавая за традиции церкви и за православный взгляд на вещи нечто совершенно чуждое любви, разуму и духовной свободе. В результате массовые отпадения от церкви среди интеллигенции и простого народа: раскол и разные секты. Не умея примирить с требованиями веры возникающие и с каждым днем все более и более осложняющиеся требования разума и практической жизни, не находя нравственного удовлетворения в том строе жизни, который они ошибочно считают согласным с истинным православием, они или явно отпадают от церкви, переходя в секты и расколы, или тайно отрицают ее, продолжая носить имя православных, не имея ни веры, ни любви и никакой иной духовной связи с нею. Увеличивается рознь в жизни, многие становятся на путь разъединения и вражды в то время, как, найдя нравственное удовлетворение на лоне православия, поняв жизненную правду истинного православия, они не нарушили бы союза мира и единения любви с миллионами соотечественников и могли бы быть особенно полезными и деятельными членами церкви православной.

Не понимая высокого достоинства любви, не имея навыков устойчивой любви, они не могут быть способны на добровольную дисциплину любви (когда из любви к Богу и ближнему не хотят делать зло), не будут способны на смиренное самоотвержение трудолюбия. Мы видим массовое движение, вполне естественное при таких обстоятельствах, уйти из деревни в город,

уйти от тяжелого деревенского труда на труд более легкий, приятный и выгодный. Жизнь с каждым днем приобретает все более характер биржи и все отношения – характер биржевых сделок. Еле научившись грамоте, считают себя привилегированными представителями интеллигенции и спешат возможно дороже продать свою привилегию на ярмарке жизни, с презрением сторонясь от тяжелого физического труда. Говорят о перепроизводстве интеллигенции; на самом же деле можно говорить только о перепроизводстве людей неспособных на самоотвержение подвига любви, ищущих повода променять труд наиболее полезный для общества на труд наиболее выгодный и приятный для себя.

Пока вера и любовь не станут живой основой жизни и отношений, ничего иного и быть не может. Грубая борьба за выгодное, приятное и легкое существование, озлобляющая критика зла без умиротворяющего и гармонизирующего жизнь созидания добра, – вот что будет явлениями нормальными, неизбежными.

Братья по любви! Вы, которые понимаете животворную христианскую любовь, как основу веры, нравственности и жизни, вы, которые хотите любить и быть логичными в любви, соединитесь в одно всероссийское православное братство, заявите громко ваше понимание православия, которое есть правда любви по вере в Бога-Любовь, вера, действующая любовью; выработайте определенную программу мирного осуществления этой святой правды в жизни, приступите не медля к осуществлению этой программы. Вы сохраните для церкви православной многих алчущих и жаждущих правды Божией, вы оградите многих юношей от ожесточения и измены добру, вы поддержите многие добрые начинания, во многих пробудите энергию, подготовите возможность сознательного самоотвержения, подвига любви в деле труда.

Государь император призвал народы на мирное совещание, большие союзы в Западной Европе преследуют благословенные цели всеобщего мира. Без торжествующей любви невозможен мир. Злоба и корысть всегда найдут причину и оправдание для нарушения мира, для разделения, для борьбы и насилия. Любовь – основа и животворящий дух мира. Факт мира в жизни – логическое следствие, неопровержимый признак торжествующей любви. Соединимся же на дело, единодушное благому почину нашего царя! Соединимся во имя любви в дело любви! Подготовим по мере сил эру мира!

Мы немощны и слабы, но сила Божия безмерно превышает немощи наши. Приступим к святому делу стройной организации добра на лоне православия, отдадим себя в руку Божию, и да будет святая воля Его в нас, с нами и через нас!»⁶⁹.

Н. Н. Неплюев был убежден, что цели умиротворения и единения в обществе могли бы быть достигнуты деятельностью организации, соединяющей людей доброй воли на всем пространстве обширной Российской империи в их общем стремлении пробудить общественную совесть, – всероссийским братством. Предполагалось создание братских союзов с оздоравливающей духовной атмосферой во всех городах и селах, т. е. везде, где *найдется хоть несколько человек доброй воли, живого духа и живой любви*. Таким братские союзы должны были считаться отделениями и действовать под руководством, контролем и покровительством центрального управления, расположенного в Петербурге.

---

⁶⁹ Неплюев Н. Н. Дорогие соотечественники! Дорогие единоверцы! // Всероссийское братство. СПб., 1907.

Существуют клубы для танцев, клубы для игры в карты, клубы для всякого рода спорта... Что мешает учредить собрания для интеллигентной молодежи, для людей разных возрастов и разного умственного развития, «на которых можно было бы духовно отдохнуть от суеты окружающей жизни, дружески обменяться задушевными мыслями, найти нравственную поддержку, без всякой официальности обсудить вопросы веры и жизни, примирить требования разума и жизни с требованиями веры»⁷⁰. На такого рода собраниях могло бы устанавливаться самое благотворное общение между лучшими представителями мирян и лучшими представителями духовенства, общение *доверчивое и непринужденное*, способное породить *живую связь* между людьми.

Всероссийское братство, по мысли Неплюева, могло бы оказать благоприятную помощь в деле организации братских союзов в учебных заведениях, открытия детских общежитий при сельских школах, в оказании материальной поддержки сельским священникам, учителям и учительницам. Не менее значимой могла бы быть и помощь в деле организации всякого рода труда: земледельческого, промышленного, торгового... А именно, в возвращении к забытым традициям церкви – трудовым общинам времен апостольских, когда дружно и бескорыстно работали на общую пользу, в подвиге веры черпая силы для подвиг труда.

Вместе с учреждениями и структурами всероссийского братства постепенно сформировалась бы и партия мирового прогресса, к главным программным постулатам которой Н. Н. Неплюев относил следующее:

1. *Православие, Божией милостью самодержавие и народность* как принцип независимой самобытности русской культуры и жизни.

2. В русской православной культуре сосредоточена высокая и глубинная жизненная правда, а не в мерах полицейского ограничения и полицейского устрашения, которые не исцеляют, а лишь создают социальный строй, *наводя внешнюю позолоту порядка и тишины на реальную анархию умов, сердец и жизни*.

3. *Власть должна быть сильна* и проявлять свою мощь в тот момент, когда это необходимо для поддержания порядка и *ограждения основ русской государственной жизни от насилия и поругания*. Однако надеждой России должны быть мирная гармонизация веры, разума и жизни в русской жизнедействительности, пробуждение церковного, государственного и национального самосознания. Власть должна проявлять свое могущество только в тех случаях, когда надо оградить самые основы русской самобытной жизни и свободу действий поборников этих основ.

4. Для пробуждения самосознания и выяснения совершенно определенной программы мирного, самобытного прогресса, необходимо учредить орган печати, который мог бы быть знаменем и соединительным звеном для всех честных элементов русского общества, желающих блага России и самобытного мирного прогресса для нее.

5. *Отношения к инородцам и иноверцам*, входящим в состав Российской империи, *должны быть полны братской любви и уважения к свободе их самобытности*. Насилие не может убеждать, не может внушать любовь и уважение, а может только вызывать упорство и враждебность.

6. Братской любви и уважения должны быть полны и *отношения к любым самостоятельным народам*. Нельзя навязывать им чужие основы жизни, но должно ревниво и стойко отстаивать в отношениях с ними *самобытность русской жизни* и проповедовать *русскую правду*, не столько бесплодной критикой их заблуждений, сколько честным и стройным осуществлением *русской правды* в собственной жизни и *братской поддержкой родственных по вере и*

---

⁷⁰ Неплюев Н. Н. В единении сила.

национальности народов. Не следует обособляться от других народов, но перенимать от них все лучшее, гармонизируя с основами русской жизни⁷¹.

Новые идеи Н. Н. Неплюева получили широкий общественный резонанс. В январе 1907 года накануне Собора Русской православной церкви он приглашается в Московскую духовную академию с циклом лекций для преподавателей и слушателей по идеологии и организации трудового братства как составной части всероссийского братства людей доброй воли и партии мирного прогресса.

К осени 1907 года Неплюевым был подготовлен устав всероссийского братства, для согласования и утверждения которого он прибыл в ноябре в Петербург. Пробыв в столице около месяца, Николай Николаевич тяжело заболел и по возвращении в Воздвиженск 21 января (3 февраля) 1908 года скончался.

Похоронили Н. Н. Неплюева с огромными почестями на сельском кладбище православного Крестовоздвиженского трудового братства, установив возвышающийся над всеми простой деревянный крест. В посаженных на могиле цветах читалась фраза: «Ты со Христом». Непрерывающимся потоком шли соболезнования и отклики. Православная Россия прощалась со своим верным сыном, даже не предполагая, что вскорости грянет время полного забвения.

---

⁷¹ См.: Неплюев Н. Н. Путь к лучшему будущему // Всероссийское братство. СПб., 1907.

Глава VII. Свидетельства былого

А что же православное Крестовоздвиженское трудовое братство? Еще порядка десяти лет оно продолжало свою деятельность и официально прекратило свое существование лишь в 1917 году. С началом социалистических преобразований в стране на материальной базе трудового братства Н. Н. Неплюева была организована коммуна имени Октябрьской революции. С 1918 по 1929 год коммуна еще управлялась бывшими воздвиженцами. Однако политические и экономические санкции новой власти привели к постепенному разорению хорошо налаженного хозяйства, и к 1930 году коммуна перестала существовать. В окончательном виде с ней разделились, как с *коллективным кулаком*.

Новые времена рождали новые приоритеты. Идеи и дела Н. Н. Неплюева были подвергнуты официальному забвению. Однако *свет неплюевского братства* не погас, он стал пробиваться к людям через семейные архивы, оберегавшие духовную память потомков. И вот в моих руках альбом. Он необычен. Это не привычный для современного человека набор фотографий. По дням, месяцам и годам в альбоме расположены почтовые открытки-письма. Их около 200, составивших целую *поэму любви* парня из казачьей семьи Матвея Овчаренко и простой крестьянской девушки Ули (Иулиании по Святцам) Машир.

Первая мировая война... Почти каждый день Матвей Овчаренко пишет своей невесте с фронта в Крестовоздвиженское трудовое братство. Но, что удивительно, войны в письмах нет. В них искрающийся свет любви и всепобеждающей жизни. Может быть, поэтому Ульяна никогда не расставалась с этими весточками из 1914, 1915 годов, трепетно обращалась к ним вновь и вновь в трудные минуты. Теперь, через многие годы, мы имеем возможность перелистать отдельные страницы *заветной книги*, услышать биение двух оберегающих друг друга любящих сердец:

23 июля 1914 года

Дорогая, бесценная моя Уля! Так хочется видеть тебя. Так соскучился без тебя. Прочел твое письмо и после этого особенно грустно стало. Хоть бы на один миг промелькнула, хотя бы одно слово сказала, и все грустное оставило бы меня. Мое счастье, моя радость. Как мне хочется теперь выразить тебе свою любовь, простую, горячую. Твой Тима.

30 июля 1914 года

Милый мой Тима, дорогой мой жених, радость моя! Вечером получила твою открытку и без слез не могла читать ее. Ты все тоскуешь, как пойманная птичка, все рвешься ко мне. Пленник мой дорогой, я тоже тоскую здесь и рвусь к тебе, хотя бы на минуточку увидеть и утешить тебя. Все это время я не могу ничего делать, все хожу и думаю о тебе, каждый день хожу на дорогу, что возле больницы и дальше туда, за лес, вспоминаю, как я с тобой ехала там, вспоминаю наши прогулки в лесу, когда я жила в больнице, все мельчайшие подробности, и, мне кажется, будто бы я поговорила с тобой. От этого мне делается на душе легче, твой дорогой, милый образ встает передо мной и умиротворяет душу тоскующую, ласкает, дает ей счастье. Да благословит тебя Господь. Твоя Уля.

11 сентября 1914 года

Милая Уля! Как ты чувствуешь себя, моя голубка? Если я буду знать, что ты не грустишь и терпеливо ждешь конца, то и я успокоюсь совсем и покорюсь

неизбежному, и терпеливо буду ждать. Моя дорогая! У меня теперь словно первая любовь появилась. Ты опять стала не живая, а точно мечта сладкая. Я мечту эту с любовью лелею и покорно жду превращения в живую. Твой Тима.

21 сентября 1914 года

Дорогой, родной, горячо любимый Тима! Как бесконечно благодарна я тебе за твое последнее письмо, а особенно за карточку, мне очень понравился снимок. На меня глядели дорогие, милые черты, и я долго целовала их. Карточка та будет дорогой памятью, что пережили мы за это время. Теперь были чудные лунные ночи. Вчера, стоя у окна, я долго, долго смотрела на луну и в душе беседовала с тобой, мне не было грустно, нет, наоборот, было как-то мирно, спокойно, думы о тебе вливали радость в душу, я представляла тебя то героем на поле битвы и уже даже с крестами отличия, то думающим обо мне, то по окончании войны вернувшимся домой. Ты улыбнешься и скажешь, что это моя фантазия, но ведь ты же рано или поздно уйдешь из Глухова, может быть, даже с этой новой конницей, которая организуется теперь, и потом вернешься ко мне, мое счастье, мой дорогой герой и воин. Твоя Уля. Горячо, всей душой целую моего милого друга.

1914 год

Милый мой, нежный друг Уля! С твоими последними письмами пришла ко мне часть тебя. В каждом слове я вижу дорогой, милый образ твой. Каждый вид на карточке говорит мне про твою прекрасную душу. Эти уединенные уголки, этот чистый образ отдыхающей девушки так хорошо гармонирует с твоим миром душевным. Моя кроткая голубка! Благодарю тебя за твою нежную, горячую любовь ко мне, за все те способы выражения этой любви. Все это заставляет и мое сердце биться ответным чувством горячей и нежной любви к тебе. Твой Тима. Моя прекрасная нимфа, целую тебя.

28 сентября 1914 года

Милая моя, дорогая голубка Уля! Успокой меня, я вновь страдаю. У тебя есть что-то грустное на сердце. Скажи мне, я хочу знать. Ты целый день вчера была не такая, как раньше, не веселая. Скажи мне, кто или что смутило твою радость. Быть может, я причина твоей грусти, то скажи, чем я тебя огорчил. Я все сделаю, лишь бы ты хорошо себя чувствовала. Милый мой друг, радость моя и все мое счастье, развеяй мою печаль. Утешь меня словом ласки, освети мою душу надеждой счастья. Моя славная, вчера особенно не хотелось с тобой расставаться. Так грустно, грустно было. Тима.

19 октября 1914 года

Дорогая, славная, хорошая моя Уля! Спешу написать тебе. Сейчас выходим в Шостку. Целая рота 135 человек. Я шлю тебе все твои письма. Это самое дорогое мое сокровище. Я боюсь брать их с собой – передаю тебе на хранение. Очень не хочется ехать туда, лучше на Германскую границу. Тима.

23 октября 1914 года

Моя дорога, славная, далекая Уля! В той мимолетной встрече я даже не успел наглядеться на тебя. Приехал в Шостку и на другой день пошел в караул к пороховым погребам. Ночь была холодная. Кругом лес шумит да тоскливо,

монотонно издали доносится гул машин завода. Скучно и тоскливо. Теперь я уже буду писарем здесь в нашей команде. Спешу тебе написать. Сейчас много работы. Мне пиши по адресу: Шостка, 439 почта, Черниговская дружина, 3 рота. Матвей. Крепко целую мою хорошую. После напишу. Мы будем здесь долго.

24 ноября 1914 года

Моя самая милая, моя самая дорогая Уля! Я не сказал тебе, что обещал. Не успел, уехал. Мне кажется, тебе очень хочется видеть меня прославленным героем. Ты убеждена в том, что я, будучи в опасности, останусь цел и невредим. В этой области твоя постоянная мечта и твоя горячая фантазия, вероятно, уже успела создать не одну картину. Тебе очень хочется знать мое мнение, мои мысли на этот счет. Я же постоянно удерживаюсь, не хочу высказываться о том, что для меня неизвестно. Я на все готов и всегда буду покладать все мои силы. Твой Тима.

4 марта 1915 года

Дорогой, милый друг мой, бесконечно любимый Тима! Получила сегодня твое письмо, фотографическую карточку, мне очень нравится, ты вышел хорошо, только как похудел ты сильно за это время, здоров ли ты был? Твое письмо, такое чудное, полное красоты, поэзии, горячих нежных чувств и любви беспредельной, горячей любви! Нежный, горячий, мой мечтатель, я также прошлым часто живу, многое вспоминаю и много мечтаю, но больше уже о будущем, о нашем счастье. Я знаю, как сильно ты будешь любить меня, твою верную, дорогую подругу, а я тебя, мой любимый, родной, люблю и буду любить так нежно, горячо, без конца ласкать милого единственного друга. Крепко, крепко тебя целую, да благословит тебя Господь. Будь добрый, терпи, не скучай. Твоя Уля.

26 июня 1915 года

Милый друг мой Уля! Получил твое письмо, спасибо, голубка моя дорогая, за добрые чувства, за горячую твою любовь. Как чаруют и нежно ласкают мою душу твои слова любви. В них я чувствую свое полное, тихое счастье. За него благодарю я Бога и тебя, моя ненаглядная дорогая подруженька. По твоему письму я почувствовал, что ты уже успокоилась и у тебя все хорошо. Как рад я этому. Пусть Господь хранит мою любимую, дорогую Улю! Шлю тебе свои ласки горячие, нежные. Много раз целую милые глазки, губки. Твой всегда Тима.

7 августа 1915 г.

Зачем я не чайка, не ветер степной,
Не тучка лазури далекой,
Лететь бы, лететь, повидаться с тобой,
Отрада души одинокой.

Давно не встречала я взор дорогой,
Не слышала голос родимый,
Давно не смеялась любовью одной
С тобою, мой сокол любимый.

Не слышишь ты ласки и речи моей,
Их грозно тебе заменили
Пальба роковая зловещих гостей,
Что счастье Руси отравили.

Меняется вечер на темную ночь,
И утро подходит за нею,
И множество дней, улетающих прочь,
Живу я с печалью моею.

Не стану я чайкой и ветром степным,
И тучкой не буду на воле,
Зову я покорность страданиям земным,
Земной неутешенной доли.

Придет ли свиданье и что впереди,
О том вопрошать я не смею,
Прошедшее время, восторги любви,
Я все, как святыню, лелею.

Уля⁷².

Матвей и Ульяна обвенчались 24 июля 1916 года. Жизнь складывалась трудно. Наберется ли с десятков лет, когда они были вместе и счастливы? Дороги первой мировой войны для Матвея стали дорогами войны гражданской. Побег из немецкого плена. Плен у Махно. От смерти спас тиф (упал до расстрела, и махновцы бросили). Чудом добрался до родного дома. Мать выходила. Деникинская мобилизация. Уход в Красную армию. В 30-е годы арест как бывшего царского офицера. Тюрьма. Архангельский лесоповал. А Ульяна *поднимала на ноги* детей, спасала их в Путивле от голода и ждала... ждала...

А теперь мы листаем дневник выпускника сельскохозяйственной школы и члена православного Крестовоздвиженского трудового братства предпоследней волны Ивана Бугримова (1888–1958). В нем не только история братства в так называемый посленеплюевский период, но уже и *специфически советская переоценка былых ценностей*.

«Мне уже исполнилось 67 лет, и за этот период жизни вспоминаются события пройденного пути, о которых и хотелось бы изложить здесь. С одной стороны, излагая события, я подвергну критике и себя, и тех, кто участвовал в событиях, а с другой стороны, в зрелом возрасте и даже в преклонном многое прожитое выглядит в ином свете и с иными выводами о значении этих событий по сравнению с молодым возрастом...

Право на существование и образ человека я получил, родившись 19 (6) января 1888 года в селе Соловьевка Чуровичского района Брянской области. В то время эта местность принадлежала Куршановичской волости Новозыбковского уезда Черниговской губернии. Родители мои были бедняки, крестьяне; отец Иван Данилович Бугрим и мать Ирина Карповна Рубан, по мужу Бугрим. <...> С ними я прожил до 16-ти лет <...>.

В семье я был второй мальчик, и у меня были старший брат Михаил, младший Климентий и сестра Зина. Были и еще две сестры, но они умерли в

---

⁷² Документы предоставлены дочерью Матвея и Ульяны Овчаренко В. М. Васильевой. Первая публикация: Малышевский А. «Дорогая, бесценная моя Уля!» // С. – Петербургские ведомости. 1993, 14 августа.

возрасте 5-ти и 8-ми лет. В семье был дедушка по матери Карп Анисимович Рубан. Страстный охотник, хороший плотник, любитель выпить, но беспечный и с ленцой.

Наша крестьянская хата находилась на улице Боровка в ряду других крестьянских построек и впоследствии сгорела. На месте сгоревшей хаты братья Михаил и Климентий построили в 1918 году две добротные новые хаты, и эти последние также сгорели в 1920 году; на их месте получился пустырь.

Село Соловьевка ничем не примечательно за исключением того, что живущие в нем усердные труженики крестьяне, которым вечно не хватало земли, и они брали в аренду землю в соседнем селении Новый Ропск, а впоследствии при советской власти землю Новый Ропск частично навсегда подрезали соловьевцам, чем и ликвидировано безземелье моих односельчан. Воспоминания о родном селе неизгладимы, и мне вспоминаются две улицы, параллельно расположенные друг другу. По ним до шестнадцатилетнего возраста я ходил и бегал с ребятами, залазил в огороды и сады. Село было расположено примерно так: две улицы, посреди одной из них (большой) церковь, дом священника и дьяка. Между улицами по шляху сельская школа, где я учился и окончил ее в 1902 году. На краю села помещичья земля Воладковских и винокурный завод. Крестьянских хат насчитывалось до 200, и это считалось большое село. В нем были богатые крестьяне и бедные, и абсолютно из крестьян никто и нигде не учился до момента моего поступления в воздвиженскую сельскохозяйственную школу в 1904 году.

Свои первые шаги я помню с 5-ти лет. До этого возраста я перенес все детские болезни; дифтерит, скарлатину, чесотку, всевозможные нательные нарывы, что пятном осталось у меня на всю жизнь... Это результат того, что матери некогда было за нами детьми ухаживать и ограждать нас от всяких заболеваний; ей нужно было трудиться в крестьянском полторанадельном хозяйстве и добывать нам хлеб. Отец же мой к этому времени ушел из дома и оставил детей матери и ее отцу, т. е. моему дедушке. Помню, дедушка пахал еще сохой, и я, по просьбе матери, однажды принес ему на поле молочный суп в горшочке, обвязанном крестообразно полотенцем. Поднеся к дедушке обед, я крикнул: “Дедушка! Я обедать принес!” Но дедушка крикнул: “Ешь сам”, – и погнал свою кобылку с сохой допахивать оставшуюся полосу. Я, пользуясь таким разрешением, сел под телегу и, пока дедушка возвратился с сохой, взял ложку, кусок хлеба и съел суп. Дедушка остановил лошадь и говорит: “Ну, давай мне, внук, обедать”, – и хотел садиться под телегу. Но я предупредил его, сказав: “Я уже поел суп”. Дедушка рассердился и хотел меня ударить кнутовищем, попал по телеге, и я выскочил невредимым. Придя домой, я рассказал это матери, и она, узнав, что в поле осталось допахать примерно шага два шириной, сказала: “Ну, ничего, он допахает и придет домой, я ему оставила обед, но смотри, берегись дедушки, он тебе отомстит за это, ты его не понял, дедушка иногда говорит все наоборот, и ты его не знаешь”.

Действительно, однажды, в тот же год дедушка возвращался вечером с поля домой, и я, не открыв ему ворота, присел сзади на телегу и хотел подъехать. Дедушка сам открыл ворота и возвращался к лошади, неожиданно для меня ударил меня кнутовищем (сошницею) по голове, и я свалился с телеги наземь. Долго я лежал, и все постройки хат, сарая и ворот у меня кружились в голове. Так в головокружении пролежал всю ночь, мать плакала и все что-то говорила дедушке. На другое утро мать понесла меня на другую

улицу к бабушке *Чайке* лечить. Положила меня у ног бабушки и других женщин, и они все кружились вокруг меня. *Чайка* внесла меня в хату, долго промывала мне голову холодной водой и все что-то шептала. От *Чайки* мама меня принесла домой, и недели через две я поправился. Головокружение прекратилось. Впоследствии я с дедушкой сдружился и носил ему из криницы Владковского мягкую воду для питья. Дедушке эта вода нравилась, и он меня хвалил за послушание.

Учиться я начал с восьмилетнего возраста, но окончил школу через шесть лет. Одну зиму пропустил, находясь в пекарне Чуровичи, где низал бублики, другую зиму варил бублики, на третью помогал печь булки хозяину в Климовой. У хозяина был сын, возрастом равным моему, и учился хорошо. Я сравнил себя с ним и дал слово закончить сельскую школу. В ту же зиму бросил печь булки, ушел от хозяина и поступил в третью группу, и закончил школу довольно успешно. Учителем был некто Пожарский из Нового Ропска и хвалил меня за прилежание. Я дал слово учиться дальше и не мог никуда после сельской школы попасть. Держал через год экзамен в новоропское двухклассное училище, но сделал в диктанте девять ошибок и не поступил.

Все же я готовился к какой-то учебе и всегда находился возле лошади, читая книги, писал диктант, решал задачи, и страстно хотелось учиться. Наконец, в нашем селе появился учитель Иван Яковлевич Дусев из Нового Ропска и посоветовал мне поступить в воздвиженскую сельскохозяйственную школу, где учились его сестры, находясь на полном иждивении сельскохозяйственной школы, и что я мог бы туда также поступить, нужно только подготовиться. Я день и ночь готовился и не спал ночами, решая задачи. Дедушка мой ругал меня, тушил лампу и не давал заниматься, вследствие чего я развил у себя пожизненную близорукость <...>.

Летом я сходил в Новый Ропск к учителю Дусеву и просил его помочь мне подготовиться, для чего я буду к нему за 15 километров через день приходить и заниматься так, как требуется для сельскохозяйственной школы. Учителю, по-видимому понравилась моя настойчивость, и он обещал за две недели до отъезда в сельскохозяйственную школу подготовить меня в соловьевской школе, куда он придет сам, и что я должен подыскать еще учеников, которые со мной также были бы согласны. Я подыскал трех учеников, и учитель приступил к подготовке. Две недели готовились, и в заключение Дусев сказал, что у меня неплохой результат, можно ехать. Надо отметить человеколюбие Дусева, он бескорыстно потрудился для меня, бедного мальчика, и даже свой рубль дал мне на дорогу. Уехал я держать экзамен с группой в пять человек соловьевских мальчиков и одной девочкой. Отвез нас соловьевский гражданин Носовец, сын которого Евсей также держал экзамен. Я был поражен изобилию воздвиженской сельскохозяйственной школы, которая расположена в дубовом парке имения Николая Николаевича Неплюева.

Я непрерывно готовился и подыскал учеников школы, которые помогли разобраться во многом за три дня до экзаменов, многое приобрел нового, о чем в соловьевской школе мне не показывали. Один из учеников школы определил, что я обязательно поступлю, так как, по его взгляду, я хорошо подготовлен и имею непреодолимую настойчивость к учебе. Это обеспечивает успех. И действительно, я был принят в числе двадцати пяти человек, державших экзамен, из восьмидесяти приехавших. Мои товарищи – соловьевцы уехали

обратно, не выдержав экзамен. Впоследствии два из них поступили только при третьем экзамене, когда я уже в сельскохозяйственной школе находился в третьем классе при переходе в четвертый, т. е. на четвертом году учебы <...>.

Воздвиженская сельскохозяйственная школа <...> до моего поступления сделала 20 выпусков, снабжая своих питомцев аттестатами неопределенного звания: то ли агрономов, то ли управляющих имениями господ помещиков. В аттестате только указывалось, что такой-то окончил сельскохозяйственную школу в течение пяти лет с такими-то успехами, и больше ничего <...>.

В школе я был не последним учеником, и в пятом классе при выходе из школы меня избрали старостой класса и старшиною школы. Под моим председательством происходили школьные совещания, где обсуждались вопросы, относящиеся к поведению учеников, заслуживающих исключения из школы, или вопросы, относящиеся ко всему педагогическому совету и школе в целом. К практическому труду я также был прилежен и окончил сельскохозяйственную школу в 1909 году с похвальным листом от имени всей школы.

Идеи Неплюева меня увлекли, и я остался в сельскохозяйственной артели (*братстве*), где и потрудился, не покладая рук, с 1909 года – по февраль 1914 года.

К моменту моего вступления в сельскохозяйственную артель в 1909 году, она насчитывала взрослых мужчин 150 человек, женщин 181 и детей 139; всего 470 человек. Этого отряда далеко было недостаточно для обработки пяти тысяч десятин переданного имения; поэтому имелись наемные рабочие, в большинстве сезонные, в количестве 200 человек. Мы, члены артели, жили в особых благоустроенных общежитиях, где каждому женатому отводилась комната, а холостяков помещали по несколько человек в одну комнату. Здесь же, в общежитии была общая столовая, кухня, умывальник, детская комната – ясли и туалетная. Во главе этого общежития был старшина-эконом. Женщины еженедельно дежурили по кухне и готовили обед, ужин, завтрак. Дети оставались для присмотра в яслях, и родители уходили на работу спокойно. Труд летом начинался с 4-х часов утра и заканчивался в 9 часов вечера, т. е. до темноты. На поля нам, членам артели, обед и завтрак вывозился. Рабочим питание готовилось на поле в котле и было похуже нашего артельного. Еженедельно в субботу каждое общежитие – семья обсуждала хронику за неделю. Эту хронику вел один из членов общежития по дежурству. Подобная организация мне понравилась, и я по выходе из школы с жаром принялся за труд, но вскоре, примерно через месяц, обжегся, и горячность моя была охлаждена. Охладили меня старые члены артели, которые считали себя непогрешимыми и всевластными владыками. Их избаловал Неплюев, дав им большие права... Я в уставе не разбирался и попал впросак.

Меня и со мною Лазаря – старика на пяти подводах снарядили привезти из Глухова от Конопельки 150 пудов гречневой крупы. Никто ничего не сказал о задании, кроме того, что еще нужно было захватить в магазин потребкооперации и взять посуды и ложек. Со стариком я выехал рано, но на протяжении двадцати километров испытал большие неудобства в подгонке лошадей. Нас, погонщиков, было двое, а лошадей с повозками – пять: подогнав первых, отставали последние; подогнав последних, останавливались первые. Наконец, приехали в Глухов. Конопелько, к которому было письмо об отпуске крупы, объявил, что крупы у него нет и что крупарушка у него стоит на

ремонте, но что он, Конопелько, советует нам заехать к Каплуно – другому круподеру и получить у него крупу, дабы не гнать обратно лошадей не погруженными. Так было и сделано, но на это ушло дополнительное время. Возвратились с крупой в 11 часов ночи. На утро я пошел докладывать старшему члену артели Цвелодубу Ивану Андреевичу о том, что крупы у Конопельки не оказалось, и что я на свой риск взял крупу от Каплуна, и что, по заключению нашего кладовщика Юрия Михайловича, крупа 1 сорта, не хуже Конопелькиной. Цвелодуб, почти не выслушал меня, заявил, все это пустяки, а самое главное – задание выполнено недобросовестно, лошади возвращены поздно, и что теперь их нельзя использовать на посевах ржи. Я еще раз объяснил ему, в чем дело, но он упорно подчеркивал мою недобросовестность. Я был удивлен и здесь же сказал: “С этим я не согласен, задание выполнено добросовестно, а вот если бы я лошадей пригнал в 9 часов вечера и без крупы, то это и было бы недобросовестно”. Цвелодуб сердито сказал: “Ну, если не согласен, то иди отсюда”. Это было в конторе сельскохозяйственной артели в присутствии бухгалтера. Я ответил: “Вы, Иван Андреевич, наверно не дорожите авторитетом молодого члена сельскохозяйственной артели и не нуждаетесь в его труде”, – и вышел из конторы.

В тот же день я решил уехать на родину, домой, и заняться более полезным трудом. Переживание было ужасное. Я ходил целый день и обдумывал, что делать. Ведь с этим падали мои все идеалы и смысл жизни. Потому я решил все доложить Марии Николаевне Уманец, как председателю сельскохозяйственной артели – братства. К этому времени Н. Н. Неплюев уже умер, и на его пост избрана была его сестра. Мария Николаевна меня выслушала и пообещала выяснить, в чем дело. Поговорив с Иваном Андреевичем Цвелодубом, она меня вызвала и объявила, что Цвелодуб прав и что он, как старый член сельскохозяйственной артели, да к тому же полноправный, имел право сделать в отношении моего труда такой вывод и что мне следует извиниться перед Цвелодубом. Этого я не ожидал и извиниться не хотел. Это было против моей совести. Я еще долго обдумывал и решил извиниться. Цвелодуб выслушал меня и подчеркнул то, что у нас не простая сельскохозяйственная артель, а братство, и что следует прислушиваться к голосу старших руководителей, и тогда не будет происходить конфликтов, подобного со мной.

Вскоре со мной произошел снова печальный случай. Я дежурил на ямпольском лесоскладе, проверял нанятых сторожей. Вечером в конторе, когда завскладом и его помощник уехали, обойдя сторожевые посты, я зашел в контору и решил написать родителям письмо. На столе была ручка и чернила, но бумаги не оказалось. Я открыл ящик стола и хотел взять лист бумаги. На бумаге лежал браунинг, забытый заведующим. Я не удержался, вынул браунинг, положил его на стол и стал осматривать его устройство. Осмотрел и хотел снова положить на место, но в этот момент один из сторожей, бывший бравый солдат Федор, зашел в контору и, увидя браунинг, сказал, что это браунинг Захария Ерофеевича и что он, по-видимому, забыл его. Взял браунинг из моих рук, вынул обойму патронов и щелкнул. Раздался выстрел, пуля ударила возле меня в стол и рекошетом пронизала две рамы окна, и вылетела куда-то в поле. Этот сторож, хотя и знал обращение с браунингом, но не предусмотрел в нем оставшегося одного патрона и выстрелил по ошибке.

На другой день я рассказал заведующему о случившемся. Он выслушал меня, и в ближайшее общее собрание сельскохозяйственной артели мне М. Н. Уманец был объявлен выговор от имени думы сельскохозяйственной артели перед общим собранием. Факт изложила в превратном виде: браунинг, якобы, я взял из кармана заведующего, затем игрался с ним и, не зная устройства, выстрелил, и что я что-то искал в столе и хотел что-то взять. Эта информация меня унижала и ставила в положение какого-то вора. Я решительно запротестовал и на общем собрании сказал о том, как было дело, и что выговор я принимаю, но информацию отвергаю.

Это не понравилось правлению сельскохозяйственной артели, и я в приеме был оставлен на следующий год, а мои соклассники в количестве пяти человек были приняты. Так я из школы вышел первым, старшиною школы, а очутился в последних рядах. Эти случаи меня не обескуражили, я и в дальнейшем работал честно, старательно и каких только работ не попробовал. Зимой кормил коров, выпаивал телят, вывозил навоз на поля и т. п. Летом от зари до зари находился на полях, пахал, сеял, жал жатками и сноповязалками. Работал в садах артели и своими руками, с помощью наемных работниц, посадил за два года 50 гектаров плодового дерева. Работа в садах происходила под руководством опытного садовода, ранее на пять лет меня окончившего воздвиженскую сельскохозяйственную школу Семена Федоровича Черненко⁷³, ныне мичуринца, доктора сельского хозяйства, профессора Мичуринского плодового института.

Я заметил со стороны многих членов сельскохозяйственной артели погоню за теплыми местечками. Приведу один из примеров. В Ямполье в детском приюте был учителем один из наших членов – некто Пушенко Василий Аксентьевич, и как-то пьяным валялся на улице Ямполья. Его дума сельскохозяйственной артели решила исключить, и Пушенко, стоя на коленях перед общим собранием, просил со слезами оставить его снова в сельскохозяйственной артели, дать ему какую угодно работу, и он докажет свою верность, и что он по ошибке очутился пьяницей. Его оставили и прислали работать на скотный двор, где я заведовал всеми работами. Я дал работу Пушенко постоять на воротах, ведущих в парк имения Неплюевых, дабы туда при выпуске на прогулку скот не попал бы на цветники. Пушенко этого не выполнил, и скот ушел вместо кошары в парк и только случайно не потоптал цветники. Один из работников скотного двора это заметил и вовремя завернул скот. Я был удивлен и спросил Пушенко, почему он не стал на посту, мною указанному. Пушенко ответил: “Потому что ты еще молодой и не можешь руководить делом”. Я решил о поведении Пушенко передать в правление сельскохозяйственной артели, но Пушенко уговорил меня не передавать этого дела, и что он вообще меня не понял и в будущем докажет свою верность даже в самом грязном и тяжелом труде. Все это было на словах и не искренне. Он, Пушенко, забегал наперед к посещаемым скотный двор руководителям сельскохозяйственной артели, давал объяснения, информировал о происходящих на скотном дворе событиях и извивался перед ними, как змей. Противно было смотреть на подобное подхалимство и, в

---

⁷³ Речь идет, по-видимому, о Семене Григорьевиче Черненко – известном селекционере, профессоре, лауреате Государственной премии СССР, Герое Социалистического труда.

конце концов, этими путями добился того, что его снова по осени назначили учителем в ямпольский детский приют.

Многие члены начали уходить из артели, разочаровавшись в ее идеалах. Один из ближайших моих друзей Георгий Маркович Любченко, хороший писатель, поэт. Он еще в школе воспевал смысл жизни трудовой именно в этом братстве, а когда увидел погоню и чехарду за легкими местечками, то резко изменил свое суждение и ушел, унося огорчение в сердце. Я крепился и считал подобные действия молодухином, и рассматривал это как дезертирство из важного фронта осмысленной жизни, основанной на принципах равенства и свободы. Считал свой труд необходимым для будущего поколения, труд, направленный к коммунистической жизни на основах братства и совместного усилия разумных и образованных людей для осуществления формы жизни осмысленной и вполне отвечающей коммунизму христианской общины. Я стал верующим христианином и увлекся этим учением.

Зимой 1912 года я предложил работать там, где ни один рабочий не мог больше двух дней проработать. Это там, где возле винокуренного завода варится картофель для свиней. Меня предупредили и сказали, что я не выдержу этой работы, что там не выдерживает ни один рабочий, но я настоял на своем и взялся за эту неблагодарную и, казалось, тяжелую работу. Оказалось, очень просто: цилиндр установлен был неправильно на шарнирах. Нижняя часть чепца-запарника с картофелем весила больше, нежели верхняя, и при опрокидывании требовалось большое усилие – не под силу одному человеку. Я сделал лебедку и стал опрокидывать с помощью веревки, перекинутой через блок, и не замечал никакой трудности. Таким образом, доказал то, что всякую работу можно облегчить с помощью техники и разума.

Отработал я здесь целую зиму, и все удивились моей настойчивости. После снятия свиней с откормки меня поставили засаливать окорока и делать колбасы, а осенью назначили учиться на ректификатора при новой непрерывно действующей колонне, которую привезли из Москвы за 30 000 рублей и установили в винокуренном заводе. Я помогал при установке монтеру и в течение месяца под его руководством изучал колонну и производил сгонку спирта, и овладел этой профессией в совершенстве. Внес два изобретения к колонне, одним отразил с помощью зеркал с 3-го этажа на 2-й спирт, идущий из ректификационной колонны в первую колонну для повторной перегонки, и вторым закрывал кран с помощью блока и шнура по трубе, дающей сток воды, идущей во двор из колонны. Эти изобретения владелец заводов в Москве, некто немец Вебер, внедрил в выпускаемые им аппараты и обещал мне выдать премию. Но произошло одно событие, которое не только эту премию, но и меня вывернуло из этого одурманенного религией коммунизма.

Уехал московский монтер, и я остался на его месте, производил сгонку ректификата. Подучил себе двух помощников из наемных рабочих винокуренного завода. После ночного дежурства я в общежитии так сладко уснул. Меня тревожно разбудили и сказали, чтобы я немедленно шел в винокуренный завод. Придя, я увидел возле аппарата на втором этаже, где сосредоточено управление ректификационной колонной, группу начальствующих лиц: управляющего акцизными сборами черниговской губернии, который специально приехал посмотреть новый ректификационный аппарат, с ним глуховский уездный акцизный чиновник, заводской акцизный

чиновник, управляющий винокуренным заводом Михаил Михайлович Наконечный, подвальный, механик завода и его помощник, и среди них винокур Портянко Афанасий, который как угорелый метался от колонны до колонны и, когда я появился, то он мне грозно и начальнически крикнул: “Беги наверх и посмотри, как идет спирт!”. Я посмотрел и, возвратившись на второй этаж, хотел прибавить воды в дефлегматоры, но Портянко крикнул: “Не нужно этого! Да и вообще, я вижу, ты ничего не понимаешь, и я напрасно тебя вызвал!”. И тут же начал подкручивать краны и совершенно расстроил колонну, спирт пошел в колонне обратно, и часть его была испорчена, и с водой попал во двор, получился отвратительный запах, и я видел, как покорило это управляющего акцизными сборами и всю комиссию, перед которой благодаря грубому и дерзкому заявлению винокура я стоял как профан. Не выдержал я такого оскорбления и решительно подошел и заявил: “Я к Вам обращаюсь, Михаил Михайлович, как к управляющему заводом, разрешите мне здесь же, в вашем присутствии и в присутствии всей комиссии поработать возле аппарата всего один час, и пусть Портянко стоит в стороне и понаблюдает, как надо управлять ректификационным аппаратом, а мои помощники пусть идут отдыхать, я не нуждаюсь ни в какой помощи, и тогда увидите, кто здесь знает работу на аппарате, я или винокур”.

Наконечный спросил: “Афанасий Александрович, слышите, что говорит Иван Иванович?”

– Да, слышу, – последовал ответ.

– В этом случае, Иван Иванович, приступай, – сказал Наконечный, и я приступил.

Прежде всего, я остановил работу колонны, своих помощников уснул спать, а сам сел за стол и ожидал 7 минут отдыха колонны. Потом из первой колонны во вторую перелил спирт сырец. Первую колонну подготовил к принятию бражки. Во второй колонне, т. е. в ректификационной, спирт хорошо пропарил, загрузил им верхи колонн и, когда увидел все нормальные показатели как первой, так и второй колонны, дал движение бражке из красильного чана, а затем и открыл движение на контрольный снаряд спирта ректификата, который, пройдя в количестве 19 ведер, установился нормальным крепостью 95,5 градусов.

Вся комиссия просмотрела результаты моей работы, и управляющий акцизными сборами, расхохотавшись, ушел в заводскую квартиру, а за ним ушла и вся комиссия.

Я остался у колонн и закончил сгонку. Мне потом передавали о том, что управляющий акцизными сборами в квартире завода долго смеялся и говорил: “Я словно в театре просмотрел работу новоизобретенного аппарата под именем *Раузер и Вебер*. А вообще вы, руководители винокуренного завода, не знаете своих людей и не можете ими управлять”.

После этого случая я свободно, без помех и понуканий, закончил ректификацию спирта из картофеля, и завод остановился на ремонт с тем, чтобы потом перейти на спиртокурение из отходов сахароварения – патоки. Я со своими помощниками подготовил колонну, промыл ее, почистил, подтянул и, где нужно было, заменил флянцы и тому подобное и полагал дня два отдохнуть. Но мой винокур Портянко, как обескураженный моим смелым выступлением и поставившим его в неловкое положение перед заводской комиссией, стал преследовать меня и придумывать для меня самые нелепые

работы. Обязал меня с рабочими вырубывать накипь в котлах. Я вырубал целых 5 дней и попросил его разрешения уйти на отдых. Моим помощникам он этот отдых дал на целую неделю, а мне сделал распоряжение почистить дымоходы в винзаводе. У меня не было для этого спецодежды, да и не хотелось без отдыха лазить под дымоходами в саже. Я сказал: “Это не мое здесь дело, для этого у нас существуют кочегары”. Портянку рассердился, стукнул кулаком по столу и сказал: “Завтра же тебя уберут отсюда, как нарушителя труда в сельскохозяйственной артели”. Я ответил: “Зачем убирать, я и сам завтра могу не явиться сюда. Ведь я свободный гражданин и работаю здесь по своей воле. Если это не нравится Вам, можете на мое место ставить кого угодно”. На другой день в завод я не вышел. Хотел бороться за свой престиж, но совесть подсказала: “Махни на все рукой и уходи из этой помещичьей сельскохозяйственной артели”. Так я поступил.

Четырнадцатого февраля 1914 года я ушел из братства. Об этом я заявил старшине Андрею Григорьевичу Коломейченко, который не верил в возможность моего ухода. Коломейченко отослал мою лошадь обратно и сказал подождать его и что после данного им урока в женской школе (где Коломейченко был преподавателем) поговорим и выясним, в чем дело. Коломейченко ушел в школу, а я тем временем взвалил на себя тюк своих личных вещей и вышел из общежития черным ходом на огороды, где шагнул через канаву и направился в деревню Гремячка, что в 2-х километрах.

Я не стал дожидаться возвращения Коломейченко, не захотел бороться за свои права в винокуренном заводе и ушел от закабаленной догматами религии буржуазно-помещичьей жизни Воздвиженска, где я отдал пять лет учебы и пять лет отработке за эту учебу, оброку за нее сельскохозяйственной артели – трудовому братству.

По дороге в Гремячку я думал: “Вот все, что я нажил за 10 лет. Иду, как нищий и бездомный, одинокий, и что меня ждет впереди?” Но на сердце так легко, и свободно дышит грудь. Сброшены цепи рабства, сброшен религиозный догматизм, закабаливший меня...»⁷⁴.

В Киеве у родственников Павла Константиновича Федоренко – известного украинского ученого-историка хранится рукопись его повести «Серебряные нити» – о православном Крестовоздвиженском трудовом братстве, и, как предполагают, подлинник неизвестным исследователям письма Л. Н. Толстого, адресованного Н. Н. Неплюеву⁷⁵. П. К. Федоренко и его старший брат Василий – выходцы из большой семьи лесника, в которой было 8 человек детей: 5 братьев и 3 сестры – подростками поступили в воздвиженскую сельскохозяйственную школу; в 1890 году старший, а в 1893 году младший из братьев.

Василий Федоренко окончил пятилетнюю сельскохозяйственную школу в братстве, затем историческое отделение глуховского учительского института, после чего учительствовал в братстве. Еще юношей В. Федоренко начал заниматься литературным творчеством; свои первые стихи, рассказы, пьесы публиковал в различных изданиях под псевдонимом Василь Кручина⁷⁶.

⁷⁴ Документ предоставлен дочерью И. И. Бугримовой Л. И. Кирилловой. Первая публикация: Неплюев Н. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Ф. Малышевский. – СПб., 2007. В настоящий момент подлинник дневника И. И. Бугримова хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

⁷⁵ См.: Федоренко Л. Далекий свет Неплюевского братства // Новая литературная газета Челябинской области. 1992. № 1.

⁷⁶ В библиотеке академии наук в Санкт-Петербурге хранится сборник стихов В. К. Федоренко «Первые песни», изданный в 1897 году и посвященный православному Крестовоздвиженскому трудовому братству и его основателю Н. Н. Неплюеву.

В 1898 году Н. Н. Неплюев брал В. Федоренко с собой в Польшу, а затем во Францию, где они вместе занимались общественно-просветительской деятельностью. По приезду в Россию между Неплюевым и В. Федоренко произошел мучительный разрыв, который они оба очень переживали. Любимец Неплюева и лидер в братстве В. Федоренко был к тому времени уже не согласен со многими идеями своего наставника и в 1900 году ушел из Воздвиженска. После выхода из трудового братства В. Федоренко поступает в Киевский университет, который оканчивает в 1916 году с предложением остаться на историко-филологическом факультете. Но жизнь распорядилась иначе. После Октябрьской революции 1917 году он уезжает из Киева и начинает работать в педагогическом институте города Глухова, где преподает историю украинской и русской культуры, социологию. С 1924 году В. Федоренко с женой и двумя сыновьями уезжают в Ленинград – в город, в котором он умер в Ленинградскую блокаду 1942 года и похоронен на Пискаревском мемориальном кладбище.

Павел Федоренко посвятил себя научно-исторической и литературной деятельности. В 1930 году был репрессирован за участие в организации «Союз освобождения Украины», руководителем которой был академик Ефремов. По делу было осуждено 45 человек, затем еще 2 000 на местах, в основном гуманитарная интеллигенция. Был репрессирован еще дважды, в 1934 и в 1937 годах, пробыв в тюрьмах и ссылках в общей сложности около 15 лет. В 1959 году был полностью реабилитирован ввиду отсутствия состава преступления. Умер в Киеве в 1962 году.

Сколько их еще, свидетельств тех далеких времен, связанных с Николаем Николаевичем Неплюевым? Кто скажет!..

Глава VIII. Духовные универсалии

Если практическая деятельность Н. Н. Неплюева представляет собой в подлинном смысле пепелище, то большое литературное наследие сохранилось полностью⁷⁷. В «Христианском мировоззрении», «Христианской гармонии души», «Историческом призвании русского помещика» – выражено отношение Н. Н. Неплюева к социально-политической и социально-экономической ситуации в развитии России второй половины XIX века. Это мысли о политической, экономической и социальной ответственности дворянства перед Отечеством и своим народом. Здесь же изложена стройная система воспитания в духе православия и христианско-православного патриотизма.

Религиозно-философским работам Н. Н. Неплюева – «Что есть истина?» и «К лучшему будущему». В них освещены взгляды Неплюева на проблемы жизни, истины, науки, литературы, искусства, а также различные социальные институты, такие как государство, школа, церковь и т. д.

Многочисленные публикации Н. Н. Неплюева, собранные под общими названиями «Трудовое братство» и «Путь веры», касаются практического воплощения евангельского образа мышления в христианско-православной жизни Крестовоздвиженского трудового братства.

Всей своей практической и публицистической деятельностью Н. Н. Неплюев продолжал дело выдающихся русских мыслителей-славянофилов, положивших в первой половине XIX столетия начало самобытной отечественной философии, основанной на живой православной вере и опыте восточнохристианской аскетики.

Более всего, на наш взгляд, взгляды Неплюева сродни взглядам Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) и Алексея Степановича Хомякова (1804–1860), стихи которого он считал вершиной русского поэтического творчества⁷⁸.

Русская философская традиция XIX века базируется, прежде всего, на признании того факта, что кризис России зиждется на разрушении органической связи между такими феноменами как Человек, Образование, Религия, Культура, а точнее: между русским человеком и православной верой – с одной стороны, российской образовательной системой и православной церковью – с другой. И это не просто культурно-социальная особенность развития России в так называемый послепетровский период времени, здесь во всей своей полноте присутствует культурно-исторический аспект проблемы.

Конечно, общеисторический контекст развития русского общества объясняет далеко не все аспекты его противоречивости. Понять ее – это не просто *подключиться* к общему порядку

---

⁷⁷ «Историческое призвание русского помещика» (М., 1880), «Совесь» (М., 1881), «Хлеб насущный» (СПб., 1883), «Что есть истина» (Лейпциг, 1893), «Трудовое братство» (Лейпциг, 1893), «Христианское мировоззрение» (Берлин, 1895) и др. К 100-летию памяти общественного деятеля, писателя и религиозного мыслителя вышло собрание сочинений: Неплюев Н. Н. Собрание сочинений: в 3 т. / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Ф. Малышевский. СПб., 2007. Все тексты были отредактированы и приведены в полное соответствие с нормами современного русского литературного языка при сохранении их авторской стилистики, передающей как авторский стиль Неплюева, так и дух эпохи, в которой он жил. По сути, это было первое академически выверенное издание. Работы, составившие первый том собрания сочинений, – «Христианское мировоззрение», «Христианская гармония духа» и «Историческое призвание русского помещика» – это отношение Н. Н. Неплюева к социально-политической и социально-экономической ситуации в развитии России второй половины XIX века, политической, экономической и социальной ответственности дворянства перед Отечеством и своим народом. Здесь же изложена стройная система воспитания в духе православия и христианско-православного патриотизма. Содержанием второго тома стали религиозно-философские работы Н. Н. Неплюева «Что есть истина?» и «К лучшему будущему». В них освещены взгляды Неплюева на проблемы жизни, истины, науки, литературы, искусства, а также различные социальные институты, такие как государство, школа, церковь и т. д. Том третий включает в себя работы Н. Н. Неплюева, собранные под общими названиями «Трудовое братство» и «Путь веры». Они касаются практического воплощения Неплюевым евангельского образа мышления в способе христианско-православной жизни Крестовоздвиженского трудового братства.

⁷⁸ См.: Неплюев Н. Н. Что есть истина?

мира, к общемировому процессу. Здесь необходимо восстановление русской национальной духовной традиции, поиск внутренне присущих причин и оснований становления и развития особого типа мышления, который можно обозначить одним емким понятием *русский духовный путь*. Во-первых, российскую, если так можно выразиться, интеллектуальную традицию определяло соединение немецкой учености и русской духовности, европейский рационализм с его тягой к синхронизации – упорядочению и художественность восприятия, пробивающаяся из народных глубин русской литературы. Во-вторых, через духовные искания русских мыслителей XIX века, европейская философская мысль впервые протянула руку православию как основе русского национального духа, породив полемику славянофилов и западников, растянувшуюся чуть ли не на столетие и ставшую, в определенном смысле, затянувшейся болезнью русского общественного сознания.

Для русских мыслителей XIX века русский народ не был чисто европейским или чисто азиатским народом. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира; всегда в русской душе борются два начала – восточное и западное. Симбиоз двух культурных регионов, постоянный диалог между ними в пределах одной страны определил сущность русских. Их предназначение – европейская цивилизация и азиатская самобытность. Отсюда характерная черта, подмеченная Ф. М. Достоевским, – всемирная отзывчивость, т. е. способность откликнуться на чужую беду, пережить ее как свою, помочь, порадоваться радостью другого, принять его в свою среду, перевоплотиться самому. «Русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском? Может ли кто сказать, что русский народ есть только косная масса, осужденная лишь служить экономически преуспеянию и развитию европейской интеллигенции нашей, возвысившейся над народом нашим, сама же в себе заключает лишь мертвую косность, от которой ничего и не следует ожидать и на которую совсем нечего возлагать никаких надежд?»⁷⁹.

Русским, при всей их безудержной устремленности к крайнему и предельному: от бунта к покорности, от пассивности к героизму, от созидания к разрушению, от расчетливости к расщепительности и наоборот, – присущи открытость другим культурам, терпимость, стремление понять и принять инакодумающего и инаковерующего, ужиться с ними.

Отсюда мечта о соборном единении человечества как суть русской идеи, центральное понятие русской православной философии, суть творчества русских православных мыслителей, включая Н. Н. Неплюева.

В глубине идеи *собора* лежит мысль о православной церкви. В храм Божий приходят все вместе, следуя общему ритуалу, оставаясь при этом самими собой. Каждая душа сама по себе *внемлет Богу*, отвечает перед ним за свои поступки. Эту мысль наиболее продуктивно выразил А. С. Хомяков. «В вопросах веры, – писал он, – нет различия между ученым и невеждой, церковником и мирянином, мужчиной и женщиной, государем и подданным, рабовладельцем и рабом, где, когда это нужно, по усмотрению Божию, отрок получает дар ведения, младенцу дается слово премудрости, ересь ученого епископа опровергается безграмотным пастухом, дабы все было едино в свободном единстве живой веры, которое есть проявление Духа Божия»⁸⁰.

⁷⁹ Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Дневники. 1880 год, август. Гл. первая. // Собр. соч. в 15 т. Т. 14. СПб., 1995. С. 417.

⁸⁰ Из истории русской гуманистической мысли: Осмысление русской национальной идеи и исторической судьбы России / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. Ф. Малышевский. М., 1999. С. 6.

Вот откуда истоки отношения Н. Н. Неплюева к православной вере и церкви, к русскому Отечеству и народу – понятиям для него абсолютно тождественным.

«Будучи верным сыном церкви православной, – не уставал повторять Неплюев, – я признаю и с величайшим уважением отношусь ко всем ее догматам, авторитету и правам священной иерархии, равно и к установленному ею чину богослужения и обрядности...

По долгу верности православию, в противность протестантским, лютеранским и всем другим рационалистическим заблуждениям, высоко дорожу союзом мира и любви со всею великою церковью православной и всем сердцем желаю, чтобы дело братства нашего было делом общецерковным, церкви православной во благо и во славу.

По долгу верности православию, вполне признавая исключительные права церковной иерархии, не забываю и необходимости для мирян церковного самосознания, активного отношения к делу вечного спасения и стройной организации по вере жизни церковной.

По долгу верности православию, не могу считать возможным противопоставлять церковь православную вечному главе ее – Христу, ни учения церкви православной – заветам Спасителя мира и потому всегда считал, считаю и буду считать, что церковь православная, оставаясь верною *краеугольному камню своему – Христу*, не отменила высшей заповеди Его – царственного закона любви, не развенчала эту заповедь, не низвела ее на уровень дисциплинарных мер...

По долгу верности церкви православной и по логике церковного самосознания, не могу не понимать, не исповедовать громко, что благо церкви поместной, нашего Отечества и всего человечества главным образом и зависит от того, насколько честно и стройно осуществляется в жизни нашей этот высший, царственный закон о любви к Богу и нелицемерного братолюбия. Именно об этом всегда возносились молитвы в православных храмах, именно это проповедовали представители православной иерархии, все остававшиеся верными животворящему духу церкви и заветов ее главы...»⁸¹.

Именно дело православной веры, любви и повиновения церкви, составляющее для Н. Н. Неплюева самую суть и духовный смысл деятельности основанных им приютов, школ и Крестовоздвиженского трудового братства. Воспитание детей и юношей в добровольной дисциплине труда, взаимные отношения и труд на основе любви к Богу и нелицемерного братолюбия – вот для Неплюева идеал осуществления соборности Русской православной церкви не только в храме, но и в повседневной жизни. «Чувствовать себя признанными, верными и любимыми чадами церкви православной и дело наше признанным делом полезным, дорогим, общецерковным, составляет потребность любви нашей и необходимое условие для того, чтобы дело наше было воистину тем делом мира и любви, каким мы желаем ему быть, не только для нас, но и для всех единоверцев наших, и могло принести наибольшую пользу для всей великой православнорусской семьи»⁸².

Русская соборность особенно почиталась мыслителями так называемого славянофильского направления, именно в ней виделось великое преимущество русского народа, возносящее его над народами Европы. Но в отличие от большинства русских философов XIX века для Н. Н. Неплюева важно было не столько осознавать соборное величие русского народа, сколько

---

⁸¹ Неплюев Н. Н. Отношение к церкви // Всероссийское братство. СПб., 1907.

⁸² Там же.

созидать его. Высшее проявление храмовой соборности православного человека для него было важно распространить на все Отечество. В этом он видел проявление своей любви к России.

«Искренне и сознательно любя мое Отечество и русскую народность, я горячо желаю для них мирного преуспеяния и самобытного развития в направлении честного осуществления церковной правды. На это дело мира, единения и братолюбия готов служить самоотверженно до конца жизни под неперменным условием сознания моей солидарности с церковью и государством...

Любовь к Отечеству и русской народности полагаю не в том, чтобы находить прекрасным все русское, в смысле современной русской жизнедействительности, как и любовь к церкви полагаю не в том, чтобы оправдывать рутину жизни людей, именующих себя православными, не в том, чтобы находить дурным все в укладе жизни всех иностранцев и иноверцев, а в том, чтобы, сознавая высокие качества русской души и высшую правду православия и самодержавия царя православного, способствовать стройному и честному осуществлению этих идеалов в жизни путем мирного устроения самой жизни на этих основах. Другими словами, любя Россию, желаю не оправдания ее современной жизнедействительности, а светлого преображения жизни ее путем бесконечного, самобытного прогресса.

Любовь к Отечеству заставляют меня строго порицать многие явления жизни, вносящие *вредную закваску*⁸³, элементы раздора и разложения. Так, я не могу не порицать всех тех, которые, хотя бы и из возвышенных побуждений, нарушают союз мира и любви с церковью и государством, как то делают сектанты в области религиозной и революционеры всяких оттенков, до критиканствующего либерализма включительно, в области политической. Не могу не порицать и легкомысленного преклонения нашей интеллигенции и литературы перед современной атеистической и индивидуалистической западноевропейской культурой, столь противоположной по самому духу своему вере и единению в братолюбии. Не могу не порицать и грубого фанатического шовинизма, воображающего, что может внушить любовь и уважение к Отечеству хвастовством, грубою требовательностью и кулаком, вместо честного осуществления Божией правды в жизни и убеждения умов и сердец в истине этой правды, именно путем честного ее осуществления. Оставаясь верным духу мира и любви, я желаю протестовать против всего этого не путем критики зла и словопрений, а путем исповедования правды и стройного осуществления ее в жизни.

Любовь к моему Отечеству побуждает меня не к тому, чтобы противопоставлять интересы России интересам всех других народов, а к тому, чтобы способствовать моему Отечеству осуществить высшую правду и этим путем стать *светом мира и солью земли*⁸⁴ – светочем человечества. Для этого я горячо желаю ей самостоятельности и самобытности, желаю благоразумной осторожности, умеренности в отношениях с Западом, имеющим такое растлевающее влияние на современную нашу интеллигенцию, способного

---

⁸³ Ср.: Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины (1 Кор. 5, 6–8). Малая закваска заквашивает все тесто (Гал. 5, 9).

⁸⁴ Ср.: Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5, 13–14).

внести в жизнь русского народа яд атеизма, индивидуализма и дурно понятой свободы, ту *вредную закваску*, которая, как духовная гангрена, *распыляет* человечество и разъедает государственные организмы на Западе.

Любовь к Отечеству дала мне возможность оценить по достоинству отличительные качества славянского племени, которому предстоит осуществить в жизни царство любви, как англосаксы осуществили царство разума, а народы романского племени – царство ощущений. Согласно с этим я сознательно не желаю для моего Отечества ни увлечения рационализмом, ни увлечения осложняющим жизнь материальным комфортом.

Любовь к Отечеству, желание для него мира и единения в братолюбии, побуждает меня желать объединения всех народностей, его составляющих, путем добровольного и сознательного слияния с господствующей расой, того, что принято называть обрусением, и именно потому не сочувствовать насильственному обрусению путем гонения на инородческие языки, одежды и учреждения, что может только возбуждать враждебность и таким образом отдаляет возможность мирного, добровольного соглашения.

Любовь к моему Отечеству заставляет меня горячо желать, чтобы православный русский народ возрос духовно до ясного самосознания высшей правды своих основ: православия, самодержавия и народности, в смысле самобытного прогресса, путем честного и стройного осуществления своих идеалов, доказал их жизненную правду и тем покориł этой правдой умы и сердца всех других народностей, входящих в состав Российской империи, а затем и всего человечества»⁸⁵.

Это понимание значимости прогресса, осуществляемого на ниве русской самобытности, особенно роднит Н. Н. Неплюева с И. В. Киреевским. Правда, если для Киреевского главной была идея *очищения* ума, возвращение его в исконный святоотеческий контекст, то для Неплюева было характерно восприятие личности, личного духа русского человека как еще недостаточно пробудившегося в народе. В восприятии Николая Николаевича личность русского человека была еще слишком погружена в природную стихию народной жизни. Поэтому соответствующее, что называется, практикоориентированное обучение основам христианского мировоззрения, воспитание в духе православной нравственности, трудовое братство как модель будущей общероссийской православной жизни.

Все познания человеческие, в совокупности своей, составляют один общий организм, одно, так сказать, тело ума человеческого. Господственная часть этого тела, голова этого организма, заключается, без сомнения, в религиозных и нравственных убеждениях – вот главная мысль И. В. Киреевского, которую он успешно развил в трех своих очень значимых для него и актуальных для потомков сочинениях: «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», «Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России» и «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах»⁸⁶.

В отличие от Н. Н. Неплюева И. В. Киреевский никогда не ставил перед собой задачу духовно-нравственного преобразования крестьян, собственником которых он являлся. Однако вопросами образования народа он занимался и занимался непосредственно. Дело в том, что

---

⁸⁵ Неплюев Н. Н. Отношение к Отечеству // Всероссийское братство. СПб., 1907.

⁸⁶ См.: Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Сост. А. Ф. Малышевский. Калуга, 2006; Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4-х т. Т. 1 / Сост., научн. ред. и коммент. А. Ф. Малышевского. М., 2020. Электронное и печатное издания.

в 1839 году Киреевский был выбран почетным смотрителем Белёвского уездного училища⁸⁷ и эту должность занимал до своей кончины.

Приняв на себя обязанности почетного смотрителя, И. В. Киреевский должен был не только заботиться о материальном благосостоянии училища, держать под надзором его хозяйственную часть, но и следить за его управлением, присутствуя на педагогических советах. Однако более всего его волновало нравственное воспитание подрастающего поколения через православную веру, так как подлинная, правильная и истинная жизнь человека обретается в православии.

В этом вопросе особо важен глубинный смысл православия, *вскрытый* Киреевским и *подхваченный* впоследствии Неплюевым. Православие сформировало многие черты национального своеобразия, определило доминанты русской культуры, литературы и искусства. Именно православие сформировало пристальное внимание человека к своей духовной сущности, стало основой русского миропонимания и русского способа бытия в мире. *Западный человек*, – для Киреевского, – *искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд.*

Для И. В. Киреевского, жившего в первой половине XIX века, а потом и для Н. Н. Неплюева – человека второй половины XIX – начала XX вв., было важно, чтобы подлинная суть православного мироосмысления стала сущностью первоначального образования народа, делавшей школу преддверием церкви в нравственно-этическом ее значении. Киреевскому в особенности не давали покоя, приводили к мучительным раздумьям вечные вопросы, стоящие перед российской школой: «Что если понятия, получаемые народом посредством грамотности, будут неистинные или вредные? Если вера вместо своего утверждения и развития встретит только запутанность и колебание? Если нравственность классов высших хуже народной, и, следовательно, большее сближение с ними ослабит нравы и привычки добрые, вместо того чтобы просветить и просветлить их? Если, выходя из прежнего круга понятий, <человек> не находит другого круга сомкнутого, полного и удовлетворительного, но встречает смещение познаний, без опоры для ума, без укрепления для души? Что если прежнее состояние так называемого невежества было только состоянием безграмотности? Если, может быть, народ уже прежде имел и хранил в изустных и обычных преданиях своих все корни понятий, необходимых для правильного и здорового развития духа? Если его ошибки против нравственности были не столько следствием ложных мнений, сколько следствием человеческой слабости, сознающей, впрочем, свою незаконность, – слабости, которая обыкновенно только увеличивается посредством грамотности? Если большее познание законов не увеличит чувства законности? Если, основываясь на худшей нравственности, оно произведет одно желание – подыскиваться под буквальность форм и пользоваться познанием закона только для безопаснейшего уклонения от него? Если словесность государства или ее часть, доступная народу, представит ему пищу для ума бесполезную, не представляя необходимой, и выведет его любопытство из сферы близкого и нравственного в сферу чужого, смешанного, ненужного <...>?»⁸⁸.

Для И. В. Киреевского было важно одно, чтобы видимое смягчение нравов не заменило разврата нравственности, улучшения внешние не заменили упадка внутреннего, наслаждения чувственности – страданий душевных, а все вместе не привело к утрате личного достоинства. В этой связи, направления первоначального образования сводились к следующему:

---

⁸⁷ Для справки: уездные училища назывались так по месту своего нахождения (в уездных городах). Уездные училища считались начальными учебными заведениями 2-й ступени (после приходских училищ) и предназначались для обучения мещанских и купеческих детей (в течение трех лет). В уездных училищах преподавались Закон Божий и священная история, русский язык, арифметика и геометрия, география, русская и всеобщая история, чистописание, черчение и рисование.

⁸⁸ Киреевский И.В. Записка о направлениях и методах первоначального образования народа в России.

– направление народного образования должно стремиться к развитию чувства веры и нравственности преимущественно перед знанием;

– лучшее средство к сей цели есть изучение славянского языка, дающее возможность церковному богослужению действовать прямо на развитие и укрепление народных понятий;

– методы преподавания в школах должны сообразоваться с самою целью первоначального обучения;

– вследствие этого изменения методы должны клониться к быстрейшему сообщению возможно больших сведений о предметах нужных при возможно меньшей книжности и к соединению истин практических с нравственными.

И. В. Киреевский видел становление русской православной школы как основы процветания русской православной культуры в претворении в жизнь святоотеческой мудрости. Он почувствовал, а преподобные Оптиной пустыни укрепили его в помыслах, что высшее познание истины связано с целостностью духа, с восстановленной гармонией всех духовных сил человека.

Познание истины должно быть пребыванием в истине, то есть делом не одного лишь ума, а всей жизни... Только в мышлении верующего происходит, как отмечал И. В. Киреевский, двойная работа: следя за развитием своего разума, он вместе с этим следит и за самим способом своего мышления, постоянно стремится возвысить разум до того уровня, на котором бы он мог сочувствовать вере. Знание живое приобретает по мере внутреннего стремления к нравственной высоте и цельности и исчезает вместе с этим стремлением, оставляя в душе одну наружность своей формы. Таким образом, духовное просвещение в противоположность логическому знанию связано с нравственным состоянием души и потому требует подвига и нравственного напряжения. Живые истины не те, которые составляют мертвый капитал в уме человека, которые лежат на поверхности его ума и могут приобретаться внешним учением, но те, которые зажигают душу, которые могут гореть и погаснуть, которые дают жизнь жизни, которые сохраняются в тайне сердечной и, по природе своей не могут быть явными, общими для всех, ибо, выражаясь в словах, остаются незамеченными, выражаясь в делах, остаются непонятными для тех, кто не испытал их непосредственного прикосновения.

Эти истины, выведенные И. В. Киреевским, к сожалению, не стали уделом ни повседневной российской жизни, ни образовательной практикой. Внести свой вклад в преодоление выявленного русской православной философией противоречия было предоставлено Н. Н. Неплюеву. Читая сочинения Неплюева, поражаешься, насколько глубина и сила мысли Киреевского приобрела в них актуальную значимость и ярко выраженный практический посыл:

«Невозможно достичь благоприятных результатов, смешивая дело воспитания с делом дрессировки, корыстную дисциплину с дисциплиною добровольною, устрашающие наказания и подкуп наград с бескорыстием любви и нравственным влиянием.

Воспитание умственное и физическое должно быть приведено в стройную гармонию с воспитанием нравственным, составить с ним одно целое, дисциплинируя и улучшая разум, тело и волю.

Невозможно воспитывать волю, ограничиваясь проповедью нравственности и благими советами. Необходимо, чтобы добро было стройно организовано в жизни детей... так, чтобы дети могли немедленно прилагать на практике даваемые им советы.

Так, проповедуя детям вселенскую любовь, логику и дисциплину любви, необходимо, чтобы воспитатели во всем этом показывали им добрый пример, чтобы внутренняя жизнь школы и все отношения в ней были стройно организованы на этих началах, чтобы воспитанники приучались быть им верными в мелочах повседневной жизни и имели практику истинно

братских отношений. Только при этих обстоятельствах они могут постепенно возвышаться до высоты нравственного преобразования, при которой логика торжествующей любви и дисциплина воли становятся естественными для тех, кто раньше находил естественными злобу, безразличие и разнузданность.

Первая ступень стройной организации добра в жизни школы состоит в организованном союзе между всеми детьми доброй воли, составляющими братский кружок, что может создать здоровую нравственную атмосферу и облегчить возможность взаимопомощи в деле нравственного самоусовершенствования.

Вторая ступень – старший братский кружок, объединяющий все лучшие нравственные силы школы на дело систематического нравственного воздействия на младших летам и духом товарищей.

Наказания и награды должны быть заменены еженедельными собраниями, подводщими итоги нравственной жизни школы, долженствующей иметь характер единокровной, тесно сплоченной семьи, все члены которой настолько любят и уважают друг друга, что высшим наказанием для них является порицание собрания, а лучшей наградой – его одобрение. Даже самые трудные в воспитательном отношении дети могут быть терпимы в школе до тех пор, пока их дурное поведение зависит от легкомыслия или дурных привычек. Они должны быть исключены, когда начинают проявлять нелюбовь и неуважение к школе и становятся таким образом *вредною закваскою* для нее»⁸⁹.

Новая практика воспитания детей должна стать и новой практикой организации их труда. В этой дихотомии весь Н. Н. Неплюев. Для него после воспитанного и обученного на началах православия человека, его *труд должен быть стройно организован на начале братолюбия, без чего в экономической области неизбежны грубая борьба или разорительный и постыдный вооруженный мир, которые приведут к разъединению и озлоблению, сделают бесплодными и смехотворными все попытки, более сентиментальные, нежели разумные, исправить зло, с одной стороны – проповедью мира и единения, с другой – беспорядочною благотворительностью.*

«Вопрос не в том, чтобы найти работу для тех, которые в ней нуждаются, не в том, чтобы поднять заработанную плату тех, у кого работа есть. Все это входит в разряд благотворительности и улучшает положение отдельных лиц и семей, не изменяя характера общего положения дела, не предупреждая возможности, даже необходимости конкуренций, борьбы, разъединения и озлобления.

До тех пор, пока работа самая тяжелая и неприятная будет с тем вместе и наименее выгодной и почетной, борьба за положения почетные, выгодные и приятные будет неизбежна.

Необходимо, чтобы сам характер работы совершенно изменился, чтобы работа перестала быть средством наживы и карьеры, что глубоко безнравственно и приводит неизбежно к ожесточенной борьбе со всеми теми, кто одновременно желает наживаться и делать свою карьеру, приводит общество к обману вооруженного мира между конкурентами.

Необходимо, чтобы труд стал насущною потребностью любви, актом братского героизма, совершенно свободным от всякого принуждения,

---

⁸⁹ Неплюев Н. Н. Конгресс единого человечества. СПб., 1900.

от всякой эксплуатации, особенно от всякого характера продажности и корысти. Надо, чтобы все роды труда давали одинаковые права на совместно вырабатываемые ценности и чтобы труд самый тяжелый и неприятный вознаграждался общественным мнением, особою общественною благодарностью и уважением, когда он совершается в духе самоотвержения, смирения и любви.

Необходима трудовая община, стройно организованная на истинно братских началах, для того, чтобы труд находился в этих условиях. Только трудовая братская община и представляет истинное разрешение социальной задачи, может стройно организовать жизнь, отношения и все роды труда на основе мира, любви и единения.

Между богатыми все люди доброй воли те, которых не забавляют легкие победы среди жизненной борьбы, те, кто искренне желает общего блага, должны понять нравственное преимущество этого мирного разрешения социального вопроса. Отдавая таким трудовым общинам в аренду свои земли и заводы, они в бесконечно большей степени, нежели это есть в настоящее время, почувствуют себя в гармонии с идеалами, со своею совестью и общим благом»⁹⁰.

Исследуя творчество и И. В. Киреевского, и Н. Н. Неплюева, все больше понимаешь, что в истории России слишком много субъектов. Это и многочисленные ландшафты, и не менее многочисленные народы, населяющие их, и российская государственность, и российская интеллигенция с ее мятущимся сознанием как особые образования, собирающиеся в понятия природа, народ, государство, церковь, человек, личность, дух...

Вслед за Киреевским Неплюев хотел преодолеть состояние какофонии, в котором пребывают субъекты российской истории, через преодоление в российском обществе какофонии структурно-функциональной и гуманистической концепций обучения и воспитания, закрепленных в европейском сознании следующими историческими аналогиями. Так, в эпоху греко-римской античности бремя истины приходилось на долю учителя, который должен был подчиняться целому комплексу правил, чтобы говорить истину и чтобы истина могла произвести должный эффект. Напротив, в основании древнейшей христианско-православной традиции лежит представление о том, что истина исходит не от того, кто наставляет душу. От ведомой души требовалось говорить ту истину, которую может сказать лишь она одна, которой обладает она одна, и которая является одним из основополагающих элементов той операции, посредством которой изменяется способ ее существования. Следовательно, суть христианско-православной духовности времен Отцов Церкви заключается в том, что ведомый субъект должен присутствовать внутри истинного суждения как объект своего собственного истинного суждения. В суждении ведомого субъекта высказывания должен быть референтом высказывания.

Я стал разумнее всех учителей моих, ибо размышляю об откровениях
Твоих.

Я сведущ более старцев, ибо повеления Твои храню.

От всякого злого пути удерживаю ноги мои, чтобы хранить слово Твое;

От судов Твоих не уклоняюсь, ибо Ты научаешь меня⁹¹.

Для И. В. Киреевского и Н. Н. Неплюева была ясна глубинная философско-антропологическая суть конфликта. Так, греко-римская античность настаивает на тождестве человека со всемирно-космической субстанцией. Человек есть малый мир, микрокосм (термин, впервые

---

⁹⁰ Неплюев Н. Н. Организация труда // Конгресс единого человечества. СПб., 1900.

⁹¹ Пс. 118, 99–102.

встречающийся у Демокрита), повторяющий в менее совершенном виде образ космоса. Натурализм у досократиков, а затем атомистов растворяет человеческий мир в стихиях космоса и потому фактически ликвидирует антропологическую проблему.

Эпоха софистов и Сократа, сменяющая досократовскую натурфилософию и предваряющая платоновско-аристотелевскую метафизику, так называемый антропологический период греческой философии, определила человека как меру всех вещей (Протагор); основой гражданского общежития должны стать не законы богов, единосущные законам космоса, но человеческая природа. Сократ с еще большей решительностью требовал перейти к исследованию дел человеческих; внутри человеческого сознания он усматривал, однако, объективно значимые инстанции, которые лежат для него в человеческом разуме. Злая воля, по Сократу, есть просто ошибка ума, ложное умозаключение человека о том, что есть для него благо.

В платонизме человек осмыслен как носитель духа, но сам дух оказывается внеличным, субстанциальным. Платонизм понимает человека как комбинацию двух сущностно разнородных начал: души и тела. Душа принадлежит к миру бестелесных богов-идей, и ее приход в здешний мир – всего лишь падение. Аристотель, в противоположность Платону, настаивает на взаимопредназначенности души и тела. Плотин развертывает платоновское представление о *мировой душе* в теорию монопсихизма (душа, единая в своей сущности, только на уровне явления дробится на индивидуальные души).

Позднеантичная мистика создает учение о первочеловеке как божественном существе, вмещающем всю смысловую структуру космоса (рассматриваемого уже как вторичное по отношению к первочеловеку); этот образ переходит в христианский гностицизм и в иудейскую мистику, совмещая мотивы платонизма с новой, повышенной оценкой человека сравнительно с космосом.

Христианско-православная традиция зиждется на иных основаниях, имеющих в отличие от греко-римской античности не головной, а сердечный характер (только в Ветхом Завете сердце упоминается 851 раз). Человек в ней осмыслен как пересечение противоречий между Богом и миром, развертывающихся во временном историческом процессе. В своей сотворенности он противостоит несотворенности Бога, в своей вечности – абсолютному *Я* Бога. Но если его тело сделано как вещь, то его душа есть дуновение самого Бога, и в качестве не вещи человек противостоит Богу как партнер в диалоге. Власть Бога над человеком осуществляется как словесно выраженный в заповеди приказ от одной воли к другой, и поэтому человек может послушаться Бога. Человек удостоен образа и подобия Божия, но, в отличие от природных существ, которые не могут утратить своего небогоподобного образа, человеку дано самому разрушить свое богоподобие. Его путь, начатый грехопадением, развертывается как череда драматических переходов от избранничества к отверженности и обратно.

Но главное отличие греко-римской антропологии от антропологии христианско-православной состоит в том, что последняя неизменно строится на предпосылке библейской веры. Христианство учит о грехопадении человека как его тягчайшей космической вине и об ответственном вочеловечении Бога ради искупления и прославления человеческого рода. В лице нового Адама, сына человеческого – Христа человек вмещает в себя всю полноту Божества: если Христос – Богочеловек по естеству, то каждый христианин потенциально есть Богочеловек по благодати. Не случайно именно в христианско-православной традиции откristаллизовывается термин *сверхчеловек*. В гносеологической плоскости самопознание признается источником богопознания. Но божественный статус человека в эмпирической плоскости закрыт покровом его морального и физического унижения. Если образ Божий присутствует в человеке как его неотъемлемое, хотя и ежечасно оскверняемое достояние, то подобие Божие не столько дано, сколько задано человеку. Человек оказывается разомкнутым в направлении как божественно-сверхчеловеческих возможностей, так и бесовских внушений, расщепляющих волю.

Это мучительное раздвоение внутри человеческого *Я* и эсхатологическая жажда преодолеть его особенно ярко выражены в Посланиях святого апостола Павла.

Конечно, в контексте исторического развития христианско-православной теологии есть устойчивые аналогии между схемой человеческого существования, исходящей из полярности благодати и греха, и схемой античной идеалистической антропологии с ее противоположением духа и тела, идеи и материи. Однако подлинное размежевание И. В.

Киреевский, а вслед за ним и Н. Н. Неплюев видят для христианско-православной антропологии не между материальной и нематериальной субстанциями в человеке, а между духовным человеком, у которого и тело также духовно, и плотским человеком, в котором и дух отмечен безвольно-своевольной внушаемостью плоти (термин *σαρκῆς* в послании апостола Павла не тождествен термину *тело*, он означает именно принцип греховного своеволия).

Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения, зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху; ибо умерший освободился от греха. <...> А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. <...> Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены⁹².

Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела. <...> Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть. <...> И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и поработаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным. <...> Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба. <...> Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. <...> Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. А если бы все были один член, то где было бы тело? Но теперь членов много, а тело одно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но

---

⁹² Рим. 6, 5–7; 8, 10; 12, 4–5.

Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. И вы – тело Христово, а порознь – члены. <...> И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. <...> И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое; но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. <...> Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное⁹³.

И все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем⁹⁴.

Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе посредством благовествования. <...> Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. <...> И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству оболыщения, но истинною любовью все возвращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви⁹⁵.

Наше же жителство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которою Он действует и покоряет Себе всё⁹⁶.

Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь. <...> Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питье, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело – во Христе. <...> не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим⁹⁷.

Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа⁹⁸.

---

⁹³ 1 Кор. 6, 13, 16; 9, 26–27; 10, 17; 11, 23–24; 12, 8–27; 13, 3; 15, 37–38, 42–44.

⁹⁴ Гал. 1, 22–23.

⁹⁵ Еф. 3, 6; 4, 4–6, 11–16.

⁹⁶ Флп. 3, 20–21.

⁹⁷ Кол. 1, 24; 2, 16–17, 19.

⁹⁸ 1 Фес. 5, 23.

Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному! <...> Посему Христос, входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе. <...> Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою, и имея великого Священника над домом Божиим, да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою, будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший⁹⁹.

Преодоление плоти – не высвобождение духа из плена телесности (как в неоплатонизме, гностицизме, манихействе и т. п.), но одухотворение самого тела.

Для И. В. Киреевского, в частности, не менее важно было и другое обстоятельство. А именно то, что и в самой патристике вырабатывается типологическое различие между двумя подходами к проблеме человека. Тип христианской антропологии, исходящей из идеи всечеловеческого соборного *Я* (заданного как единство *полноты души*), представлен у Григория Нисского и впоследствии характерен для православия. Тип христианской антропологии, исходящей из идеи индивидуального *Я*, в своем одиночестве раскрытого абсолютному *Я* Бога, представлен у Августина и впоследствии характерен для католицизма и протестантизма. Второе типологическое различие (выявляющееся в антропологии западного Средневековья) – соперничество между платонической (Августин) и аристотелианской (Фома Аквинский) традициями в трактовке взаимоотношения души и тела.

Диспропорция в российской жизни и в российском образовании греко-римской античности и христианско-православного начала имеет для И. В. Киреевского принципиальное значение. В ней он видел суть разупорядоченности России с Западом, породившей в российской государственности стремление синхронизировать время и российское пространство. Не менее значим этот разрыв был и для Н. Н. Неплюева. О современном ему положении западных стран он писал буквально следующее:

«Близкое знакомство с Западом привело меня к убеждению, что он большими шагами идет к неизбежной анархии, что это не зависит от случайных, неблагоприятных обстоятельств, которые могут быть изменены, а логично вытекает из самых основ современной западноевропейской культуры, от которых отравленное ими человечество не откажется раньше, чем скорбным опытом изведает всю силу их зловерности.

Главная из этих основ *индивидуализм*, возведенный в главенствующий принцип, в неотъемлемое право человека. Второстепенные догматы, логично вытекающие из этого верховного догмата: 1) неотъемлемое право всякого человека на всестороннее развитие своей индивидуальности и широкое ее проявление, *независимо от нравственного достоинства самой индивидуальности* и требований общего блага; 2) неограниченная свобода индивидуальности в смысле неограниченного своеволия.

Это и есть истинный *демонизм*, гораздо более опасный, чем тот грубый *демонизм*, который выражается в служении обедни сатане и в официальном подготовке антихриста небольшою сектою изуверов

---

⁹⁹ Евр. 9, 13–14; 10, 5–6, 19–23.

во Франции и Англии. Этот бессознательный демонизм насчитывает миллионы последователей, возводящих в принцип эгоизм и своеволие, признавая их неотъемлемыми правами человека, во имя их отрицая всякую религию, всякую нравственность, всякий порядок, всякую организацию. Этот бессознательный демонизм древен, как мир, который *весь во зле лежит*¹⁰⁰. Первым индивидуалистом был сатана, провозгласивший свое право на безграничную свободу индивидуальности, ради нее нарушив единение мира и любви, ради нее изменив Богу и великому Братству Царства Его.

Быстрые успехи в области наук и прикладных знаний до того отуманили умы и сердца, по гордости и злобе грешного человечества, что оно почти поголовно страдает манией величия, воображает себя Богом, Творцом, Спасителем и Утешителем. Именно это настроение и выразилось в догмате свободы индивидуальности, который и налагает печать свою на всю современную культуру и воспринимается бессознательно миллионами людей, как необходимая принадлежность истинной культуры и истинной интеллигентности.

Ближайшими последствиями демонического культа безграничной свободы индивидуальности в области мысли является атеизм, проповедь безверия и безнравственности, осмеяние всякого авторитета и всякой организации, поругание всякой святыни, всего возвышенного, вытравление высоких чувств любви, смирения, благоговения. Все это признается предрассудками, мешающими широкому проявлению свободной индивидуальности.

Ближайшими последствиями его в области практической жизни является, по сознанию одного из умнейших представителей современной Франции, *распыленность человечества, ставшего ни на что негодною индивидуальною пылью*, для которой тягостны и ненавистны всякая организация, всякое соглашение, всякий порядок. Отсюда неизбежность бесконечной, ожесточенной, грубой борьбы свободных индивидуальностей, вооруженный мир не только в области международной, но и во внутренней жизни государства, в области социальной, даже в семейном быту.

Атеизм лишает практической возможности найти какие-либо объединяющие начала; *индивидуализм* отнимает всякую практическую возможность самоограничения, *свобода*, понимаемая в смысле *своеволия*, делает практически невозможными всякую организацию, всякий порядок.

Распыленное человечество естественно, по наклонной плоскости, стремится к анархии и, только пережив все ужасы хаоса, может быть, покается и откажется от своих излюбленных кумиров.

Всякие попытки в направлении коллективизма со стороны правоверных исповедников свободы индивидуальности – простое недоразумение, которое на практике неизбежно разобьется об эту самую свободу индивидуальности.

Противоположные течения религиозные и гуманитарные, которые есть, которых много, которые проявляют лихорадочную деятельность, окажутся бессильными по следующим причинам: 1) представители этих движений по большей части задорны в полемике из-за принципов и очень робки в деле их осуществления, *довольствуются паллиативами* и бессистемною благотворительностью вместо того, чтобы стройно организовать жизнь на

---

¹⁰⁰ Ср. Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле (1 Ин. 5, 19).

началах веры, любви и братства; 2) в *неравной борьбе* со своими противниками они всегда будут побеждены, если не изменят своим принципам и не сравняются с ними в беспринципности и грубости орудий борьбы; 3) *нет власти* достаточно независимой, авторитетной и сильной, которая могла бы обеспечить за ними возможность мирного житья среди окружающего хаоса.

Марксизм, как его теперь понимают, нитцшенианство, Ибсен в литературе – особенно яркие проявления этого духа времени, все разрушающего ради свободы индивидуальности и ничего не способного создать из верности тому же принципу»¹⁰¹.

Западный опыт внедрялся в российскую действительность многократно, внедрялся властными структурами сверху, насильственно. Он не был органичен для традиционной почвы, а скорее выглядел как трансплантация, как искусственный орган, внедряемый в чужую культуру. Он трансформировал ее, сталкиваясь с противоречащими ему традициями. Спротивление традиций обычно приводило к откату после реформ, а иногда и к смутным временам; но оно полностью не зачеркивало нового опыта. Сложная его ассимиляция приводила затем через некоторое время к всплеску культурных движений, обогащающих европейскую и мировую культуры. Так было и после петровских реформ, эхом которых в российской культуре стал золотой XIX век. Поэтому то, что трансплантировалось и затем усваивалось, возвращалось в Европу в виде новых достижений. Но Россия после всех этих многократных трансплантаций Европой не стала, она осталась гибридом. Ведь формальные образования в известном смысле есть антиобразования, так как нацелены на остановку, стабилизацию формы.

Такая уверенность продиктована тем, что русская культура, при всех сложностях и перепетиях ее существования есть культура книжная, освященная идеалами православия и зародившаяся, по словам И. В. Киреевского, с первым ударом христианского колокола. Но при этом важно, чтобы те начала жизни, которые хранятся в учении святой православной церкви, вполне проникли в убеждения всех степеней и сословий наших, чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своей полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие, и чтобы та цельность бытия, которую мы замечаем в древней, была навсегда уделом настоящей и будущей нашей православной России¹⁰². Иными словами, русская культура не имеет ценности без ценностей духовных и нравственных. Она в основе своей духовна, ибо является культурой духа. Эта духовность имеет всеохватывающее значение и проявляется во всем укладе жизни, в обычаях, в исканиях мыслителей, в народном творчестве и в классической литературе... В этом же контексте Н. Н. Неплюев подчеркивал особую духовно-стабилизирующую роль российского самодержавия:

«Верноподданный моего государя, я искренне и всем сердцем желаю, солидарно с государственною властью, работать на благо Отечества, признавая это благо вполне солидарным с честным осуществлением правды Божией в практике жизни православной России. Сознать, что моя деятельность одобряется верховым вождем России, на лоне которой я действую, составляет потребность моей любви к государю и уважения к авторитету власти его. Жить и действовать в доме, сознавая себя в разладе с его хозяином, я считаю настолько нечестным, неблагородным, унижительным, что чувствовал бы себя совершенно парализованным и не мог бы помириться для самого себя с таким положением.

¹⁰¹ Неплюев Н. Н. Современное положение Запада // Всероссийское братство. СПб., 1907.

¹⁰² См. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России; Неплюев Н. Н. Что есть истина?

Самодержавие *Божией милостью* православного царя считаю наилучшею формою правления, наиболее гарантирующею возможность мирного прогресса и дружной гармонии всех составных элементов государственного организма. Так думаю не по обязанности, не страха и угодничества ради, не по рутине традиций рода, более шестисот лет служившего престолу и Отечеству, а по совести и по опыту жизни и близкого знакомства с положением вещей в конституционных и республиканских государствах Западной Европы.

Самодержавие *Божией милостью* прямо противоположно самовластию языческого или свободомыслящего деспота. Это лучшее и худшее, день и ночь, причем центр тяжести, животворящий дух, решающий нравственное достоинство власти и формы правления, заключается не в слове *самодержавие*, а в словах *Божией милостью*.

Самодержавие *Божией милостью* царя православного есть лучшая гарантия уважения к правам всех подданных без различия классов и партий, лучший залог мирной и солидарной деятельности всех элементов государства на пользу общую. Никакая хартия, никакой договор не может быть гарантией равносильною сознанию венценосного помазанника, что он получил власть свою от Бога-Любви, высшего разума мира, является делегатом Его на земле, обязан осуществлять правду Его в жизни своих подданных и утрачивает все права свои, становясь крамольным по отношению к *Царю царствующих и Господу господствующих*¹⁰³.

Самодержавие *Божией милостью*, по мере своего самосознания, гарантирует уважение к человеческой личности более всяких деклараций о правах человека, гарантирует от фаворитизма, неизбежного в разгар партийной борьбы и от развращающего влияния избирательной агитации, столь губительно действующей на нравственность современных народов, обладающих либеральными учреждениями, гарантирует свободу всех в бесконечно большей степени, нежели свобода борьбы между партиями, желающими свободы каждая для себя и признающими право на свободу только за собою.

Самодержавие *Божией милостью* не только не требует гордого обособления верховной власти от народа, не только не мешает проявлению воли народной путем выборных, совещательных земских собраний, но даже по самой сути своей требует сердечного единения, единомыслия и единодушия всей великой семьи с Богом данным царем-батюшкой.

Самодержавие *Божией милостью*, более всякой другой формы правления, для правильного хода государственной жизни требует ясного самосознания как от представителей власти, так и от массы народной. В этом самосознании гарантия взаимных чувств любви и уважения, единомыслия и единодушия, духовной устойчивости, самобытного мирного прогресса и непреоборимой мощи православной России. При этом народ сознает святым долгом своим искренне и честно исповедовать жизненную правду, откровенно и доверчиво высказывая сердечные желания свои, с любовью и уважением

---

¹⁰³ Ср.: Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещаю тебе соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь (1 Тим. 6, 13–16).

признавая в то же время за самодержцем право соглашаться с желаниями меньшинства, каждый раз как желания эти, более желания большинства, совпадают с правдой Божией, а следовательно, и с общим благом»¹⁰⁴.

Несмотря на духовные искания русских православных философов первой половины XIX века, в сознании правящих кругов России как метод развития укоренилась так называемая догоняющая модернизация, основанная на заимствовании фрагментов технологической культуры Запада и внедрении ее достижений в социальное тело России. Однако появление новых форм техники и технологии, новых способов общественного разделения труда не привело к преобразованию системы мировоззренческих универсалий народа, к смене его глубинных смысложизненных ориентиров, разве что деформировало их. В последней четверти XIX столетия это прекрасно почувствовал и во всей своей полноте выразил Н. Н. Неплюев.

Знакомясь с жизнью и трудами Николая Николаевича Неплюева, мы имеем прекрасную возможность не только получить представление об оригинальности и глубине русской православной культуры, почувствовать стремление утвердить русскую философию на ее собственном фундаменте – православии, но и проследить во всей своей полноте *столкновение* европейского опыта и традиционной русской социальности, *прикоснуться*, тем самым, к корням извечной русской проблемы взаимосвязи просвещенных слоев общества и народа.

---

¹⁰⁴ Неплюев Н. Н. Отношение к престолу // Всероссийское братство. СПб., 1907.

Приложение

Н. Неплюев. Христианская гармония духа¹⁰⁵

Глава I. Христианское мировоззрение

§ 1. Бог Отец

Ибо хотя и есть так называемые боги или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им¹⁰⁶.

Бог есть Альфа

Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть, и был, и грядет, Вседержитель. <...> Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний <...>. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой¹⁰⁷.

Все существующее создано Богом, всеблагим (высшая любовь), всеведущим (высший разум), всеправедным (высшая святость), вечным, всемогущим, всеведующим, неизменяемым, вседовольным и всеблаженным.

Как высшая любовь, Господь Бог все создал для блаженства вечного и благими путями ведет к этой благой цели.

Как высший разум мира, Господь Бог все создал вполне разумно и разумными путями ведет к разумной цели.

Как высшая святость, Господь Бог добровольно совершенен и не может ни мириться, ни уживаться со злом.

Воля Божья, как воля высшей любви и высшего разума, есть не только высшее, но и единственное разумное благо в мире, вмещает в себе все добро и одно добро. Все, что согласно с волей Божьей, и есть разумное и единый разумный путь к высшему благу, соответствуя разумному и благому пути к разумной и благой конечной цели бытия.

Вне воли Божьей одно зло и *томление духа*¹⁰⁸; все, с волей Божьей несогласное, есть неразумное и злобное уклонение от разумного и благого пути к разумной и благой конечной цели.

---

¹⁰⁵ Составление, научная редакция и примечания А. Малышевского. Все тексты Н. Неплюева приведены в соответствие с нормами современного русского литературного языка при сохранении их авторской стилистики.

¹⁰⁶ 1 Кор. 8, 5–6.

¹⁰⁷ Откр. 1, 8, 10; 21, 6.

¹⁰⁸ ...*томление духа*... – Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа! <...> И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа; потому что во мною мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь. <...> И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем! <...> И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета

Во все перечисленные свойства Божьи мы верим и не можем не верить не только потому, что они поведаны нам Откровением, но и потому, что нельзя разумному существу разумно отвергнуть хотя бы одно из них, продолжая верить в разумность бытия и возможность разумной жизни, потому что нельзя доброму существу отвергнуть хоть одно из них, не впадая в беспросветное отчаяние абсолютно безнадежного пессимизма.

Попробуем отказаться от веры в одно из поведанных нам свойств Божьих и вникнем в неизбежные логичные результаты нашего неверия для ума, сердца и жизни нашей.

Предположим, что мир не создан Богом любящим. Отвергнем благодать Божью. У нас не останется никакого разумного основания верить в конечную победу добра и стремиться к нему; самая любовь перестанет быть разумною, теряет свое место в общей экономии мира, нисходит до степени неразумного инстинкта и вредного в деле борьбы за существование предрассудка. Разумная любовь превращается в неразумную сентиментальность; надежда на конечную победу добра не имеет никакого разумного основания, и жизнь превращается для доброго человека в бессрочную каторгу и бессмысленное прозябание, среди безразличных и равноправных явлений окружающей жизни. Только любовь Творца дает разумный, вечный смысл и любви творения, делает разумными надежду и самоотвержение. Неверие в благодать Творца узаконивает, делает разумным грубый эгоизм и мрачное отчаяние; при таких обстоятельствах неизбежен выбор между благородным самоубийством безнадежной любви и подлым прозябанием ради пьянства жизни, уживающегося со злом.

Предположим, что мир не создан Богом разумным. Отвергнем всеведение Божье. Не признавая разумность Творца, мы не имеем никакого разумного основания признавать разумность творения, разумность жизни мира, разумность скорбей и страданий, разумность конечной цели бытия. Не признавая разумность целого, не имеем никакого разумного основания признавать разумным и часть этого неразумного целого – человечество и часть этой части – самого себя.

В результате хаос мысли и жизни среди хаоса материи. Именно хаос, не становящийся разумною гармонией оттого, что изучают свойства этого хаоса. Даже теория машинообразности мирового организма не имеет никакого разумного смысла без веры в разумного Творца этой мировой машины.

Предположим, что мир не создан Богом святым. Отвергнем всеправедность Творца. Само понятие о правде и святости теряет для нас всякий разумный смысл. Святость – ведь это устойчивая гармония духа, при которой разум, подчиняясь любви, самодержавно властвует над ощущениями, – гармония духа столь трудно достижимая среди дисгармонии духа и жизни этого *мира, который весь во зле лежит*¹⁰⁹.

Только твердая вера в святость Творца и может дать спасительное убеждение в том, что святость есть явление нормальное, более того – необходимое условие того высшего блага, которое и есть конечная цель творения; без этого убеждения мы не имеем никакого разумного основания верить в саму возможность святости, никакого разумного основания путем трудных самоограничений и многих скорбей к ней стремиться.

Неверие во всеправедность, в святость Творца логично приведет к убеждению, что святость – наивная утопия, стремление к ней – благо глупость и наивная сентиментальность; что разумная практичность состоит в том, чтобы как можно выгоднее и приятнее устроиться среди хаоса и дисгармонии, совсем не задаваясь гордою мечтою достигнуть святости и водворить гармонию в жизни.

и томление духа! <...> Не во власти человека и то благо, чтобы есть, и пить, и усладить душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией; потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него? Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость, и знание, и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа! (Еккл. 1, 14, 17–18; 2, 11, 17, 24–26).

¹⁰⁹ ...мира, который весь во зле лежит... – Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле (1 Ин. 5, 19).

Только вера в святость Творца претворяет стремление к святости в духе и жизни из гордого безумия в разумное смиренное согласование воли своей со святою волею Бога святого.

Замечательно, что и непонимание святости Божьей приводит верующих так называемую простою верою к тем же результатам, как и неверие в это свойство Божье. Они неизменно строят все свои расчеты на успокоительной надежде на милосердие Божье, совсем не принимая в расчет Его святость: зачем им делаться святыми и свято устраивать свою жизнь, когда Богу можно угодить и без святости. Вопрос о том, как достигнуть святой гармонии духа, стать братом духовным для жителей рая и тем дать право Богу всеправедному допустить нас в святое братство Царства Божьего, подменяется вопросом о том, какую цену купить благоволение Бога и право на вход в Царство Небесное. Стать святым, работать на освящение себя, других и всего строя жизни бесконечно трудно, когда любовь не занимает в жизни нашего духа место первое; гораздо легче соблюдать обряды внешнего культа, выполнять благочестивые упражнения и делать так называемые богоугодные дела.

Предположить, что мир не создан Богом вечным, всемогущим, вездесущим и неизменяемым, и тотчас ускользает у нас почва под ногами: нет разумного основания верить в конечную и прочную победу добра, нет и разумного основания чем-либо жертвовать ради достижения этого мифического добра на час.

Если Бог не вечен, не вечно и добро, не вечно и то блаженство, вера в которое живет в глубине каждой живой души, придает разумный смысл его сознательно скорбному земному бытию и каждому мгновению его жизни разумный, вечный смысл, дающий право жить.

Если Бог не всемогущ, где разумное основание надежды на то, что Творец может довести до благой конечной цели свое творение. Может ли жить при такой неуверенности разумный и добрый человек и не возненавидеть свое бессмысленное бытие, свое подлое прозябание среди зла, невольные компромиссы с которым облагораживаются исключительно тем характером великодушия к слабому противнику, который, без твердой уверенности в конечную победу добра, переходит в бессрочную гнусную уживчивость со злом.

Если Бог не вездесущ, Он не может быть и всемогущ. Где же тогда гарантия того, что человек не есть атом забытый, затерянный в громаде мира, что жизнь его души имеет значение в общей гармонии мира, что разум его не одинокий *глас вопиющего в пустыне*¹¹⁰, что любовь его не дым, бесследно развеваемый ветром вечности. При таких обстоятельствах разумно жить нельзя, а можно только прозябать изо дня в день, развлекаясь пестротой приятных ощущений.

Если Бог неизменен, неизменна и воля Его, неизменны и истина, и добро, и правда. Только вера в неизменность Бога и есть разумное основание убеждения в совершенной определенности конечной цели бытия, в неизменности определенного смысла земной жизни человека, а следовательно, и единственная гарантия для него возможности жить разумно, разумно согласуя свои мысли, чувства и поступки с разумным и определенным планом достижения разумной определенной цели.

Мы не должны забывать, что благо и разумность не абсолютны только для нас, а не для Бога. Воля Божья есть высшее благо и высшая разумность, при том абсолютно высшая. Если бы было благо еще более высокое, всеведущий Господь не мог бы не знать об этом и не мог

---

¹¹⁰ ...*глас вопиющего в пустыне...* – Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему; всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть [спасение Божие]; ибо уста Господни изрекли это (Ис. 40, 3–5). Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему (Мф. 3, 3). Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему (Мк. 1, 3). И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов, как написано в книге слов пророка Исаии, который говорит: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему <...> (Лк. 3, 3–4). Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия (Ин. 1, 22–23).

бы предпочесть ему благо меньшее. Вот почему и воля Божья по самому существу своему неизменна, как абсолютно высшее благо мира.

Предположим, что Бог не вседоволен или не всеблажен. Воля Божья есть абсолютное добро и абсолютная мудрость. Как же может всемогущий Бог не быть всегда доволен Собою и всеми своими делами? Как же может всеведущий Бог терять блаженное спокойствие духа, когда за мимолетным уклонением от правды, добра и счастья Он непрестанно видит конечную победу добра и вечное блаженство, которое и есть неизменная, согласная с волей Его правда бытия, та благая и разумная цель, к которой Он благими и разумными путями ведет Свое творение.

Если мы усомнимся в том, что Творец мира вседоволен и всеблажен, мы должны усомниться и во всех остальных свойствах Его, усомниться в самом существовании Его, отнять у разума всякую опору и у сердца всякую надежду.

В Боге откровения весь разумный смысл нашего бытия, все основания тихой, спокойной радости нашего сердца, достоинство и сила наша.

Первопричина Бытия

Все существующее есть сознательное проявление разума Божьего. Бог творил и создал, что все его творение разумно и прекрасно.

Высшая любовь могла ли не создать живые существа, разумные и любящие для вечного блаженства причастия любви Его и созерцания чудесных проявлений Его мудрости?

Кроме любви и разума необходимо было одарить их и свободой воли, без чего это были бы только куклы, заведенные на добро, но заслуживающие любви высшего разума мира, а следовательно, и не способные на вечное блаженство, которое и состоит в причастии этой любви.

И вот Господь создал целый мир духов бесплотных: любящих, разумных и свободных. Свобода, составляя неперемнное условие нравственного достоинства и разумное основание справедливой любви Бога всеправедного, составляет вместе с тем и постоянную опасность, как возможность уклонения от добра, как возможность нарушения святой гармонии духа.

Не все ангелы устояли в добре, некоторые из них возгордились разумом и свободой, поставив их выше любви, выше любовного единомыслия и единодушия с любвеобильным Творцом. Гармония духа была нарушена, нарушено единодушие с высшею любовью, нарушено единомыслие с высшим разумом. Насилие до того противно духу Божьему, что никогда Господь не насилует даже и на добро. И Он предоставил духам заблудшим жить вдали от Него и верных созданий Его, пока не сознают вечную правду святой воли Его, пока не будут алчущими и жаждущими любви Его и добровольно, сознательно, радостно не подчинят и разум, и свободу любви.

Только сознательно и свободно любящие достойны любви Божьей, позволяют Ему любить себя и таким образом осуществить то высшее благо, для которого они созданы.

Творение видимого мира

Господь творил из ничего; все сущее – осуществившаяся мысль Творца. Откровение говорит о шести эпохах творения; *эпохи эти названы днями*¹¹¹. Что под словом *день* разуме-

---

¹¹¹ ...эпохи эти названы днями... – В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй. И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.] И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что

ется эпоха, заключающая в себе неопределенное пространство времени, ясно из того, что до четвертого дня, когда появилось солнце на небе, не могло и быть той смены дня и ночи, которую мы называем днем в настоящее время, и из того еще, что в 4-ом стихе 2-ой главы книги «Бытие» словом *день* назван *весь период творения*¹¹².

При повествовании о творении в еврейском подлиннике употребляется два глагола: *бара* (творить) и *аса* (развивать). Глагол *бара* употреблен только три раза: при творении материи, при творении мира органического и при творении души человека. Во всех остальных случаях употребляется глагол *аса*, подтверждающий теорию постепенного развития.

Все творение было прекрасно; и материя, и свойства ее, и силы природы, и законы их взаимодействия – все это было совершенно, как совершенна мудрость Творца, в них воплотившаяся. Господь царствовал и все направлял к общему благу, подчиняя закону любви все разумные законы жизни мира.

Творение человека

И в этот благодатный рай Господь возжелал поместить *образ и подобие Свое – человека*¹¹³, способного быть любящим, разумным и свободно совершенным.

Он создал тело человека из материи и вдунул в него от Себя *бессмертный дух*¹¹⁴. Тело человека тогда еще не было тем грубым, подверженным болезням, одряхлению и смерти телом, в которое мы теперь заключены; то было тело прославленное, безболезненное, вечно юное, прекрасное и бессмертное. И в теле человека, как и во всей природе, все явления были подчинены всеобъемлющей любви Творца, все направлявшего к благу, ибо Он царствовал.

Создав человека, Господь ознакомил его со всем творением земным и, по его просьбе, создал ему *помощника*¹¹⁵, чтобы он не чувствовал себя одиноким.

это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий. И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый. И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый. И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой (Быт. 1, 1–31).

¹¹² ...*весь период творения*... – Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо <...> (Быт. 2, 4).

¹¹³ ...*образ и подобие Свое – человека*... – И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 26–27).

¹¹⁴ ...*бессмертный дух*... – И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою (Быт. 2, 7).

¹¹⁵ ...*помощника*... – И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного

Не следует забывать, что мир земной был не тем проклятым в делах человеческих миром, который мы теперь знаем, и не понимать буквально те слова, которые употребляет Откровение, чтобы сказать нам о том, что было до грехопадения. Существо, которое после грехопадения стало *Евой*¹¹⁶, Откровение называет *помощником и женою*¹¹⁷; это не значит, что между ним и Адамом существовали супружеские отношения; то же можно сказать о древе познания добра и зла и о древе жизни, и о земле. Везде нам надо остерегаться буквы мертвящей и под покровом ее искать животворящий дух.

Создав помощника Адаму, Господь завещал им возделывать рай, дал им власть над всем творением земным и научил их понимать святую волю Свою (*древо познания добра и зла*¹¹⁸).

Грехопадение

Первопричина грехопадения – общение со злом, общение с падшим ангелом, ставшим дьяволом. Он соблазнил первых людей, заразил их гордостью своею; извратил в них святую гармонию духа, научив гордость ума и своеволие поставить выше любви к Богу и смиренного подчинения святой воле Его.

И первые люди захотели стать равными Богу, испробовать добро и зло. Единомыслие и единокровие с Богом было нарушено, они сознательно поставили ощущение и разум выше любви.

С этой минуты святость Божья стала для них укором и общение с Ним мучительно: они устыдились духовной наготы своей. Постигшая их кара состояла в том, что Господь предоставил крамольным созданиям своим испытать логичные последствия своеволия. Они устыдились духовной наготы своей – Он *одел на них кожаные одежды*¹¹⁹, которые, по толкованию святого Григория Богослова, были не что иное, как то грубое тело, которое мы и теперь носим. В этом теле мы лишены видения силы и главы Божьей, можем, если того желаем, не только забыть о Господе Боге, но даже уверить себя в том, что Его совсем не существует; можно, таким образом, совершенно самостоятельно выбирать добро или зло, заслужить прощение и вечное блаженство общения с Богом и верными чадами Его или убедиться, что мы этого блаженного общения недостойны.

Они не захотели подчиняться благой воле Божьей. Он предоставил им испытать жизнь вне Царства Божьего. Проклятие земли в делах человеческих и было освобождением земного мира из-под благой опеки мудрости Божьей. С тех пор, хотя природа и живет по законам, установленным Богом, Господь не направляет более силы ее на благо всех: природа действует как неумолимый организм, страшная стихийной силою своей машина, часто безжалостно разрушающая самые дорогие надежды и самые остроумные расчеты наши. Человечество стало

ему (Быт. 2, 18).

¹¹⁶ ...стало *Евой*... – И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих (Быт. 3, 20).

¹¹⁷ ...*помощником и женою*... – И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку (Быт. 2, 22).

¹¹⁸ ...древо познания добра и зла... – И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и древо познания добра и зла. <...> И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь (Быт. 2, 9, 16–17). Бог избрал *древо познания добра и зла* в качестве средства испытать веру и любовь Адама, а также и его благодарность к небесному Отцу, для целей чего Он и дал ему заповедь не вкушать от плодов данного *древа*. От этой-то заповеди оно, по всей вероятности, и получило свое название. «Древо познания, – говорит митрополит Филарет, – было избрано орудием испытания, представляло для человека, с одной стороны, непрерывно возрастающее познание и наслаждение добра в послушании Богу, с другой – познание и ощущение зла в преслушании». Так как, вообще, заповедь, приуроченная к этому *древу*, имела в виду развитие высших способностей человека как существа разумного, то и на само это *древо* легко могло перейти название «древа разумения» или «древа познания». А так как, по ветхозаветному воззрению, все вообще познание носило моральный характер, то «добро и зло» и берутся здесь как два противоположных полюса всего вообще познания.

¹¹⁹ ...*одел на них кожаные одежды*... – И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их (Быт. 3, 21).

блудным сыном и будет блуждать вдали от небесной отчизны, пока всеми силами души не возжелает вернуться под кров отчий, под благую опеку мудрости Божьей. *Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили* (Рим. 5, 12). Не согреши Адам, он не устыдился бы пред Богом, Господь не одел бы на него кожаные одежды тела, не предстояла бы ему необходимость сбрасывать с себя эту одежду, другими словами – умереть.

Смысл земной жизни

Смысл земной жизни в том и состоит, чтобы вдали от видения силы и славы Божьей всем существом своим пережить сознание невозможности счастья без Бога и возжелать единомыслия и единогодушия с Ним не из страха и не из корысти, а в силу непреодолимой потребности духа, алчущего и жаждущего правды и любви.

Пока человек не признает этой вземной конечной цели бытия, земная жизнь не имеет и не может иметь для него никакого разумного смысла: неизбежность смерти делает одинаково бессмысленными для него и скорби, и радости, и всякую надежду. Он может только бессмысленно прозябать, опьяняя себя, упиваясь грубыми страстями, научными калейдоскопами, игрушечного дела эстетикой или предаваясь сонливой апатии будничной рутины.

Пока дух пребывает в состоянии эгоистического своеволия, он не чувствует потребности вернуться в дом Отца Небесного, способен удовлетворяться приятным прозябанием или завистливою ненавистью к тем, с кем борется за возможность этого приятного прозябания. Это люди, преданные суеде, – дети *мира сего*¹²⁰ на степени высшей дисгармонии духа – скотоподобный человек. На этой степени духовного отчуждения от Бога не только невозможно общение с Богом, но и нет потребности в святой радости причастия Духа Святого. Если страх или переданная от отцов рутина заставляет их обращаться к Богу, *они приближают к нему устами своими и устами чтут Его, сердца же их далеко отстоят от Него*¹²¹; молитва их – кошунство и Богопочитание – оскорбление Бога, святости имени Которого они совсем не понимают, судя о Нем по себе, воображая, что можно подкупить Его дарами и льстивыми словами, оставаясь злыми и порочными.

Когда человек пробуждается от угара власти ощущений, он начинает чувствовать потребность разумной жизни, он переходит из периода царства ощущений в период царства разума, становится из скотоподобного существа – существом разумным. Бессмысленное пьянство жизни не может более удовлетворять его; он не может более отделяться от потребности ума и сердца пробудившегося духа, забавляясь игрою в науку, эстетику, благочестие, благотворительность и любовь. Если нравственные потребности духа и не заговорили в нем с силою духовной жажды, потребности разума стали для него главным делом его жизни, заняли в ней место первое.

---

¹²⁰ ...*мира сего*... – И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие, Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которую возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, – благодатью вы спасены, – и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе, дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе (Еф. 2, 1–7).

¹²¹ ...*они приближают к нему устами своими и устами чтут Его, сердца же их далеко отстоят от Него*... – Или если кто безрассудно устами своими поклянется сделать что-нибудь худое или доброе, какое бы то ни было дело, в котором люди безрассудно клянутся, и он не знал того, но после узнает, то он виновен в том (Лев. 5, 4)...И лстили Ему устами своими и языком своим лгали пред Ним (Пс. 77, 36). И сказал Господь: так как этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих (Ис. 29, 13)...Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня (Мф. 15, 8).

Если при таких обстоятельствах жажда духа жить разумно и разумно относиться ко всему окружающему не приведет логично к вере в высший разум мира, мудрого Творца того стройного творения, изучение которого и составляет содержание всех наук, она непременно приведет к сознанию подавляющего величия и разнообразия мирового организма, к сознанию ничтожности, беспомощности, затерянности среди него песчинки-человека, к сознанию беспечности сознательно скорбного прозябания. Тут только и может быть два выхода: возвращение к скотоподобию, на этот раз сознательному и потому сугубо позорному, – явлению, известному в наше время под именем культурного одичания, или духовное безумие беспросветного отчаяния – явление, не менее нам известное под видом пессимистической философии с ее мировой тоской.

Когда гармония духа восстанавливается до первенствующего значения любви, неверие более невозможно: нельзя любить добро, не любя источник добра; нельзя любить творение, не любя творца; нельзя любить человечество, не любя высшее проявление добра на земле, лучшего из смертных – Спасителя – Христа. Нельзя любить не веруя, нельзя любя не устраивать жизнь на основе любви, нельзя не веруя верить в возможность победы добра и в любовь, как основу жизни.

Когда таким образом блудный сын убедится в невозможности счастья вдали от дома Отца Небесного и любовь пробудит в нем память веры, умом и сердцем он более не принадлежит *миру сему*, по духу он стал братом ангелам и святым.

Господь, не насилуя его, может возобновить благодатное общение с ним – источник блаженства вечного: с этого времени он знает, *в Кого верует*¹²² и *верою ходит, а не видением*¹²³. Из сына *мира сего* он стал чадом Божиим, *Царство Божье внутри его есть*¹²⁴ и *день смерти для него лучше дня рождения*¹²⁵ – это день, в который он сбросит пыльную одежду земного скитания, омоется банею смерти от пыли и праха *долины плача и печали*¹²⁶ и добровольно, сознательно, радостно вернется в дом Отца Небесного, чтобы больше не покидать его.

Вот смысл земной жизни человека: убедиться, что счастье невозможно без Бога, и сознательно предпочесть своеволию искания по миру приключений единомыслие с высшим разумом и единокровие с высшею любовью в доме Отца Небесного – Царстве Божьем.

Промысел Божий

С того времени, как Бог проклял землю в делах человеческих, Он перестал царствовать над нею, но не перестал быть ее Творцом, почему печать мудрости Его и осталась на всем творении Его, но Он более не царствует на земле, не направляет все на благо всем, хотя может еще минутно вмешиваться в жизнь земного мира и сделать всякое чудо.

Господь никого не искушает, никого не насилует, но не покидает мудрого плана и *домостроительства Своего*¹²⁷ и продолжает с долготерпением и милосердием вечное дело Свое через тех, кто добровольно отдает себя в руку Его и жизнь свою на святое дело Его.

---

¹²² ...*в Кого верует*... – По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день (2 Тим. 1, 12).

¹²³ ...*верою ходит, а не видением*... – Итак мы всегда благодушествуем; и как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, – ибо мы ходим верою, а не ведением, – то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа (2 Кор. 5, 6–8).

¹²⁴ ...*Царство Божье внутри его есть*... – Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 20–21).

¹²⁵ ...*день смерти для него лучше дня рождения*... – Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения (Еккл. 7, 1).

¹²⁶ ...*долины плача и печали*... – Проходя долиною плача, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением; приходят от силы в силу, являются пред Богом на Сионе (Пс. 83, 7–8).

¹²⁷ ...*домостроительства Своего*... – ...И открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от веч-

Дело Божье – одно вечно единое и неизменное: дело возвышения человечества до единомыслия с Собою, как высшего разума, до единодушия с Собою, как высшей любовью, до устойчивой верности Себе, как высшей святости.

Промысел Божий и состоит в том, что Он неустанно через ангелов-хранителей и избранных Своих призывает нас работать на дело созидания Царства Божьего, *как живые камни устроят из себя дом духовный*¹²⁸, и делаться соработниками Его в деле созидания стен Иерусалима Небесного, тех благодатных стен, за которыми мы будем ограждены от общения скорбного со злыми и объединены силою Божьей и причастием Святого Духа Его в радостном общении вдохновения любви и мудрости с Богом живым и всеми верными чадами Его.

Промысел Божий и состоит в том, что Он привлекает к Себе всех, желающих приблизиться к Нему, любить всех, позволяющих Ему, святому, любить себя, без меры дает Духа Святого, всем просящим у Него, в немощи творит силу и через верующих сдвигает горы предрассудков, рутины, злобы, гордости и лени.

Промысел Божий и состоит в том, что Он, не насилуя злых и гордых детей *мира сего*, не препятствует им побивать камнями пророков, издеваться над распятым Христом, травить в цирке христиан XIX веков тому назад и делать из ума, талантов, богатства и физической силы волчьих зубы на растерзание кротких в настоящее время, все, и даже злодеяния злых и гордых детей *мира сего*, направляет к благу духовному детей Божьих, к успеху зреющей закваски Царства Божьего, к вечному царству, силе и славе добра.

§ 2. Бог Сын

*Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол, избранный к благовестию Божью, которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях, о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божьим в силе, по духу святости, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе Господе нашем, через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы, между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом, – всем находящимся в Риме возлюбленным Божьим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа*¹²⁹.

Негодная плоть

Только после грехопадения, после того, как Адам и *помощник его* Ева облеклись в глубокую плоть – кожаные одежды тела, Адам познал Еву, т. е. вступил с нею в супружеские отношения. У них стали рождаться дети: от родителей рождалась плоть, души не рождались от душ родительских, и люди, рожденные от тех же родителей, возросшие при совершенно однородных обстоятельствах, могут быть так несхожи по настроению духа, как родные братья, кроткий Авель и первый человекоубийца Каин.

Всегда неизменно справедливый Бог не почел возможным относиться безразлично и к доброму Авелю, и к злому Каину, что может служить первым из многочисленных доказательств

ности в Боге, создавшем все Иисусом Христом (Еф. 3, 9).

¹²⁸ ...как живые камни устроят из себя дом духовный... – Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устроят из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом (1 Пет. 2, 4–5).

¹²⁹ Рим. 1, 1–7.

того, как неосновательна столь часто раздающаяся в настоящее время проповедь всепрощения в смысле полного безразличия и благодушной уживчивости.

И Авель, и Каин желали получить от Бога великие и богатые милости, и тот и другой обращались к Нему с молитвою, приносили Ему жертвы, но приняты были только молитвы и жертвы доброго Авеля, а молитвы и жертвы злого Каина были отвергнуты, не потому, что Господь желал Авелю больше добра, а потому, что злой Каин желал не того, что едино на потребу, а того, что он себе желал, Господь не мог дать ему без вреда для него, а дать ему совсем не того, чего он просит, было бы насилием на добро, которого, как и всякого насилия, гнушается Господь.

Прототип всех грубых эгоистов, Каин обвинял не себя, а Бога и доброго Авеля, не раскаялся, а озлобился, не воспользовался добрым примером, а счел его себе за оскорбительную укоризну и, как истый практический делец, чуждый всяких сентиментальных предрассудков, не остановился ни перед какими препятствиями, не погнушался никакими средствами, чтобы исполнить волю свою: добрый Авель колот ему глаза – он убил его.

Когда Господь, призывая его к раскаянию, сказал ему: *Где Авель, брат твой?* Он ответил знаменитою, столь часто и ныне повторяемою кайнами всех веков и всех народов формулою грубого, самодовольного эгоизма: *Разве я сторож брату моему?*¹³⁰

В этом библейском рассказе вся скорбная эпопея отношений к Богу и верным чадам Его тех детей *мира сего*, которые, не разбирая средств, стремятся к эгоистическим целям, не любя Бога, отрицают Его бытие или стараются сделать Его послушным орудием своим, не разбирая средств, легко побеждают более совестливых соперников своих на жизненной бирже, гордятся успехами своих злодеяний и, предпочитая вдохновению любви радости земли, являются негодною плотью мертвою для Царства Небесного, в очах Божьих.

При таком настроении и таких отношениях к Богу и ближним гораздо удобнее созидать свое земное благополучие, чем при помехе сентиментальных предрассудков веры и любви, пока при кротости голубиной добрые авели не стали мудры, как змеи. И вот строят города, накапливают богатства, преуспевают в науках и искусствах не *потомки Сифа*¹³¹, которых Откровение называет сынами Божьими, а потомки Каина (сильные, издревле славные люди), развращение которых было так велико, что *все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время*¹³².

Как Адама погубило благодушное общение с дьяволом, так и потомков Сифа погубило благодушное общение с представителями *допотопной* культуры без Бога.

И увидел Бог, что все люди стали негодною плотью, пренебрегающею дарами Духа Его, что все они из всех врученных им талантов делают волчьи зубы и что нет более возможности долее жить между ними тем редким чадам Божьим, которые, подобно Ною, не желали отречься от *утопии* веры.

Вера идеалиста Ноя спасла его от участи современных ему практичных дельцов с трезвым взглядом на жизнь, но не спасла его потомство от возрождения в нем традиции Каина, как не спасает святость предков от свободы грешить их потомство.

Первый толчок был дан в этом направлении легкомысленным отношением к жизни и людям благодушного весельчака Хама, убежденного, что:

Смеяться, право, не грешно

---

¹³⁰ Быт. 4, 9.

¹³¹ ...*потомки Сифа*... – И познал Адам еще [Еву,] жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что, [говорила она,] Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин (Быт. 4, 25).

¹³² ...*все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время*... – И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем (Быт. 6, 5–6).

Над тем, что кажется смешно¹³³.

Легкомысленный смех над тем, кого должно было уметь любить и уважать, имел последствием *грубое оскорбление отца и полный разлад с теми, кто не желал стать сообщником этого злого дела*¹³⁴.

Вот краткая история и полная картина настроения и отношений к Богу и ближним всех тех самоуверенных и самодовольных каинов и хамов всех времен и всех народов, которые, не только не желая согласовать свою волю с волею Отца Небесного, но и не признавая никаких внеземных целей, зарывают и ум, и сердце, и все таланты свои в грязь земную, творят цивилизацию без Бога, гордятся ею до умопомрачения, внушают завистливое удивление *народу жестоковыйному*¹³⁵ и являются негодною плотью, в очах Божьих.

Отличительным признаком культуры без Бога является зверская борьба за плоды цивилизации и уродливое сочетание в недрах того же общественного организма безумной роскоши и отупляющего нищенства. В результате – философия отчаяния и беспринципный эпикуреизм, с одной стороны, и тяжелое томление духа, зависть и озлобление – с другой.

По временам положение становится настолько невыносимым, что даже *негодная плоть*¹³⁶ начинает мечтать о благах духовных. В действительности они благ духовных так же мало желают, как и веры сознательной. Поверив в Бога, нельзя не признать обязательным для себя познать Его святую волю и подчинить ей волю свою. Подчиняться без любви – бессрочная каторга, на которую практичные дельцы с трезвым взглядом на жизнь обречь себя не могут, так как о благах духовных они мечтают только как о средстве приобретения благ земных. И вот, не желая приступить к трудному, а при отсутствии веры и любви невозможному делу духовного перерождения, они, оставаясь по-прежнему каинами и хамами, пробуют украсть плоды святости.

Формы жизни всегда представляют логичный продукт и верное отражение настроений духа и нравственных качеств большинства.

---

¹³³ Из стихотворения «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1796) писателя и историка Николая Михайловича Карамзина (1766–1826).

¹³⁴ ... *грубое оскорбление отца и полный разлад с теми, кто не желал стать сообщником этого злого дела...* – Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и, выйдя, рассказал двум братьям своим. Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего. Ной проспался от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих (Быт. 9, 20–25).

¹³⁵ ... *народу жестоковыйному...* – И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный; итак, оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя (Исх. 32, 9–10). И сказал Господь Моисею: пойди, иди отсюда ты и народ, который ты вывел из земли Египетской, в землю, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: потомству твоему дам ее; и пошлю пред тобою Ангела [Моего], и прогоню Хананеев, Аморреев, Хеттеев, Ферезеев, [Гергесеев,] Евеев и Иевусеев, [и введет он вас] в землю, где течет молоко и мед; ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный. Народ, услышав грозное слово сие, возрыдал, и никто не возложил на себя украшения своих. Ибо Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым: вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас; итак, снимите с себя украшения свои; Я посмотрю, что Мне делать с вами (Исх. 33, 1–5). Когда будет изгонять их Господь, Бог твой, от лица твоего, не говори в сердце твоём, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею [доброю] землею и что за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего; не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие [и беззакония] народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову; посему знай [ныне], что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный (Втор. 9, 4–6). И сказал мне Господь: [Я говорил тебе один и другой раз:] вижу Я народ сей, вот он народ жестоковыйный; не удерживай Меня, и Я истреблю их, и изглажу имя их из поднебесной, а от тебя произведу народ, который будет [больше,] сильнее и многочисленнее их (Втор. 9, 13–14).

¹³⁶ ... *негодная плоть...* – И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле (Быт. 6, 12). Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной (Пс. 62, 2). Ты слышишь молитву; к Тебе прибегает всякая плоть (Пс. 64, 3).

Как бы ни было высокообразованно, богато, сильно и многочисленно собрание каинов и хамов, общественная жизнь их всегда будет отражать в себе грубый эгоизм и грубую порочность и относительный порядок поддерживаться исключительно страхом или соображениями корысти; только перестав быть каинами и хамами, они могут полюбить Господа Бога до сознательного братства и создать жизнь свою на основах любви.

Пока каины и хамы остаются каинами и хамами, им не удастся ни подкупить Бога лестью и дарами, ни украсть у Него плоды святости, ни сделать Его послушным орудием своей политики и своих расчетов. Ни высокая культура, ни богатство, ни сила, ни слава, ни храмы, ни жертвы не ослепят и не подкупят Бога святого и праведного; в Его глазах они остаются все теми же каинами и хамами, в духовное общение с которыми не может войти Господь, не изменяя своей святости, все тою же негодною плотью, неспособною на причастие Духа Святого, все теми же детьми дьявола, *хотящими творити похоти его*¹³⁷.

СЫНЫ БОЖЬИ

У того же согрешившего Адама был кроме злого Каина и другой сын, родной брат Каина по плоти – добрый Авель.

Авель был добрый – любил; любовь и была для него источником веры истинной в Бога истинного.

И Каин верил, но злое сердце его не верило в Бога любви, как оно не жаждало любви, и верил он не в Бога истинного, и вера его не была истинною, и вера его не была угодна Богу, и молитва его была отвергнута.

Любя, нельзя не верить в Бога любви, в Бога истинного; веруя в Бога истинного, нельзя не жаждать *воды живой*¹³⁸, нельзя не дорожить, как сокровищем, каждым *словом, исшедшим из уст Божьих*¹³⁹, нельзя не смириться сознательно и радостно перед величием славы Божьей.

Смирение и любовь не могут не привести нас к добровольному радостному подчинению воли своей благой и мудрой воле Божьей, пока *до ревности любящий дух, живущий в нас*¹⁴⁰, не сроднит нас с собою до того, что воля Божья станет волею нашею, и Господь, не насилуя нас, может без меры дать нам Духа Святого и в немощи нашей творить чудеса.

Итак, плод любви – вера истинная, плод веры – боговедение, плод боговедения – смирение, плод смирения – сила, плод силы – чудеса.

И вот то, чего не может достигнуть никакая культура без Бога, что невозможно для самых сильных умом, богатством и властью сильных, издревле славных каинов и хамов, становится возможным для кротких, смиренных авелей. Вера истинная в Бога истинного сдвигает горы на их пути, любовь водворяет в сердцах их на место *томления духа*¹⁴¹ радость *тихую*, и злые

---

¹³⁷ ...*хотящими творити похоти его*... – Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи (Ин. 8, 43–44).

¹³⁸ ...*воды живой*... – Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекали себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды (Иер. 2, 13). Ты, Господи, надежда Израилева; все, оставляющие Тебя, посрамятся. «Отступающие от Меня будут написаны на прахе, потому что оставили Господа, источник воды живой» (Иер. 17, 13). Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой (Ин. 7, 38). И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой (Откр. 21, 6).

¹³⁹ ...*словом, исшедшим из уст Божьих*... – И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Мф. 4, 3–4).

¹⁴⁰ ...*до ревности любящий дух, живущий в нас*... – Или вы думаете, что напрасно говорит Писание: «До ревности любит дух, живущий в нас»? (Иак. 4, 5).

¹⁴¹ ...*томления духа*... – Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа! <...> И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа. <...> И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем! <...> И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под

каины при всех ухищрениях злобы своей могут только убить Авеля, освободить вечный дух его из тесной темницы тела и из долины плача и печали переселить его на брачный пир в благословенный дом Отца Небесного.

Это сыны Божьи.

Странствуя в пустыне жизни на пути в землю обетованную – Царство Божье, они непрестанно алчут и жаждут *воды живой* правды и любви и, как сокровищем, дорожат каждой каплей воды, источаемой из камней сухих избранниками Божьими.

Веруя в Бога истинного, они не могут не только откупаться от Него лестью и дарами, не только не позволят себе сделать из Него орудие для приобретения благ земных, но и не желают выторговывать у Него даже малейшей части ума, сердца и жизни своей, а без всякого торга всю жизнь свою отдают Богу и на дело Божье, отдают себя с радостью, сознавая, что исполнили только долг свой, призвание бытия своего и тем придали жизни своей разумный, вечный смысл, дающий право жить.

Они – *соль земли*¹⁴² и *свет мира*¹⁴³, они одни могут осуществить в жизни те плоды веры и любви, которых украсть не удастся представителям культуры без Бога, а им будут даром даны, как неизбежный логичный результат жизни по вере.

Программа жизни их одна и неизменна всегда и везде: *любить Бога всем разумом своим, всю крепостью своею и ближнего, как самого себя*¹⁴⁴.

Любя Бога всем разумением своим, они полагают все наличные силы разума своего на познание воли Божьей, и Господь, приближающийся ко всем желающим приблизиться к Нему, озаряет умы их светом разумения превыше сил человеческого ума их.

Любя Бога всю крепостью своею, они полагают все наличные силы духа своего на честное согласование всего строя жизни с познанною волею Божьей, и Бог налагает на них печать дара Духа Своего, сообщая им мощь духовную, далеко превосходящую возможное для людей.

Любя Бога всем сердцем своим, они не только разумеют волю Отца Небесного и находят для себя посильным творить ее, но и любят святую волю Его, радуются ей, радуются жизни по вере, а не впадают в уныние, с ожесточением совершая свое спасение. И радость эта растет по мере того, как крепнет благодатная связь духовного общения с Богом, по мере того, как водворяется в душе тот мир Божий, которого нарушить не могут никакие скорби, никакие истязания, и которого никто не отнимет у них.

Любя Бога такою любовью, они и в себе любят только то, что могут любить без измены Богу. Любовь открывает очи души их и дает им мудрость разуместь то, что уразуместь наиболее

солнцем; ибо всё – суета и томление духа! <...> Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа! <...> Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа! <...> Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа. <...> Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не порадуются им. И это – суета и томление духа! <...> Лучше видеть глазами, нежели бродить душою. И это – также суета и томление духа! (Еккл. 1, 14, 17; 2, 11, 17, 26; 4, 4, 6, 16; 6, 9).

¹⁴² ...*соль земли*... – Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на попрание людям (Мф. 5, 13).

¹⁴³ ...*свет мира*... – Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы (Мф. 5, 14).

¹⁴⁴ ...*любить Бога всем разумом своим, всю крепостью своею и ближнего, как самого себя*... – Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего, как самого себя (Лев. 19, 18). Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя (Мф. 19, 18–19). Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки (Мф. 22, 37–40). Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею – вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет (Мк. 12, 29–31). Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всю крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя (Лк. 10, 27). Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай чужого и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя (Рим. 13, 9). Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя (Галл. 5, 14).

трудно: познание самого себя *при Свете от Света Небесного*¹⁴⁵. В этом залог возможности для них самоусовершенствования, постепенного восстановления в себе помраченного грехом образа и подобия Божьего.

Любя себя такую просвещенною верою и любовью, они и ближних своих любят как самих себя, не угождая им, не лаская их порочные наклонности, а ставя выше всего остального восстановление в них образа и подобия Божьего, дело примирения их с Богом святым и праведным, дело возвышения их до того нравственного уровня, при котором возможно любить их, уважать их, и иметь братское общение с ними без измены Отцу Небесному.

Вот почему дети *мира сего* неизменно признают любовь их за ненависть, смирение их – за гордость и веру их – за безумие и утопию.

Вот почему сыны Божьи всегда были гонимы, злословимы и побиваемы камнями теми, кто простил бы им любовь только при условии измены Богу ради благодушной уживчивости со злом, кто простил бы им смирение перед Богом только при условии смиренного преклонения перед грубою силою зла, кто желает украсть плоды веры, продолжая признавать веру мистическою утопией благоглупости.

Их мир ненавидит, потому что они не от *мира сего*, и однако именно он та *соль земли*, ради которой долго терпит Господь, не желая, чтобы грешник погиб, но чтобы все в разум истины пришли.

И всякий Каин и Хам может стать добрым Авелем, потому что нет человека, не созданного по образу и подобию Божьему для блаженства вечного причастия любви и мудрости Бога живого.

Достаточно полюбить Авеля, чтобы понять в нем Бога: поняв Бога, нельзя не полюбить Его, полюбив, нельзя не уверовать живою верою, уверовав, нельзя не уразуметь силу и славу Божью, уразумев, нельзя не смириться, смирившись, нельзя не возжаждать причастия Духа Божьего, пережив причастие Духа Божьего, нельзя не стать самому добрым Авелем.

Невозможное для человека возможно для Бога, когда Он может, не насилуя нас, творить чудеса.

Избранники Божьи

Обыкновенные ли то люди? Не воплощаются ли по временам безгрешные ангелы Божьи?

Есть места в Откровении, которые как будто указывают на высшую природу, по крайней мере, некоторых из избранников Божьих. Многие из них с раннего детства выказывают признаки такой святой гармонии духа, которая не составляет удел среднего человеческого суще-

---

¹⁴⁵ ...*при Свете от Света Небесного*... – Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого всего и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божиего, Единородного, от Отца рожденного прежде всех веков, Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, несотворенного, единосущного Отцу, через которого все сотворено. Ради нас, людей, и ради нашего спасения сошедшего с небес и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы, и ставшего Человеком. Распятого за нас при Понтии Пилате, страдавшего и погребенного. Воскресшего в третий день по Писанию. Восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца. Вновь грядущего со славою судить живых и мертвых, и Царству Его не будет конца. И в Духа Святого, Господа Животворящего, от Отца исходящего; Которому вместе с Отцом и Сыном подобает поклонение и слава; Который вешал через пророков. И во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую единое крещение во отпущение грехов. Ожидаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь (Символ веры). Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную [престола] величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя (Евр. 1, 1–4). Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да прославится Отец в Сыне (Ин. 14, 8–13).

ства их возраста; о некоторых из них Откровение говорит, что Господь избрал их прежде, чем тело их образовалось в утробе матери.

Если мы сопоставим с этим слова литургии, которыми церковь напоминает нам, что *един свят*¹⁴⁶, един Господь Иисус Христос и свидетельство Откровения, которое со свойственной ему божественною искренностью повествует о великих немощах избранных Божьих, поясняя, что Господь в немощах творит силу, *чтобы никакая плоть не возгордилась*¹⁴⁷, то нам станет ясно, что если Господь и посылает на землю духов, предназначенных быть избранными Его, все же они не безгрешны и могут, по примеру сына притчи, *сказать иду Отцу Небесному и, воплотившись, не пойти*¹⁴⁸, что мы и видим на примере Самсона, который *погубил и себя, и народ свой*¹⁴⁹.

¹⁴⁶ ...един свят... – Кто не убоятся Тебя, Господи, и не прославят имени Твоего? ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои (Откр. 15, 4).

¹⁴⁷ ...чтобы никакая плоть не возгордилась... – Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, – для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом (1 Кор. 1, 26–29).

¹⁴⁸ ...сказать иду Отцу Небесному и, воплотившись, не пойти... – У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему (Мф. 21, 28–32).

¹⁴⁹ ...погубил и себя, и народ свой... – И родила жена сына, и нарекла имя ему: Самсон. И рос младенец, и благословлял его Господь. И начал Дух Господень действовать в нем в стане Дановом, между Цорою и Естаолом. И пошел Самсон в Фимнафу и увидел в Фимнафе женщину из дочерей Филистимских [и она понравилась ему]. Он пошел и объявил отцу своему и матери своей и сказал: я видел в Фимнафе женщину из дочерей Филистимских; возьмите ее мне в жену. Отец и мать его сказали ему: разве нет женщин между дочерьми братьев твоих и во всем народе моем, что ты идешь взять жену у Филистимлян необрезанных? И сказал Самсон отцу своему: ее возьми мне, потому что она мне понравилась. Отец его и мать его не знали, что это от Господа, и что он ищет случая отмстить Филистимлянам. А в то время Филистимляне господствовали над Израилем. <...> И сказали жители Иудеи: за что вы вышли против нас? Они сказали: мы пришли связать Самсона, чтобы поступить с ним, как он поступил с нами. И пошли три тысячи человек из Иудеи к ущелью скалы Етама и сказали Самсону: разве ты не знаешь, что Филистимляне господствуют над нами? что ты это сделал нам? Он сказал им: как они со мною поступили, так и я поступил с ними. И сказали ему: мы пришли связать тебя, чтобы отдать тебя в руки Филистимлянам. И сказал им Самсон: поклонитесь мне, что вы не убьете меня. И сказали ему: нет, мы только свяжем тебя и отдадим тебя в руки их, а умертвить не умертвим. И связали его двумя новыми веревками и повели его из ущелья. Когда он подошел к Лехе, Филистимляне с криком встретили его. И сошел на него Дух Господень, и веревки, бывшие на руках его, сделались, как перегоревший лен, и упали узы его с рук его. <...> Пришел однажды Самсон в Газу и, увидев там блудницу, вошел к ней. Жителям Газы сказали: Самсон пришел сюда. И ходили они кругом, и подстерегали его всю ночь в воротах города, и таились всю ночь, говоря: до света утреннего подождем и убьем его. А Самсон спал до полуночи; в полночь же встав, схватил двери городских ворот с обоими косяками, поднял их вместе с запором, положил на плечи свои и отнес их на вершину горы, которая на пути к Хеврону, [и положил их там]. После того полюбил он одну женщину, жившую на долине Сорек; имя ей Далида. К ней пришли владельцы Филистимские и говорят ей: уговори его и выведай, в чем великая сила его и как нам одолеть его, чтобы связать его и усмирить его; а мы дадим тебе за то каждый тысячу сто сиклей серебра. <...> И сказала ему [Далида]: как же ты говоришь: «люблю тебя», а сердце твое не со мною? вот, ты трижды обманул меня, и не сказал мне, в чем великая сила твоя. И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила его, то душе его тяжело стало до смерти. И он открыл ей все сердце свое, и сказал ей: бритва не касалась головы моей, ибо я назорей Божий от чрева матери моей; если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб и буду, как прочие люди. Далида, видя, что он открыл ей все сердце свое, послала и звала владельцев Филистимских, сказав им: идите теперь; он открыл мне все сердце свое. И пришли к ней владельцы Филистимские и принесли серебро в руках своих. И усыпила его [Далида] на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его. Она сказала: Филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего и сказал: пойду, как и прежде, и освобожусь. А не знал, что Господь отступил от него. Филистимляне взяли его и выкололи ему глаза, привели его в Газу и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников. Между тем волосы на голове его начали расти, где они были острижены. Владельцы Филистимские собрались, чтобы принести великую жертву Дагону, богу своему, и повеселиться, и сказали: бог наш предал Самсона, врага нашего, в руки наши. Также и народ, видя его, прославлял бога своего, говоря: бог наш предал в руки наши врага нашего и опустошителя земли нашей, который побил многих из нас. И когда развеселилось сердце их, сказали: позовите Самсона [из дома темничного], пусть он позабавит нас. И призвали Самсона из дома узников, и он забавлял их, [и заушали его] и поставили его между столбами. И сказал Самсон отроку, который водил его за руку: подведи меня, чтобы ощупать мне столбы, на которых утверждён дом, и прислониться к ним. [Отрок так и сделал.] Дом же был полон мужчин и женщин; там были все владельцы Филистимские, и на кровле было до трех тысяч мужчин и женщин, смотревших на забавляющего их Самсона. И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи

Если так, если кроме Христа Спасителя не было между сынами человеческими ни одного безгрешного существа, может ли стать избранником Божиим каждый из нас, грешных детей грешного Адама, или мы имеем основание, говоря об избранниках Божьих, повторять излюбленную формулу извинения греховности: *уж где нам, грешным*.

Все мы одинаково созданы по образу и подобию Божьему, все мы одинаково созданы для блаженства вечного, всем нам Господь одинаково желает спастись и в разум истины прийти; ко всем нам готов приблизиться Господь, если сами мы искренно желаем приблизиться к Нему, всем нам Он готов дать Духа Святого, если мы возжелаем Его, каждый из нас может стать храмом Его, во всякой немощи нашей силен Господь соделать силу, и, следовательно, нет ни одного из нас, которого Господь не желал бы принять в число избранников Своих, если Он может делать это, не насилуя нас.

Господь готов дать Духа Святого всякому с верою просящему у Него и дать Духа Своего без меры, но мы воспринимаем дары Духа Божьего в меру устойчивости любви и веры нашей. Пока мы остаемся людьми с двоящимся умом и сердцем двоедушным, пока, как волны морские, мы то воздымаемся, то вновь падаем, притом не делами нашими, а стремлениями духа нашего, до тех пор Дух Святой не может, не насилуя нас, придти и вселиться в нас, и сделать из нас храм Свой.

Только устойчивая жажда правды Божьей, устойчивая верность и любовь к Нему может дать право Ему, святому, без насилия нам нами, сделать нас избранниками Своими. Если мало между нами людей с печатью избранника Божьего на челе, мы можем видеть из этого, как мало в *мире сем*, который весь во зле лежит, устойчивой веры и постоянства любви к Тому, Который до ревности любит нас.

*Никто не может прийти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня*¹⁵⁰. Бог производит в нас и хотение, и действие, по Своему благоволению¹⁵¹. Первые слова сказаны были Христом Спасителем, вторые – апостолом Павлом, будучи обращены к верующим Филиппийской церкви.

Что же остается на долю нашу в отношениях наших к Богу в жизни по вере? Остается добрая воля сознательно отдать умы, сердца и жизни наши в святую руку Его, чтобы он, не насилуя нас, мог привлекать нас к Себе, возбуждать в нас святое хотение и творить в немощи нашей действия во благо.

И этого малого – устойчивой доброй воли – не обретается в громадном большинстве даже лучших из грешных детей земли, что и не позволяет Богу, без насилия над ними, возвысить их в сан избранников Своих.

Понять это может помочь нам сравнение. Когда Христос Спаситель преобразился перед учениками Своими, Он показал им *славу Свою*¹⁵². Так точно и Бог дает славу Духа Своего не в той мере, насколько он хочет, а в той мере, в какой мы можем и хотим принять Его.

Становятся ли безгрешными избранники Божьи, когда они имеют добрую волю не противиться тому, чтобы Он производил в них и хотение, и действие? Нет, они не становятся богами, они могут погрешать и в славе, и в деле, так как и их не насилует Господь, и рядом с хотениями

Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже! чтобы мне в один раз отмстить Филистимлянам за два глаза мои. И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержен был дом, упершись в них, в одну правую рукою своею, а в другую левою. И сказал Самсон: умри, душа моя, с Филистимлянами! И уперся всею силою, и обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем (Суд. 13, 24–25; 14, 1–20; 15, 1–20; 16, 1–31)..

¹⁵⁰ Ин. 6, 44.

¹⁵¹ Флп. 2, 13.

¹⁵² ...*славу Свою*... – Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие. После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взшел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею. И вот, два мужа беседовали с Ним, которые были Моисей и Илия; явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме. Петр же и бывшие с ним отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его и двух мужей, стоявших с Ним (Лк. 9, 27–32).

от Бога могут быть в них и другие хотения, рядом с действиями послушания Богу они могут творить и другие действия; люди будут иметь основание строго судить их, но Бог не отрицает их, если то были следствия немощи ума и сердца, а не сознательная измена Богу и делу Его.

Тех, в чьей груди горит устойчивый огонь святого желания быть работником на дело Божье и творить волю Отца Небесного, Господь принимает в число соратников Своих. Они – избранники Его, через них призывает Господь блудных сынов вернуться в дом Свой, через них проливает на землю свет Откровения Своего, через них продолжает земное домостроительство Свое и воздвигает стены Иерусалима Небесного.

Свет от Света Небесного

Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил. Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя¹⁵³.

С первых же дней жизни согрешившего Адама на проклятой в делах его земле, вне дома Отца Небесного, милосердный Бог дал ему обещание, что придет Искупитель рода человеческого. Великий примиритель – ходатай, спаситель мира – Христос.

В деле спасения человечества Сыном Божьим есть стороны, доступные для ума нашего, другие – доступные для нашего сердца, есть сторона таинственная, превышающая силы ума и сердца нашего, тайна домостроительства Божьего, которую может постигать дух в минуты вдохновения, озаренный причастием Духа Святого, но изложить которую на языке человеческом нельзя и пытаться не надо.

Откровение, сообщая нам все необходимое для уразумения смысла земной жизни нашей и согласования ума, сердца и жизни с волею Отца Небесного, не задается целью удовлетворять любопытство ума нашего в тех случаях, когда это не может иметь значения для настроения нашего собственного духа и личного поведения нашего.

К этим тайнам Божьим, не разъясненным Откровением, принадлежат и троичность ипостасей Бога единого, и предвечное рождение Бога-Слова, и воплощение Спасителя от Духа Святого и Марии Девы, и таинственное значение страданий, смерти и воскресения Праведника в деле примирения грешного человечества с Богом Святым; все это тайны Божьи, в которые мы должны смиренно верить, но рассуждать о которых есть дело гордости и детской наивности, дело невозможное по неимению источников, дело ненужное по своей совершенной неприемлемости к жизни нашей, дело вредное по невозможности соглашения между фантазирующими людьми, воображающими себя богословами и философами, что мы и видели во времена грустной памяти схоластической полемики.

Благоговейно признавая таинственное значение Искупителя в деле домостроительства Божьего, мы не позволим себе никакой попытки проникнуть нашим человеческим умом в тайну Божью и обратимся к уразумению того, что Откровение нашло нужным и полезным разъяснить нам.

Что вполне доступно уму нашему – это учение Того, Кто сказал: *А вы не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы – братья*¹⁵⁴; что вполне доступно

---

¹⁵³ Евр. 1, 1–4.

¹⁵⁴ Мф. 23, 8.

пониманию нашего сердца – это пример жизни Того, Который был *един свят – Я есть путь, и истина, и жизнь*¹⁵⁵.

Воплотился Бог-Слово, и человечество получило полноту Откровения, разум его был озарен *Светом от Света Небесного*, озаряющим с тех пор всякого человека, грядущего в мир.

Он стал истинною виноградною лозою, которой все человечество должно быть ветвями, от Него получая и соки, и жизнь, если не хочет завянуть, а хочет приносить плоды, полные вина доброго, огня святого и вдохновения – плоды, угодные Богу и полезные на добро Божье созидания стен Иерусалима Небесного.

Воплотился, жил, страдал и умер Агнец Божий, и человечество пережило высший пример любви, какой не мог быть дан ему никем из избранных Божьих, а только Тем, Кто добровольно оставил радостное общение с миллионами любящих добрых духов, чтобы, не имея греха, подвергнуть Себя скорбному общению со злобою и пороком, зная, что придется испытать клевету, истязания, издевательства и позорную казнь, только Тем, Кто каждую минуту мог умолить Отца и легионами ангелов оградить Себя от злобы врагов и не сделал этого, до конца оставшись верным духу кротости, смирения и самопожертвования.

*Теперь не имеют извинения во грехе своем, потому что видели и возненавидели и Его, и Отца Его Небесного*¹⁵⁶.

Церковь Христова

Совершилось, и церковь Христова начала быть. Главою церкви этой, *на все дни, до окончания века*¹⁵⁷, стал Христос, членами ее – все те, кто на небе и на земле любит Бога и верных чад Его, кто алчет и жаждет правды, для кого Дух Святой составляет высшее благо и неизменное сокровище.

Вся Церковь Христова едина и нераздельна, как един и неразделен глава ее – Христос. На небе церковь ограждена от скорбного сообщества и соприкосновения со злом, и причастие Духа Святого непрестанно, и Дух Святой всех объединяет в одну любовь. Это церковь торжествующая. На земле к ней принадлежат все, сознающие нищету духовную, все, плачущие по родине небесной, все, алчущие и жаждущие правды, все, любящие Бога живого и Христа Его, все, искренно желающие отвергнуть себя, взять Крест Христа и идти за ним. Эти земные члены церкви еще не ограждены от скорбного соприкосновения со злом, не могут уживаться с ним, не отпадая от церкви, и потому должны постоянно бороться за добро против зла. Это воинство христоролюбивое; это церковь воинствующая.

Все относительно, все шатко в *этом мире*, который весь во зле лежит. Осложненная грехом природа человека внесла осложнение, разнообразие греха и в жизнь среди жизни природы земной, осложненное проклятием земли в делах человеческих.

Спаситель мира, непрестанно помнивший, какого Он духа, непрестанно остававшийся верным Себе и воле Отца Небесного, чуждаясь насилия, не преобразил разом все человечество, Он заронил зерна слова Божьего в души тех, кто желал сева Его, заложил зерно горчичное Царства Божьего на земле и по воскресении послал и посылает Духа Святого, утешителя,

---

¹⁵⁵ ...*Я есть путь, и истина, и жизнь*... – Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин. 14, 5–6).

¹⁵⁶ ...*Теперь не имеют извинения во грехе своем, потому что видели и возненавидели и Его, и Отца Его Небесного*... – Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово написанное (Ин. 15, 22–25).

¹⁵⁷ ...*на все дни, до окончания века*... – И, приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до окончания века. Аминь (Мф. 28, 18–20).

который научает всему и все напоминает, опять-таки не на всех людей, а только на тех, кто желает быть храмом Его.

В осложненной жизни земной всякое дело требует стройной внешней организации. Требуется ее и дело Божье, насколько оно совершается в недрах экономии мира земного. Всякая внешняя организация предполагает возможность разлада между духом животворящим и буквою мертвящею формы.

Если нива Господня имеет протяжение, занимает известное пространство земли, на пространстве этом среди пшеницы может враг посеять и плевелы. Придет время жатвы, Господь отвергнет плевелы; но до жатвы Он не велел вырывать плевелы, чтобы не причинять зла и пшенице; в глазах людей до жатвы и плевелы растут на ниве Господней, составляют Его достояние.

Так было сначала, так есть в настоящее время, так будет до жатвы страшного суда. Между апостолами нашелся Иуда-предатель, в общинах первых христиан были люди, которых апостол называет антихристами, и в настоящее время есть антихристы на всех ступенях иерархии христианского общества, будут таковые и во всяких христианских общинах и братствах, *пока не придет Царство Божье с соблюдением, ибо Царство Божье внутри нас есть*¹⁵⁸.

Из этого не следует, что истинные члены Царства Божьего не должны были стройно организовать добро в жизни; напротив, они должны ревниво оберегать ниву Господню от врагов, сеющих плевелы, и распахать все новые и новые нивы, не довольствуясь старою организацией, когда на прежней ниве дело дошло до того, что разросшиеся плевелы начинают заглушать пшеницу Господню.

Постепенно вырастает дерево Царства Божьего на земле, постепенно *зреет закваска, положенная в три меры муки*¹⁵⁹, постепенно восстанавливается святая гармония духа, отражаясь и на жизни человечества, которая, из периода царства ощущений скотоподобного человека, через период царства разума человека разумного, дорастет и до третьей меры муки в период царства любви человека богоподобного.

Теперь уже человечество признало в теории главенство разума и начинает интересоваться христианской философией, не довольствуясь дисциплиной аскетизма предыдущего периода, что не мешает тому, что в то же время миллионы людей, признавая в теории первенствующее значение разума, в действительности пребывают по-прежнему на степени высшей дисгармонии.

Настанет время, Евангелие будет проповедано во всем мире, человечество признает в теории первенствующее значение любви, признает основой жизни любовь, а миллионы грешных детей земли и в этой организации останутся тем, чем пожелают быть по прихотям злых сердец своих.

Именно эту картину сложного компромисса между *зреющей закваской Царства Божьего* и свободой духа грешного человечества и рисует нам Откровение.

*Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду*¹⁶⁰. Это, с одной стороны. С другой же – умножатся неверие и беззаконие.

Более Христа ни в деле спасения человечества, ни в деле Откровения Божьего, ни в деле примера святости сделать никто не может. Но сделать более Его в деле распространения Его учения, в деле стройной организации жизни грядущих поколений не только могут, но и должны

---

¹⁵⁸ ...пока не придет Царство Божье с соблюдением, ибо Царство Божье внутри нас есть... – Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 20–21).

¹⁵⁹ ...зреет закваска, положенная в три меры муки... – Иную притчу сказал Он им: Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё (Мф. 13, 33). Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё (Лк. 13, 21).

¹⁶⁰ Ин. 12, 14.

верующие, потому что Христос ушел от нас к Отцу Небесному, послал нам утешителя, духа истины, который научает нас всему и напоминает нам все, который через нас, по мере возрастания древа Царства Божьего и *вскисания закваски* его, в немощах наших творит все большее и большее, по мере того как становится возможным сделать без насилия то, что современники Христа Спасителя без насилия над ними вместить еще не могли.

Антихристы

Ученикам своим, тем, которые желают *отвергнуться себя, взять Крест Его и по Нем идти*¹⁶¹, Христос Спаситель завещал молитву Господню и дозволил называться чадами Божьими.

Людам, предпочитающим свободу греха свободе от греха, Он сказал: *Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего*¹⁶².

Таким образом, Сам Кроткий Агнец, никогда ни скрывавший суровую правду, как бы правда эта не казалась жестокой тем, для кого она не выгодна, разделил все человечество на сынов Божьих и сынов дьявола, как и Откровение разделяло допотопных людей на сынов Божьих и негодную плоть, смытую потопом с лица земли.

После Великого Миротворца те, которые *приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божьими, которые не от крови, не от хотения плоти, не от хотения мужа, но от Бога родились*¹⁶³, стали по имени своего Спасителя называться христианами.

Те, которые не принимают Его, думают, чувствуют и живут так, как бы Он и не приходил на землю, являются противниками Его, тормозом для дела созидания Царства Божьего, одним словом, антихристами, хотя бы они и не признавали себя таковыми, хотя бы они нагло называли себя христианами.

Именно так называет лжехристиан, позорящих святое имя Отца Небесного, не любящих братьев и изменяющих им ради жизни по обычаю мира сего, ученик, которого любил Иисус, апостол Иоанн, вся жизнь которого была всецело гимном веры и любви: *И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов, то мы и познаём из того, что последнее время. Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши*¹⁶⁴.

Все это ясно доказывает право наше, не погрешая против духа христианской любви, называть антихристами и современных нам изменников Христу, не смущаясь негодующими воплями тех, кто, считая завещанное нам Христом Спасителем братство за наивную утопию, выдает за христианство благодушную уживчивость со злом и готово обвинить в гордости и жестокости всякого, кто позволит себе, во исполнение христианского долга, высказать суровую правду, которая неизменно признается ими жестокой, неполитичной и не своевременной.

О людях, явно не принимающих Христа, о тех, кто самодовольно издевается над Его учением или относится к Нему с явной ненавистью, провозглашая себя поклонником разума или ощущений, нечего и говорить – это явные антихристы, не обманывающие ни себя, ни других.

---

¹⁶¹ ...*отвергнуться себя, взять Крест Его и по Нем идти*... – Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Мф. 16, 24). И, подзвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Мк. 8, 34). Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Лк. 9, 23).

¹⁶² Ин. 8, 43.

¹⁶³ Ин. 1, 12–13.

¹⁶⁴ 1 Ин. 2, 18–19.

Гораздо опаснее для Церкви Христовой те бессознательные или злонамеренные антихристы, которые упорно называют себя христианами, не считая нужным знать, *в Кого веруют*¹⁶⁵, не желая согласовать с волею Отца Небесного ни мысли свои, ни чувства, ни жизнь.

*Заповедь новую даю вам, – сказал Христос Спаситель, – да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*¹⁶⁶.

Для тех, кто помнит эти святые слова, никакое недоразумение невозможно. Только те имеют право называться учениками Христа Спасителя, а следовательно, и христианами, кто признает первенствующее значение любви, кто признает разумность любви, кто алчет и жаждет любви, кто признает не только возможным, но и обязательным стройно организовать жизнь и все отношения свои на началах любви и братства.

Те, кто не любит и не считает за грех холод сердца своего; те, кто вполне довольны строем жизни, основанном на страхе, на корысти или на каких-либо других началах, кроме любви; те, кто недовольны антихристианским строем жизни и унывают, считая за несбыточную, сентиментальную утопию охватывающее все стороны жизни во всей их совокупности христианское братство, – все эти люди – не христиане, они не верят в Христа, не принимают Его учения – все это антихристы, за что бы сами они себя ни считали и как бы сами себя они ни называли.

В первые века христианства, во времена апостола Иоанна, когда христиан было немного и жили они в тесном общении братской общины, под благодатным попечением апостолов, ревниво ограждавших их от всякого зла, помня, что *малая закваска квасит все тесто*¹⁶⁷, эти псевдохристиане находили для себя непосильным и невыносимым постоянное братское общение с христианами истинными и уходили от них в омут жизни по обычаю *мира сего*, что, по словам апостола Иоанна, и обнаруживало, что они не христиане, а антихристы.

Теперь миллионы крещеных людей так основательно забыли азбуку христианства, так уверены, что можно называться христианами, никого не любя, кроме самого себя, и, в лучшем случае, все того же себя в жене и детях своих, что можно угодить Богу, оставаясь злым и порочным, что люди эти вполне обжились в этом удобном для них христианстве и готовы отрицать законность стремления тех истинных христиан, которые желают честно жить по вере и приготовить возможность христианского строя жизни для грядущих поколений.

Не побоимся взглянуть правде в глаза, не утаим суровую истину.

Антихристы – все те, кто не признает первенствующее значение любви в отношениях своих к Богу и ближним, кто чувствует себя как рыба в воде среди строя жизни, в основе которого не лежит любовь, все те, кто считает невозможным осуществление христианского братства в жизни.

Антихристы – все те, кто считает возможным подкупить Бога лестью и дарами, оставаясь по настроению духа сынами дьявола.

Антихристы – все те, кто не признает нужным всегда и при всех обстоятельствах, оставаясь *кроткими, как голуби*, быть вместе с тем и *мудрыми, как змеи*¹⁶⁸, кто не жалеет кротких овец, терзаемых волками, между которыми они бродят поодиночке, кто не желает для них убежищ христианских братств, кто не признает, что нельзя неразумно служить делу высшего разума мира и не желает стройной организации добра среди стройно сплоченного против него зла.

---

¹⁶⁵ ...*в Кого веруют*... – По сей причине я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день (2 Тим. 1, 12).

¹⁶⁶ Ин. 13, 34–35.

¹⁶⁷ ...*малая закваска квасит все тесто*... – Нечем вам хвалиться. Разве не знаете, что малая закваска квасит все тесто? (1 Кор. 5, 6). Малая закваска заквашивает все тесто. (Гал. 5, 9).

¹⁶⁸ ...*кроткими, как голуби*... *мудрыми, как змеи*... – Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (Мф. 10, 16).

Антихристы – все те, кто ставит жертву выше милости, страх выше любви, все равно, будет ли то страх земной или страх загробный, коль скоро страх этот не есть боязнь оскорбить любимое существо, кто клеветает на христианство, придавая ему несвойственную ему окраску мрачного аскетизма, признавая греховной всякую радость, отпугивает и застрашивает вместо того, чтобы вдохновлять и вразумлять.

Одному Богу известно, какой хаос вносят все эти антихристы в умы и жизнь христианских народов. Спасение одно – стройная организация жизни по вере в братских общинах, в которых люди, желающие честно жить по вере, были бы ограждены от развращающего сообщества антихристов, для которых, как и во времена апостола Иоанна, постоянное братское общение окажется непосильным, что и обнаружит, что они не ученики Христа и с христианством ничего общего не имеют.

Христиане

Называть себя христианином имеет право тот и только тот, кто исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не только признает Его *Светом от Света Небесного* и каждое слово Его абсолютной истиной, обязательной для всех, везде и во всякое время, но и исповедует Его безбоязненно перед людьми, согласуя с учением Его и мысли, и чувства, и жизнь, громко признавая не только возможность, но и обязательность, и исключительную разумность строя жизни, основанного на братстве и любви.

Христианин тот, и только тот, кто признает бесконечную жизненность церкви, признает, что она непрерывно растет и развивается на земле, как могучее дерево, постепенно вырастающее из *зерна горчичного*¹⁶⁹, посеянного Спасителем Мира и политого святою кровью Его, как *закуска, положенная в три меры муки*, пока не вскиснет все, признает, что она никогда на земле не окоченеет в мертвенной неподвижности, что он, христианин, обязан всеми силами души содействовать росту святого дерева и вскисанию святой закваски, все более распространяя Боговедение и осуществляя в жизни правду Божью, помня святыя слова: *Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду*¹⁷⁰.

Христианин тот, и только тот, кто признает для себя обязательным восстановление нарушенной гармонии духа и жаждет того, чтобы разум его, подчиняясь любви, властвовал над ощущениями, кто искренно желает восходить по ступеням нравственной лестницы, указанной нам апостолом Петром, который говорит: *Покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь*¹⁷¹.

Христианин тот, и только тот, кто признает не только возможным, но и обязательным, чтобы параллельно с восстановлением христианской гармонии в душах организовался на основах христианской гармонии и весь строй жизни семейной, общественной, государственной и международной, чтобы параллельно восхождению духа по ступеням нравственной лестницы, указанной нам апостолом Петром, возвышался бы, очищаясь и освящаясь, и весь строй жизни.

Христианин тот, и только тот, кто сердцем понимает, что нельзя удовлетвориться восхождением на какую-либо промежуточную ступень этой лестницы, что нельзя подняться даже и на первую ступень, всем сердцем не желая достигнуть высшей ступени святого вдохновения

---

¹⁶⁹ ...зерна горчичного... – Оно – как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные (Мк. 4, 31–32). Господь сказал: если бы вы имели веру с зерно горчичное и сказали смоковнице сей: исторгнись и пересадись в море, то она послушалась бы вас (Лк. 17, 6).

¹⁷⁰ Ин. 14, 12.

¹⁷¹ 2 Пет. 1, 5–7.

любви, притом достигнуть не через год, не завтра, ни даже через час, а тотчас; тот, кто сердцем понимает, что и в жизни нельзя довольствоваться осуществлением какой-либо промежуточной ступени христианской правды, а обязательно осуществить всю правду Божью тоже не через год, не завтра, не даже через час, а тотчас, насколько сделать это возможно средствами, достойными Отца нашего Небесного и Его святого дела, не забывая, какого мы духа.

Христианин тот, и только тот, кто не останавливается на вере, а доходит в ней до добродетели, чья вера живая приносит плоды, достойные веры – дела веры, кто и в жизни не довольствуется номинальным христианством, а честно работает на честную организацию жизни по вере, на осуществление добродетели в жизни.

Христианин тот, и только тот, кто показывает в добродетели рассудительность, не впадая в безумие мрачного, мертвящего аскетизма, помня, что весь человек, со всеми своими потребностями, создан Богом, что не может быть самодовлеющим злом какая-либо часть человеческого организма, какая-либо насущная потребность живого человека, что не может человек сохранить обязательное для христианина чувство человеческого достоинства, признавая за скверну часть самого себя, часть собственной жизни, что грязью и скверною может быть только настроение духа, когда любовь подавлена в нем разумом и ощущениями.

Христианин тот, и только тот, кто показывает в рассудительности воздержание, а не прикрывает позорную для христианина распущенность под личиной снисходительности к немощам человеческим; только тот, кто, не отпугивая от христианства нерассудительной требовательностью, не мирится в жизни с наглым торжествующим соблазном, считая за соблазн все то, что в жизни заманивает на измену христианскому настроению духа и честной христианской жизни по вере.

Христианин тот, и только тот, кто показывает в воздержании терпение, кто не считает достаточным быть христианином на час, признавая невыносимым терпеливо обуздывать себя, согласуя всю жизнь свою с верою; только тот, кто и в жизни не смотрит на христианство, как на белые перчатки, приличные для торжественных дней и совсем непрактичные и даже нестерпимые в будничной жизни.

Христианин тот, и только тот, кто показывает в терпении благочестие, кто не только налаживает на себя стройную систему самоограничения, логично вытекающую из веры живой, но и делает это с радостью, без ропота, сознавая высшую разумность и благость воли Божьей, благословляя Бога, считая за высшее счастье быть храмом Его, и возрастать во вдохновении любви под влиянием блаженного причастия Духа Святого; только тот, кто и в жизни не ограничивает Царство Божье одними храмами, а признает за высшую радость осуществление благочестия во всем строе жизни в его совокупности.

Христианин тот, и только тот, кто показывает в благочестии братолюбие, кто не только признает вместе с ветхозаветным псалмопевцем, что ничто не может быть лучше и прекраснее совместной братской жизни, но и жаждет этой братской жизни, как насущной потребности ума, веры и сердца своего, выполняя тем заветы Христа Спасителя и Его апостола, сказавшего: *братство любите*¹⁷²; только тот, кто и в жизни готов на всякое самопожертвование для осуществления христианского братства.

Христианин тот, и только тот, кто показывает в братолюбии любовь, кто с каждым днем честной христианской жизни будет возрастать в любви и никогда не скажет чувству этому *довольно*, никогда не откажется быть орудием Духа Святого, Который, возвышая его от веры в веру, от любви в любовь, от вдохновения в вдохновение, никогда не перестанет в немоги его творить все новую и новую силу, все новые и новые чудеса любви по мере того, как вырастает дерево христианства, зреет закваска Царства Божьего и люди становятся способными воспринять то, что раньше воспринять они не могли, потому что не желали; только тот, кто и в жизни

---

¹⁷² ... *братство любите*... – Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите (1 Пет. 2, 17).

не успокоится на внешних формах братской жизни, а будет жаждать и жизнь эту беспредельно совершенствовать, помня, что на земле не может быть достигнут идеал, что, следовательно, на пути достижения его мы никогда не имеем права сказать: *довольно*, так как беспредельны сила и слава Божья.

§ 3. Бог Дух Святой

Когда же крестился весь народ и Иисус, крестившись, молился, отверзлось небо и Дух Святой нисшел на Него в телесном виде, как голубь, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой Возлюбленный, в Тебе Мое благоволение!¹⁷³.

Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам!¹⁷⁴.

СВЯТЫЕ

Апостолы, обращаясь в посланиях к членам современных им христианских общин, называют их святыми, священством святым, родом избранным, людьми, взятыми в удел, царственным священством, народом святым.

Не все члены христианских братских общин времен апостольских были святы, но все они должны были стремиться стать таковыми; тот не христианин, кто не желает быть святым, как свят Господь Бог его; не христианин тот, кто не алчет и не жаждет святости, ему невыносимым станет братское общение с народом святым, и он непременно изменит ему, уйдет от него и тем докажет, что он не христианин, а антихрист.

Те, для кого невыносима жизнь вне христианского братства, для кого братство и братские отношения составляют насущную потребность веры живой, ума и сердца, не могут не желать того, без чего невозможно ни благодатное общение с Отцом Небесным, ни животворящее причастие Духа Святого, ни братское общение с истинными учениками Христа Спасителя, не могут не желать святости.

От дней же Иоанна Крестителя доньне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его, ибо все пророки и закон прорекли до Иоанна¹⁷⁵, и святость силою берется, и только употребляющие усилие достигают ее. Эта сила, это усилие, без которых невозможно ни восхитить Царство Небесное, ни достигнуть святости – устойчивая жажда правды Божьей и святости, без которой невозможна и устойчивая добрая воля, а без устойчивой доброй воли невозможно насилие над нами и постоянное воспитание наше к святости Духом Святым.

Достаточно понять значение святости в экономии жизни мира, как необходимое условие вечного блаженства любовного общения с Богом Святым, чтобы пожелать достигнуть святости. От сознания до любви, без которой само желание – только корыстный расчет, который не может ни на йоту подвинуть нас на узком пути к святости, бесконечно далеко. И бесы верят, а следовательно, и сознают, и трепещут, а не любят, и при вере и сознании своем остаются бесами.

Надо полюбить Бога и правду Его, чтобы добрая воля стремиться к святости стала в нас устойчива и претворялась из корыстного расчета в потребность любящего духа, в жажду любви,

---

¹⁷³ Лк. 3, 21–22.

¹⁷⁴ Ин. 14, 26.

¹⁷⁵ Мф. 11, 12–13.

которая *изгоняет страх*¹⁷⁶, без чего мы непременно будем трепетать вместе с бесами, а не любить вместе с ангелами, и при всей нашей вере и сознании выгоды святости останемся по духу братьями дьяволов, а не ангелов.

Только с той минуты, когда в тайнике духа нашего возгорелся святой огонь любви к Богу и правде Его и любовь эта вызвала святой порыв, которым все духовное существо наше устремилось к Богу, жажда приближения к Нему, открываются ржавые запоры духа нашего, Дух Святой может без насилия над нами придти и вселиться в нас, и начинается эпоха реального воспитания нашего к святости.

От этого первого порыва души нашей до устойчивой гармонии духа, при которой разум непрестанно подчиняется любви, властвуя над ощущениями, христианская гармония становится природой духа нашего и вся наша земная жизнь – одним непрерывным порывом к Богу, что и есть святость, бесконечно далеко.

На длинном и узком пути от грехолюбия к святости предстоит длинный ряд усилий, борьбы, ошибок и падений, вначале от колебаний сердца нашего, еще не отрешившегося от любви к тому, что любить нельзя без измены Богу, потом от укоренившихся привычек ума и сердца, усвоенных в то время, когда мы жили без Бога, наконец, от непомерной сложности отношений к окружающей нас осложненной грехом жизни по обычаю *мира сего*. На всем этом длинном пути христианин не раз подаст повод к злорадному глумлению и беспощадному осуждению людей, но в глазах Бога, видящего сокровенное ума и сердца и судящего человека не по делам его, а по намерениям сердца его, он свят и достоин любви Бога Святого, если ошибки и падения его зависели от недомыслия, а не от сознательной измены Богу и правде Его, не от двоедушия, при котором рядом с любовью к добру живет в нас и грехолюбие.

Вот почему апостол, предоставляя Богу судить о том, кто и насколько достоин этого, называет святыми всех тех, кто, живя в братском общении с народом святым, тем самым доказывал, что желает стремиться к святости.

Пока человек не признает первенствующее значение любви, мирится с преобладанием ума и ощущений в жизни своей и благодушно уживается со строем жизни, не имеющим любовь основой своей, он не имеет права называться христианином. Как только он признал главенство любви, он стал христианином по уму, как только он полюбил, он стал христианином по сердцу, как только он почувствовал в душе своей силу *отвергнуться себя* и не остановиться ни перед какими жертвами для торжества любви на земле, он стал честным христианином по жизни.

На всех этих стадиях христианского развития можно, однако, падать по временам не только до временного преобладания разума над любовью, но даже и до преобладания ощущений над любовью и разумом.

Святость начинается только там, где оканчивается двоедушие, где оканчивается колебание ума и сердца, что не исключает, однако, возможность бессознательных ошибок, почему и не может быть абсолютной святости на земле, где был *един свят, един Господь Иисус Христос*.

Проявляется святость непременно плодами, достойными святости, непременно делами любви. При разных обстоятельствах и дела любви будут разные: когда в окружающей жизни преобладают ощущения – аскетизм, когда в ней преобладает разум – философия христианства, когда в ней восстановлена христианская гармония братства – бесконечный рост вдохновения любви, непрестанно возвышающей христианское братство от веры в веру, от любви в любовь, от вдохновения во вдохновение.

Грешное человечество, всегда более склонное осуждать, клеветать и завидовать, чем благоговеть и любить, неизменно побивало камнями, позорило клеветой и гнало, как людей беспокорных и опасных, тех самых пророков ветхозаветных и святых новозаветных, гробам и

---

¹⁷⁶ ...*изгоняет страх*... – В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви (1 Ин. 4, 18).

мощам которых усиленно поклоняются потомки их, выпрашивая для себя *великие и богатые милости*¹⁷⁷.

Это поклонение грешников святости являет собою умильный пример торжества, силы и славы добра. Грех на все налагает печать греха, и святое дело почитания святых героев любви в руках нераскаянных грешников слишком часто превращается в грубое кощунство и суеверное идолослужение, когда, оставаясь злыми и порочными, люди ожидают от прикосновения к материи иконы, гроба или мощей протекции у *Царя царствующих и Господа господствующих*¹⁷⁸ в деле осуществления их корыстных желаний и получения многообразных благ земных.

Это прискорбное явление стало до того обычным, что миллионы людей, поняв всю гнусность такого лицемерия, впадают в противоположную крайность, отказываясь чем-либо проявлять благоговейные чувства свои к Богородице и святым.

Для христианина смерть – рождение в новую лучшую жизнь, возвращение блудного сына в дом Отца Небесного. Для него со смертью не прекращается возможность духовного общения.

Насколько тягостно и скорбно для христианина общение со злыми и порочными людьми, настолько же необходимо для него, составляет насущную потребность любящего духа, братское общение с добрыми, верными чадами единого Отца Небесного, все равно, принадлежат ли они к церкви воинствующей или к церкви торжествующей.

Если Богородица и святые не застилают от нас Бога, не делаются для нас кумирами, от которых мы ожидаем благ земных вместо восстановления святой гармонии духа нашего и согласования всего строя жизни с поведанной нам Спасителем Мира полнотою Откровения, благоговейное почитание святых икон, мощей и тем более духовное общение молитвы не только вполне естественны и законны для христианина, но и неизбежны при любви к Богу и верным чадам Его, при вере их в загробную жизнь и возможность общения церкви воинствующей с церковью торжествующей.

Длинен и узок путь от зарождения веры живой до святости: *Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь*¹⁷⁹, – говорит псаломщик; *Иго Мое благо, и бремя Мое легко*¹⁸⁰, – говорит Христос Спаситель, и каждый верующий, вступив на узкий путь спасения, переживет правду того, что для неверующего будет непримиримым противоречием Откровения. Он испытает скорби раскаяния, скорби сознания греховности, с которой раньше благодушно мирился, а может быть, и любви в себе; он испытает скорби стыда, скорби разлада с детьми *мира сего*, скорби ревности по Богу и святом деле Его. Он испытает и вдохновенную радость сознания разумности бытия, надежды и любви, испытает тихую радость мира духовного, испытает ликующую безбрежную радость вдохновения причастия Духа Святого, и никакие скорби не осияют этой радости и этого мира, и никто не отнимет у него этого мира и этой радости, и, несмотря на частые минуты скорби, он на опыте изведает, что скорби на общем

---

¹⁷⁷ ...великие и богатые милости... – Согрешил я, Господи, согрешил, и беззакония мои я знаю, но прошу, молясь Тебе: отпусти мне, Господи, отпусти мне, и не погуби меня с беззакониями моими и не осуди меня в преисподнюю. Ибо Ты Бог, Бог кающихся, и на мне яви всю благодать Твою, спасши меня недостойного по великой милости Твоей, и буду прославлять Тебя во все дни жизни моей (2 Пар. 36). Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся на небесах для вас, силою Божию через веру соблюдаемых ко спасению, готовому открыться в последнее время (1 Пет. 1, 3–5).

¹⁷⁸ ...Царя царствующих и Господа господствующих... – Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещаю тебе соблести заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь (1 Тим. 6, 13–16).

¹⁷⁹ Пс. 33, 20.

¹⁸⁰ Мф. 11, 30.

фоне мира и небесной радости лучше радости земли на общем фоне холода, мрака и безнадежности, что воистину *иго Господне благо и бремя Его легко*¹⁸¹.

Остаток дней

Грядущие судьбы церкви воинствующей и всего человечества описаны отчасти в Евангелии, отчасти в пророчествах и всего полнее в Откровении святого Иоанна Богослова – Апокалипсисе; описаны так подробно, что могут послужить источниками для отдельного обширного труда. Здесь постараюсь возможно кратко изложить богатый материал, который благоволил открыть нам Господь для увенчания и законченности христианского мировоззрения.

Тут начинается область чистой веры; тут надо верить и ничего проверить нельзя, но все, что открыто нам о будущем, так логично вытекает из прошлого, так согласовано с благостью, мудростью, справедливостью и святостью Отца нашего Небесного, что вера наша вполне утоляет самые заветные потребности ума и сердца нашего.

Перед нами разворачивается величественная картина постепенного возрастания Царства Божьего на земле, постепенного *вскисания закваски* христианской в жизни и рядом возрастающих вражды и беззакония живущих по обычаю *мира сего* представителей культуры без Бога, для которых по мере возрастания святого дерева и *вскисания святой закваски* правда христианства становится с каждым днем все более и более очевидной, упорство которых вместе с тем становится с каждым днем все менее и менее извинительным, которые таким образом все более и более сознательно закрывают глаза, чтобы не увидеть, уши, чтобы не услышать, и злые сердца свои, чтобы не уразуметь и не быть тем самым вынужденными произвести суд над собою, покаяться и сотворить *плоды, достойные покаяния*¹⁸².

В первые времена христианства, в то время, когда *малое стадо*¹⁸³ горело восторгом любви новой к жениху своему Христу, когда под благодатным влиянием апостолов христианские общины понимали, что слово *братство* – не пустой звук и не риторическое украшение речи, а святая правда, лежащая в основе честной христианской жизни и проникающая весь строй ее во всей его совокупности животворным духом своим, когда *все <...> верующие были вместе и имели всё общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого*¹⁸⁴, когда *у множества <...> уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее <...>, и великая благодать была на всех их*¹⁸⁵. *Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду*¹⁸⁶, тогда *церкви земные сияли перед престолом Божьим, как светильники*¹⁸⁷.

Не все церкви поместные устоят в первой любви своей, многие будут отвергнуты Господом Богом – все те, которые оставят первую любовь свою, все те, чьи последние дела не будут больше первых, все те, которые полагаются на богатство и силу.

¹⁸¹ ...*иго Господне благо и бремя Его легко*... – Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. 11, 28–30).

¹⁸² ...*плоды, достойные покаяния*... – Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению, но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедовал, чтобы они покались и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния (Деян. 26, 19–20).

¹⁸³ ...*малое стадо*... – Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство (Лк. 12, 32).

¹⁸⁴ Деян. 4, 44–45.

¹⁸⁵ Деян. 4, 32–33.

¹⁸⁶ Деян. 4, 34–35.

¹⁸⁷ ...*тогда церкви земные сияли перед престолом Божьим, как светильники*... – И от престола исходили молнии и громы и гласы, и семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божиих (Откр. 4, 5).

Одни погибнут, поставив жертву выше милости и строгость мертвящую выше любви животворящей; другие – по примеру иудеев, гордясь своим правоверием, а в действительности представляя из себя сборище сатанинское; третьи – вследствие благодушной уживчивости со злом; четвертые – вследствие строя жизни, несогласного с верой, и снисхождения *женской распущенности*¹⁸⁸; иные потому, что только *носят имя, будто живы, но мертвы*¹⁸⁹; другие потому, что говорят: *Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды*, и не понимают, что в действительности *жалок, и нищ, и наг*¹⁹⁰.

Только те церкви поместные устоят, как светильники перед престолом Божиим, о которых сказано: *Я отворил перед тобою дверь, и никто не может затворить ее; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего. Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут, – вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя. И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохранию тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле*¹⁹¹.

Вот участь церквей поместных сообразно их отношению к Богу и верности их жизни по вере! Под именем церкви поместной тут надо разуместь большинство ее членов и тех, кто решает временные судьбы ее; и в церкви, уклоняющейся от путей добрых, могут быть отдельные праведники, которые не погибнут вместе с нею, хотя бы и не отказались от общения с нею до тех пор, пока она не требует от них измены их христианским обязанностям.

Далее, чтобы более наглядно представить себе грядущие судьбы человечества, представим отдельно краткий перечень того, что говорит Откровение о судьбах истинных христиан, с одной стороны, и сознательных и бессознательных антихристов – с другой.

Начнем с судьбы антихристов, пояснив, что под именем антихристов подразумеваются не только явные враги христианства, но главным образом те, кто, называясь и даже величаваясь именем христиан, не радеют ни о познании воли Божьей, ни о прославлении Бога в делах жизни своей, а желают веру свою сделать покорным орудием в руках своих, полезным средством созидания земного комфорта.

В то время, как на небе печать за печатью срывается с таинственной книги домостроительства Божьего и ангел за ангелом посылаются на землю трубными звуками призывать блудных сынов Отца Небесного познать себя, покаяться и сотворить плоды, достойные покаяния, антихристы все более ожесточаются и хулят имя Бога нашего; все для них – соблазн и повод к измене и отступничеству.

Победоносный *белый конь*¹⁹² – начало христианства, скоро заменяется для них рыжим конем войны, потом вороным конем торговли. Воинственная среда преданных борьбе за суще-

¹⁸⁸ ...женской распущенности... – Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, и испытал тех, которые называют себя апостолами, а они не таковы, и нашел, что они лжецы; ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но не имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься (Откр. 2, 2–5).

¹⁸⁹ ...носят имя, будто живы, но мертвы... – Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим. Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя. Впрочем, у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих, и будут ходить со Мною в белых одеждах, ибо они достойны. Побеждающий облечется в белые одежды; и не изглажу имени его из книги жизни, и исповедаю имя его пред Отцом Моим и пред Ангелами Его. Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквам (Откр. 3, 1–6).

¹⁹⁰ ...жалок, и нищ, и наг... – Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг (Откр. 3, 15–17).

¹⁹¹ Откр. 3, 8–10.

¹⁹² ...белый конь... – Я взглянул, и вот конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный и чтобы победить (Откр. 6, 2).

ствование *детей мира сего* скоро становится для них соблазном и сами они становятся на сторону грубой силы, забывая, какого они духа быть должны. Продажная среда детей *мира сего*, оценивающих и продающих не только вещи, но и тела, и души свои, и ум, и таланты, и силу, и любовь становится тоже соблазном для них, и сами они становятся торгашами, продающими все, не исключая и Бога, и благодать Его. И является на смену *белый конь* – болезни и смерти души; души праведных переполняются святым гневом ревности о Боге, приближается великий день суда, а антихристы вполне довольны собой, издеваются над непрактичностью праведников и наивными утопиями их.

Семь ангелов, посланных с неба один за другим, с силою трубных звуков указывают людям на страшные последствия их отступничества, холод сердец их и жизни позорной для христиан; как град, побивает корыстный строй жизни их, повергая в оупляющее нищенство множество братьев по вере; потоки крови проливаются людьми, продолжающими носить имя христиан, все радости жизни отравлены и становятся горьки, как полынь, свет любви и свет разума меркнут в сердцах и умах людей, постоянно увеличивающееся вооружение и численность войск пожирают, как ненасытная саранча, и богатство, и лучшие годы жизни, и часто саму жизнь многих миллионов детей народов; наступает эпоха страшной силы огня, железная броня заменяется огненной и серной, самозащита – нападением, *люди проповедуют анархию и готовы весь мир взорвать на воздух*¹⁹³, страдания человечества так велики, что живые завидуют мертвым (пессимизм и самоубийства), и несмотря на все это, антихристы остаются грешниками нераскаянными, продолжают по-прежнему поклоняться кумирам земным и золоту, по-прежнему развратничают, воруют и убивают.

Много надо злой воли, чтобы во всем этом не признать пророчества, точно исполнившегося со времен апостола Иоанна до наших дней, исполнившегося во всех деталях до милитаризма и пропаганды анархии и динамита включительно. Пусть неверующие закрывают глаза, чтобы не увидеть во всем этом осязательное чудо исполнившегося пророчества, для верующих и пророчество, и чудо ясны как день, и они воздадут славу Богу, благоволившему дать уму нашему эту новую опору для веры нашей и, пережив истину первой части пророчества, будут с благоговейным доверием внимать ему до конца.

Напрасно налагают ангелы небесные печать Бога на чело избранников, напрасно появляются среди них пророки, по силе мысли и слова равные пророкам ветхозаветным, антихристы и их побивают камнями и, осилив их грубою силою, поздравляют друг друга с этими новыми злодеяниями и радуются, что избавились от тех, кто возмущал покой установившейся рутины позорной жизни их, и только в редкие минуты, когда, несмотря на все свое ослепление, даже антихристы видят, что вечно именно то, что они гонят и убивают, они уstraшаются и на мгновение воздают славу Богу. Мгновение прошло, и пуще прежнего свирепствуют антихристы и язычники по духу.

Тем временем жена Христа – церковь земная – продолжает рождать детей для Царства Божьего; напрасно силится *красный дракон*¹⁹⁴ – великий древний змей, называемый дьяволом и сатаной, поглотить рождаемых ею детей, – они восхищаются на небо к Богу. Дракон, рас- свирепев за то на церковь Христа, заставляет ее бежать и спасаться в пустыне, а сам с новою яростью нападает на тех, кто остался верен заповедям Божьим и свидетельству Иисуса Христа.

Тогда нарождается из моря человечества новая страшная сила, воздвигаемая драконом для борьбы против верных чад Божьих. Сила эта двоится, и Откровение говорит о ней, как о двух зверях, согласно действующих в одном направлении и поддерживающих друг друга.

¹⁹³ ...люди проповедуют анархию и готовы весь мир взорвать на воздух... – Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и серные; головы у коней – как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера (Откр. 9, 17).

¹⁹⁴ ...красный дракон... – И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим (Откр. 12, 3).

Первый зверь описан так: *И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя с семью головами и десятью рогами: на рогах его было десять диадим, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него – как у медведя, а пасть у него – как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою, и престол свой, и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? И кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом, и народом, и языком, и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца, закланного от создания мира. Кто имеет ухо, да слышит. Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых*¹⁹⁵.

О другом звере сказано: *И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел два рога, подобные агнчим, и говорил, как дракон. Он действует перед ним со всею властью первого зверя и заставляет всю землю и живущих на ней поклоняться первому зверю, у которого смертельная рана исцелела; и творит великие знамения, так что и огонь низводит с неба на землю перед людьми. И чудесами, которые дано было ему творить перед зверем, он обольщает живущих на земле, говоря живущим на земле, чтобы они сделали образ зверя, который имеет рану от меча и жив. И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя и говорил, и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть*¹⁹⁶.

В описании этом невозможно не признать точного изображения светской власти, не радующей о деле Божьем, и власти духовной, променявшей животворящий дух на букву мертвящую и ставшую врагом Богу ради дружбы с миром сим.

И после всего этого Господь еще долго терпит, не желая, чтобы кто погиб, но всем спастись и в разум истины прийти.

И вот новые семь ангелов посланы с неба с семью последними чашами, полными гнева Божьего, показать людям логичные последствия этой новой комбинации жизни по обычаю мира сего. На людях появляются жестокие и отвратительные раны, не только море жизни превращается в море крови, но даже реки и источники, прежде утолявшие жажду, теперь обращаются в ту же кровь, негодную для питья, солнце веры и знания, прежде освещавшее пути человечества, только мучит его томящим зноем; *пятая чаша изливается на самый престол зверя*¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Откр. 13, 1–10.

¹⁹⁶ Откр. 13, 11–18.

¹⁹⁷ ...пятая чаша изливается на самый престол зверя... – Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих (Откр. 16, 10–11). И видел я выходящих из уст дракона, и из уст зверя, и из уст лжепророка трех духов нечистых, подобных жабам: это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя. <...> Седьмой ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его (Откр. 16, 13–14, 17–19).

И несмотря на все это не вразумились грешники, а по-прежнему продолжали за все язвы, происшедшие от ожесточения злых сердец их, хулить Бога, Его обвинять во всех скорбях своих.

С тех пор Откровение не говорит более о двух зверях, а объединяет все зло на земле в образе одной женщины, называя ее *великой блудницей, тайною, Вавилоном великим, матерью блудницам и мерзостям земным*¹⁹⁸.

Суд над этою великою блудницей заключается в том, что она погибнет от той же самой силы, на которую опиралась и на которой прежде спокойно восседала.

*Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мучений и горестей. Ибо она говорит в сердце своем: «сизю царицею, я не вдова и не увижу горести!» За то в один день придут на нее казни, смерть, и плач, и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее. И восплачут и возрыдают о ней цари земные, блудодействовавшие и роскошествовавшие с нею, когда увидят дым от пожара ее, стоя издали от страха мучений ее и говоря: горе, горе тебе, великий город Вавилон, город крепкий! Ибо в один час пришел суд твой. И купцы земные восплачут и возрыдают о ней, потому что товаров их никто уже не покупает, 12 товаров золотых и серебряных, и камней драгоценных и жемчуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряницы, и всякого благовонного дерева, и всяких изделий из слоновой кости, и всяких изделий из дорогих дерев, из меди и железа и мрамора, корицы и фимиама, и мира и ладана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овец, и коней и колесниц, и тел и души человеческих. <...> И посыпали пеплом головы свои, и вопили, плача и рыдая: горе, горе тебе, город великий, драгоценностями которого обогатились все, имеющие корабли на море, ибо опустел в один час! <...> И голоса играющих на гуслях, и поющих, и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет; не будет уже в тебе никакого художника, никакого художества, и шума от жерновов не слышно уже будет в тебе; и свет светильника уже не появится в тебе; и голоса жениха и невесты не будет уже слышно в тебе: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы*¹⁹⁹.

Кто не поймет этого вдохновенного описания страшного конца культуры без Бога, той торгашеской и разбойничьей культуры, основанной на страхе и корысти, которая неизбежно погибнет в хаосе анархии, если сама добровольно не отречется от себя в пользу христианского братства, в котором весь строй жизни во всей его совокупности будет основан на вере и любви!

Небо радуется тому, что Бог осудил ту *великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим*²⁰⁰.

Наступает тысячелетнее торжество добра, называемое Откровением воскресением первых, торжество добра, имеющее осуществиться здесь, на земле, ранее второго пришествия и страшного суда.

После этих тысячи лет опять настанет эра искушений, как бы для того, чтобы отделять от чистого золота последнюю примесь, тех, которые не устоят в добре даже и после столь про-

¹⁹⁸ ...*великой блудницею, тайною, Вавилоном великим, матерью блудницам и мерзостям земным...* – С нею блудодействовали цари земные, и вином ее блудодеяния упивались живущие на земле (Откр. 17, 2). И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным. Я видел, что жена упоена была кровью святых и кровью свидетелей Иисусовых, и видя ее, дивился удивлением великим (Откр. 17, 3–6).

¹⁹⁹ Откр. 18, 7–13, 19, 22–23.

²⁰⁰ ...*великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим...* – Ибо истинны и праведны суды Его: потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее. <...> И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его. И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он оболстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою; а прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его, и все птицы напитались их трупами (Откр. 19, 2, 19–21).

должительного торжества его, когда добро стало привычно и успело наложить печать свою на весь строй жизни человечества.

Так говорит об этом Откровение: *Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы <...> и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный*²⁰¹.

В эту решительную минуту, когда все зло соединится против добра, чтобы истребить его, Господь оградит добрых силою Своею и придет во славе Своей судить живых и мертвых.

Судьбы церкви воинствующей

В предыдущей главе изложен перечень грядущих судеб антихристов среди многообразного зла и скорбей, которые они сами вызывают, *не покоряясь Слову Божьему, на что они и оставлены*²⁰².

Теперь изложим перечень грядущих судеб церкви воинствующей.

Часть судеб ее заключается в судьбах детей *мира сего*, насколько она обречена терпеть скорбное соприкосновение со злом в долине плача и печали земного скитания. Каждая новая язва, поражающая сынов противления, отражается косвенно и на ней и для ее членов может быть соблазном и тяжелым страданием: они не повинны в тех грехах, логичным последствием которых являются все новые и новые язвы, они не ослеплены грехом, не возлагают на Господа ответственность за скорби земные, как делают это именно те, которые знать не хотят воли Божьей и тем более не хотят подчиняться благой воле Того, Кто желает для них блаженства вечного; истинные члены церкви воинствующей понимают все это: не впадают в безумие перед Богом, не хулят Его, среди всех скорбей земли не водворяется ад в души их, вера, сознательная надежда и вдохновение любви дает мир душе их и часто озаряет их светом и радостью рая, но быть равнодушным к злу окружающей жизни они не могут, и Откровение, излагая повесть грядущих судеб антихристов, не раз повторяет: *здесь терпение и вера святых*²⁰³.

Спасется, останется членом Церкви Христовой только тот, кто претерпит до конца, не только не соблазнившись злом, но и не перестав быть воином христолюбивым, не потеряв мужества и веры среди торжествующего зла.

Вот как говорит Откровение о христианских добродетелях поместных церквей времен апостольских: *Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных <...>; ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал <...>; знаю твои дела, и скорбь, и нищету (впрочем ты богат), и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское <...>; знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся от веры Моей <...>; знаю твои дела и любовь, и служение, и веру, и терпение твое, и то, что последние дела твои больше первых <...>; ты не много имеешь силы, и сохранил слово Мое, и не отрекся имени Моего. <...> И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохранию тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле*²⁰⁴.

---

²⁰¹ Откр. 20, 7–8.

²⁰² ...не покоряясь Слову Божьему, на что они и оставлены... – Итак, Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна, о который они претыкаются, не покоряясь слову, на что они и оставлены (1 Пет. 2, 7–8).

²⁰³ ...здесь терпение и вера святых... – Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом. Здесь терпение и вера святых (Откр. 13, 10).

²⁰⁴ Откр. 2, 2–3, 9, 13, 19; 3, 8, 10.

Какие плоды приносили эти добродетели в жизни, мы знаем по дивной картине быта братских общин, сохраненной нам в книге «Деяния святых апостолов».

Нива Господня увлажнилась кровью Агнца, глубокие борозды проведены в ней апостолами, семя слова Божьего дало богатые всходы. В предыдущей главе мы видели, какие *плевелы*²⁰⁵ посеял враг среди пшеницы: возрастает зло, возрастает и добро, возрастает вместе с тем и различие между сынами света и сынами тьмы. Ангел, *имеющий печать Бога живого, налагает печати на челах рабов Бога нашего*²⁰⁶.

Апокалипсис даже определяет в сто сорок четыре тысячи число запечатленных на земле.

После шестой трубы, указывающей человечеству на язву милитаризма и сопутствующей ему эпохи динамита и проповеди анархии, появляется *ангел сильный, сходящий с неба, в руке у которого книжка раскрытая*²⁰⁷. *И книжка из рук ангела съедена*²⁰⁸.

Церковь воинствующая призывается изучить первоисточники Откровения, члены ее радуются слову Божьему, утоляющему жажду умов и сердец их, но горько для них сознание непримиримого разлада между животворящим духом слова Божьего и окружающей их жизнью по обычаю *мира сего*. Просвещенная словом Божиим христианская совесть их побуждает говорить суровую правду по примеру пророков ветхозаветных и безбоязненно оценить положение храма Божьего, отношение к Богу и жизнь верующих.

Не узнаем ли мы во всем этом точное описание переживаемого нами в настоящее время, когда каждый верующий живою верою радостно сознает, что прошло время наивного разлада между жизнью и верою, когда и друзья, и враги церкви возвращаются к изучению раскрытой книги Откровения, сравнивают рутину жизни с правдою Божьей и проверяют: одни – *степень сознательности своей веры*, другие – *степень сознательности своего неверия*²⁰⁹.

²⁰⁵ ...плевелы... – Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе ту и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою (Мф. 13, 25–30).

²⁰⁶ ...имеющий печать Бога живого, налагает печати на челах рабов Бога нашего... – И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живаго. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего (Откр. 7, 2–3).

²⁰⁷ ...ангел сильный, сходящий с неба, в руке у которого *книжка раскрытая*... – И видел я другого Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головою его была радуга, и лице его как солнце, и ноги его как столпы огненные, в руке у него была книжка раскрытая. И поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю, и воскликнул громким голосом, как рыкает лев; и когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими, когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего. И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет (Откр. 10, 1–6).

²⁰⁸ ...*И книжка из рук ангела съедена*... – И взял я книжку из руки Ангела, и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем. И сказал он мне: тебе надлежит опять пророчествовать о народах и племенах, и языках и царях многих. И дана мне трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нем (Откр. 10, 10–11; 11, 1).

²⁰⁹ ...*степень сознательности своей веры...степень сознательности своего неверия*... – И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретище. Это суть две маслины и два светильника, стоящие пред Богом земли. И если кто захочет их обидеть, то огонь выйдет из уст их и пожрет врагов их; если кто захочет их обидеть, тому надлежит быть убиту. Они имеют власть затворить небо, чтобы не шел дождь на землю во дни пророчествования их, и имеют власть над водами, превращать их в кровь, и поражать землю всякою язвою, когда только захотят. И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят. И многие из народов и колен, и языков, и племен будут смотреть на трупы их три дня с половиною, и не позволят положить трупы их во гробы. И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться, и пошлют дары друг другу, потому что два пророка сии мучили живущих на земле. Но после трех дней с половиною вошел в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои; и великий страх напал на тех, которые смотрели на них. И услышали они с неба громкий голос, говоривший им: взойдите

Два серпа повергаются на землю, и земля пожата, но это еще не великая жатва, а предварительная, указывающая на то, что *с этого времени пшеница начинает отделяться от плевел*²¹⁰.

В церкви воинствующей начинаются два сильных движения: строгое осуждение зла и обособление от него, настолько честное согласование жизни с верою, что Откровение говорит о брачной вечере Агнца, явлении Христа и сослужении ангелам ранее второго пришествия во славе.

Это благодатное движение усилится и укрепится до того, что Откровение говорит о *тысячелетнем бессилии скованного сатаны*²¹¹.

После этих благодатных тысячи лет дьявол вновь будет раскован и все зло *мира сего* соединится для того, чтобы *раздавить царство кротких*²¹².

Тогда конец власти *мира сего* на земле и Бог-Слово приходит в славе Своей судить живых и мертвых.

Судьбы церкви торжествующей

В этой главе соединим все то, что Откровение благоволило поведать нам о небе и церкви торжествующей, насколько мы можем вместить понимание небесного, насколько возможно передать неопишное на жалком лепете детей земли.

Престол стоял на небе, и на *престоле был сидящий*²¹³. Не упразднен престол Божий грехом и своеволием блудных сынов Его; на небе Господь царствует, Он силен, велик и прекрасен, и все окружающее Его исполнено славой Его.

*И вокруг престола двадцать четыре престола; а на престолах видел я сидевших двадцать четыре старца, которые облечены были в белые одежды и имели на головах своих золотые венцы*²¹⁴. На небе у престола Божьего не может быть одряхления старости, тут слова ста-

---

сюда. И они взошли на небо на облаке; и смотрели на них враги их. <...> Здесь терпение святых, соблюдающих заповеди Божии и веру в Иисуса. И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши: отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними (Откр. 11, 3–12; 14, 12–13).

²¹⁰ ...с этого времени пшеница начинает отделяться от плевел... – И взглянул я, и вот светлое облако, и на облаке сидит подобный Сыну Человеческому; на голове его золотой венец, и в руке его острый серп. И вышел другой Ангел из храма и воскликнул громким голосом к сидящему на облаке: пусти серп твой и пожни, потому что пришло время жатвы, ибо жатва на земле созрела. И поверг сидящий на облаке серп свой на землю, и земля была пожата. <...> После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее. И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба, и Бог вспомнил неправды ее. <...> Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых. И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званые на брачную вечерю Агнца. И сказал мне: сии суть истинные слова Божии. Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись; ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества (Откр. 14, 14–16; 18, 1–5; 19, 7–10).

²¹¹ ...о тысячелетнем бессилии скованного сатаны... – И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это – первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет (Откр. 20, 4–6).

²¹² ...раздавить царство кротких... – И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный (Откр. 20, 8).

²¹³ ...на престоле был сидящий... – После сего я взглянул, и вот, дверь отверста на небе, и прежний голос, который я слышал как бы звук трубы, говоривший со мною, сказал: взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего. И тотчас я был в духе; и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий; и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду (Откр. 4, 1–3).

²¹⁴ Откр. 4, 4.

рость и старец означают не внешний вид дряхлости, а мудрость и достоинство, без которых и на земле старость не внушает к себе никакого уважения.

Таковым старцам дал Господь престолы, разделив с ними силу и славу Свою, они в белых одеждах потому, что чистота жизни их равна величию и мудрости их.

И от престола исходили молнии и громы и гласы – все полно жизни, силы и вдохновения там, где власть Господняя. *И семь светильников огненных горели перед престолом, которые суть семь духов Божьих*, – семь ангелов, вся жизнь которых – пламень вдохновения. *И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу*, – безбрежное пространство, где все чисто и прозрачно, где нет места никакой тайне и никакой грязи. *И посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади*. Все видящие и все знающие. *И первое животное было подобно льву – сила, и второе животное подобно тельцу – терпение, и третье животное имело лицо, как человек – разум, и четвертое животное подобно орлу летящему – вдохновение*²¹⁵. Все они непрестанно взывают: *свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет*²¹⁶, то есть все они во всякое мгновение бытия своего сознательно всем существом своим поют Богу хвалу.

Все жаждут Царства Божьего и сознают *мудрость и благодать святой воли его*²¹⁷.

*И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями*²¹⁸. Книга домостроительства Божьего, книга судеб человечества, книга жизни, книга Откровения. Книга эта запечатана, и печати эти должны сниматься с нее по мере зреющей закваски Царства Божьего, по мере того, как человечество, возрастая духом, будет становиться все более и более способным вместить разумение воли Божьей, плана домостроительства Его и разумных путей служения святому делу Его, переходя от внешней буквы в глубь животворящего духа, от написанного вне к написанному внутри.

Человечество постепенно переживает на опыте вечную истину правды воли Божьей: антихристы, испытывая все новые и новые скорби, не Богом на них насылаемые, а логично вытекающие из их противления благой и разумной воле Творца миров, христиане, открывая все новые глубины вдохновения, любви и мудрости в слове, воле и деле Бога живого, по мере того как они возрастают из веры в веру, из любви в любовь, из вдохновения во вдохновение.

Христианское понимание постепенности *вскисания святой закваски* не имеет ничего общего с теорией эволюционного развития: это не продукт машинообразного мирового организма, а живое дело воздействия Духа Святого на живые и свободные души человеческие; тут и речи быть не может ни о безответственности, ни о насилии. Пути домостроительства Божьего непреложны и неизбежно приведут к конечной цели бытия – торжеству правды, добра и блаженства вечного, но от каждого из нас зависит сделаться делателем или тормозом в деле многомилостивого Бога, приблизить или отдалить наступление полноты времен конечного торжества вечного дела Бога долготерпеливого.

Не предоставлено дело Божье и на произвол капризов грешного человечества. Время от времени посылает Господь с неба делателей на жатву Свою. Апокалипсис говорит об ангелах, нисходящих на землю с поручениями от Бога; это не значит, что ангелы эти воплощаются, они могут, становясь ангелами-хранителями тех, кого Господь без насилия может привлечь к Себе и сделать избранниками Своими, таким образом через этих людей исполнять поручение, возложенное на них Господом Богом.

²¹⁵ Отк. 4, 5–7.

²¹⁶ Откр. 4, 8.

²¹⁷ ...*мудрость и благодать святой воли его*... – И когда животные воздают славу и честь и благодарение Сидящему на престоле, Живущему во веки веков, тогда двадцать четыре старца падают пред Сидящим на престоле, и поклоняются Живущему во веки веков, и полагают венцы свои перед престолом, говоря: достоин Ты, Господи, принять славу и честь и силу: ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено (Откр. 4, 9–11).

²¹⁸ Откр. 5, 1.

Прежде этих посланцев должен был придти на землю Тот, Кому суждено было заложить на ней *зерно горчичное* Царства Божьего, *снять печати с таинственной книги, находящейся в руке Божьей*²¹⁹. Все небожители сознают мудрость и правду домостроительства Божьего.

Посеяно семя, заложена *закваска*, одна за другой вскрываются печати таинственной книги, один за другим ниспосылаются ангелы Божьи на землю.

Первый ангел имел печать Бога живого и наложил печать эту *на чело рабов Бога нашего*²²⁰. И когда он снял седьмую печать, *сделалось безмолвие на небе*²²¹. Зреет закваска Царства Божьего, и вдохновение избранных подобно огню с самого жертвенника Божьего.

Семь ангелов спускаются на землю один за другим, пробуждая человечество трубными звуками, указывая ему на страшные последствия жизни без Бога. В то же время между шестым и седьмым ангелами нисходит отдельно «ангел сильный», напоминающий человечеству правду Откровения Божьего и требующий от него *проверить жизнь свою и отношение к Богу при свете Откровения*²²².

²¹⁹ ...*снять печати с таинственной книги, находящейся в руке Божьей*... – И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? И никто не мог, ни на небе, ни на земле, ни под землею, раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее. И я много плакал о том, что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее. И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее. И я взглянул, и вот, посреди престола и четырех животных и посреди старцев стоял Агнец как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во всю землю. И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле. И когда Он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых. И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле. И я видел, и слышал голос многих Ангелов вокруг престола и животных и старцев, и число их было тьмы тем и тысячи тысяч, которые говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение. И всякое создание, находящееся на небе и на земле, и под землею, и на море, и все, что в них, слышал я, говорило: Сидящему на престоле и Агнцу благословение и честь, и слава и держава во веки веков. И четыре животных говорили: аминь. И двадцать четыре старца пали и поклонились Живущему во веки веков (Откр. 5, 2–14).

²²⁰ ...*на чело рабов Бога нашего*... – И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живого. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего. И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых. Из колена Иудина запечатлено двенадцать тысяч; из колена Рувимова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Гадова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Асирова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Неффалимова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Манассиина запечатлено двенадцать тысяч; из колена Симеонова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Левиина запечатлено двенадцать тысяч; из колена Иссахарова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Завулонова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Иосифова запечатлено двенадцать тысяч; из колена Вениаминова запечатлено двенадцать тысяч. После сего взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу! И все Ангелы стояли вокруг престола и старцев и четырех животных, и пали перед престолом на лица свои, и поклонились Богу, говоря: аминь! благословение и слава, и премудрость и благодарение, и честь и сила и крепость Богу нашему во веки веков! Аминь. И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники вод; и отрет Бог всякую слезу с очей их (Откр. 7, 2–17).

²²¹ ...*сделалось безмолвие на небе*... – И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса. И я видел семь Ангелов, которые стояли пред Богом; и дано им семь труб. И пришел иной Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом. И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога. И взял Ангел кадильницу, и наполнил ее огнем с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии, и землетрясение (Откр. 8, 1–5).

²²² ...*проверить жизнь свою и отношение к Богу при свете Откровения*... – И седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе громкие голоса, говорящие: царство мира соделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков. И двадцать четыре старца, сидящие пред Богом на престолах своих, пали на лица свои и поклонились Богу, говоря: благодарим Тебя, Господи Боже Вседержитель, Который еси и был и грядешь, что ты приял силу Твою великую и воцарился. И рассвирепели язычники; и пришел гнев Твой и время судить мертвых и дать возмездие рабам Твоим, пророкам и святым и боящимся имени Твоего, малым и великим, и погубить губивших землю. И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег

*И пришла на небо война*²²³. Агнец стоит на горе Сион, и с ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах²²⁴.

И увидел я другого ангела, летящего на середине неба²²⁵.

Следуют два ангела, возвещая гнев Божий нечестивым. Затем два серпа пожинают землю, но это еще не жатва последняя.

Верные чада Божьи стоят пред престолом Божиим на стеклянном море²²⁶.

В то же время на землю нисходят один за другим еще семь ангелов, опрокидывая на землю семь золотых чаш, наполненных гневом Божиим²²⁷.

Зло окончательно заклеимлено и осуждено, добрые обособляются от зла и *стройно организуют добро*²²⁸.

завета Его в храме Его; и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град (Откр. 11, 15–19).

²²³ ...*И пришла на небо война...* – И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. И услышал я громкий голос, говорящий на небе: ныне настало спасение и сила и царство Бога нашего и власть Христа Его, потому что низвержен клеветник братий наших, клеветавший на них пред Богом нашим день и ночь. Они победили его кровию Агнца и словом свидетельства своего, и не возлюбили души своей даже до смерти. Итак веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море! потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени (Откр. 12, 7–12).

²²⁴ ...*у которых имя Отца Его написано на челах...* – И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах. И услышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гуслих своих. Они поют как бы новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли. Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел. Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу, и в устах их нет лукавства; они непорочны пред престолом Божиим (Откр. 14, 1–5).

²²⁵ ...*ангела, летящего на середине неба...* – И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу; и говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его, и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море и источники вод (Откр. 14, 6–7).

²²⁶ ...*на стеклянном море...* – И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца, говоря: велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! праведны и истинны пути Твои, Царь святых! (Откр. 15, 2–3).

²²⁷ ...*семь золотых чаш, наполненных гневом Божиим...* – Седьмой Ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! (Откр. 16, 17).

²²⁸ ...*стройно организуют добро...* – После сего я увидел иного Ангела, сходящего с неба и имеющего власть великую; земля осветилась от славы его. И воскликнул он сильно, громким голосом говоря: пал, пал Вавилон, великая блудница, сделавшая жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птице; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные любодествовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее. И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее; ибо грехи ее дошли до неба, и Бог вспомнил неправды ее. <...> После сего я услышал на небе громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: аллилуия! спасение и слава, и честь и сила Господу нашему! Ибо истинны и праведны суды Его: потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю любодеством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее. И вторично сказали: аллилуия! И дым ее восходил во веки веков. Тогда двадцать четыре старца и четыре животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря: аминь! аллилуия! И голос от престола исшел, говорящий: хвалите Бога нашего, все рабы Его и боящиеся Его, малые и великие. И слышал я как бы голос многочисленного народа, как бы шум вод многих, как бы голос громов сильных, говорящих: аллилуия! ибо воцарился Господь Бог Вседержитель. Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу; ибо наступил брак Агнца, и жена Его приготовила себя. И дано было ей облечься в виссон чистый и светлый; виссон же есть праведность святых. И сказал мне Ангел: напиши: блаженны званые на брачную вечерю Агнца. И сказал мне: сии суть истинные слова Божии. Я пал к ногам его, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; я сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись; ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества. И увидел я отверстие неба, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует. Очи у Него как пламень огненный, и на голове Его много диадим. Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого. Он был облечен в одежду, обгавленную кровью. Имя Ему: «Слово Божие». Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя. На одежде и на бедре Его написано имя: «Царь царей и Господь господствующих». И увидел я одного Ангела, стоящего на солнце; и он воскликнул громким голосом, говоря всем птицам, летающим по середине неба: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию, чтобы

Когда добрые обособятся от злых и жизнь их будет стройно организована по правде Божьей, станет возможным на земле *воплощение святых духов*²²⁹.

Пришествие во славе и воскресение мертвых

После длинного периода беспрепятственной жизни по вере обособившегося от злых народа Божьего, народа святого, царственного священства, людей, взятых в удел, периода, который Откровение называет *тысяча лет* и *брачная вечеря* Агнца, после жизни, которую Откровение называет воскресеньем первым и царством с Христом; после этого благодатного периода наступает последнее искушение для веры и терпения святых, все зло мира соединяется для последней попытки восторжествовать над ненавистным добром, *окрепшим и стройно организованным*²³⁰.

Что за дело сынам противления до того, что сияет печать Бога живого на челах верных чад Его, что жизнь их запечатлена отраженной славой Бога любви, что поколебались все светила небесные в помраченных умах их и ни один луч *Света от Света Небесного* не озаряет тьму скорбного сознания скорбного бытия их, нигде и ни в чем они не признают тени Бога, в Которого не желают верить злые и своевольные сердца их.

Для них все зло мира – естественное явление природы, добро – наивная утопия и мистические бредни!

Как ни чудовищна, как ни невероятна была ожесточенная ненависть против Христа Спасителя, Которого вся жизнь была правда, святость и любовь, однако ненависть эта – исторический факт, неизгладимое пятно позора в летописях грешного человечества; она соединила против Христа и фарисеев, гордившихся своим правоверием и точным знанием мертвящей буквы пророчеств о Нем, и саддукеев, воссевших на седалище Моисеевом в роли официальных представителей церкви ветхозаветной, и иродиан, представителей законной власти народа

пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, и малых и великих (Откр. 18, 1–5; 19, 1–18).

²²⁹ ...*воплощение святых духов*... – И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобожденным на малое время. И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело свое и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это – первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет. Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет оболщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный (Откр. 20, 1–8).

²³⁰ ...*окрепшим и стройно организованным*... – Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше, и не будет (Мф. 24, 21). И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются (Лк. 22, 25–26). И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни. Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: «вот, Он в пустыне», – не выходите; «вот, Он в потаенных комнатах», – не верьте; ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы. И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славой великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их. От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите всё сие, знайте, что близко, при дверях. Истинно говорю вам: не пройдет род сей, как всё сие будет; небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут. О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один; но, как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого: ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, – так будет и пришествие Сына Человеческого (Мф. 24, 22–39).

избранного, и даже тот самый *народ жестоковыйный, с медным лбом и необрезанным сердцем*²³¹, который отплатил за самоотвержение, благодеяния и любовь криками: *распни, распни Его*²³².

Та же чудовищная ненависть злобы и порока против любви и святости всегда соединяла сынов протвращения и во время Ветхого завета против пророков, и во времена Нового завета против святых, во все времена гордых, самоуверенных волков хищных против кротких овец, терзать которых волки неизменно находят практичнее, чем между собою грызться.

Та же чудовищная ненависть соединит и в последний день всех практичных дельцов и политиков против ненавистной для них утопии любви и братства, когда они увидят, что *утопия эта стройно организована и окрепла в жизни*²³³.

Как защитить себя овцам от волков, не сделавшись волками, чтобы от волков по-волчьи огрызаться?!

Защитят их *силы небесные*²³⁴.

Для неверующих странною кажется вера наша в *воскресение мертвых*²³⁵; для нас, верующих, странным кажется то, что могут находить невероятным второе воплощение, в то время когда мы на опыте переживаем воплощение – земную жизнь нашу.

Даже наука доказывает нам, что материя, как вихрь, пронесется через наш организм, на мгновение только вступая в таинственную связь с тем пребывающим, индивидуальным *Я*, которое любит, мыслит, ощущает и сознает свое бытие. Грубая материя, кожаная одежда духа, прах земной, тюрьма и цепи наши только на мгновение принимает облик существа нашего, постоянно должна быть возобновляема пищею, нами поглощаемой, прекрасна и озарена славою духа нашего только до тех пор, пока входит в состав живого организма, превращаясь в прах и тление с минуты смерти, когда порваны цепи, разрушается тюрьма и дух свободный покидает долину плача и печали земного скитания.

Силен был Господь создать нас, – Он ли не может *телесно воскресить нас*²³⁶!

---

²³¹ ...*народ жестоковыйный, с медным лбом и необрезанным сердцем*... – И сказал Господь Моисею: Я вижу народ сей, и вот, народ он – жестоковыйный <...> [И введет он вас] в землю, где течет молоко и мед; ибо Сам не пойду среди вас, чтобы не погубить Мне вас на пути, потому что вы народ жестоковыйный. <...> Ибо Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым: вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одну минуту истреблю вас; итак снимите с себя украшения свои; Я посмотрю, что Мне делать с вами (Исх. 32, 9; 33, 3, 5). Посему знай [ныне], что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный. <...> И сказал мне Господь: [Я говорил тебе один и другой раз:] вижу Я народ сей, вот он народ жестоковыйный (Втор. 9, 6, 13). А дом Израилев не захочет слушать тебя; ибо они не хотят слушать Меня, потому что весь дом Израилев с крепким лбом и жестоким сердцем (Иез. 3, 7).

²³² ...*распни, распни Его*... – Пилат, отвечая, опять сказал им: что же хотите, чтобы я сделал с Тем, Которого вы называете Царем Иудейским? Они опять закричали: распни Его. Пилат сказал им: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее закричали: распни Его (Мк. 15, 12–14). Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но они кричали: распни, распни Его! (Лк. 23, 20–21).

²³³ ...*утопия эта стройно организована и окрепла в жизни*... – Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный (Откр. 20, 7–8).

²³⁴ ...*силы небесные*... – И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их; а диавол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков. И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места (Откр. 20, 9–11). А нынешние небеса и земля, содержимые тем же Словом, сберегаются огню на день суда и гибели нечестивых человеков. Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день. Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят. Если так всё это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда (2 Пет. 3, 7–13).

²³⁵ ...*воскресение мертвых*... – Чаю воскресения мертвых (Символ веры). И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими (Откр. 20, 12).

²³⁶ ...*телесно воскресить нас*... – Не всякая плоть такая же плоть <...>. Есть тела небесные и тела земные; но иная слава

Страшный суд и вечность мучений

Не Господь немилосердно осудит грешников, а Господь милосердный оградит верных чад Отца Небесного, тех, у кого *царство Божье внутри есть*²³⁷, от адской муки сообщества с теми, у кого ад в душе, *кто ад этот повсюду принесет с собою*²³⁸.

Откровение нигде не различает веры живой от дел веры, от жизни по вере, потому что вера живая не может не проявляться в делах веры: *вера без дела мертва*²³⁹, а дела веры невозможны без веры живой, непосильны без причастия Духа Святого, которого переживают одни верующие живую верую: *по плодам их узнаете их*²⁴⁰.

Тот, кто вдали от дома Отца Небесного не тосковал по родине небесной, кто *в этом мире, который весь во зле лежит*²⁴¹, не гнушался и не возненавидел зла, а, напротив, чувствовал себя в грязи земной, как рыба в воде, и остался равнодушным даже и к высшему проявлению добра среди мрака и злобы – слову и делу Спасителя Мира, тот не имеет извинения в грехе своем, по слову Его: *Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня, и Отца Моего*²⁴².

Когда нас окружает добро, любовь и вдохновение, мы, как дети неразумные, можем не понимать всю цену того, что нас окружает, легкомысленно не дорожить тем, что имеем. Если потеряем все эти сокровища, мы не плачем об утраченном, не только не алчем и не жаждем правды Божьей, но даже видя во тьме внешней, там где плач и скрежет зубов, луч *Света от Света Небесного*, отворачиваемся от него, не любим дела Его, не чуем сердцем животворящей правды слов жизни, исходящих из уст Его, мы злые демоны, ангелы сатаны, ненавидим Бога живого, Христа Его и все силы небесные, возлюбили тьму и не полюбили свет, хотя бы в минуту смерти или в страшный день суда и устрашились последствий нашей злобы.

Чтобы таких упорных сынов противления сделать смиренными и любящими чадами Отца Небесного и братьями по духу ангелам и святым, надо было бы, чтобы Господь совер-

---

небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. <...> Плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие (1 Кор. 15, 39–53). Ты, Господи, основал землю, и небеса – дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же (Евр. 1, 10–12).

²³⁷ ...*Царство Божье внутри есть*... – Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 20–21).

²³⁸ ...*кто ад этот повсюду принесет с собою*... – Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов (Мф. 25, 31–32). Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны. <...> Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем (Ин. 3, 18–21, 36).

²³⁹ ...*вера без дела мертва*... – Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? (Иак. 2, 20).

²⁴⁰ ...*по плодам их узнаете их*... – Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые (Мф. 7, 15–17). И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими (Откр. 20, 12).

²⁴¹ ...*во этом мире, который весь во зле лежит*... – Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле (1 Ин. 5, 19).

²⁴² Ин. 15, 22–24.

шил насилие над ними, но верен Себе неизменный и верный, не отступит Он от духа любви и свободы, не унизит Он Себя до превращения свободного духа в жалкую куклу, заведенную на добро.

Даже теперь, когда мы так тщательно обособлены друг от друга грубыми стенами темницы тела нашего, мы ежеминутно испытываем влияние лучей духа тех, с кем имеем общение, испытываем адскую муку духовной проституции общения с духовными мирами, враждебными нам по настроению.

Когда мы сбросим грубую оболочку тел наших, или душевное тело наше изменится соответственно тому, увеличатся и радость, и страдания духовного общения, смотря по тому, рай или ад внутри того живого существа, духовные лучи которого пронизывают собою наш мир духовный.

В этом источник мук и источник блаженства вечного.

Господь все живые существа создал для блаженства причастия мудрости и вдохновения любви Его, всех готов допустить на брачный пир Свой, но он свят и не может не любить невольных рабов, ни насиловать сынов противления, ни нарушать святости Своей проституцией общения со злом, не может, из жалости к злым, подвергнуть добрых мукам и позору проституции общения со злыми и свят Господь Бог наш.

Неверующие уже осуждены, осужден на обособление от Бога и верных чад Его, осужден на скорбное общение с подобными себе, которых любовь не привела к вере живой, потому что любви он предпочел разум или ощущения, осужден не по недостатку милосердия к нему, а потому что в светильнике души его не нашлось для встречи жениха огня любви и вдохновения, потому что ему нечего делать на браке агнца и в доме Отца Небесного, потому что он родственен духом не ангелам и святым, а дьяволам и злым сынам противления, с которыми он и будет оставлен во тьме внешней, за стенами Иерусалима Небесного, в озере огненном злобы и страстей, где будет продолжаться бессечно плач и скрежет зубов.

Вспомним, оканчивая эту главу, чудную мысль, заключенную в третьей книге пророка Ездры, мысль эту можно передать такими словами: Посмотри на дерево, говорит Господь, много материи идет на построение его и только малая часть ее, заключенная в плоде, предназначена продолжать жизнь, все прочее сгниет; так и человечество: много людей живет на земле, немногие избранные войдут в Царство Небесное, это плод, ради которого живет все человечество; что будет с остальными, не спрашивай Меня, но не смей думать, что ты любишь создания Мои больше, чем Я.

Бог есть Омега

Недостаточно иметь в руках светильники дел наших, нужен *елей веры и огонь любви*²⁴³.

Нет таких дел, которые бы сами по себе могли спасти нас, если любовь не занимает в сердце нашем места первого, если дела наши не являются плодами любви. Не дела наши пойдут за нами в вечность, а вдохновение любви сделает нас близкими, родными, братьями по духу ангелам и святым в Царстве Божьем, сделает нас достойными причастия мудрости и любви Бога святого, способными вместить блаженство вечное, уготовленное нам *прежде создания мира*²⁴⁴.

---

²⁴³ ...елей веры и огонь любви... – Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу ему. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут. А мудрые отвечали: чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе. Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились (Мф. 25, 1–10).

²⁴⁴ ...*прежде создания мира*... – Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь

Любовь, одна любовь приближает нас к Богу, делает нас братьями по духу всем верным чадам Его, позволяет Богу святому открыть перед нами врата Царства Небесного, не насилуя нас и не изменяя святости Своей, *сделать нас причастниками вдохновения любви, мудрости, силы и славы Своей*²⁴⁵.

Не дела страха, не дела корысти, не дела политики, хотя бы дела эти и носили характер правоверия и служения в дело Божье, *спасут нас*²⁴⁶.

Спасают нас только дела любви, и не как дела, а как естественный плод любви, из любви вытекающий и любовь в нас возвращающий от любви в любовь.

Только любящие, и одни неллицемерно любящие услышат от Господа благословенные слова: *хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего*²⁴⁷.

И идут сии в жизнь вечную, на брачный пир *в чертогах Отца Небесного*²⁴⁸.

Снято проклятие, опять воцарился Бог, природа не действует более как безучастный к страданиям человеческим механизм, опять все повинуется воле Божьей, и Бог все направляет к благу всех. Эта преображенная, благословенная Богом земля и будет *наследием кроющих*²⁴⁹.

звнящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы (1 Кор. 13, 1–3).

²⁴⁵ ...*сделать нас причастниками вдохновения любви, мудрости, силы и славы Своей*... – Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше (1 Кор. 13, 8–13). Более же всего имейте усердную любовь друг ко другу, потому что любовь покрывает множество грехов (1 Пет. 4, 8). Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаём из того, что Он дал нам от Духа Своего. И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру. Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви (1 Ин. 4, 7–18).

²⁴⁶ ...*спасут нас*... – Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного (Мф. 7, 21). Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня (Мф. 15, 8). Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие (Мф. 7, 22–23).

²⁴⁷ Мф. 25, 21.

²⁴⁸ ...*в чертогах Отца Небесного*... – Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть. И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист (1 Ин. 3, 2–3). Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан (1 Кор. 13, 12). Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем (1 Кор. 15, 28). И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет (Откр. 21, 1).

²⁴⁹ ...*наследием кроющих*... – И я, Иоанн, увидел святыи город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны. И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждущему дам даром от источника воды живой. Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном. Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая. И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца. И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святыи Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. Он имеет большую и

Будем помнить это, и вера живая, соединенная с любовью живою к святым словам Откровения, научит нас без труда понять животворящий дух Апокалипсиса, и то, что казалось нам темным, станет для нас просто и понятно.

Мы поймем, что стены Иерусалима Небесного означают полную обособленность добрых от адской муки общения со злыми; поймем и то, почему Господь оградит за этими стенами и тех, которые вдали от дома Отца Небесного, в долине плача и печали земного скитания тяготились сообществом злых, были алчущими и жаждущими правды, тех, которые сознательно желают быть огражденными от сообщества злых, желают жить за этою стеною, не будут тяготиться однообразием любви, не будут вздыхать по разнообразию и свободе зла, – тех, одним словом, кого можно, не насилуя свободы воли их, поместить и оградить за этими стенами.

Мы поймем и то, почему не был огражден подобными стенами Адам, когда он был еще только невинен, а не свободно совершенен, когда он еще не выбрал свободно и сознательно между Богом и дьяволом, между торжествующей любовью и любовью, подчиненной разуму и ощущениям, между свободным и сознательным согласованием сердца, ума и жизни с волею Божьей и своеволием сынов протivления. Все в этом городе гармония и красота, ибо: *потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира*. Мы любуемся красотой природы теперь, когда природа эта омрачена проклятием земли в делах человеческих; какова же будет красота ее, когда вся она будет *озарена сиянием вдохновения любви*, мудрости, силы и славы Божьей²⁵⁰!

Велика будет радость созерцания красоты Бога и творения Его, большая будет радость причастия мудрости Его, когда лучи разума Его, озаряя умы, научат их всему; высшая радость будет в причастии любви Его, когда могучая волна вдохновения Его вознесет избранных *в безбрежное море света любви и вдохновения*²⁵¹.

высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов (Откр. 21, 2–12). Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17). Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит (2 Кор. 3, 6). Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине (Ин. 4, 24). Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь (Ин. 6, 63). Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 8–14).

²⁵⁰ ...озарена сиянием вдохновения любви, мудрости, силы и славы Божьей... – И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни, двенадцать раз приносящее плоды, дающее на каждый месяц плод свой; и листья дерева – для исцеления народов. И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их. И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков. И сказал мне: сии слова верны и истинны; и Господь Бог святых пророков послал Ангела Своего показать рабам Своим то, чему надлежит быть вскоре. Се, грядущий скоро: блажен соблюдающий слова пророчества книги сей. Я, Иоанн, видел и слышал сие. Когда же услышал и увидел, пал к ногам Ангела, показывающего мне сие, чтобы поклониться ему; но он сказал мне: смотри, не делай сего; ибо я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам и соблюдающим слова книги сей; Богу поклонись (Откр. 22, 1–9).

²⁵¹ ...в безбрежное море света любви и вдохновения... – Время близко. Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святыи да освящаются еще. Се, грядущий скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний. Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне – псы и чародеи, и любодееи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду. Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя. И Дух и невеста говорят: прииди! И слышавший да скажет: прииди! Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром. И я также свидетельствую всякому слышавшему слова пророчества книги сей: если кто приложит что к ним, на того наложит Бог язвы, о которых написано в книге сей; и если кто отнимет что от слов книги пророчества сего, у того отнимет Бог участие в книге жизни и в святом граде и в том, что написано в книге сей. Свидетельствующий сие говорит: ей, грядущий скоро! Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь (Откр. 22, 10–21).

Глава II. Христианская гармония духа

§ 1. Царство Божие внутри вас есть

Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть²⁵².

Царство Божье

Что значит слова *Царство Божье*? Для истинно верующего – удовлетворение разума и осуществление всех заветных желаний сердца его; для людей, воображающих себя верующими, не понимая, в Кого веруют, – грозное торжество враждебной им воли, воли Божьей; для неверующего и человека, воображающего себя таковым, – бессмысленное сочетание слов, без всякого внутреннего содержания.

В действительности нет и быть не может такого живого и разумного существа, которое могло бы не жаждать осуществления Царства Божьего в том смысле, в каком понимает его Откровение, в каком не может не понять его сознательно верующий.

Благодать и разумный Творец всего, первопричина всего сущего, все сделал для благодати и разумной цели. Царство Божье и есть осуществление того высшего блага, для которого и сотворено все существующее. Воля Божья не может расходиться с благом Его создания, а заключает в себе благо, бесконечно превосходящее самые смелые желания ума и сердца нашего. *Но как сказано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его²⁵³.*

Бог единый, Творец человека, при том всего человека со всеми свойствами духа его и всеми соответствующими этим свойствам органами тела его. Не может быть в человеке такой потребности, такого желания, которое бы не получило не только полное, но и бесконечно превосходящее понимание и пожелания его, удовлетворения в Царстве Божьем, когда осуществится в торжестве воли Божьей конечная цель Его творения.

Если какие-либо желания сердца нашего будут удовлетворены не так, как мы того желаем, то только потому, что мы желаем себе меньшего, чем желает для нас Бог. *Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто²⁵⁴.* И быть не может потому, что все имеет одну первопричину, единого Творца. Все желания сердца нашего найдут полное удовлетворение в Царстве Божьем, только возвышенными, освященными и притом бесконечно превзойденными.

Сознательно верующий христианин, понимающий христианское мировоззрение, не может думать иначе. Для него Царство Божье есть полное, абсолютное удовлетворение всех потребностей вечного духа его. Какое же разумное, живое существо может не желать для себя того же.

Человек, изображающий себя верующим, не понимая в кого верует, может равнодушно произносить слова *да придет Царствие Твое²⁵⁵* и воображать, что счастье его более зависит от

---

²⁵² Лк. 17, 20–21.

²⁵³ 1 Кор. 2, 9.

²⁵⁴ Рим. 14, 14.

²⁵⁵ Мф. 6, 10.

успехов на ярмарке жизни, нежели от осуществления воли Творца его в Царстве Божьем, так думать он может только потому, что ничего не продумал и не научился даже азбуке христианства. Он не понимает, что Бог есть любовь, не понимает, что воля Бога-Любви не может противоречить его счастью, что Царство Бога-Любви и есть осуществление всех заветных желаний ума и сердца его, не понимает, что Бог-Любовь бесконечно больше любит его, чем сам он умеет любить себя, и уготовил ему вечное блаженство, бесконечно превосходящее самые упоительные мечты ума и сердца его.

В действительности и его сердце жаждет именно того блаженства, которое испытать он может только в Царстве Божьем, которого заменить не могут скучные песни земли.

Человек неверующий или воображающий себя таковым, в сущности, живет тем же желанием полного удовлетворения всех потребностей жаждущего человечества, более того, живет тою же верою в конечную победу добра и счастья, тою же верою в осуществление общего блага путем прогресса, эволюции, борьбы за существование, хотя вера эта, без веры в Бога, Творца благого, разумного и всемогущего, и не имеет никакого разумного основания; так силен инстинкт счастья, предчувствие той благой, конечной цели, для которой и сотворил нас Бог-Любовь, которая и осуществится в Царстве Божьем!

Насколько разнообразно понимание Бога, первопричины бытия, настолько разнообразно и понимание Царства Божьего, конечной цели творения и путей, ведущих к высшему благу. Люди неверующие или воображающие себя таковыми, когда они логичны, естественно впадают в мрачный пессимизм, понимая беспочвенность всякой надежды при отрицании Творца благого, разумного и всемогущего, при отрицании высшего разума, направляющего мировой организм к благой цели; когда они не логичны, отказываясь от веры, они впадают в суеверие, строя свои оптимистические надежды на безосновательной гипотезе о том, что дурная машина сама себя исправит, что из зла путем эволюции выйдет добро, и злые демоны путем борьбы за существование превратятся в светлых ангелов.

Люди верующие, когда они не знают, в кого веруют, когда умы и сердца их не озарены *Светом от Света Небесного* абсолютной истины Откровения, представляют тоже изумительное разнообразие в определении путей, ведущих к Царству Божьему, сообразно бесконечному разнообразию их представлений о Боге. Очень ошибочно думать, что все люди, называющие себя христианами, веруют в одного и того же бога. Совершенное незнакомство с первоисточниками Откровения и вопиющий разлад между верой и рутинной жизни делает возможным, даже заурядным то, что люди, одинаково убежденные в неукоснительности своего правоверия, поклоняются совершенно разным богам, не имеющим с истинным Богом пророков, Христа и апостолов ничего общего. Один воображает себе бога грозным и гордым властителем мира и считает лучшим способом быть допущенным в Царство Божье – заручиться сильной протекцией райских вельмож, имеющих доступ к ступеням престола; другие веруют в злого бога, грубого, мрачного человеконенавистника, неприязненно следящего за каждым шагом своих созданий, всегда готового изловить, обличить, казнить, в мрачное божество, для которого всякая радость – оскорбление, умиловить которого можно только услаждая его видом непрерывных самоистязаний; третьи веруют в корыстное и чванливое божество, которого легко подкупить дарами и лестью на благодушную уживчивость со злобою и кривдою; четвертые верят в божество капризное и слабоумное, боящееся света разума, благоволящее исключительно к бессмысленным благочестивым упражнениям, к многословию торопливого бормотания бесчисленных молитв, к благочестивой гимнастике бития поклонов. Все они сходятся в одном: в совершенном непонимании Бога истинного, Бога Откровения, любвеобильного и мудрого Отца Небесного, в совершенном непонимании того, что Бог-Любовь не может благодушно уживаться со злыми демонами, что бы эти демоны ни делали, что единственный способ заслужить Его благоволение и быть допущенными в Царство Его – перестать быть демонами по настроению, покаяться и сотворить плоды, достойные покаяния, покаяться не только в злобе,

но и в холодности сердца своего, сотворить плоды, достойные покаяния, не в смысле жертвы, тяжелого долга, самодовольной благотворительности, не с ожесточением и скрежетом зубов, а в смысле насущной потребности любящего сердца, естественного плода торжествующей любви, смиренного братолюбия, достигшего мощи вдохновения деятельной любви.

Именно это перерождение в нового человека и выставлял Христос Спаситель и проповедовали Его апостолы как непрременное условие примирения с Богом, возможности быть допущенным в Царство Божье.

Торжествующая, деятельная любовь – вот что делает нас родными Богу-Любви, ради вечного блаженства причастия любви Его, создавшему нас любвеобильному Отцу нашему Небесному, вот что делает нас братьями по духу участникам великого братства ангелов и святых Церкви Божьей, Царства Божьего!

Вот почему сказал Господь: *не придет Царство Божье приметным образом*²⁵⁶, потому что не может осуществить Царство Божье на земле никакое учреждение, никакая организация, никакие дела.

Вот почему сказал Господь: *Царство Божье внутри вас есть*²⁵⁷, в тайнике ума, в тайнике сердца вашего. Если по настроению духа вы чужды Богу и святым Его, напрасны все жертвы, напрасны все дела. *И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы*²⁵⁸. И так, без соответствующего настроения, не имеют никакого значения никакая организация, никакие дела. Во всякую организацию, и в церковь поместную, и в братство, повсюду могут проникать люди, настроению духа которых не соответствуют организация и дела, в ней совершаемые, причем не будет Царства Божьего внутри них, не будут они участниками Царства Божьего, и, таким образом, сама организация может быть только более или менее верным отображением Царства Божьего внутри большинства своих сочленов, а не видимое осуществление самого Царства Божьего на земле.

Следует ли из этого, как думает граф Л. Н. Толстой, что всякая организация не нужна? Те же дела, которые, без соответствующего настроения, не имели никакого спасительного значения, становятся неизбежными проявлениями Царства Божьего внутри человека с той минуты, когда они являются естественным плодом деятельной, торжествующей любви. Так и в деле всякой организации: организация сама по себе, без соответствующего настроения большинства участников в ней, не только не может иметь никакого спасительного значения, но даже фатально предназначена к вырождению до уровня настроения большинства, созидающего в ней жизнь; та же организация, при наличии соответствующего ей настроения большинства участников, является естественным, неизбежным проявлением этого настроения.

Отсутствие всякой организации есть анархия, совсем не соответствующая ни мудрой воле мудрого Творца, ни Царству Божьему внутри человека. Не организовать добра среди организованного зла и неразумно, и жестоко по отношению к кротким овцам, блуждающим поодиночке среди волков хищных. Нельзя служить неразумно *разумному делу Божьему*²⁵⁹. Нельзя с сердцем, исполненным братолюбия, не желать реального братского общения, не желать ревнивого обособления братьев от зла и *соответствующей тому организации*²⁶⁰.

---

²⁵⁶ Лк. 17, 20.

²⁵⁷ Мф. 17, 21.

²⁵⁸ 1 Кор. 13, 3.

²⁵⁹ *...разумному делу Божьему...* – И духи пророческие послушны пророкам, потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира (1 Кор. 14, 32–33).

²⁶⁰ *...соответствующей тому организации...* – Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благодатью, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались участниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью: то вы, прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь (2 Пет. 1, 3–7). Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите (1 Пет. 2, 17). Как хорошо и как приятно жить

Итак, единственный путь спасения – рождение свыше, перерождение в нового человека, определенное настроение духа, при котором Царство Божье внутри нас водворилось, при котором естественным плодом живой веры нашей является жизнь по вере и стройная организация этой жизни по образу и подобию Царства Божьего.

В настоящем труде моем я задаюсь следующими целями:

1. Убедить в том, что Откровение дает нам возможность не только вполне ясно понять, какое настроение соответствует Царству Божьему внутри человека, но и выразить в удобоусвояемой краткой формуле эту святую гармонию истинно христианского настроения духа.

2. Продумать шкалу порочности и добродетели, сообразно степени дисгармонии духа, от грубого скотоподобия царства ощущений, через чистилище царства разума, к богоподобию святой гармонии царства любви.

3. Продумать, как отражается та или другая степень дисгармонии духа на наших отношениях к Богу, к самому себе, к ближним нашим, на организацию и быт нашей семьи, общества и государства.

Любящий Христа брат мой, ты, любовь и ревность к которому давно побуждают меня братски поделиться назревшими в уме и сердце моем мыслями о святой гармонии Царства Божьего внутри человека, прими этот труд как сжатый конспект, который тебе предстоит разработать и применить к себе, своему настроению, обстоятельствам собственной жизни.

Если тебе удастся, при помощи доброй воли, увидеть как в зеркале себя, свою семью, свою отчизну, свою эпоху, понять степень дисгармонии собственной души, близких тебе людей, большинства твоих соотечественников и современников, не останавливаясь на бесплодной работе мысли, на безрезультатной классификации. Поняв степень дисгармонии, покайся за себя и других, сотвори плоды, достойные покаяния, плачь, взывай к Господу, пока не проснется душа от холода и сонливой апатии, пока не воспрянет она до вдохновения торжествующей, деятельной любви, алчущей и жаждущей правды святой гармонии Царства Божьего для себя и для других, пока нелicenseмерное братолюбие не разовьется в победоносную энергию деятельной любви, на пользу стройной организации добра в жизни, созидания стен Иерусалима Небесного.

Дух и тело

Материалисты отрицают существование духа, приписывая материи все свойства, которые спиритуалисты признают за духом, неизменно пребывающим, в то время как материя, прах земной, вихрем переносится из одного агломерата в другой, лишь на мгновение вступая в состав данного живого организма, что подтверждают новейшие научные открытия и не отрицают самые крайние материалисты.

Вопрос о том, что подчиняется одно другому, сила материи или материя силе, и составляет основную разницу двух противоположных мировоззрений: материалистического и спиритуалистического. Материалист приписывает все жизненные явления проявлению свойств живой материи и не может допустить ни при каких обстоятельствах существования духовного начала, независимого от материи, не изменяя материализму. Не только ощущения, но и сознание, и любовь он должен признавать за свойствами живой материи, постоянно возобновляемой поглощаемой нами жареной, вареной и сырой пищей. Если бы он признал в чем-либо проявление свойства пребывающего духовного *Я*, отделенного от вихря материи, тотчас ускользает

братьям вместе! Это – как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на края одежды его; как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские, ибо там заповедал Господь благословение и жизнь на веки (Пс. 132, 1–3). Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! (Пс. 1, 1–2). Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы (1 Кор. 15, 33).

из-под его ног самая почва материализма, и всякие рассуждения, выводы и обобщения материалистического характера теряют всякую доказательность; самая основа материалистического мировоззрения нарушена, и, приписав одно проявление активной жизни духу, нет никакого разумного основания не видеть проявления духовного начала и во всех прочих аналогичных явлениях.

Так и спиритуалист не может, не делаясь материалистом, приписать материи какое-либо из свойств живого духа. Для него материя только пассивно подчиняется физическим законам природы, но никаких активных свойств, а следовательно, и никаких потребностей, никаких желаний иметь не может. Достаточно допустить существование живой материи, хотя бы приписав материи свойство ощущать, чтобы ускользнула из-под ног сама почва спиритуализма и потеряли тотчас всякую доказательность и логичность всякие рассуждения, выводы и обобщения спиритуалистического характера.

Крайние спиритуалисты доходят до отрицания самого существования материи. Это явление может быть названо отпадным только в смысле восстановления гармонии, как явление, симметричное материализму.

Откровение научает нас признавать за истину среднее между этими двумя крайностями. Оно не отрицает существования материи, но смотрит на нее, как на безразличный прах земной, брентную оболочку, сбрасываемую духом в минуту смерти. Признавая свободу воли и неразрывно связанную с нею ответственность живого духа абсолютной истиной, краеугольным камнем христианской нравственности, нельзя допускать раздвоения человека до двух совместно в нем пребывающих живых существ, нельзя смешивать сопутствующие физические и химические явления организма со свойствами живого духа и их проявлениями.

Пусть никакой компромисс невозможен. Допустите, что ощущения не суть проявление вечного свойства вечного духа, и вы не будете иметь никакого разумного основания утверждать, что материя, способная ощущать, не способна сознавать и любить, вы логично придете к сомнению в существовании духовного *Я*, отдельного от материи тела.

С другой стороны, если ощущения – не свойства духа, а свойства материи тела, вся стройная система христианской нравственности рухнет до основания. Действительно, что станет с христианской нравственностью, что останется от нее, если мы усомнимся в высшей правде победы любви и разума над грубою чувственностью. Предположим, что ощущения присущи не духу, а материи тела; с этой минуты человек перестает быть однородным существом, он раздваивается на два живых существа: любящий, мыслящий дух и ощущающее животное – тело. Для всякого здравомыслящего человека очевидно, что мое *Я*, свободное и потому ответственное, не может быть одновременно тем и другим живым существом, не превращаясь в пустую фикцию. Кто же ответственный: *Я* – дух, имеющий свойство любить и сознавать, или тело, имеющее свойство ощущать? Если *Я* – ощущающее тело, любовь и сознание мне чужды, я могу только пассивно подчиняться их воздействию; всякая активная роль в деле подчинения им единственного свойства моего, а следовательно, и единственно доступной мне области проявления личной жизни моей – жизни ощущений, чувственности – становится бессмысленным для меня самоубийством, лишенным, при отсутствии любви и сознания, всякого ореола идейности, всякого нравственного достоинства.

Если *Я* – любящий, сознающий дух, не способный ощущать, являюсь только сожителем ощущающего тела, мне недоступна никакая чувственность, и в самом грубом разврате не было бы ни йоты эгоизма. Сознательное *Я* только бесстрастно отмечало бы явления животной жизни моего сожителя, ощущающего тела. Любящее *Я* только и могло бы жалеть и прощать это безответственное Божье создание – ощущающее тело, лишенное способности любить и сознавать. При таких обстоятельствах борьба и победа присущих мне свойств любви и сознания над единственным источником счастья моего сожителя не только были бы лишены всякого нравственного достоинства, но даже приобрели бы характер отвратительной травли, грубого истязания.

зания и бесславного убийства невменяемого существа, вся радость и жизнь которого заключены именно в ощущениях.

Не только от христианской нравственности, но и от всего христианского мировоззрения не остается и следа.

Всякий здравомыслящий человек ясно сознает, что этого раздвоения в нем нет, что то же *Я*, которое способно любить и сознавать, способно и ощущать, что, следовательно, и любовь, и сознание, и ощущения – свойства того же *Я*, свободного более или менее сосредоточивать свое внимание на том или другом круге доступных ему жизненных явлений, свободный более или менее активно проявлять то или другое присущее ему свойство, жить преимущественно любовью, разумом или ощущениями и только потому ответственный за свое настроение и за свои поступки.

Не только в этой главе, но и вообще в настоящем труде я не задаюсь целью доказывать ложность материалистических воззрений и правду спиритуалистических. Христианин не может вступать ни в какие компромиссы с материализмом, и главной целью настоящей главы было показать верующим христианам, к какому абсурду неизбежно приведет их столь пространное заблуждение чисто материалистического характера, по которому ощущения не считаются свойством духа и относятся к области жизни тела, не только чуждой, но даже враждебной жизни духа.

Заблуждение это отчасти зависит от преступного равнодушия в деле согласования всего склада ума с верою, причем многое остается непродуманным и несогласованным, отчасти от узкого, буквального понимания некоторых текстов писания, при полном забвении самых ясных предостережений: *Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь*²⁶¹; *Он дал нам способность быть слугами Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит*²⁶²; *Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода*²⁶³.

Один из таких узко, буквально и потому неверно понимаемых текстов Писания встречается у того же апостола Павла, так заботливо предостерегавшего нас от увлечения буквою мертвящею: *плоть желает противного духу*²⁶⁴. Если мы не хотим быть кошунствующими буквоедами, мы не позволим себе обвинить апостола Павла в проповеди материализма, а поймем, что кратким словом *плоть* апостол обозначает многообразные проявления жизни духа, соприкосновенные с поддержанием благосостояния организма тела, с ограждением духа от неприятных ощущений, неизбежных для воплощенного духа при всяком расстройстве сложной машины телесного организма, который сам по себе ничего не ощущает, но, при всяком нарушении стройной гармонии своих отправлений, доставляет духу неприятные или болезненные ощущения. Поймем, что кратким словом *дух* апостол противопоставляет области ощущений, столь тесно связанных с жизнью духа во плоти, все остальные области жизни духа, способного любить и сознавать, признавая эти области высшими сравнительно с жизнью ощущений и таким образом утверждая великую истину, что не все свойства духа равноправны и что для святой гармонии духа необходимо господство высших свойств духа над низшими.

Считать, что апостол, говоря *плоть желает*, признает ощущения за свойство живой материи, а не духа, было бы также неосновательно, как и сказать, понимая буквально слова книги «Бытие» о грешниках допотопных: *потому что они плоть*²⁶⁵, что Господь Бог предписал нам исповедать материализм по отношению к грешникам.

---

²⁶¹ Ин. 6, 63.

²⁶² 2 Кор. 3, 6.

²⁶³ 2 Кор. 3, 17.

²⁶⁴ Гал. 5, 17.

²⁶⁵ ... *потому что они плоть*... – И сказал Господь [Бог]: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет (Быт. 6, 3).

Итак, весь человек – однородный дух, одаренный Творцом многообразными свойствами и свободой воли, позволяющей ему по произволу направлять энергию свою на проявление того или другого свойства духа.

В следующих главах я постараюсь доказать словами Откровения, при свете животворящего духа веры, что все свойства духа можно свести к трем категориям, что каждая из этих категорий имеет свое определенное место в стройной гармонии христианского настроения духа и что именно от взаимного их соотношения в настроении и жизни человека и зависит степень греховной дисгармонии или святой гармонии духа человеческого, ад или рай внутри нас.

Любовь

Из всех свойств духа Откровение настойчиво выделяет любовь, настойчиво отводя любви место первое, настойчиво вознося любовь на такую высоту, с которой она, как светоч, озаряла бы общее настроение и всю жизнь верных чад Отца Небесного, нелицемерных, честных христиан.

Откровение так богато местами, отмеченными печатью вечного закона главенства любви над всеми прочими свойствами духа, что привести здесь все изречения, проникнутые духом этого закона, невозможно, выбрать из них самые яркие и сильные – затруднительно, такая сила, такой божественный огонь, такое парящее вдохновение проникают слова избранных Божьих каждый раз, как им приходится исповедовать значение любви в экономии жизни мира.

Любимый ученик Христа Спасителя, тот, кого до нежной ласки любил Спаситель Мира, апостол и евангелист Иоанн Богослов, по справедливости может быть назван певцом любви, великим исповедником первенствующего значения любви в гармонии христианского настроения, в гармонии христианской жизни по вере.

Но не один он проникнут сознанием первенствующего значения любви, все апостолы громко исповедуют этот великий, вечный закон правды Божьей, и самый последний из пришедших к семье апостольской, ученик Гамалеила, ученый фарисей, апостол Павел, став христианином, получив благодать апостольства, был вознесен до высоты разумения значения любви, не уступающей высот вдохновенного прозрения самого божественного Иоанна. Тринадцатая глава первого послания апостола Павла к коринфянам по справедливости может быть поставлена рядом с первым соборным посланием апостола Иоанна; обе эти дивные страницы Откровения, полные трепетом торжествующей любви, являются самыми светлыми лучами той беспредельной любви, которую завещал Господь Иисус Христос *в последней беседе с апостолами*.

«Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, явил делом, что, возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их. И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искароту предать Его, Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умою ног моих вовек. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову. Иисус говорит ему: омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты. Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал

вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам. Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. Не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал. Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою. Теперь сказываю вам, прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется, вы поверили, что это Я. Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня. Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня. Тогда ученики озирались друг на друга, недоумевая, о ком Он говорит. Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса. Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит. Он, припав к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это? Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искарриоту. И после сего куска вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь. Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его. Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою. Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды.

Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога, и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете. Фома сказал Ему: Господи! не знаем, куда идешь; и как можем знать путь? Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его. Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца; как же ты говоришь, покажи нам Отца? Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам. Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду. И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю, да

прославится Отец в Сыне. Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю. Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Не оставлю вас сиротами; приду к вам. Еще немного, и мир уже не увидит Меня; а вы увидите Меня, ибо Я живу, и вы будете жить. В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас. Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцем Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам. Иуда – не Искариот – говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим. Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца. Сие сказал Я вам, находясь с вами. Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам. Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня. И вот, Я сказал вам о том, прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется. Уже немного Мне говорить с вами; ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего. Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца и, как заповедал Мне Отец, так и творю: встаньте, пойдем отсюда.

Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода. Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам. Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают. Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам. Тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками. Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребудьте в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви. Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего. Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал, дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам. Сие заповедаю вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут

соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня. Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего. Но да сбудется слово, написанное в законе их: возненавидели Меня напрасно. Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною.

Сие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились. Изгонят вас из синагог; даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу. Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня. Но Я сказал вам сие для того, чтобы вы, когда придет то время, вспомнили, что Я сказывал вам о том; не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами. А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше. Но Я истину говорю вам: лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде: о грехе, что не веруют в Меня; о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня; о суде же, что князь мира сего осужден. Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет и возвестит вам. Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу. Тут некоторые из учеников Его сказали один другому: что это Он говорит нам: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, и: Я иду к Отцу? Итак они говорили: что это говорит Он: «вскоре»? Не знаем, что говорит. Иисус, уразумев, что хотят спросить Его, сказал им: о том ли спрашиваете вы один другого, что Я сказал: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня? Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет. Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас; и в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. Доныне вы ничего не просили во имя Мое; просите, и получите, чтобы радость ваша была совершенна. Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце. В тот день будете просить во имя Мое, и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас: ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу. Ученики Его сказали Ему: вот, теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой. Теперь видим, что Ты знаешь все и не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя. Посему веруем, что Ты от Бога исшел. Иисус отвечал им: теперь веруете? Вот, наступает час, и настал уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону и

Меня оставите одного; но Я не один, потому что Отец со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир. В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир.

После сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть, ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня. Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них. Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание. Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную. Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира. Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла. Они не от мира, как и Я не от мира. Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина. Как Ты послал Меня в мир, так и Я послал их в мир. И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною. Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня. Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира. Отче праведный! и мир Тебя не познал; а Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня. И Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них²⁶⁶».

*Бог есть любовь*²⁶⁷. В этих словах все Евангелие правды Божьей; в этих словах, дважды повторенных в одном послании, разумный смысл творения, откровение безмерной жертвы воплощения Сына Божьего ради нашего спасения, твердое основание разумной надежды на блаженство вечное – конечная цель бытия всего сущего.

²⁶⁶ Ин. 13–17.

²⁶⁷ ...*Бог есть любовь*... – Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него. В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга. Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас. Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаём из того, что Он дал нам от Духа Своего. И мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру. Кто исповедует, что Иисус есть Сын Божий, в том пребывает Бог, и он в Боге. И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем (1 Ин. 4, 7–16).

Бог есть любовь. В этих словах краеугольный камень радостной веры, санкция высшей разумности беззаветной любви, любви до самопожертвования, любви до смерти крестной. В этих словах источник понимания святой гармонии Духа Божьего, путь восстановления святой гармонии мятущегося духа человека, созданного по образу и подобию Божьему. Апостол не называет Бога *разум*, не называет Бога *всемогущество*, не называет Бога *вечность*, он говорит *Бог есть любовь* и тем самым исповедует, что первое место в вечной, неизменной, святой гармонии Духа Божьего занимает любовь, что ей подчинены и мудрость, и всемогущество, и все прочие свойства Божьи; исповедует, что и в человеке, созданном по образу и подобию Божьему, любовь должна занять место первое и в духе, и в жизни, что без этого не могут быть восстановлены в нем извращенные грехом образ и подобие Творца, не может быть достигнуто единодушие блудного сына с любвеобильным Отцом Небесным, не может быть примирения, не может быть мира духовного, не может быть Царства Божьего внутри нас.

Бог есть любовь. Этими словами навеки осуждены ересь из ересей, безумное заблуждение, гнуснейшее из кощунств, позорная ложь тех наглых самозванцев, которые осмеливаются называть себя христианами и даже кичиться своим правоверием, оставаясь холодными, черствыми и сухими сердцем, не признавая любовь своею первою, основною обязанностью, не ценя любовь в других, мирясь со строем жизни, основанном на корысти или насилии, не веря в высшую разумность любви, считая за наивную утопию самую возможность стройной организации жизни на основах любви.

Кто не любит, тот не познал Бога, потому что *Бог есть любовь*. Напрасны все старания избежать этого основного закона христианства, подменить какую-либо фальшивую монетой чистое золото живой, деятельной, торжествующей любви. Елейность языка и льстивые речи не обманут и не удовлетворят Бога-Любовь. *Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим*²⁶⁸. Не поможет им ссылка на освященный давностью обычай, переданный от отцов: *вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры!*²⁶⁹ Не поможет и уверение в любви, скромно скрытой в глубине верующего сердца: *от избытка сердца говорят уста*²⁷⁰. *Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?*²⁷¹

Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь – неперменный признак истинного христианства, необходимый признак неукоснительности правоверия, притом любовь, доходящая до нежности: *будьте братолюбивы друг к другу с нежностью*²⁷², до ревности, по примеру Божьему: *до ревности любит дух, живущий в нас*²⁷³, до самопожертвования, до смерти крестной: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас*²⁷⁴.

*Бог любви и мира*²⁷⁵ не может предпочесть деятельной, живой, нежной любви ни богословские знания, ни подвижничество непрестанного самоистязания, ни самую широкую благотворительность, ни самое неукоснительное соблюдение правоверной ритуальности, *ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью*²⁷⁶.

²⁶⁸ Мф. 15, 8–9.

²⁶⁹ Мф. 15, 6–7.

²⁷⁰ Мф. 12, 34.

²⁷¹ Иак. 2, 20.

²⁷² Рим. 12, 10.

²⁷³ Иак. 4, 5.

²⁷⁴ Ин. 13, 34.

²⁷⁵ ... *Бог любви и мира*... – Впрочем, братия, радуйтесь, усовершенвайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, – и Бог любви и мира будет с вами (2 Кор. 13, 11).

²⁷⁶ Галл. 5, 6.

Без самоотверженной, живой, деятельной, нежной любви, властно господствующей в духе нашем, проникающей собою весь склад ума и весь строй жизни нашей, непрестанно торжествующей во всех отношениях наших к Богу и ближним, *нет христианства*²⁷⁷.

Без такой любви нет никакой заслуги в глазах Божьих, нет возможности примирения с Отцом Небесным, *нет спасения*²⁷⁸.

Нет заслуги ни в самом увлекательном красноречии, ни в самых обширных познаниях, ни в самой непоколебимой вере, ни в чудесах, порождаемых верою, ни в самой разорительной благотворительности, ни даже в добровольном мученичестве, если все это не имеет любовь своим источником, не является естественным плодом любви.

Одна любовь, и притом любовь исключительная, дает право быть служителем на дело Божье, посредником-миротворцем между грешным человечеством и Отцом Небесным, дает *право пасты овец стада Христова*²⁷⁹.

Именно любовь и не что иное, как любовь, должна быть конечной целью церковной проповеди, всякого назидания, всякой *благодетивой беседы*²⁸⁰.

Любовь важнее веры потому, что включает ее в себя как составную часть, нельзя любить ближних, не любя Творца их, нельзя любить Бога, не веруя в Него, нельзя любить человечество, не веруя в возможность его преображения до светлого идеала, достойного любви, нельзя надеяться на это преображение, не веруя в любвеобильного, мудрого и всемогущего Творца, предопределившего *вечное бытие любви, свету, гармонии и красоте*²⁸¹.

Любовь важнее знаний и потому должна господствовать над разумом, а не ему подчиняться; разум может и не привести к любви, а напротив, приведя к гордости, иссушить сердце, угасить любовь. Любовь не может отказаться от разума, не может не желать разумно понять волю Божью, не может не желать разумно сделать наибольшее добро ближнему, не может не любить разума как дорогой талант, вверенный горячо любимым Отцом на пользу *горячо любимых братьев*²⁸².

Кто любит Бога? Верующий христианин не может любить без Бога, не может отнять у Бога место первое в сердце своем, не делаясь тотчас язычником, сотворившим себе кумира, все равно, будет ли этим кумиром отец, мать, сын, дочь, жена, или друг, наука, искусство, богатство, власть, или, что всего чаще случается, *Я, чрево. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня*²⁸³.

²⁷⁷ ...нет христианства... – По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин. 13, 35).

²⁷⁸ ...нет спасения... – Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы (1 Кор. 13, 1–3).

²⁷⁹ ...право пасты овец стада Христова... – Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси агнцев Моих (Ин. 21, 15).

²⁸⁰ ...благодетивой беседы... – Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступив, некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают (1 Тим. 1, 5–7).

²⁸¹ ...вечное бытие любви, свету, гармонии и красоте... – Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто (1 Кор. 13, 2). Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут (Иак. 2, 19). Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше (1 Кор. 13, 11–13).

²⁸² ...горячо любимых братьев... – О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него (1 Кор. 8, 1–3).

²⁸³ Мф. 10, 37.

Именно любовь к Богу и претворяет эгоистичную языческую похоть в разумную христианскую любовь, научает, как любить, возносить любовь на высоту святая святых мира, научает понимать, что любовь – венец мудрости, первопричина бытия, конечная цель творения, нерушимая основа блаженства вечного в Царстве Божьем.

Как любовь должна господствовать над разумом, так любовь к Богу должна господствовать над всякою другою любовью, проникая ее насквозь, *очищая ее до святости*²⁸⁴.

Одна любовь из корыстных, трепещущих рабов возносит нас до высоты *свободных чад Божьих*²⁸⁵. Страх наказания не есть спасительный, христианский страх Божий; страх ревнивой любви, страх оскорбить Того, Кого до ревности любишь, страх отдалиться от Него, стать недостойным Его, – вот спасительный, христианский страх Божий, который воистину есть *начало мудрости*²⁸⁶.

Только такая любовь свободная, сознательная до мудрости, из страха оскорбить любимого до ревности Отца Небесного, и водворяет Царство Божье внутри нас, дает тот мир душе, которого никто не отнимет у нас, дает разумение, восстанавливающее *единомыслие между нами и причастниками Царства Божьего*²⁸⁷

Предупреждаю читателя, что в последующем изложении моих рассуждений о христианской гармонии духа в краткое слово *любовь* я всегда буду вкладывать именно тот смысл, который вкладывает в него Откровение: любви живой, деятельной, нежной до ласки, самоотверженной до смерти крестной, подразумевая, что вера в Бога составляет неотъемлемую составную часть этого главного свойства вечного духа и что разум не только не враждебен любви, но является ее естественным слугою, только под ее державою достигающий достоинства мудрости.

Любви Откровение не только отводит место первое в экономии жизни мира и христианской нравственности, но даже прямо признает, что в ней весь смысл бытия, совокупность совершенства, вечная *основа блаженства вечного*²⁸⁸.

По примеру Христа Спасителя, сказавшего: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*²⁸⁹, избранники Божьи настойчиво повторяют, что там, где нет любви, более того, где любви не отведено место первое, где любовь не составляет основу жизни и отношений к Богу и ближним, там нет правоверия, нет христианства, там худшая из

²⁸⁴ ...очищая ее до святости... – Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя (Мф. 22, 37–39).

²⁸⁵ ...свободных чад Божьих... – В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви (1 Ин. 4, 18).

²⁸⁶ ...начало мудрости... – Начало мудрости – страх Господень; [доброе разумение у всех, водящихся им; а благоговение к Богу – начало разумения;] глупцы только презирают мудрость и наставление (Притч. 1, 7). Бога никто никогда не видел. Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает, и любовь Его совершенна есть в нас (1 Ин. 4, 12). Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17). Сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих (Рим. 8, 21).

²⁸⁷ ...единомыслие между нами и причастниками Царства Божьего... – Для сего преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши, чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божиею (Еф. 3, 14–19).

²⁸⁸ ...основа блаженства вечного... – Покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь (2 Пет. 1, 5–7). Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон (Рим. 13, 8). Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства (Кол. 3, 14). Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится (1 Кор. 13, 8). Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его (1 Кор. 2, 9).

²⁸⁹ Ин. 13, 35.

ересей, худшая форма грубого язычества, там мрак и смерть, там нет надежды на *венец жизни, который обещал Господь любящим*²⁹⁰.

После всего сказанного, после всех приведенных мною текстов Писания я считаю себя вправе надеяться, что животворящий дух Откровения по вопросу о главенстве любви в христианской гармонии духа, жизни по вере и экономии жизни мира, вполне ясен и несомненен, что *первенствующее значение любви вполне доказано*²⁹¹.

Разум

Второе место после любви и в экономии жизни мира, и в жизни по вере, и в христианской гармонии духа Откровение отводит *разуму*, понимая под этим словом как самую способность духа сознавать, сравнивать, обобщать, творить, так и всю вытекающую из этой способности умственную деятельность и знания, как результат этой деятельности.

С порицанием, с горячим негодованием говорит Откровение только о разумниках *мира сего*, об умах осуетившихся, понимая под этими выражениями людей, ум которых, за мелочами земной жизни, не помышляет о вечном, о воле разумного Творца, о мудром плане домостроительства Божьего, тех, кто нарушает святую гармонию духа, отводя разуму место, по праву принадлежащее любви, – место первое, в ком крамольный разум отрицает высшие права веры и любви.

Пока ум остается верным слугой любви, Откровение высоко ценит умственную деятельность, окружая ореолом почтения и восторженного сочувствия соответствующие ей слова: мудрость, свет, слово, правда и истина.

Даже не заглядывая в Писание, мы могли бы принципиально решить, что именно так это и быть должно, что иначе и быть не может, что враги разума, умственного развития, философии христианства могут быть только или люди, не верующие в мудрого Творца, являющегося высшим разумом мира, или невежды в вере, не понимающие, в кого веруют, или лицемеры, желающие сделать веру орудием для достижения политических целей, совершенно чуждых торжеству мудрой воли Бога разумного.

Действительно, после отрицания любви, худшая ересь – отрицание разума. После еретиков – врагов любви, самые опасные для истинного христианства, для истинного правоверия еретики – враги разума. После страха любви лучшее доказательство отпадения от правоверия – страх разума; после грубого глумления над несбыточной утопией стройной организации жизни на основах любви и братства худшее кощунство – отрицание необходимости сознательной веры, разумного понимания мудрой воли высшего разума мира, разумного служения на разумное дело мудрого Творца.

Нельзя любить, не зная, кого любишь, не понимая, за что любишь. Нельзя не только любить, но и веровать в Бога, не понимая, в Кого веруешь, тем более нельзя служить на разум-

---

²⁹⁰ ...*венец жизни, который обещал Господь любящим*... – Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его (Иак. 1, 12). Дети Божии и дети диавола узнаются так: всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего (1 Ин. 3, 10). Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти (1 Ин. 3, 14). Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна (1 Ин. 2, 10).

²⁹¹ ...*первенствующее значение любви вполне доказано*... – Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать (1 Кор. 14, 1). Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом и истиною (1 Ин. 3, 18). Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны полагать души свои за братьев (1 Ин. 3, 16). Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения (1 Фес. 5, 8). Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога (1 Ин. 4, 7). Послушанием истине чрез Духа, очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца (1 Пет. 1, 22). Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте (Рим. 12, 9–10).

ное дело Божье, не любя Бога всем разумением; во всяком случае нельзя так верить, так любить и так служить, как того желает мудрый Творец, высший разум мира.

Господь не отрицает слабых умом, простых верою, если они не по собственной вине слабы и просты. Если эти слабые умом, простые верою люди любовью вознесены на высоту христианского настроения, водворившего Царство Божье внутри них, Господь не поставит им в вину ни суеверие, ни недомыслие. Но горе вам, умные, не возлюбившие Бога всем разумением своим, не полагающие для силы разума на познание воли Божьей, на озарение темных умов светом разумения, на стройную организацию жизни по вере!

Громадное значение разума в деле познания воли Божьей и согласования с нею всего строя ума, всего склада симпатий, всего склада жизни, невозможность умственного застоя при наличии любви живой к Богу и ближнему, при искреннем желании угодить Богу и сделать добро ближнему – все это ясно указывает почетное место разума в святой гармонии христианского настроения духа, важное значение умственной деятельности в христианской жизни.

Откровение громко подтверждает наши выводы, логично вытекающие из веры в Бога разумного.

Еще в Ветхом Завете Откровение громко говорит о тесной связи между деятельностью разума и истинным благочестием: *пойте все разумно*²⁹². А чтобы петь разумно, нужно веровать сознательно, а для этого нужно искать и уразуметь мудрую волю разумного Творца, нужно перевоспитать себя, согласовать собственные мысли и чувства с этою святою волею, научиться делать добро, постоянно, настойчиво искать торжества правды Божьей в жизни и всеми силами верующего духа содействовать делу Божьему, торжеству правды, созиданию стен Иерусалима Небесного. Без этого нет истинного благочестия, не может быть устойчивости правоверия. И вот с высоты небес Господь с любовью взирает не на тех, кто строго выполняет букву обряда, а на того, о котором Давид говорит: *разумеющий, ищущий Бога*²⁹³.

Не ищущий Бога не может уразуметь Его, не разумеющий Бога не может ни любить Его, ни достойно служить Ему. Без любви, без разумения нет свободных чад Божьих, нет добровольных рабов Божьих, а есть только подневольные, трусливые рабы и корыстные ласкатели, о которых так говорит Господь: *к чему Мне множество жертв ваших*²⁹⁴.

При таких обстоятельствах и праздники, и курения, и молитвы, и жертвы – все кощунство, все в осуждение. Путь спасения один: уразуметь волю Божью, научиться делать добро, быть *алчущими и жаждущими торжества правды Божьей в жизни*²⁹⁵.

Там, где жизнь не основана на началах любви и братства, всегда на одного героя наживы, триумфатора на жизненной бирже, приходится девяносто девять побежденных, обездоленных. Им, этим обездоленным, некогда уразумевать, опасно искать правды. Единственная возможность для них научиться, уразуметь – живое слово назидания со стороны тех, на кого они с доверием взирают, как на посредников между ними и Богом, как на пастырей душ своих. Это ясно поняли еще ветхозаветные избранники Божьи и грозно требовали умственной пищи для

---

²⁹² Пс. 46, 8.

²⁹³ ...*разумеющий, ищущий Бога*... – Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога (Пс. 13, 2).

²⁹⁴ ...*к чему Мне множество жертв ваших*... – К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали двory Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня; новомесечий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие – и празднование! Новомесечия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови (Ис. 1, 11–15).

²⁹⁵ ...*алчущими и жаждущими торжества правды Божьей в жизни*... – Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову (Ис. 1, 16–17).

паствы от ветхозаветных священников, говоря: *уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его*²⁹⁶.

Вот плоды не вражды, а только нерадения в деле умственной жизни верующих в церкви ветхозаветной!

Какое грозное осуждение врагов света и разума в церкви новозаветной под главенством Бога-Слова, о Котором говорим: *Свет от Света, Который сам говорил: Я есмь путь и истина, и жизнь*²⁹⁷.

Поймем же, что без мысли нет слова и что самое сочетание понятий *Бог* и *слово* заключает в себе признание высокого значения разума и освящение умственной деятельности, возносит разум на такую высоту, что мы не можем не отвести ему второе место в гармонии христианского духа и жизни по вере, что мы должны были бы отвести место первое, если бы Откровение, в ясных, вполне определенных и бесспорных выражениях, приведенных мною в предшествующей главе, не научило нас отводить это место любви, подчиняя ей разум.

Бог-Слово – и постыжены враги разума, *будьте мудры, как змеи*, и постыжена ересь поборников мрака, предпочитающих веру слепую вере сознательной; *я есмь истина*²⁹⁸ – и освящена работа мысли, без которой нельзя понять ни истины, ни правды, и постыжены те, кто может вывести ближних из болота мрака и суеверия и не делает того. Истина делает нас свободными – и постыжены поборники цепей и умственного рабства. Где Бог, там свобода – и постыжена ересь отступников, считающих возможным соединить правоверие с насилием над совестью и разумом.

Вот как говорят новозаветные избранники Божьи о главе церкви, Боге-Слове: *Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир*²⁹⁹; имя Ему: «Слово Божие» <...>, *из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы*³⁰⁰; *слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого*³⁰¹.

Так говорит Откровение о христианстве: *проповедуем Христа, Божью силу и Божью премудрость*³⁰²; *истина произошла через Иисуса Христа*³⁰³; *мудрость проповедуем, проповедуем*

²⁹⁶ ...уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его... – Итак для вас, священники, эта заповедь: если вы не послушаетесь и если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему, говорит Господь Саваоф, то Я пошлю на вас проклятие и проклянью ваши благословения, и уже проклинаю, потому что вы не хотите приложить к тому сердца. <...> Завет Мой с ним был завет жизни и мира, и Я дал его ему для страха, и он боялся Меня и благоговел пред именем Моим. Закон истины был в устах его, и неправды не обреталось на языке его; в мире и правде он ходил со Мною и многих отвратил от греха. Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его <...> Но вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе <...>. За то и Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепритвуете в делах закона (Мал. 2, 1–2, 5–7, 8–9).

²⁹⁷ Ин. 14, 6.

²⁹⁸ ...Я есмь истина... – Освяти их истинною Твоею; слово Твое есть истина (Ин. 17, 17). Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными (Ин. 8, 31–32). Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего (Ин. 15, 15). Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни (Ин. 8, 12). Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего (Ин. 18, 37). Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим (Мф. 22, 37). Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся (Мф. 5, 6). Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (Мф. 10, 16). Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на вершине горы (Мф. 5, 14). Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам (Ин. 16, 13). Итак положите себе на сердце не обдумывать заранее, что отвечать, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все, противящиеся вам (Лк. 21, 14–15). Освяти их истинною Твоею; слово Твое есть истина (Ин. 17, 17).

²⁹⁹ Ин. 1, 9.

³⁰⁰ Откр. 19, 13, 15.

³⁰¹ Евр. 4, 12.

³⁰² ...проповедуем Христа, Божью силу и Божью премудрость... – Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее

*премудрость Божью*³⁰⁴; *кто любит Бога, тому дано знание от Него*³⁰⁵; *лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за вашей свободой, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить вас, мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась*³⁰⁶; *родил Он нас словом истины*³⁰⁷; *во всем являем себя, как служители Божьи, в благоразумии и в слове истины с оружием правды*³⁰⁸; *хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди достигли познания истины*³⁰⁹; *не внимая басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины*³¹⁰; *Христос, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости*³¹¹; *мудрость, сходящая свыше, мирна*³¹².

Так говорит церковь православная: воссиял свет разума; примите все духа премудрости, духа разума.

Так определяет апостол Павел свои права на апостольство: *Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих и познанию истины, относящейся к благочестию*³¹³.

человеков (1 Кор. 1, 22–25).

³⁰³ ...*истина произошла через Иисуса Христа...* – И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа (Ин. 1, 16–17).

³⁰⁴ *мудрость проповедуем, проповедуем премудрость Божью...* – Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы (1 Кор. 2, 6–8).

³⁰⁵ ...*кто любит Бога, тому дано знание от Него...* – О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает. Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать. Но кто любит Бога, тому дано знание от Него (1 Кор. 8, 1–3).

³⁰⁶ ...*лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за вашей свободой, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить вас, мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась...* – Потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению, и предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался. Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться, а вкравшимся лжебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободой, которую мы имеем во Христе Иисусе, чтобы поработить нас, мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас (Гал. 2, 1–5).

³⁰⁷ ...*родил Он нас словом истины...* – Восхотев, родил Он нас словом истины, чтобы нам быть некоторым начатком Его созданий (Иак. 1, 18).

³⁰⁸ ...*во всем являем себя, как служители Божьи, в благоразумии и в слове истины с оружием правды...* – Мы никому ни в чем не полагаем преткновения, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благодати, в Духе Святом, в нелицемерной любви, в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем (2 Кор. 6, 3–10).

³⁰⁹ ...*хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди достигли познания истины...* – Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины (1 Тим. 2, 1–4).

³¹⁰ ...*не внимая басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины...* – Свидетельство это справедливо. По сей причине обличай их строго, дабы они были здоровы в вере, не внимая Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины (Тит. 1, 13–14).

³¹¹ ...*Христос, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости...* – Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь, которой сделался я служителем по домостроительству Божию, вверенному мне для вас, чтобы исполнить слово Божие, тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, Которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе; для чего я и тружусь и подвизаюсь силою Его, действуюющею во мне могущественно (Кол. 1, 24–29).

³¹² ...*мудрость, сходящая свыше, мирна...* – Но мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна (Иак. 3, 17).

³¹³ Тит. 1, 1.

Так говорит Откровение о первостепенной важности для христианских пастырей назидать, обогащать умы светом разумения истины и правды: *Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины³¹⁴. От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры; рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю³¹⁵. Итак, заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явлении Его и Царствие Его: проповедай слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое³¹⁶.*

Так осуждает Откровение веру слепую: *Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища³¹⁷. Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере³¹⁸. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму – делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы³¹⁹.*

Так призывает нас Откровение к вере сознательной: *Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни³²⁰. Итак вы, возлюбленные, будучи предварены о сем, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения, но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне, и в день вечный³²¹. Посему, (возлюбленные), препоясав чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа³²². Ваша покорность вере всем известна; посему я радуюсь за вас, но желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло³²³. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним в любви, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа, по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном, в Котором мы имеем искупление кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати каковую Он в избытке даровал нам во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем в устройении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом³²⁴. Итак, братия*

³¹⁴ 2 Тим. 2, 15.

³¹⁵ 2 Тим. 2, 23–26.

³¹⁶ 2 Тим. 4, 1–5.

³¹⁷ Евр. 5, 12.

³¹⁸ 2 Тим. 3, 8.

³¹⁹ Рим. 1, 28–31.

³²⁰ 1 Кор. 14, 20.

³²¹ 2 Пет. 3, 17–18.

³²² 1 Пет. 1, 13.

³²³ Рим. 16, 19.

³²⁴ Еф. 1, 3–10.

святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его³²⁵. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности³²⁶. Посему и я, услышав о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым, непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых и посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем³²⁷. Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу³²⁸. Посему и мы с того дня, как о сем услышали, не перестаем молиться о вас и просить, чтобы вы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всем угождая Ему, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога³²⁹. Как от Божественной силы Его даровано нам все потребное для жизни и благочестия, через познание Призвавшего нас славою и благодатию, которыми дарованы нам великие и драгоценные обетования, дабы вы через них соделались причастниками Божеского естества, удалившись от господствующего в мире растления похотью: то вы, прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь. Если это в вас есть и умножается, то вы не останетесь без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа. А в ком нет сего, тот слеп, закрыл глаза, забыл об очищении прежних грехов своих³³⁰. Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем³³¹. Посему и мы с того дня, как о сем услышали, не перестаем молиться о вас и просить, чтобы вы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всем угождая Ему, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога³³². По сей причине я и страдаю так, но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день³³³.

Вот как говорит Откровение о единомыслии, столь необходимым для осуществления жизни по вере на основах любви и христианского братства, и столь недостижимом без сознательной веры в соответствующей умственной деятельности: Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собою, по учению Христа Иисуса³³⁴. Желая, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас и ради тех, которые в Лаодикии и Иераполе, и ради всех, кто не видел лица моего в плоти, дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога, и Отца, и Христа,

³²⁵ Евр. 3, 1–2.

³²⁶ Еф. 6, 14.

³²⁷ Еф. 1, 15–23.

³²⁸ Кол. 3, 16.

³²⁹ Кол. 1, 9–10.

³³⁰ 2 Пет. 1, 3–9.

³³¹ 2 Тим. 2, 7.

³³² Кол. 1, 9–10.

³³³ 2 Тим. 1, 12.

³³⁴ Рим. 15, 5.

в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения³³⁵. Наконец будьте все единомысленны, сострадательны, братолюбивы, милосерды, дружелюбны, смиренномудры³³⁶. Умоляю вас, братия, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них³³⁷. Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе³³⁸. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия. И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами, и славословиями, и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу³³⁹. Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, – и дастся ему³⁴⁰. Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы³⁴¹. Впрочем, братия, радуйтесь, усовершенвайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны – и Бог любви и мира будет с вами³⁴². Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях³⁴³. Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: «ныне», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом³⁴⁴.

Итак, после любви, второе место и в христианской гармонии духа, и в жизни по вере Откровение несомненно отводит разуму.

Ощущения

Откровение и в экономии жизни мира, и в христианской гармонии духа, и в жизни по вере отводит первое место любви, а второе разуму; всем остальным свойствам духа, их проявлениям и соответствующим жизненным явлениям оно, тем самым, отводит третье место, после любви и разума. Для краткости назовем все эти остальные свойства духа и порождаемые их проявлением жизненные явления – ощущениями (свойства духа) и чувствительностью (их проявления).

Все ощущения, доступные человеку, имеют право на существование, ни одно из них не может быть признано за зло и, как таковое, считаться постыдным или греховным. Для восстановления святой гармонии духа христианин должен не исправлять природу, Божье творение, а соблюдать в духе и жизни установленную Богом-Творцом гармонию, без которой невозможно ни единомыслие с высшим разумом мира, ни единодушие с высшею любовью.

Все сотворено Богом единым, все имеет источником Его одного. Господь не призывал на совет духа зла, не дал ему *никакого участия при творении человека*³⁴⁵. Все свойства нашего духа, осуществившаяся мысль и воля Творца, ни дьявол, ни само человечество не могли ничего ни прибавить, ни убавить в творении Божьем, потому что они не сильнее Бога и не могут победить Его.

---

³³⁵ Кол. 2, 1–3.

³³⁶ 1 Пет. 3, 8.

³³⁷ Рим. 16, 17.

³³⁸ Рим. 12, 16.

³³⁹ Еф. 5, 17–19.

³⁴⁰ Иак. 1, 5.

³⁴¹ Еф. 5, 15–16.

³⁴² 2 Кор. 13, 11.

³⁴³ 1 Кор. 1, 10.

³⁴⁴ Евр. 3, 13.

³⁴⁵ ... *никакого участия при творении человека*... – И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его (Быт. 1, 27).

Все, сотворенное Богом, само по себе чисто и прекрасно и потому имеет право на существование. Разделять творение Божье на чистое и нечистое есть кощунство. Если не чиста органическая часть целого, то и целое не чисто и чистым быть не может. Если не чиста, постыдна, позорна какая-либо часть человеческого тела и тем более если не чисто, скверно, постыдно какое-либо свойство его духа, весь человек не чист, позорен и быть не может иным, вся его жизнь гнусна, скверна и позорна.

Только непоколебимая вера в то, что все творение Божье, весь человек со всеми свойствами духа своего и всеми органами тела своего чист и прекрасен, дает право на надежду, дает основание признавать свободу воли и ответственность человека, дает разумный смысл словам Откровения: *Святые будьте, ибо свят Я, Господь, Бог ваш*³⁴⁶. Итак, все свято и чисто в творении Божьем, не чиста только дисгармония духа нашего, утерявшего единомыслие и единоподушие с Творцом.

Не нечиста, не греховна и самая свобода воли, хотя именно она и дала нам возможность склониться от единомыслия с высшим разумом и единоподушие с высшею любовью.

Та же свобода воли делает возможным вернуть утраченное и все исправить. Одна она делает нас способными стать причастниками высшего блага, для которого мы и созданы – любви Божьей. Без свободы воли мы лишены были бы всякого нравственного достоинства, и любовь Бога к нам не имела бы никакого разумного основания.

Возьмем те ощущения, которые грешным и грехолюбивым человечеством признаются особенно нечистыми и постыдными, на которых основаны страстные желания и те жизненные явления, которые по преимуществу принято обозначать словами *грубая чувственность и разврат*. Можем ли мы считать греховным, нечистым саму по себе способность духа ощущать волнения страсти, удовлетворять присущие ему страстные желания и испытывать радость полного обладания существом, нами любимым и уважаемым.

Так думать может грубый развратник, сознавая, что чувственностью он опьянен до полной потери самообладания, притуплен до полной неспособности любить и уважать участников своего разврата, что ради чувственности он готов отдать себя, тесно соединить свою жизнь с жизнью существ, им не любимых и презираемых, готов на каждом шагу изменить Богу и делу Его, сделать ближним всякое зло. Инстинктивно чувствуя грязь и позор чудовищной дисгармонии духа своего, он может быть ослеплен пламенем геенны огненной, клокочущей внутри его, и перенести на Богом данную способность духа своего то строгое порицание, которое в действительности заслуживает не сама способность духа его, а его отношение к этой способности, его нежелание восстановить святую гармонию единомыслия и единоподушие с Творцом, подчинив эту низшую способность духа разуму и вместе с ним любви.

Христианам пора понять, что нельзя без кощунства признавать за зло и грязь Богом данную способность духа нашего, порожденные ею желания и удовлетворение этих желаний путями, достойными христианина, не делаясь рабом этой страсти, не делая из нее себе кумира, не принося этому кумиру человеческие жертвы.

Христианам пора понять, что именно это кощунственное недомыслие толкает на разврат одних, отравляет жизнь другим; признавая за зло и грязь всякое страстное желание, человек, не способный победить в себе эти желания, неизбежно признает себя и жизнь свою настолько оскверненными, что не будет иметь никакого основания удерживать себя от самого грубого разврата или потратит всю энергию духа своего на глухую борьбу с одним из свойств духа своего, постоянно сосредоточивая внимание именно на этом свойстве и тем самым увеличивая трудности борьбы, нарушая мир и гармонию души своей.

Вот что говорит об этом Откровение: *Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. По настоящей*

---

³⁴⁶ Лев. 19, 2.

*нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти, а мне вас жаль*³⁴⁷.

Очевидно, что не признается за грязь, зло и грех ни свойства духа, ни вызываемая этим свойством потребность, ни достойное христианина удовлетворение этой потребности. Если бы само свойство духа, сама вытекающая из него потребность была грязью и злом, то, во-первых, Господь не наделил бы человека этим свойством, не соблазнял бы его радостью удовлетворения этой потребности, и, во-вторых, нельзя было бы оправдать никакой способ проявления этого зла и тем более узаконить его.

Все христианские церкви настолько признают эту истину, что возвели в достоинство священного таинства брак, эту единственную форму сожителства мужчины и женщины, при которой наиболее гарантируется благо мужчины, женщины и их детей.

Если апостол не безусловно одобряет брак, то только потому, что он настолько осложняет жизнь, что соблазняет многих на измену Богу, делает для многих более трудной честную *жизнь по вере*³⁴⁸.

Брачную жизнь саму по себе, а следовательно, и ту потребность, которую она удовлетворяет, и то свойство духа, из которого эта потребность вытекает, Откровение не только не порицает, но и не считает недостойным самых высших представителей церковной иерархии. Епископ должен быть *муж одной жены*³⁴⁹. *Мужья, любите своих жен*³⁵⁰. *Что Бог сочетал, того человек да не разлучает*³⁵¹.

Из всего этого видно, что даже те ощущения, которые грешное человечество признает наиболее греховными, совсем не признаются таковыми сами по себе ни Откровением, ни церквями поместными. Греховными Откровение признает не эти ощущения, а нас, когда мы станем из рабов Божьих рабами чувственности, ради нее нарушая святую гармонию духа, нарушая спокойствие духа ближних наших, разрушая их семейное счастье, вступая в самые тесные связи с существами низкими и порочными, не внушающими нам ни любви, ни уважения. Вот что гнусно, нечисто, позорно, греховно в очах Божьих, вот что клеймит Откровение словами *блуд, блудодеяние, блудник, блудница*³⁵².

Особенно поучительно отношение Откровения к пище. Порицая очень строго тех сластолюбцев, которые ради чревоугодия изменяют Богу и готовы не только позабыть братские

³⁴⁷ 1 Кор. 7, 25–28.

³⁴⁸ ...*жизнь по вере*... – А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом, и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу (1 Кор. 7, 32–34). Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть таковые выходят замуж. Но кто непоколебимо тверд в сердце своем и, не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле, решился в сердце своем соблюдать свою деву, тот хорошо поступает. Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше (1 Кор. 7, 36–38).

³⁴⁹ ...*муж одной жены*... – Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности (Тит. 1, 5–6).

³⁵⁰ ...*Мужья, любите своих жен*... – Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали (Кол. 3, 18–21).

³⁵¹ ...*Что Бог сочетал, того человек да не разлучает*... – И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает (Мф. 19, 5–6).

³⁵² ...*блуд, блудодеяние, блудник, блудница*... – Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть (1 Кор. 6, 15–16). Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое. Тело же не для блуда, но для Господа, и Господь для тела (1 Кор. 6, 13).

права ближних, но и обобрать их и причинить им всякое зло, постоянно напоминая важное значение воздержания в честной жизни по вере, Откровение в то же время в совершенно ясных и очень сильных выражениях порицает фарисейское разделение пищи на чистое и нечистое, ревниво остерегая христиан от ига рабства подзаконного, настойчиво научая нас понимать, что все творение Божье чисто, и нечистым может быть только настроение свободного духа, не желающего единомыслия и единодушия с мудрым и любвеобильным Творцом.

Более того, Откровение прямо признает за немощность, за недомыслие в вере *разделение пищи на более и менее богоугодную*³⁵³.

Все, что не по вере, грех. Когда слепцы в вере, забыв в Кого веруют, букву соблюдения постов и праздников ставят выше животворящего духа вдохновения любви и боговедения, когда миллионы простых людей успокаиваются на строгом соблюдении буквы постов и праздников, воображая, что воздали Божье Богу, оставаясь грубыми, злыми невеждами в вере, порочными и грехолюбивыми, не умея ни думать, ни чувствовать, ни жить по вере, тогда становится вопросом для искреннего, сознательно верующего христианина, не составляет ли соблюдение постов опасного соблазна для ближнего? Не должно ли слова апостола по духу читать в настоящее время так: *не буду поститься во веки, если пост соблазняет брата моего*³⁵⁴.

Так говорит Откровение о сладострастии и сластолюбии. Так учит нас Откровение думать и о всем творении Божьем. Нет ничего самого по себе нечистого, нет и свойств природы и духа человеческого самих по себе нечистых. Не чисто может быть только настроение свободного духа, его отношение к Богу, самому себе, внешнему миру и ближним. Разделение творения Божьего, тела человеческого, свойств его духа, пищи, животных, мест и времени на чистое и нечистое и было основной чертой закваски фарисейской, переносившей центр тяжести от духа животворящего на букву мертвящую, от веры сознательной и живой любви на благочестивые упражнения, на продолжительность поста, на многочисленность устами произносимых молитв, на строгое соблюдение не духа, а буквы праздников, на изучение не духа, а буквы Писания.

³⁵³ ...разделение пищи на более и менее богоугодную... – Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи. Кто ест, не унижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. <...> Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума. <...> Ты имеешь веру? имей ее сам в себе, пред Богом. Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает. А сомневающийся, если ест, осуждается, потому что не по вере; а все, что не по вере, грех (Рим. 14, 1–3, 5, 22–23).

³⁵⁴ ...не буду поститься во веки, если пост соблазняет брата моего... – Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем. <...> И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего (1 Кор. 8, 8, 13). Кто ест, не унижай того, кто не ест; и кто не ест, не осуждай того, кто ест, потому что Бог принял его. <...> Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно. Всякий поступай по удостоверению своего ума. <...> Если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь. Не губи твоею пищею того, за кого Христос умер. <...> Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн. Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претывается, или соблазняется, или изнемогает (Рим. 14, 3, 5, 15, 20–21). А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим. И, призвав народ, сказал им: слушайте и разумейте! не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека (Мф. 15, 5–11). И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы; посему Сын Человеческий есть господин и субботы (Мк. 2, 27–28). Итак, никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело – во Христе. <...> Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: «не прикасайся», «не вкушай», «не дотрагивайся» (что все истекает от употребления), по заповедям и учению человеческому? Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти (Кол. 2, 16–17, 20–23). Ибо Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе. Кто сим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей. Итак, будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию. Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн (Рим. 14, 17–20). Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию (1 Кор. 10, 31).

Вот та закваска фарисейская, которую так грозно порицал Господь наш и Бог наш, Спаситель Мира – Христос, от которой так ревниво оберегал и остерегал Он своих учеников и через них всех нас, нелицемерных христиан.

Фарисеи веровали, но не понимали, в кого веруют, саддукеи не веровали, но стояли во главе ветхозаветной церковной иерархии и выполняли букву закона на показ толпе из политических и корыстных целей.

Фарисеи не понимали, что все чисто в творении Божьем, и искренно заблуждались и других вводили в заблуждение, воображая, что действительно есть чистое и нечистое, что они знают, что чисто и нечисто, что спасительно это самое знание и воздержание от нечистого. Саддукеи, не веруя, не могли иметь никакого основания для определения чистого и нечистого, но морочили толпу, чтобы извлекать выгоды из ее страха перед нечистым и ее доверия к тому, что известными действиями, выполнением буквы известных обрядов именно они, саддукеи, воссевшие на седалище Моисея, могут очистить их от осквернения нечистым. Вот та закваска саддукейская, которую по зловредности приравнивает Господь к закваске фарисейской, объединяя их в одном общем осуждении.

Регламентация буквы на место преображения духа, нарушение стройной гармонии творения Божьего путем разделения Его творения на чистое и нечистое, на место восстановления гармонии духа от нечистоты дисгармонии его до чистоты гармонии единомыслия с благим и мудрым Творцом, строгое соблюдение буквы закона и обряда на место действительной любви и дел веры и любви, вот та ересь, которую выдавали за правоверие темному народу и фарисеи и саддукеи, которую заклеил Спаситель Мира, уклоняться в которую нам еще менее прощительно, нежели ветхозаветным фарисеям и саддукеям вместе взятым.

Вот почему апостолы так горячо протестуют против ига духовного рабства, так вдохновенно призывают нас дорожить свободой, дарованной нам Христом!

Сопоставим ясное, вполне определенное и даже неизбежное по логике веры *во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца*, исповедание Откровением общего закона о том, что *все чисто*³⁵⁵ со всем тем, что говорит Откровение о любви, о разуме, о духе и теле-плоти, мы легко поймем, что под словом *дух* Откровение понимает высшие свойства духа: любовь и разум, а под словами *плоть-тело* – низшие свойства духа, объединенные нами под словом *ощущения*; поймем и то, что для святой гармонии духа Откровение требует не самоистязания мрачного аскетизма, отрицающего само право на существование за ощущениями, а лишь того, чтобы ощущения занимали в жизни духа место третье, после любви и разума, не обладая человеком, не господствуя над любовью и разумом, а подчиняясь им.

Именно этой гармонии духа, необходимой для восстановления в падшем человеке образа и подобия Божьего, необходимой для восстановления единомыслия и единокровия между блудным сыном и Отцом Небесным и придает Откровение исключительное значение, признавая без нее за ничто выполнение буквы даже самых священных обрядов, каким было обрезание – это ветхозаветное таинство, соответствующее *новозаветному таинству крещения*³⁵⁶.

---

³⁵⁵ ...*все чисто*... – Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн (Рим. 14, 20).

³⁵⁶ ...новозаветному таинству крещения... – Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской (Мф. 16, 6). Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста: они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти. Из них же самих один стихотворец сказал: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». Свидетельство это справедливо. По сей причине обличай их строго, дабы они были здравы в вере, не внимая Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины. Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их, и совесть (Тит. 1, 10–15). Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто (Рим. 14, 14). К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: любви ближнего твоего, как самого себя. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом. Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожеланий плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы. Если же вы духом водитесь, то вы не под законом (Гал. 5, 13–18). Если мы живем

Формула христианской гармонии духа

Разум, подчиняясь любви, должен властвовать над ощущением.

В настоящее время многими так основательно забыто христианское значение слова *любовь*, что дополнить эту формулу христианской гармонии духа точным определением значения в ней слова *любовь* я считаю не только полезным, но даже необходимым.

Любовь, в христианском смысле, – не каприз, не капризное влечение к тому, что нам доставляет приятное ощущение, что называется Откровением похотью. В слово *любовь* Откровение неизменно вкладывает значение торжествующей, деятельной любви, охватывающей Творца и все Его творения, причем рядом с формулой христианской гармонии духа мы имеем основание поставить и краткую формулу христианской гармонии любви, как согласному с волей Божьей соотношению между любовью к Богу, к ближним и самому себе, а именно: любовь к ближним, подчиняясь любви к Богу, должна властвовать над любовью к самому себе. Или, другими словами: альтруизм, подчиняясь любви к Богу, должен властвовать над эгоизмом.

Чем более устойчива в нас эта святая гармония духа, тем более Царство Божье внутри нас водворилось, тем более, еще при жизни, здесь, на земле изгнания, вдали от Родины Небесной, мы уже *не от мира сего*³⁵⁷, а уже принадлежим к Царству Божьему, стали по духу братьями ангелов и святых.

Чем более нарушается в нас эта святая гармония духа, тем более нарушается вместе с тем и единомыслие, и единоподушие между нами и причастниками Царства Божьего, тем более мы удаляемся от богоподобия, тем более приближаемся к скотоподобию, тем более водворяются внутри нас ад, геенна огненная.

Каждой степени дисгармонии соответствует известное настроение духа, и настроение это ярко проявляется в отношениях к Богу, самому себе, ближним, во всем строе жизни семейной, общественной, государственной и международной, не в тех лживых отношениях, которые лицемерно признают на словах и, как комедию, разыгрывают на показ, а в тех правдивых отношениях, которые фактически существуют за кулисами жизни и хорошо известны большинству, хотя и не принято говорить о том слишком громко.

Как настроение вызывает известные отношения к окружающему, так и факты установившейся рутины жизни свидетельствуют об известном породившем их настроении, указывают на совершенно определенную степень дисгармонии духа.

Вот почему краткая формула христианской гармонии духа может быть очень полезной в трудном деле самопознания как для отдельных личностей, так и для целых общественных групп, для целых наций, для целых поместных церквей, для целой эпохи.

Зреет закваска Царства Божьего. Спаситель мира пришел призвать грешников к покаянию, проповедовать Царство Божье, примирять блудного сына с Отцом Небесным, со святыми,

---

духом, то по духу и поступать должны. (Гал. 5, 25). Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона (Гал. 5, 22–23). Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным. Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов. <...> Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. <...> Ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь (Гал. 6, 1–2, 7–8, 15). Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати, а мы духом ожидаем и надеемся праведности от веры. Ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью (Гал. 5, 4–6). Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков (1 Кор. 7, 23). Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!» (Рим. 8, 15). Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства (Гал. 5, 1). Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною (1 Кор. 6, 12).

³⁵⁷ ...не от мира сего... – Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда (Ин. 18, 36).

благим, мудрым Творцом, восстановить гармонию духа, водворить Царство Божье внутри человека. Спаситель мира знал, какого Он духа. Как духу Божьему противно всякое насилие, так и Сын Божий, проповедуя свободу духа, всегда уважал эту свободу во всех, уважал не в смысле благодушной уживчивости, а в смысле милосердного долготерпения, в ожидании добровольного покаяния, свободного возвращения в свободу славы чад Божьих. Вот почему Всемогущий не истребляет злых и не насилует их на добро. Вот почему Сын Божий не водворил Царство Божье на всей земле, внутри всех людей, а только заложил зерно горчичное в умы и сердца тех, которые добровольно приняли воду живую глаголов жизни вечной. Вот почему постепенно, медленно вырастает дерево христианства и вскисает святая закваска Царства Божьего, по мере того как добровольно отверзаются для Бога умы и сердца, по мере того как мы позволяем Богу, не насилуя нас, излить на нас силу благодати, придти и вселиться в нас.

Без силы благодати Божьей мы, и понимая правду и истину святой гармонии духа, не найдем в себе сил ни достигнуть ее, ни тем более сделать ее устойчивой в нас. Силу эту может дать нам только великое, лежащее в основе всех таинств – таинство причастия Духа Святого, а таинство это не свершится над нами ни при каких обстоятельствах без нашего на то согласия, без горячего, искреннего, нелицемерного желания с нашей стороны, и непременно совершится, несмотря ни на какие неблагоприятные обстоятельства, при наличности искренней, нелицемерной доброй воли.

*Невозможное человеку возможно Богу*³⁵⁸. Силен Бог разом вознести душу живую от позора высшей дисгармонии скотоподобного человека до свободы славы святой гармонии человека богоподобного, если хватит на это устойчивости доброй воли в нас. И такие чудеса благодати Божьей бывали. Но грешно и грехолюбиво падшее человечество, и редко встречающиеся в нем те, над которыми, не насилуя их, может совершить Господь такое чудо. У большинства хватает доброй воли только на то, чтобы перейти от большей степени дисгармонии на соседнюю меньшую. Так и общества людей, и целые народы, и церкви поместные.

Зреет закваска Царства Божьего. Постепенно проникают в умы и сердца лучи *Света от Света Небесного*. Но движение это не везде равномерно, в зависимости от доброй воли большинства представителей известной эпохи.

Зреет закваска Царства Божьего, но в то время, как она много подвинулась в зрелости в одних отдельных людях, в одних народах, в одних церквях поместных, она может остаться неподвижной в других и пасть до полной измены Богу и делу Божьему в третьих.

Силою Духа Святого апостолы и учрежденные ими братские общины были вознесены до святой гармонии нелицемерной честной жизни по вере, а потом до какой позорной измены Богу, до какого забвения духа Откровения, до какого наглого поругания правды Божьей в жизни ни доходили люди, называющие себя христианами, целые народы, уверенные в своей правоверии, целые церкви поместные, считающие неотъемлемым правом монополизировать Дух Святой и владеть ключами Царства Божьего?!

Зная все это, мы не можем успокаиваться на преданиях дедов наших и завещанной ими нам рутине жизни, мы должны понимать, что *зреет закваска Царства Божьего*, что простибельное отцам нашим не простибельно для нас, что силен Бог вознести нас до святости и жизнь нашу до нелицемерного христианского братства, если мы будем искренно алчущими и жаждущими правды.

Нет святости без покаяния, нет покаяния без самопознания при свете Откровения.

Особенно теперь, когда человечество, под влиянием воздействия на него *Света от Света Небесного*, переросло царство ощущений, доросло до царства разума и начинает предчувствовать скорое появление зари царства любви, нам постыдно не отнестись вполне созна-

---

³⁵⁸ ...*Невозможное человеку возможно Богу*... – А Иисус, возрев, сказал им: человекам это невозможно, Богу же всё возможно (Мф. 19, 26), С. 81. Но Он сказал: невозможное человекам возможно Богу (Лк. 18, 27).

тельно к вере и жизни нашей, не постараться сделать все от нас зависящее, чтобы познать себя при свете веры.

Вот почему я считаю особенно современным и полезным в переживаемую нами эпоху возможно точно и ясно формулировать и все христианское мировоззрение, и все наиболее существенные части его, считаю насущною потребностью в деле самопознания кратко, точно и ясно формулировать святую гармонию духа по Откровению и, при свете этой формулы, продумать, как настроения духа, соответствующие той или другой степени дисгармонии духа нашего, так и те жизненные явления, которые соответствуют, неизбежно вытекают из того или другого настроения духа как естественные его *плоды*³⁵⁹.

При таких обстоятельствах формула христианской гармонии духа может стать полезным зеркалом, в котором, при доброй воле, мы легко увидим, как степень дисгармонии нашего духа, так и то, на какую степень дисгармонии указывают факты жизни нашей, нашей семьи, нашей общественной группы, наших соплеменников, наших единоверцев, всего современного нам человечества.

Не побоимся понять правду. Покаемся. Обратимся к Господу, будем просить Его силою причастия Духа Святого соделать устойчивую святую гармонию духа нашего, и водворится Царство Божье внутри нас, и осуществится правда Божья в жизни нашей без труда, без самоистязания, без жертвы, осуществится как естественный плод святой гармонии духа нашего, как радостная *потребность сердца, полного любви, кротости, смирения и милосердия*³⁶⁰.

§ 2. От ада к раю, от геенны огненной к Царству Божьему, от рабства подзаконного к свободе славы чад Божьих

*Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?*³⁶¹

*И знаю о таком человеке (только не знаю – в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать*³⁶².

Ад царства ощущений

1. Ощущения (□)

Любовь не имеет никаких прав, признается за глупую сентиментальность и утопию. Терпима только как несущественный придаток и украшение ощущений, придавая чувственности оттенок изящества.

Разум не имеет никаких прав, признается за несносную, докучливую помеху для беспечального житья. Терпим только как необходимое орудие борьбы за существование и украшение ощущений, наполняя досуги грубым умничаньем и дешевым остроумием.

Ощущения властвуют безраздельно и никогда добровольно не приносятся в жертву ни любви, ни разуму. Они одни признаются за нечто действительное, не призрачное, имеющее

---

³⁵⁹ ...*плоды*... – По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы? (Мф. 7, 16).

³⁶⁰ ...*потребность сердца, полного любви, кротости, смирения и милосердия*... – Увидев то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками? Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9, 11–13).

³⁶¹ 1 Кор. 15, 55.

³⁶² 2 Кор. 12, 3.

несомненное право на существование, достойное быть целью стремлений, заключающее в себе самодовлеющий смысл жизни.

Понятие о Боге. В этой низшей степени дисгармонии духа скотоподобного человека Бога или отрицают, как фикцию, не способную произвести никакого воздействия на ощущения, или страшатся, как грозной силы, способной причинить страдания, заставить испытывать неприятные ощущения и ныне и во веки веков.

Мировоззрение сводится к пестрой картине, объединяющей в себе все изведенное, пережитое, пережитое, причем все существующее разделяется на доброе и злое соответственно тому, приятные или неприятные ощущения получились в результате пережитого опыта.

Идеал – земной рай ощущений.

Нравственность – подкуп Бога и общественного мнения.

Гордость – неизбежна в пору избытка сил и переходит в полное отсутствие чувства собственного достоинства в пору старческой немощи.

Гнев – легко вызывается всяким препятствием для удовлетворения чувственных желаний и не сдерживается ни благоразумием, ни жалостью.

Эгоизм – убежденный в своей правоте, самоуверенный, гордый, торжествующий.

Уныние – мрачное, безнадежное, легко переходящее в отчаяние, когда пьянство жизни невозможно.

Радость заменяется грубым весельем или тупым довольством сытости, но никогда не может быть светлой, тихой и тем более вдохновенной.

Совесть молчит или укоряет за упущенную возможность испытать приятные ощущения.

Честь полагается в возможно широком удовлетворении жажды ощущений и возможно большем накоплении средств для их удовлетворения.

Долг – возможно больше сделать для себя и возможно меньше для других.

Самопожертвование – глупая сентиментальность.

Братолюбие – смешная утопия, а братство – тюрьма, совершенно исключая возможность свободы царства ощущений.

Религия носит чисто материалистический характер задабривания Бога и вельмож Его двора дарами, лестью, рабской покорностью буквы обряда. Богоугодным считают золото, дорогую визну приношений, величину храмов, гул, гром, треск, блеск, количество слов и продолжительность благочестивых упражнений, никогда, однако, не доходя до самоотвержения аскетизма.

Основы жизни – чувственность, корысть и страх.

Сдерживающие начала – грубая сила и соображения корысти и страха.

Путь – борьба за существование и насилие на законном основании, когда страх не дозволяет оставить закон без внимания.

Истина – выгода.

Жизнь – чувственные наслаждения.

Наука – средство обеспечить за собою приятные ощущения и избежать неприятных.

Искусство – средство увеличить комфорт жизни.

Литература – средство переживать приятные ощущения в воображении.

Семья – узаконенное рабство.

Отец игнорирует детей, пока они ему не нужны, и эксплуатирует их, когда они ему могут быть на что-либо полезны.

Мать тяготится детьми, когда они требуют ее забот, и радуется, когда может перестать о них заботиться или когда может извлечь из них для себя какую-либо выгоду.

Молодой человек добросовестно бесится под предлогом, что с молоду перебеситься надо, и очень гордится количеством выпадающих на его долю приятных ощущений.

Молодая девушка завидует свободе молодого человека и живет мечтой о пьянстве жизни, если обстоятельства делают для нее это пьянство в настоящем невозможным.

Муж – грубый деспот, не умеющий ни любить, ни уважать свою жену, когда он не делает из нее себе кумира и сам не делается ее презренным рабом. Верность соблюдает, пока это ему приятно, и считает похвальным нарушить ее при первом удобном случае.

Жена – капризный идол или позорная раба.

Старик – завидует молодым и унижает себя до соперничества с ними и дряхлого распутства.

Старуха – грязная развалина позорного здания.

Друзья – собутыльники и соучастники разврата и биржевых сделок на ярмарке жизни.

Общество не воспитывает, а развращает (среда заедает). Общественное мнение душит всякое проявление мысли живой и деятельной любви. Отношения все основаны на чувственности (выгода) и страхе (холопство).

Государство признает за собою исключительно обязанность наводить страх и обеспечивать возможность приобретать богатства и охранять приобретенное. Страх – единственный способ добиться добровольного самоограничения со стороны миллионов скотоподобных подданных и в то же время единственный способ воздействия, доступный представителям власти, вышедшим из той же среды и признающим это положение дел вполне нормальным явлением. Накопление богатств необходимо для осуществления общественного идеала – земного рая ощущений.

Воспитание направлено к вытравливанию из ума всякой оригинальности и сковыванию его тяжелыми цепями пошлой рутины, к замораживанию сердца до полной неспособности чем-либо возмущаться, кроме поползновений на собственное благоденствие, и чем-либо восторгаться, кроме перспективы личных выгод и наслаждений.

Благотворительность – замазывание ран и заплатывание рубища ближних по чисто эгоистическим побуждениям.

Бедность – озлобленная или отупляющая.

Богатство – гордое, хвастливое, торжествующее, как триумфаторы, выставляющие на показ трофеи своих побед в борьбе за существование, достигшие апофеоза могущества, имеющие возможность купить все, что продажно, доставить себе возможность насладиться роскошной оргией, сорвать самые дорогие цветы земного рая.

Народ – бесправные рабы и холопы, причем имущие являют картину довольства, оправдывающую собой деятельность государства, и составляют оплот власти, интересы которой так тесно связаны с их выгодами, а неимущие живут надеждой попасть в ряды властных и имущих и притупляются дешевым пьянством жизни среди грязи и мрака до полного равнодушия ко всякому прогрессу, до фанатичного консерватизма, до восторженного холопства перед грубою силой и золотым тельцом.

Власти. Корыстные наемники, взирающие на власть как на источник богатства и права на законное насилие. Рабы и холопы по отношению к властям высшим, причем чем ниже на лестнице власти, тем более холоп перед высшими, чем выше – тем более самодур перед низшими.

Международные отношения имеют чисто корыстный характер, причем корыстность эта возводится в догмат, не только оправдывается, но даже восхваляется как доблестный патриотизм. Фанатизм религиозный и национальный неизбежны: религиозный потому, что является естественным последствием обоготворения буквы текста и обряда, национальный потому, что выгоды личные тесно связаны с интересами того государства, которое обеспечивает довольство имущих классов, а голоса неимущих и бесправных классов в международных отношениях не слышно.

Симпатии все на стороне силы, богатства, героев насилия, героев наживы, корыстной деловитости, жирной праздности.

Антипатии. Все, что отмечено печатью идейности, бескорыстия, вдохновения, самоотверженной любви, – все это вызывает антипатии, глумления, гонения, обзывается глупостью, бреднями, смешной сентиментальностью, притворством, фразерством и опасными утопиями.

Мудрость: своя рубашка ближе к телу.

Результаты – рабство подзаконное в жизни, холопство в отношениях к представителям власти и капитала, анархия разнузданных похотей в умах и сердцах, ад, геенна огненная внутри человека, ад злобы и мук, ад алчности и суеты, ад торжествующий, ад пресыщения, но непременно ад полного разномыслия и равнодушия с Творцом и всеми верными Ему причастниками рая.

Типы, входящие в этот разряд людей, стоящих на низшей ступени дисгармонии духа, очень разнообразны, но все имеют одну общую отличительную черту: преобладание над любовью и разумом ощущений, все равно, каковы бы ни были эти ощущения: чувственность, гордость, корыстолюбие, жестокость, лень, жажда развлечений. Все, что не есть любовь и разум, мы назвали ощущениями и имеем на то более права, чем может казаться: так, гордость есть ощущение превосходства, корыстолюбие – ощущение обладания, жестокость – ощущение удовлетворенной злобы, лень – ощущение покоя, жажда развлечений – ощущение веселой беззаботности и т. д. Все те, кто какие-либо ощущения ставит выше любви и разума, низводя любовь и разум на степень служебных придатков властного ощущения, определяющего смысл жизни и цели деятельности, все неизбежно должны быть причислены к типам этой категории скотоподобного человека.

2. Ощущения + разум (□+Δ)

Любовь по-прежнему бесправна и признается неосуществимой и опасной утопией. Разум, хотя и не освобождается из-под власти ощущений, но признается полезным слугой в границах пользы ощущений.

В действительности все, что сказано в предыдущей главе, остается верным и для этой второй степени дисгармонии духа. Зверский эгоизм лежит по-прежнему в основе характера всех отношений и всего строя жизни, только нет прежней стихийности наивного зверства; возводя разум в степень официально признанного полезного слуги, делают ему уступку, стараясь оправдать господство ощущений доводами разума.

Отношения к Богу по-прежнему остаются неразумными, по-прежнему основаны на страхе и корысти, но допускается и философия религии в пределах, признаваемых выгодными для безмятежного житья и государственной политики. По-прежнему царит мертвящая буква текста и обряда, но допускается для развлечения полезного раба (разума) бесплодный спор бесконечных комментариев на букву мертвящую.

Отношения к людям по-прежнему основаны на страхе и корысти, но торжество кулака и золота менее гордо самоуверенное; не считается более кошунством оправдывать господство кулака и золота доводами разума. Таким образом, на кумир – кулак, на кумир – золото наведена позолота идейности.

И то благо – сравнительное, конечно. Презренный до тех пор раб – разум стал рабом почетным. Желая воспользоваться его услугами на пользу ощущений, человек все же живет жизнью разума, относясь разумно к созиданию земного рая ощущений, он незаметно привыкает ко всему относиться разумнее прежнего, и, если не вернется на первую ступень полного скотоподобия, испугавшись логичных последствий услуг разума, он непременно дойдет до сомнения в самодовлеющем значении ощущений. Кулак на идейных началах, менее сокрушительный, менее самоуверенный кулак и может стать кулаком робким, стыдливым кулаком. Особенно для тех, по кому он бьет, кулак на идейных началах перестает быть тем святым кулаком, перед которым благоговели скотоподобные холопы, не тронутые ферментом идейности. Призывая разум на позорное дело убеждения в святости кулака и высшей разумности спаси-

тельного трепета перед ним, делают первый шаг к признанию права разумного отношения не только к кулаку, но и ко всему окружающему. Доказывая святость кулака, косвенно признают право в том сомневаться.

Царство ощущений обязательно должно быть и царством кулака, безразлично в какой форме: деспотизма тирана или деспотизма олигархии, или деспотизма властного демоса, или террора анархии. Царство ощущений по самой сути своей зиждется на эгоизме, гордой индивидуальности. У каждого свое чрево, и чрево это будет отстаивать свои царственные права от всех и вся, непременно силою кулака, пока их Бог чрево, пока царство ощущений не капитулирует перед разумом или любовью.

Мудрость: добром не проживешь.

Результаты. Схоластика и мотивированный подкуп в деле религии, болтливый кулак и болтливый золотой телец, хитроумно доказывающие свое право на господство путем мудрований, болтливые холопы, красноречиво объясняющие разумные основания своего сознательного холопства; безмятежное довольство сытости отравлено слабыми уколами пробуждающегося разума, зависть и злоба обездоленных классов общества более сознательны; мрак ада царства ощущений внутри человека нарушается грозными молниями разума, и он начинает сознавать ужас мрака крошечного, не подозревая еще возможности выхода из него.

К типам, принадлежащим к этой второй стадии высшей дисгармонии духа, надо отнести всех тех, кто, ставя выше всего радости ощущений, в погоне за ними пользуется услугами разума, никогда, однако, не жертвуя ощущениями ради разума, а жертвуя только по указаниям разума одними ощущениями ради других, и не признает никаких самостоятельных прав за любовью, которая по-прежнему играет позорную роль позолоты ощущений. К этому разряду надо отнести даже самых умных и образованных людей, даже самых гордых умом, ученостью и образованием людей, пока они и ум, и ученость, и образованность свою употребляют для достижения эгоистических целей, личных выгод, личной славы, пока ощущения указывают им конечные цели деятельности.

3. Ощущения + разум + любовь (□+Δ+○)

Тут и любовь из презренного, бесправного раба, годного только на позолоту ощущений, признается рабом полезным и потому правоспособным, насколько это не мешает ни властным ищущим, ни излюбленному рабу их – разуму.

Жизнь духа осложнена новым элементом любви и необходимостью примирить с нею и разум, и ощущения, хотя и подчиняя им ее.

Осложнены и отношения к Богу, любовь Которого нельзя игнорировать по-прежнему.

Осложнены и отношения к ближним, которых нельзя безмятежно эксплуатировать по-прежнему, с легким сердцем подтасовывая лукавые мудрования, подыскивая разумные основания для самоуверенной, безмятежной эксплуатации.

Конечно, и религия, и благотворительность имеют по-прежнему характер чисто корыстный, но к оправданиям разума присоединяют оправдания любви, ужимки сердца к ужимкам ума, никогда, однако, не жертвуя ни ощущениями, ни разумом ради любви.

В то время как при первых двух комбинациях совершенно невозможно вообразить себя христианином и само слово *христианство* сознательно избегается, заменяясь более удобными для поклонников буквы по своей неопределенности словами: *православие* – *католичество* – *лютеранство* и т. п., тут возможен наивный самообман, даже и со стороны человека, кое-что знающего о существовании животворящего духа христианства, кроме буквы обряда и благочестивых упражнений.

В действительности, это, конечно, наивное недоразумение. Эта робкая любовь – раб ощущений и разума, уделяющая на служение Богу и ближнему только крохи, считая неразумным всякое проявление любви, нарушающее выгоды личные, семейные, сословные или националь-

ные, – еще слишком далека от любви торжествующей, от той царственной любви, при которой готовы на всякое самоотвержение личное, семейное, сословное и национальное, без которой нет истинного христианства.

4. Ощущения + любовь (□+○)

Тут любовь впервые занимает первое место после властных ощущений.

Не надо забывать, что все же это любовь – раб, что позорное подчинение любви ощущениям делает это настроение духа низшим сравнительно даже и с теми степенями духовной дисгармонии, когда властный разум отрицает права любви. По отношению к Богу и тут все сводится к обряду и благочестивым упражнениям, только в эту букву вносится больше благодушия, больше сердечной теплоты; тут меньше гнусного, холодящего расчета. Тут, при поверхностном взгляде на вещи, легко даже не понять, что любовь – раб ощущений, и поставить эту рабскую любовь на незаслуженную высоту, окружить ее незаслуженным ореолом поэзии и святой чистоты.

Лучшим признаком рабства любви является то, что с любовью выпрашивают у Бога не то, что может просить любовь к Богу и любовь к ближним при любви к Богу. Просят не торжества воли Божьей, дела Божьего, а благ земных, ограждения от ощущений неприятных, великих и богатых милостей, понимая под этими словами всякие приятные ощущения, всякие блага земные: долгую жизнь, здоровье, богатство, удачи во всех делах и одоления всех супостатов, а в придачу ко всему этому и комфорт Царства Небесного после смерти.

По отношению к людям это настроение выражается благодушной уживчивостью со всякими людьми, причем жалость возбуждает главным образом страдания физические, недостатки материальные, любовь выражается в баловстве, в закармливании, в озолочении. И тут главным признаком рабства любви служит то, что в конце концов все сводится неизбежно к приятным ощущениям, как и в отношениях к Богу, у Которого приятные ощущения вымалывают, Которого приятными ощущениями убаживают.

Когда с любовью приносят Богу дары: строят пышные храмы, одевают образа дорогими ризами, поют ему гимны и в то же время не находят нужным ни разумно понять мудрую волю Его, ни стройно организовать жизнь на основах, завещанных Христом Его, любви и братства, сомнения быть не может, что любовь, хотя и искренняя и нелицемерная, но рабская, униженная до позора почетного слуги властных ощущений.

Когда с любовью заботятся о материальных нуждах ближних своих, нимало не заботясь о том, чтобы ближних этих сделать людьми разумными и добрыми, чтобы помочь ближним этим стройно организовать жизнь, достойную людей разумных и добрых, тут сомнения быть не может, что любовь, хотя и искренняя и нелицемерная, но рабская, униженная до позора почетного слуги властных ощущений.

5. Ощущения + любовь + разум (□+○+△)

Мы дошли до высшей гармонии или, вернее, до наименьшей дисгармонии, возможной при преобладании ощущений.

От предыдущего настроения оно отличается только тем, что в добросердечное стремление угодить Богу дарами и осчастливить ближних всякими благами земными вносится более разумности, на службе ощущений почетный раб – любовь берет себе на помощь еще и второстепенного раба – разум и, при помощи его, достигает целей, намеченных властными ощущениями, более прежнего разумными путями.

Тут и настроение, и проявления его еще симпатичнее, еще более подкупающие, способные еще легче ввести в обман поверхностного наблюдателя, и особенно в самообман как отдельных лиц, так и целые народы и церкви поместные.

Когда любовь к Богу выражают дарами и жертвами, не заботясь ни о разумном понимании воли Божьей, ни о разумной организации жизни по вере, а только пользуясь услугами разума для наилучшего, наиболее правоверного угождения Богу путем все тех же даров и жертв, не надо ошибаться, очевидно: ощущения занимают место первое, второе место принадлежит любви, а разум унижен до положения слуги, раба властных ощущений.

Когда любовь к ближним выражается исключительными заботами о материальном благосостоянии, а о жизни любви и разума в них заботятся лишь настолько, насколько это может способствовать комфорту жизни земной, не надо ошибаться: хотя любовь и искренна, и нелицемерна, хотя к достижению материального благосостояния ближних стремятся, по-видимому, разумными путями, все же и любовь, и разум – позорные рабы властных ощущений, и все, что было бы предложено и сделано во имя любви и разума в ущерб ощущениям, неизбежно подверглось бы осуждению и было бы признано опасною и вредною утопией.

На первый взгляд может показаться несправедливым отнести последние настроения к аду внутри человека, к геенне огненной, к рабству подзаконному. На самом деле сделать это вполне основательно. Ведь и тут царствуют ощущения, а любовь и разум неизменно остаются рабами, все равно, признанными или не признанными, почетными или униженными, во всяком случае, рабами на службе ощущений. Пока царствуют ощущения, они только пользуются услугами разума и любви, не переставая быть теми же властными, не стесняемыми ни любовью, ни разумом ощущениями, ненасытными по самой природе своей, грубо эгоистичными и тем самым делающими рабство подзаконное явлением неизбежным, насущною потребностью общества, которое без того быстро дошло бы до состояния анархии.

Само собой, нет человека, нет народа, нет церкви поместной, которые представляли бы из себя пример известного настроения в чистом виде.

Каждый человек способен испытывать разные настроения, переходить в течение своей жизни от одной степени дисгармонии к другой, в отдельные моменты своего земного существования возвышаться от позора высшей дисгармонии скотоподобного человека до святой гармонии человека богоподобного и падать от святой гармонии до низших степеней позорной дисгармонии. Вполне основательно и справедливо, кажется мне, отнести человека к типичным представителям той степени дисгармонии, которая, наичаще в нем проявляясь, становится господствующей и обуславливает собою характер его жизни и отношений к самому себе, к Богу, и ближним.

Еще более невозможно, чтобы было однородно настроение миллионов разнообразных индивидуальностей, входящих в состав известного народа или церкви поместной. Это и дает возможность радикально расходиться в оценке нравственного достоинства известного народа или церкви поместной, смотря по тому, какую группу лиц принимают за их типичных представителей, а еще чаще – какие факты их жизни выбирает симпатия или антипатия для тенденциозной подтасовки их в пользу восхваления или осуждения.

Совершенно основательным и справедливым, кажется мне, строго разграничивать народ и государства, рядовых членов церкви и представителей церковной власти. Известно, что даже там, где народ, обладая политическими правами, принимает участие в устройении государственной жизни и с тем вместе несет и соответствующую тому ответственность, государственная и международная нравственность резко отличается от нравственности общественной. Там, где народ никаких политических прав не имеет и на управление церковью не влияет, это разграничение очевидно необходимо.

При определении нравственного достоинства известного народа или церкви поместной нельзя принимать в расчет ни действия властей, ни отдельных выдающихся представителей этих общественных групп, а надо вникнуть в смысл жизни большинства, понять, какое место в этой жизни занимают любовь, разум и ощущения, какая комбинация этих трех элементов является наиболее типичной не в отдельные исключительные минуты, а в рутине повседнев-

ной, обыденной жизни. Только таким образом можно избежать несправедливых преувеличений в ту или другую сторону, можно не возложить на целый народ или церковь ответственность за грехи отдельных чудовищ или особенно порочных, хотя бы и видных и ответственных групп, с одной стороны, и, с другой, не впадать в самообольщение и не вводить во искушение малых сих, наталкивая их на смертный грех национальной или религиозной гордыни, выдавая за типичных представителей целой нации или церкви поместной тех гениев и избранников Божьих, которых, по неизменной привычке всех *народов жестоковийных* современники ни понимать, ни любить, ни уважать не умеют, а потомки возводят в позорное положение кумиров во славу своему болоту или своей колокольне, не находя нужным при этом в чем-либо подражать им.

Все сказанное выше справедливо и по отношению к отдельным группам лиц, входящих в состав той пестрой амальгамы, которую понимают под словами *народ* и *церковь поместная*. И тут не менее настойчиво надо стараться вникнуть в самую суть жизни и стремлений этих групп по злобе, не попадаясь на удочку лживых фикций, создаваемых ими себе во славу, и судить о нравственном уровне группы не по исключительным личностям, а по тем целям, путям и результатам, которые составляют настоящую, реальную суть их повседневного существования.

Чистилище царства разума

1. Разум (Δ)

Любовь по-прежнему бесправна и признается опасной и вредной утопией, только характер гонений на нее со всем иной. Прежде ей, не мудрствуя лукаво, противопоставляли грубую силу – кулак, теперь доказывают ее нелепость хитроумными выкладками нового владыки – разума.

Разум имеет первенствующую роль во всем, намечает цели деятельности, указывает пути для достижения этих целей, определяет отношения к Богу, ближнему и самому себе, властно господствует над любовью и ощущениями.

Ощущения впервые становятся бесправными, их отрицают во имя разума, что, конечно, неразумно, но не более неразумно, чем отрицание прав любви. Очень характерно, что неразумность отрицания прав ощущений будет вполне очевидна для многих наших современников, для которых неразумность отрицания прав любви была далеко не столь очевидной. Считая нужным тут же пояснить для тех, которые обвинят меня в нелогичности за то, что, говоря о царстве разума, я очень многое буду признавать в нем неразумным, как и здесь называю неразумным отрицание во имя разума прав ощущений, считаю нужным пояснить, что в царстве разума ничто разумно и быть не может, не только на той низшей степени дисгармонии злого, аскетического разума, отрицающего права любви и ощущений, о которой здесь идет речь, но даже и на высшей степени гармонии, возможной при царстве разума, когда любовь возведена им в степень почетного слуги и права ощущений признаны при условии уважения высших прав любви (разум + любовь + ощущения). Согласно единой, абсолютной, вечной истине правды Божьей, в христианской гармонии духа место первое принадлежит любви, ей надлежит царствовать. Пока разум добровольно и сознательно не уступит любви место первое, не станет на принадлежащее ему место второе, вся деятельность его ошибочна, и это прекрасно понято и выражено еще апостолом Павлом, говорившим о людях *всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины*³⁶³; *знание надмевает, а любовь назидает*³⁶⁴. Пока разум находится в положении самозванца, удерживающего при себе в положении слуги своего законного гос-

---

³⁶³ 2 Тим. 3, 7.

³⁶⁴ 1 Кор. 8, 1.

подина любовь, он не делает самого разумного, что он прежде всего сделать должен, без чего не могут быть разумными и дальнейшие его шаги: не додумался до истинного значения любви в экономии жизни мира и не уступил ей добровольно и сознательно подобающее ей место.

Бога или отрицают на квазинаучных основаниях, или подменяют туманной фикцией, или создают понятие о Нем по образу в подобии своему, считая Его неумолимым разумом, с холодным равнодушием вззирающим на всех и вся, интересуясь только отвлеченными соображениями о деятельности установленных им законов и изобретенной им, построенной и пущенной в ход сложной машины мирового организма. Так как Христа не так удобно перекраивать по своей мерке и царственное значение любви слишком ярко выступает из примера жизни Его и ключом бьет из каждого слова в учении Его, чтобы возможно было игнорировать истинное значение любви, относясь к учению и примеру жизни Его хоть сколько-нибудь разумно, то и находят необходимым во имя разума отрицать божество Его, низвести до степени нормального явления, симпатичного, хотя и наивного философа и выбрать из христианства то, что находят наиболее пригодным для домашнего обихода, в жизни частной, семейной, общественной, государственной и международной. Во всяком случае, отношения к Богу носят менее позорный, менее кощунственный, менее грубо утилитарный характер, чем прежде. Бога стараются понять по мере сил, Христа изучают, из Его учения и примера жизни Его стараются извлечь все, что может послужить на пользу человечеству, сообразно тому, как понимают эту пользу, но не доходят более до наивной дерзости представлений о Боге как о грубом существе: жестоким, корыстном, взбалмошном и чванливым, по образу и подобию рабов ощущений, не смеют более пытаться подкупить Его дарами, бессмысленными оргиями буквы мертвящей и благочестивых упражнений, рабской лестью самодовольных грешников, приближающихся к Нему устами своими. Тут невозможность правильно понять и исповедать Бога истинного и Христа Его зависит от того, что философию христианства ставят на место вдохновения любви, а не делают философию верным слугою и другом царственной любви.

Мировоззрение настолько шире, разумнее и стройнее прежнего, насколько свободный разум и свободная наука выше слепого, грубого эгоизма скотоподобного раба ощущений.

Идеал: всеведение и всемогущество.

Нравственность: самоотверженное служение кумиру – науке.

Гордость сознательная, мотивированная, признаваемая за добродетель и даже за основу всей этики. Холодная надменность разумного существа, обоготворяющего разум и сознающего себя разумным.

Гнев проявляется всего чаще в форме оскорбительного презрения ко всему, что кажется неразумным и тем, что кажется провинившимся перед кумиром – разумом. Во всяком случае, тут гнев перестал быть тем диким, стихийным явлением, каким он был при господстве ощущений, не преображен любовью до таинства вдохновения святого гнева, а только умерен требованиями разума.

Эгоизм сознательный, мотивированный, признаваемый за неотъемлемое священное право под именем *индивидуальности*. Если прежде он был неизбежен потому, что у каждого свое чрево, тут он неизбежен потому, что у каждого свой разум. Вера в Бога без любви не может служить объединяющим началом даже и тогда, когда признают личного Бога, признают в теории и греховность эгоизма; от признания до реальной победы так же далеко, как от слова до дела; для признания достаточно логичной выкладки ума, для реальной победы нужна громадная духовная сила, возможная только как результат торжествующей, царственной любви. Тем более беспочвенна борьба с эгоизмом при вере в туманную фикцию пантеизма, если все люди – частичные проявления божества, нет смысла говорить о различии между добром и злом, всякая мысль и всякая похоть самого порочного существа – абсолютная правда и абсолютное добро, никакая этика невозможна, бессмысленно и всякое самоограничение, и всякое самоотвержение. Пока разум добровольно не подчинится любви, до тех пор эгоизм может быть только

осужден в теории, но не побежден в действительной жизни; всего чаще его не осуждают и в теории, а, напротив, признают явлением вполне законным и даже восхваляют под названием *сильной индивидуальности – трезвой практичности – чуждого сентиментальности, здорового взгляда на вещи* и самый альтруизм допускают только на эгоистических началах и по эгоистическим соображениям. Во всяком случае, и эгоизм перестал быть тем диким, стихийным явлением, каким был при господстве ощущений; теперь он умеряется выкладками разума о необходимости согласовать требования своего эгоизма с требованиями эгоизма других. Отрицая права любви, издеваясь над жизненным значением любви и осмеивая, как неразумную, а потому и вредную утопию, организацию жизни на основах любви, верят в возможность стройной организации жизни на основах разума без любви, самое большее – при содействии расчетливого альтруизма, и не находят наивной утопией несбыточную мечту о примирении интересов миллионов холодных эгоизмов, гордых сознанием священных прав индивидуальности.

Уныние законное, неизбежное для поклонников разума, сознающих бессилие своего кумира отвечать на насущные вопросы о первопричинах и конечных целях бытия, о смысле жизни мира и земной жизни человека, сознающих безвыходное отчаяние своего бессмысленного, сознательно скорбного бытия. Тут иных выходов быть не может: или сознательная мировая тоска философов-пессимистов, или вера живая в Бога-Любовь, дающая разумный смысл самой деятельности разума и добровольное подчинение разума любви, или погружение в беззаботное пьянство жизни и унижение разума до позора рабства властным ощущениям.

Радость идейная и жестокая. На ней отблеск рая, насколько она зависит от постижения вечных законов жизни мира, и отблеск ада, насколько она равнодушна и неуязвима среди горя и страданий земного бытия.

Совесь математическая, как результат бесстрастных математических выкладок властного разума, и фальшивая, насколько в этих выкладках упущен элемент любви и его истинное значение.

Честь – плодотворное служение на пользу мысли и науке.

Долг – подчинение разуму любви и ощущений. Самопожертвование холодное, расчетливое и потому не логичное.

Братолюбие еще невозможно, как и братство христианское, как торжество любви над холодным разумом и бесстрастной справедливостью, как стеснение свободолюбивой индивидуальности.

Религия, освободившись от тяжелых цепей мелочной регламентации обоготворенной буквы мертвящей, освободившись от рабства подзаконного, не воспрянула до святого таинства преобразования человека в новую тварь силою духа животворящего, а остановилась на промежуточной ступени – философии христианства. Тут впервые возможен холодный мрачный аскетизм, отрицающий права любви и ощущений во имя разума, считающий богоугодным самоистязания, умерщвление плоти, восстающей на разум.

Основы жизни: разум, наука и корыстные соображения о выгоде личной, семейной, общественной, государственной или даже и общечеловеческой, смотря по тому, насколько широко умственное развитие поклонника разума, который может быть и очень глупым и очень неразвитым человеком, не доросшим до идеи о солидарности его личных интересов с какою-либо общественною группой.

Сдерживающие начала – соображения о разумности и выгоды.

Путь – наука и выкладки разума.

Истина – результат доверия в непогрешимость собственных наблюдений, опыта других людей и выкладок человеческого разума.

Жизнь – бесцельный умственный спорт, нечто вроде раскладывания разумом бесконечно разнообразных, но одинаково бесцельных умственных пасьянсов.

Наука – самодовлеющее божество, которому все подчиняют как священному результату деятельности обоготворенного разума, которому приносят человеческие жертвы, как прежде их приносили богу-чреву, с безмятежным самодовольством, с полным убеждением, что так и быть должно, что иначе и быть не может.

Искусство тенденциозно до принципиальной враждебности к изяществу и красоте, ради торжества голой идеи и правды научного изучения жизни, как она есть.

Литература – научные протоколы, долженствующие служить материалами и документами по психологии, социологии и другим наукам, или популярные трактаты для немощных разумом.

Семья – деловое учреждение, основанное на договоре и крепкое строго определенными, основанными на взаимных выгодах отношениями всех своих сочленов.

Отец – главный казначей, расплачивающийся за свои права мужа и отца. Сознает свое позорно-глупое положение, тяготится им и возмущается им во имя разума.

Мать, как наиболее слабая из воюющих сторон, или вернее, как завоеванная страна, капитулировавшая при заключении мирного (брачного) договора, тяготится своею бесправностью, возмущается ею во имя разума и старается хитростью обратить в рабство своего законного властелина или, по крайней мере, оградить от его произвола себя и детей.

Молодой человек во имя разума требует для себя всяких выгод от семьи, общества и государства, не признавая за собой никаких обязанностей по отношению к ним.

Молодая девушка во имя разума требует уравнивания ее прав с правами молодого человека.

Муж, отрицая во имя разума права любви и ощущений, не может уважать жену как такую и мирно уживается с ней только в том случае, когда видит в ней умного и полезного товарища в своей деятельности дельца или ученого.

Жена в лучшем случае заменяет любовь к мужу уважением к авторитету его ума и познаний.

Старики сохраняют чувства собственного достоинства и уважения других, пока не ослабеют их умственные способности, пока другие могут извлекать для себя пользу от накопленных ими знаний и опыта, пока не утратили научной или рыночной ценности их труды на пользу науке и прикладным знаниям.

Друзья – сотрудники по научным трудам, или единомышленники в какой-либо области жизни разума, или соучастники в каких-либо предприятиях, или просто люди, нужные по выкладкам разума.

Общество. Все отношения основаны на соображениях о взаимной пользе и имеют характер более или менее замаскированных биржевых сделок. Общественное мнение не имеет более того абсолютно развращающего влияния, какое имело при господстве ощущений, кулака и золотого тельца. Оно требует подчинения ощущений разуму, с одной стороны, и в то же время осмеивает во имя разума любовь; таким образом, оно одновременно может оказывать морализующее влияние на раба ощущений и развращающее влияние на истинного христианина, если он имеет слабость к нему прислушиваться, его бояться и, тем более, ему подчиняться.

Государство признает своею обязанностью не только заботы о материальном благоденствии страны и ограждение безопасности личной и имущественной, но и гарантии свободы мысли, и прав разума, и заботы о водворении справедливости не только в отношениях между частными лицами, но и в отношениях самого государства к своим подданным. Конечно, никакой справедливости при этом не достигается, так как холодная формальная справедливость, основанная исключительно на выкладках разума, слишком часто является высшею несправедливостью при свете любви. Тут – наивная попытка путем мелочной регламентации водворить рай в отношениях между эгоистичными, злыми и порочными, хотя и умными или даже учеными демонами; во всяком случае, в теории признаны права разума, свободы мысли, свободы слова, признана обязанность государства относиться с уважением к человеческой личности, по

крайней мере, к ее разуму, что представляет громадный шаг вперед, сравнительно с бесправными, презираемыми холопами периода царства ощущений.

Воспитание заменяется образованием, ограничивается развитием ума и загромождением его массой сведений. Вера в чудодейственную силу кумира – разума заставляет от него ожидать великих и богатых милостей, заботиться более о сообщении теоретических знаний, чем об упорядочении этих знаний. Стройное мировоззрение, определенный идеал, нравственное воспитание характера – все это признается утопиями и вредными стеснениями свободы разума.

Благотворительность холодная, расчетливая, вытекающая из узко эгоистических или политических соображений, но не ограничивающаяся более помощью материальною. Наравне с голодом чрева признается и голод ума; сообразно с этим и благотворительность направлена к удовлетворению потребностей физических и умственных. Только права любви остаются по-прежнему не признанными, только голод сердца не внушает жалости.

Бедность по-прежнему озлобленная, только озлобление это более сознательное, более мотивированное во имя поруганного разума и попорченной справедливости.

Богатство менее хвастливое, более осторожное и политичное. Трофеи роскоши заменены трофеями науки и искусства, которые и должны служить оправданиями эгоистического строя жизни и холодной жестокости отношений в глазах поклонников разума и цивилизации.

Народ менее бесправен и права свои имеет отстаивать легальными путями, без чего не наступило еще царство разума в жизни государства, а по-прежнему господствует кулак: кулак грязный, корявый или кулак в лайковой перчатке, кулак голый или кулак, разукрашенный благоухающими розами с тщательно скрытыми шипами, во всяком случае, кулак торжествующий, при котором нет места для торжества разума.

Власти стремятся быть точными колесиками стройной машины государственного механизма. Если возможны и тут самодуры, то действуют они не с прежним цинизмом дикаря, убежденного в праве силы, а на точном основании законов, которые, при помощи лукавых мудрований, так легко и извратить и обойти, когда нужно. Для оправдания своей деятельности не ограничиваются подкупам корыстных и честолюбивых людей, а опираются и на науку, и на искусство, устраивая по временам роскошные выставки плодов цивилизации, процветающей под их покровительством.

Международные отношения при этом особенно интересны и поучительны, та нравственность, которая признана необходимой в частном быту, в интересах общественного порядка и государственного благоустройства, не только не имеет никакой силы в международных отношениях, но и осмеивается, как глупое донкихотство, как убыточная сентиментальность. Те же государственные деятели и газеты, которые сочли бы верхом непорядочности не только восхвалять, но даже только оправдывать ложь, мошенничество, грабительство, убийство и всякое грубое насилие, с изумительным цинизмом в публичных речах и статьях своих сбрасывают маску и превозносят все эти подлости в отношениях международных каждый раз, когда они признают это выгодным для того государства, с интересами которого связаны их личные интересы. Это очень знаменательно. Тут сомнения быть не может: вся их нравственность основана исключительно на выкладках разума и ничего общего ни с верой, ни с любовью христианскими не имеет. Государство – организованная единица, выгоды условной нравственности для его благосостояния очевидны, и поклонники разума готовы расписаться за эту условную, столь полезную для обихода государственной жизни нравственность, пока считают свои интересы солидарными с интересами данного государства. Никакой организации, связующей интересы всего человечества, не существует; при отсутствии любви солидарность общечеловеческих интересов является пустою фикцией. И вот тот же разум, который санкционирует известные нравственные положения, когда дело идет о частных отношениях, не только отвергает те же нравственные положения, но цинично глумится над ними, когда дело идет об отношениях международных.

Симпатии все на стороне героев науки, изобретателей, дельцов и героев наживы, содействующих процветанию наук, искусств и цивилизации.

Антипатии преследуют все, даже и самое возвышенное, что кажется неразумным, что не ведет к осуществлению царства разума.

Мудрость: учение – свет, а неучение – тьма.

Результаты. Властный разум, находясь на перепутье между адом царства ощущений и раем царства любви, не может не сознавать этого. Только очень ограниченные поклонники разума могут бессрочно благодушеествовать в золоченой клетке позитивизма. Более сильные умы не могут, поклоняясь разуму, ограничивать его. Он непременно приведет их к роковым вопросам о первопричинах и конечных целях бытия, неразрывно связанных и с жизненными вопросами о смысле земной жизни человека и о том, как жить разумно; он непременно заставит их понять, что самостоятельно решать эти вопросы он не в силах, заставит их понять насущную потребность для разума веры в Откровение. Таким образом, результаты могут быть тройкие: бессрочное пребывание в золоченой клетке позитивизма, падение до рабства ощущениям в форме бесцельного научного спорта или какой-либо другой формы пьяного прозябания, или духовное преображение духа до высоты христианской гармонии путем добровольного подчинения разума власти любви.

Типы. К ним принадлежат все те верующие и не верующие люди, которые, не признавая никаких прав за любовью и ощущениями, всю жизнь свою и все свои отношения к Богу и ближним основывают на бесстрастных выкладках ума и расчетах веры или знания. Конечно, верить при этом в истинного Бога и в истинного Христа нельзя; Бога и Христа они создают в своем воображении по образу и подобию своему. Для них – Бог только высший разум мира, без любви, враг ощущений, холодный, черствый, педантичный. Даже и веруя в букву Откровения, они не могут понять реальности всеобъемлющей, нежной любви Творца к Его созданиям, особенно не способны понять любовь до ревности, любовь гневную, любовь жалости, потому что сами никогда не испытывали этих чувств. Все, что в Откровении говорится о любви, они или игнорируют, или толкуют так иносказательно, что сама любовь Творца в их толковании становится пустой, бессодержательной фикцией. Неспособны они при данном настроении понять и то, какое грубое кощунство признавать самодовлеющим злом ощущения, которые, как и все существующее, осуществившаяся мысль Творца, понять, что сами по себе они чисты и негреховны, а не чисто, греховно может быть только временное настроение духа, подчиняющего ощущениям и разум, и любовь. К этим типам принадлежат все мрачные аскеты во имя идеи науки или веры – холодные, сухие, неумолимые.

2. Разум + ощущения (Δ+□)

Между мрачным аскетом во имя веры или науки и беспринципным развратником, казалось бы, лежит целая пропасть, на самом деле это соседние настроения, и от мрачного, сухого аскета до развратника на рациональных началах всего один шаг. Даже неестественно поклоннику разума долго упорствовать в отрицании прав, не уничтожаемых этим отрицанием любви и ощущений. Любовь отрицать легче, украв ее у Бога и ближних, чтобы всю, без остатка, сосредоточить на себе самом, гораздо труднее игнорировать права ощущений, и мрачные аскеты во имя идей, науки или веры в действительности встречаются очень редко.

Обыкновенно борьба оканчивается тем, что поклонник разума приходит к сознанию неразумности отрицания прав ощущений и во имя разума признает эти права при условии подчинения ощущений властному разуму. Так как в этой комбинации любовь отсутствует, а именно она, и одна она способна указать границы, в которых жизнь ощущений не становится злом, внося смятение, скорбь и страдания в жизнь ближних, то, раз признав права ощущений, разум и не стесняет широкого разгула их, признавая неразумным только те проявления их,

которые дурно отражаются на самом развратнике, внося в его собственную жизнь слишком очевидные смятения, скорби и страдания.

Считая нужным напомнить, что ощущениями я называю в духовной жизни человека все, что не есть разум и любовь, развратником – всякого, кто эти ощущения не подчиняет разуму под верховным главенством любви, безразлично, каковы бы ни были эти ощущения: сладострастие, корыстолюбие, честолюбие, лень духовная или распущенность беспечного веселья.

3. Разум + ощущения + любовь (Δ+□+○)

Права любви впервые признаны властным разумом настолько, насколько они не нарушают высших прав ощущений и тем более разума. В действительности эта покорная любовь на службе разума и ощущений является только украшающей их тонкой позолотой, от которой и следа не остается каждый раз, как приходится выбирать между нею, с одной стороны, и правами разума и ощущений – с другой.

Это те же развратники на рациональных началах, только менее жестокие, более благодушные, причем, однако, благодушные это никогда не доходит до того, чтобы из доброжелательства к ближнему пожертвовать излюбленными ощущениями и, тем более, планами расчетливого эгоизма.

4. Разум + любовь (Δ+○)

Разум вновь отрицает ощущения, на этот раз не только во имя разума, но и во имя любви, возведенной им в положение почетного, уважаемого слуги. Тот же разум, который прежде во имя свободы ощущений угнетал любовь, теперь всю ответственность за то возлагает на ощущения и впадает в новую крайность, отрицая само право их на существование.

Эти умные и добрые аскеты гораздо более холодных, черствых, мрачных аскетов, лишенных любви и отрицающих ее права, способны внушить к себе преувеличенные симпатии и быть признанными за положительные христианские типы.

Положение почетного слуги, притом единственного правоспособного слуги, во имя которого отрицаются права ощущений, ставит его так близко от владыки его – разума, так тесно переплетает их совместную деятельность, что при столь распространенном убеждении в греховности ощущений, очень легко мириться с неправдою без условного отрицания их прав на существование, особенно, когда это отрицание, при любви, не проявляется в грубых, отталкивающих формах; очень легко проглядеть, что не любовь, а разум намечает цели деятельности и лежит в основе жизни и отношений, а любовь только скрашивает пути, которыми идут к целям, намеченным разумом, как она скрашивает и жизнь, и отношения, построенные на основах все того же властного разума.

Очень характерным признаком этого настроения может служить отрицание необходимости стройной организации жизни на основах любви, готовность мириться со строем жизни на основах разума, лишь бы любовь при этом не была слишком очевидно поругана.

5. Разум + любовь + ощущения (Δ+○+□)

На этой высшей ступени гармонии духа, возможной в период царства разума, еще легче ошибиться и особенно впасть в самообман, не замечая, что любовь, которая теперь властвует над ощущениями, сама с покорностью верного слуги молчит и бездействует, когда того требует властный разум.

Чем возможнее ошибка, тем осторожнее, осмотрительнее мы должны быть. Верным указанием для нас при этом может быть отсутствие горячей ревности о Боге, благодушная уживчивость со злом в жизни каждый раз, как разум повелевает мириться со злом, которое ему кажется непреодолимым при данных обстоятельствах. Если при достойном христианина под-

чинении ощущений разуму и любви любовь спокойно молчит и покорно улыбается по требованиям разума, при явном нарушении воли Бога-Любви, при отсутствии животворящего духа любви в строе жизни и взаимных отношениях между ближними, мы должны понять, что любовь еще не воссела на подобающий ей царственный престол, а продолжает быть лишь почетным слугой властного разума.

Царство любви. Свобода славы чад Божьих

1. Любовь (О)

Любовь, наконец, занимает подобающее ей место – первое внутри человека и в жизни его. Она властвует, и никогда права ее не приносятся сознательно в жертву ни разуму, ни ощущениям.

Разум на этой низшей ступени святой гармонии духа настолько подавлен торжествующей после долгого рабства и подчиненного служебного положения любовью, что оказывается совершенно бесправным, не внушает к себе достаточно доверия любви, чтобы в своем новом положении она доверчиво принимала услуги своего бывшего господина, готового принять на себя роль сознательно подчинившегося верховной власти любви послушного, преданного друга.

Ощущения тоже бесправны и отрицаются во имя торжествующей любви как вековечный враг ее, грубый деспотизм которого так долго угнетал ее в период царства ощущений и так часто являлся докучливой помехой в период совместного служения властному разуму. Любовь еще не сознала всей мощи своего могущества и считает ощущения для себя опасными, в то время как она чудодейственной силой своей способна не только властвовать над ними, но и преобразить их в те чистые, безгрешные ощущения, какими они есть как осуществившаяся мысль святого, безгрешного, праведного Творца всего сущего.

Понятие о Боге если и не вполне полное, то несравненно более правильное, более истинно правоверное, чем то было возможно при всех предшествовавших настроениях, пока не понимали истинного значения любви и не отводили ей места первого и в жизни духа, и в отношениях к Богу и ближним. Теперь впервые правильно понято реальное значение слов *Бог и любовь*, хотя еще не вполне поняты слова *милости хочу, а не жертвы*³⁶⁵ и считают богоугодным заколоть в виде жертвы и разум, и ощущения. Во всяком случае жертва эта приносится не из оскорбительного для Бога недомыслия холопского страха, не из низких побуждений хитроумных расчетов эгоистичного разума, а из чистых побуждений бескорыстной любви.

Мировоззрение впервые может быть стройным, христианским, за исключением довольно значительного пробела, происходящего от непонимания значения разума и ощущений в экономике жизни мира. Во всяком случае становится доступным понимание первопричины бытия в конечной цели творения в связи с ясным пониманием, что Бог-Любовь – *альфа и омега*³⁶⁶ мироздания.

Идеал – вечное царство, сила и слава *Бог-Любви*, преображение всех душ живых в любящих сынов Отца Небесного, организация жизни и отношений на началах любви.

---

³⁶⁵ ...милости хочу, а не жертвы... – Иисус же, услышав это, сказал им: не здоровые имеют нужду во врачах, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию (Мф. 9, 12–13).

³⁶⁶ ...альфа и омега... – Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель. <...> Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний. <...> И сказал мне: совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конец; жаждающему дам даром от источника воды живой. <...> Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний (Откр. 1, 8, 10; 21, 6; 22, 13).

Нравственность вся основана и логично вытекает из любви к Богу и ближним, хотя на этой низшей степени святой гармонии духа, при отрицании прав разума и ощущений, очень односторонняя, часто близорукая, но возвышенная и неподкупная, не подкупить ее ни соблазнами ощущений, ни доводами расчетливого разума.

Гордость невозможна и претворяется любовью в чувство собственного достоинства, неизбежное для человека, уважающего в себе образ и подобие Божье, тесно связанное с добрым христианским смирением.

Гнев, из грубого неприязненного чувства, претворяется любовью в огонь святой ревности по Богу и правде Его, при доброжелательной жалости к тому, кто этот гнев вызывает, и мучительной скорби о том, что мешает любить и уважать в ближнем образ и подобие Божье.

Эгоизм есть противоположность любви, при нем нет места любви к Богу и ближним, так как он в том и состоит, что всю любовь сосредоточили на самих себе, украли у Бога и ближних. Как тает воск от огня, так тает и эгоизм от любви, по мере того как любовь восходит от первых лучей зари на горизонте духа до горячего солнца сознательной любви к Богу и ближним на зените жизни. Единственная форма эгоизма, возможная при господстве любви, – это желание для себя радости и мира святой гармонии духа и вечного блаженства причастия любви Бога-Любови и верных ему любящих духов, а на земле честной жизни по вере в Бога-Любовь в честном братском общении с любящими людьми, вдали от суеты и грызни волков хищных.

Уныние при этом настроении – явление ненормальное, несмотря на то что тоска по Богу и слезы о гибнущих сынах человеческих неизбежны. Когда сильно любишь, нельзя не верить в то, что любишь, а вера неразрывна с надеждой, при которой нет места унынию. Вот почему в период царства любви уныние возможно только как минутная слабость, минутное затмение радости в мире любящего духа. Это страшные минуты, когда любящая и жаждущая любви живая душа перестает чувствовать причастие любви Творца своего, и в то время как Богочеловек восклицал: *Боже мой, Боже мой, зачем ты меня оставил*³⁶⁷, слабый немощный человек впадает в мрачное уныние, думая, что Творец его не только его оставил, временно прекратил духовное общение с ним, но и перестал любить и жалеть его, проникся к нему теми несвойственными Богу-Любовь чувствами холодного равнодушия, придиричивой недоброжелательности и жестокой мстительности, которые ему так часто приходилось испытывать в течение скорбной эпопеи его сожительства со злыми и порочными детьми *мира сего*, в долине плача и печали земного скитания. Такое прискорбное заблуждение не может долго продолжаться, воспрянет радостная вера в Бога-Любовь и разгонит мрачную хмару уныния, или затмится вера в истинного Бога, иссякнет любовь, как иссякла вера в источник любви, и настроение духа падет с высоты святой гармонии до какой-либо из известных нам степеней греховной дисгармонии.

Радость устойчивая и разумная, несмотря на скорбь земного бытия, несмотря на неизбежность гонений и злословий со стороны тех, кто любит мир и то, что в мире, и ненавидит все, что *не от мира сего*. Радость устойчивая потому, что является неизбежным результатом устойчивой любви; разумная потому, что основана на вере в конечную победу радости, добра и любви, в царство, силу и славу Бога-Любови. Таким образом, радость и мир так же естественно составляют общий, светлый фон жизни при торжествующей любви, несмотря на черные *пятна скорбей*³⁶⁸ и страданий, как смятение и уныние составляют естественный, мрачный фон жизни рабов ощущений и поклонников разума, несмотря на яркие пестрые цветы наслаждений и развлечений.

³⁶⁷ ...*Боже мой, Боже мой, зачем ты меня оставил...* – От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мф. 27, 45–46). В девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои! Элои! ламма савахфани? – что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мк. 15, 34).

³⁶⁸ ...*пятна скорбей...* – Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь (Пс. 33, 20).

Совесть чуткая, наполняющая душу тревогой каждый раз, как в настроении или жизни наступает затмение света любви.

Честь полагается не в том, чтобы всех осилить словом и делом, не в том, чтобы, по волчьим огрызаясь, оцарапать и укусить больше, чем сам был оцарапан и укушен, не в том даже, чтобы ни йоты не уступить из своего права, а в том, чтобы постоянно оставаться верным духу любви, одерживать победы силой великодушия и вдохновения любви. Униженными, обесчещенными чувствуют себя не тогда, когда оскорблены, осилены грубой силой, а тогда, когда оскорбили ближнего, унизили себя до насилия, понимая, что, если в борьбе со злом изменили любви, злоба противника победила любовь, и в этом позор и бесчестие; напротив, когда сила великодушия, вдохновения любви осилит злобу противника, зародит в его сердце ответную любовь, тогда победила злобу любовь, и тут слава и честь, радостное торжество *для Сына Света и Любви*.

Долг. Высшим долгом признается непоколебимая, неизменная верность Богу-Любви и Его любвеобильному делу, при том верность не по букве, а по духу и совести. Все другие обязанности делаются недействительными, теряют свои права каждый раз, как наступает противоречие между ним и этим высшим долгом.

Самопожертвование неизбежно, и притом не в виде редкого исключения, а как заурядное явление повседневной жизни. Любовь сама по себе есть самоотвержение, добровольная, радостная жертва своим эгоизмом, водворение Бога и ближнего в уме и сердце, прежде нераздельно полными самим собой, своей эгоистичной индивидуальностью. Нельзя и служить делу любви без самопожертвования, без ежеминутного подчинения своих прихотей воле любимого Отца Небесного, благу любимых ближних. Утверждение совопросников века сего, будто во всей деятельности соратника Божьего нет и тени самоотвержения потому, что он находит радостное удовлетворение в самопожертвовании, – не что иное, как хитроумный софизм, не выдерживающий критики. Самоотвержение, самопожертвование ничего общего с холодным, черствым, мрачным аскетизмом подневольного холопа, со скрежетом зубным и ожесточением совершающим свое спасение, не имеет. Этот мрачный холоп не сам отвергает себя, а делает это из-под палки, повинувшись грозной воле измышленного его злым сердцем взбалмошного, грозного, жестокого божества; где же тут самоотвержение, самопожертвование?! Все дело в том, что мы любим, в чем полагаем сокровище и радость нашу. Самоотвержение, самопожертвование – совсем не порождение мрака и скорби, не сопровождаются ими и не ведут к ним, напротив, там нет истинного самоотвержения, истинного самопожертвования, где они соединены с самопринуждением, с мукой. Если мы любим ближнего, мы с радостью многим пожертвуем для него, и радость эта не только не уменьшит нравственного достоинства наших действий, но, напротив, обратит жертву в милость, холопскую покорность в богоугодное, добровольное, радостное самоотвержение, достойное свободы славы чад Божьих.

Братолюбие становится не трудным подвигом, а естественным проявлением торжествующей, деятельной любви. Организация жизни на основах любви и братства перестает казаться несбыточной утопией, а, напротив, становится насущной потребностью, самым заветным дорогим желанием любящего духа. На этой низшей ступени святой гармонии духа, когда во имя любви отрицают права разума и ощущений, деятельное служение на дело стройной организации добра в жизни еще непосильно, так как отрицание прав разума делает невозможным систематичное, неуклонное, разумное служение на трудное дело организации добра в этом мире, который весь *во зле лежит*, а отрицание прав ощущений делает бессмысленной всякую реорганизацию земной жизни, огульно отрицая всю земную жизнь во всей ее совокупности. Но горячее инстинктивное сочувствие ко всякому проявлению братолюбия в жизни настолько неизбежно, что может служить типичным признаком начала царства любви.

Религия доросла до поклонения Богу в духе и истине. Только теперь буква текста и обряда перестает быть мертвящей, оживленная животворящим духом любви. Только теперь жертвы

перестали быть подкупом, хваления – лестью, богослужения – чародейством и все отношения к Богу – кощунством. Только теперь перешли робкие, корыстные или крамольные холопы от рабства подзаконного к добровольному, сознательному рабству свободы славы чад Божьих. Когда в душе человека восторжествовала любовь, он не может более не верить в Бога-Любовь, вера эта такая же насущная потребность для духа его, как воздух для тела его, без этой веры он жить не может, оставаясь на высоте этого настроения, без этой веры вся жизнь его – одна мучительная агония. Считаю долгом пояснить, что, веруя в Бога, *Сыны Света* могут очень далеко отстоять в понимании Его от всех окружающих и быть признанными ими еретиками и даже безбожниками, что не мешает им быть правоверными в глазах Бога-Любви и принадлежать к Его церкви и жить живой верой в Него. Гораздо ужаснее положение тех страдалцев, которые со светом торжествующей любви в душе не верят в царство, силу и славу Бога-Любви, жить не могут без этой веры и изнывают в невыносимых муках продолжительной агонии. И это аморальное, чудовищное явление возможно в безобразном хаосе *мира сего*, который *весь во зле лежит*. Среди возмутительной оргии служителей всевозможных кумиров, нагло утверждающих свое правоверие в деле исповедания Бога-Любви, поклоняясь лжебогам, созданным их воображением по образу и подобию своему, сыны света, увлеченные ревностью по Богу до горячего негодования против грубого кощунства всех этих взаимно отрицающих друг друга правоверий и теми безобразными карикатурами, которых они осмеливаются выдавать за самого подлинного Бога-Любовь, могут дойти до ожесточенного отрицания всякого бога, признаваемого человечеством, уверить и себя, что они потеряли веру в Бога вообще, но Бог, принявший сторону Иова против его благочестивых и правоверных порицателей, предпочтет его скорбное неверие оскорбительной для Бога вере в те жалкие, взбалмошные, чванливые, жестокие божества, которых, на соблазн ближним и в осуждение себе, чтут сыны тьмы в место Бога истинного.

Основы жизни – любвеобильная вера живая в Бога-Любовь и нелицемерное братолюбие.

Сдерживающие начала – страх Божий и страх соблазна, понимая под соблазном все, что противоречит любви к Богу и братолюбию, а под страхом Божьим – свободное, полное достоинства опасение оскорбить горячо любимого Отца Небесного, не имеющее ничего общего с эгоистическим, корыстным страхом рабов, трепещущих за свою шкуру в этой жизни и в вечности.

Путь – самоотвержение, радостное принятие на себя тяжелого креста борьбы со злом и радостное следование в направлении торжества любви и братолюбия.

Истина – любовь как первопричина и конечная цель бытия, любовь как самодовлеющий смысл жизни и вечная правда отношений к Богу и ближним.

Жизнь – радость торжествующей деятельности любви.

Наука – Боговедение и неразрывно с ним связанное полное любви и благоговения изучение творения любвеобильного Творца. Проклята земля в делах человеческих, она подлежит огню в день суда, но и на ней лежит печать Бога живого, как слабый отблеск славы Божьей. На той низшей степени святой гармонии, о которой идет речь, сыны света, отрицая во имя любви права разума, пренебрегают пользоваться его услугами и на науки уделяют возможно меньше времени, но презирать разум, гнать науку они не могут – это было бы изменой любви и ясным доказательством того, что мы имеем дело не с сынами света, а с более грешными представителями грешного человечества.

Искусство непременно отразит в себе любовь к красоте в соединении с любовью к Богу и ближним.

Литература – могучее орудие проповеди веры в Бога-Любовь, любви к Нему и стройной организации жизни на началах любви в братстве.

Семья – малая церковь, в которой любовь научает всех членов жить друг для друга, дополняя жизнь друг друга и никогда не отравляя, не задевая жизнь другого.

Отец глубоко сознает важные обязанности главы семьи, страшную ответственность власти над молодой жизнью и первыми впечатлениями земного бытия вечного духа, с любовью выполняет свои святые обязанности друга и руководителя и выше всего ставит торжество любви в духе и жизни детей своих.

Мать понимает любящим сердцем, что, родив человека, она приобрела не права самовольно распоряжаться им как своей собственностью, а обязанность ежеминутно любовью рожать его к жизни любви, понимает, когда он вырастет, свою священную обязанность оказывать ему пример любви, благословлять его на жизнь любви и, если нужно, жертвовать им на торжество любви.

Молодой человек находит в любви ограждение от соблазнов и ключ понимания своих обязанностей по отношению к Богу, к семье, к ближним, к обществу, отечеству и человечеству, как бы ни были перепутаны эти обязанности в хаосе жизни, осложненной злобой и пороком.

Молодая девушка находит радость в самоотверженной любви к родителям, как потом найдет радость в самоотверженной любви к мужу и семье и в высшей радости самоотверженной любви к Богу и святому делу Его.

Муж научен любовью понимать свою обязанность быть верным супругом, рассчитывая на верность жены, и уметь уважать и ее, и свои отношения к ней, так как истинная любовь и невозможна без уважения и в то же время все собой возвышает, очищает и делает достойным уважения.

Жена научена любовью понимать свою обязанность быть не только верной супругой, но и верным другом мужа в его духовной жизни, что и заключает в себе главный залог прочности добрых отношений в супружестве.

Старики не завидуют молодежи и не хвастают, превознося свое время и свое поколение. Любовь научает их деликатности, смирению, бескорыстной радости успехам молодого поколения и тем самым делает их полезными, приятными, достойными любви и уважения.

Друзья – люди единомыслящие и единокорные в признании прав торжествующей любви, участники в деле проповеди любви и организации жизни на началах любви и братства.

Общество не может долее мириться со строем жизни, основанном на насилии, корысти или каких-либо других основах, кроме любви. Общественное мнение имеет высокоморализующее влияние, порицая всякое уклонение от духа любви, поддерживая силою живого сочувствия всякое проявление любви к Богу и братолюбия.

Государство, рядом с заботами о хлебе насущном, о свободе и безопасности, об удовлетворении умственных потребностей своих подданных, признает священной обязанностью своей ограждать кротких от волков хищных, стремиться к торжеству любви в жизни и оказывать деятельную поддержку всему, что делается в этом направлении, что способствует реорганизации жизни на началах любви и братства.

Воспитание ставит цели нравственные выше целей образовательных и совсем отрешилось от традиций унижительной для человеческого достоинства грубой дрессировки, свойственной воспитательным приемам периода царства ощущений и иссушающего сердце педантичного формализма, свойственного воспитательным приемам периода царства разума.

Благотворительность не может быть более ни бессистемной раздачей пятаков, ни вообще позорным подкупом Бога и общественного мнения, как то было в период царства ощущений, ни теми черствыми, деловитыми благотворительными операциями, как то было в период царства разума. Любовь непременно научит принести ближнему действительную и прочную пользу, не забывая, что в этом ближнем страдает не одно тело, что мы обязаны, благотворя ему, любить и уважать в нем брата, а не отделяться от него подачками и не заглушать свою совесть столь дешевой ценой.

Бедность впервые может переноситься без ропота и озлобления, не опьяняя себя грубым разгулом, с тихой радостью в сердце.

Богатство не только не служит поводом к гордости, но возлагает на обладателя тяжелые обязательства, которые любовь научает сознавать и признавать.

Народ понимает животворящий дух слов Откровения: *Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите*³⁶⁹. Кроткий, почтительный и послушный, пока от него не требуют измены духу любви и братства, он становится непреклонным до готовности перенести страдание и смерть, если от него требуют этой жертвы идолам злобы или корысти. Так поступали христиане первых веков, когда чтили императоров Рима, пока они не требовали забыть страх Божий и изменить честной христианской жизни по вере в братских общинах того времени.

Власти научены любовью не искать своего, не себе на пользу заставлять служить всех и вся, а понимать всю тяжесть ответственности своих прав и самоотверженно выполнять священный долг служения на пользу тех, кто нуждается в их содействии и покровительстве.

Международные отношения не могут более иметь ни грубо зверский характер периода царства ощущений, ни расчетливо корыстный характер периода царства разума. Если когда-нибудь целая группа народов дорастет духовно до периода царства любви, международные отношения между ними представят небывалый пример кротости, смирения, самоотверженной любви и братской взаимной помощи, до которого так бесконечно далеко современным псевдохристианским государствам, международные отношения которых имеют столь откровенно корыстный характер, что в международных отношениях сочли бы даже неприличным говорить о правде и любви, а говорят только об интересах, и перечисленные выше признаки торжествующей в международных отношениях любви единодушно признают несбыточной утопией, не только не веря в возможность ее достижения, но и не признавая желательным что-либо подобное, особенно со стороны собственного отечества.

Симпатии радикально противоположны тому, что было в прежних периодах. От героев насилия, наживы в период царства ощущений, от героев науки, искусства, грандиозных предприятий и колоссальных афер периода царства разума все симпатии перешли на колоссов духа, на святых героев самоотверженной, деятельной любви.

Антипатии теряют острый характер злобной недоброжелательности, ехидного издевательства, какой они имели в период царства грубо эгоистических ощущений и холодного, бесстрастного разума. Теперь антипатии – не злобное и не злорадное чувство, а скорбное и стыдливое: святой гнев против зла и потребность оградить себя и братьев по духу от проституции общения со злом.

Мудрость – любовь к Богу и братолюбие.

Результаты – Царство Божье внутри человека, гонения, клевета, часто мученичество для сынов света, блуждающих поодиночке между волками хищными, небесная радость полного единомыслия и единодушия любовного, братского общения там, где многие сыны света соединятся для стройной организации жизни на началах любви и братства.

Типы, принадлежащие к этой низшей степени святой гармонии духа, хотя и отрицают во имя любви права разума и ощущений, все же бесконечно выше тех беспринципных, благодушных добряков, которые со всем и со всеми безразлично уживаются и часто выставляются положительными типами любвеобильных христиан, в то время как на самом деле они – мелкие эгоисты, желающие благодушной снисходительностью ко всем и ко всему купить тихое, удобное и безмятежное житие в общении даже и с самыми злыми волками, и с самыми ядовитыми змеями. К ним принадлежат исключительно герои любви, которым недостает только признания прав разума и ощущений до полной гармонии духа, это те святые герои торжествующей любви, которых враги назовут юродствующими аскетами, а истинный христианин будет любить и почитать, не осуждая их за немощь страха разума и ощущений.

---

³⁶⁹ 1 Пет. 2, 17.

2. Любовь + ощущения (О+□)

Многие откажутся признать любовь, отрицающую права разума, признавая права ощущений за высшее настроение сравнительно с любовью, отрицающей одновременно и права разума, и права ощущений. На самом деле тут новый шаг по пути достижения полной гармонии духа. Права разума не признаны в обоих случаях, за то ощущения не считаются более греховными сами по себе и тем воздана должная справедливость проявившейся в них мысли и воле Творца, сделан большой шаг к уразумению животворящего духа святых слов Откровения: все дозволено христианину, – *для чистого все чисто*³⁷⁰; вся жизнь земная не отрицается огульно, признается возможность выполнения воли Божьей на земле, *яко на небеси*³⁷¹, не достает только признания прав разума, чтобы возможно было разумное служение на дело Божье в качестве соратника Его.

Не надо думать, однако, что в результате признания прав ощущений, к тому же без помехи сдерживающего разума, возможно было при этом настроении что-либо подобное распутству. Распутство есть разнузданность жизни ощущений, не сдерживаемая любовью; разум сам по себе не играет при этом никакой роли, так как распутство в пределах эгоистического благоразумия требованиям разума не противоречит; напротив, распутство всегда противоречит правам любви, и потому где властвует любовь – там распутство невозможно. С этим многие не согласятся по привычке называть любовью эгоистическую жажду обладания при полном равнодушии ко всем и вся, кроме предмета вожеления.

При таком взгляде на вещи, действительно, очень трудно понять христианскую гармонию духа и все, что я о ней говорю. При этом легко впасть в страшное недоразумение, называя, как это столь часто бывает и в жизни, и в литературе, торжеством любви преступление против любви, когда два эгоистических существа ради удовлетворения жажды ощущений, слегка позолоченных любовью друг к другу, разбивают жизни людей, которым клялись быть верными до гроба, вносят хаос в семью, жертвуют благом детей, тормозят стройную организацию добра в жизни, и все это ради осуществления эгоистической похоти, которая очень часто оказывается минутной прихотью, с которой позолота любви сходит тотчас после ее удовлетворения.

Когда любовь не озаряет отношений человека ко всему внешнему для него миру во всей его совокупности, включая сюда Бога и все Его творения, любовь не властвует в душе человека, не может еще быть преобладающей основой его жизни, не торжествует в его отношениях. Когда равнодушный к Богу и Его святому делу, жестокий ко всем и вся человек всю свою любовь сосредоточивает на одном предмете безумной страсти, тут не только не торжествует любовь, но и совсем нет любви, а есть только жестокий, грубый эгоизм, любящий одного себя и те приятные ощущения, которые может доставить только один предмет страсти, ради которого и забывают и Бога, и вечное дело Его, готовы причинить всякое зло людям и, что особенно знаменательно, разбить, исковеркать, опозорить жизнь того самого существа, которого воображают, что любят. Тут, сомнения быть не может, торжествуют ощущения, а любовь находится в позорном рабстве у них.

Где любовь торжествует, там не может быть проявлений жестокого эгоизма, там самоотвержение, там и признанные ощущения, возведенные даже в почетное положение уважаемого друга властной любви, даже и без помощи разума сдерживаются крепкой уздой любви к Богу и ближним.

---

³⁷⁰ ...для чистого все чисто... – Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть (Тит. 1, 15).

³⁷¹ ...яко на небеси... – Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе (Мф. 6, 9–10).

При данной комбинации, когда властная любовь, еще не признавая права разума, признала уважаемым другом ощущения, аскетизм, парализовавший деятельное участие в организации жизни, уступает место деятельной, хотя, без помощи разума, недостаточно стройной и систематичной заботе о материальном благосостоянии ближних, при первенствующей заботе о торжестве любви в душах и жизни, обязательной, неизбежной, как мы видели, даже и на пороге царства любви.

Говоря о подчинении разума и любви ощущениям, я называл это подчинение рабством, говоря о подчинении любви и ощущений разуму, я называл их слугами разума, теперь, говоря о подчинении ощущений любви, я называю ощущения уважаемым другом любви. Это не случайность; я считаю, что именно этими словами наиболее верно выражается сам характер власти, когда она принадлежит ощущениям, разуму или любви. Ощущения по самой сути своей грубо эгоистичны и потому естественно деспотичны, ставят все подвластное им в позорное положение рабов; бесстрастный, холодный, черствый разум, заменяя грубую силу холодной справедливостью расчетливых доказательств, естественно ставит все подвластное себе в положение слуги со строго определенными договором правами и обязанностями; вдохновенная, чистая, все очищающая, все возвышающая своим прикосновением любовь не может относиться ко всему подвластному ей иначе, как к уважаемому другу, без чего она перестанет быть сама собой, перестанет быть любовью. Любовь может сторониться чего-либо, стыдливо избегать всякого соприкосновения с чем-либо, совсем не признавать права участия чего-либо в ее жизни и деятельности, но, раз признав чьи-либо права, раз приняв что-либо под власть свою, любовь не торгуется, не отмеривает вершками права и обязанности, а разом возводит в положение уважаемого друга все, что признала себе подвластным.

3. Любовь + ощущения + разум (О+□+Δ)

Настроение это характеризуется тем, что при первенствующей заботе о торжестве любви вносят в деятельность, вытекающую из этой заботы, как и в пути достижения материального блага ближних гораздо более стройности и систематичности, чем прежде, когда любовь недоверчиво сторонилась от разума и стыдливо избегала пользоваться его услугами.

Даже и на этом месте разум не находится в унижительном положении не только раба, но и слуги. И он, с минуты его признания, с того часа, когда его призвали принять деятельное участие в жизни торжествующей любви, разом стал в почетное положение уважаемого друга, только услугами этого друга пользуются менее и тем самым ограничивают размеры его влияния на настроение и жизнь.

4. Любовь + разум (О+Δ)

Опять наступает реакция в сторону аскетизма, в этот раз смягченного светом разума. Если аскета первой степени святой гармонии враги имели основание назвать юродствующим, тут они должны признать его философствующим.

Я не решаюсь назвать аскетов этой категории мудрецами только потому, что мудрость несовместима с близоруким страхом перед ощущениями, признаваемыми греховными, несмотря на веру *во единого Бога Творца*. На этот раз это увлечение ума, которому поддается любовь несовершенная, потому что совершенная любовь изгоняет страх.

На этой степени святой гармонии духа и любовь, и разум заняли, наконец, подобающее им положение согласно вечной истине правды Божьей. Любовь властно намечает цели стремлений, животворящий дух – деятельности, а разум указывает разумные пути для достижения целей, намеченных любовью, тут не только возможно, но даже неизбежно проявление деятельной любви в форме систематичной, стройной организации добра в жизни, за исключением роковой ошибки непризнания прав ощущений, со всеми логично вытекающими из нее послед-

ствиями; на ощущения смотрят, как на неизбежное зло, нечто вроде кары небесной, забывая, что даже в виде временной кары Господь не мог творить зло, причем, стройно организовав жизнь любви и разума, совсем не признают права на существование за ощущениями и стремятся не организовать жизнь ощущений, а свести эту жизнь к минимуму.

5. Любовь + разум + ощущения (О+Δ+□)

Святая гармония духа вполне восстановлена: все признано чистым в творении Божьем, и потому ничто во всем творении не исключается из стройной организации добра на земле, во исполнение любвеобильной мудрой воли Отца Небесного на земле *яко на небеси*.

Аскетизм не признается более самодовлеющим добром, хотя и возможен и даже неизбежен каждый раз, как он требуется благом дела Божьего или благом ближних, когда избежать его нельзя, не нарушая тем верховных прав любви к Богу и Его творению.

Достигнуть этой высшей степени христианской гармонии духа не значит сохранить ее навсегда, возможны не только минутные падения, но и смертный грех хулы на Духа Святого, продолжительного и даже окончательного, по крайней мере во все продолжение земной жизни, предпочтения святой гармонии духа одной из многочисленных форм греховной дисгармонии.

Устойчивая гармония духа и есть святость, невозможная тут на земле, где был *един свят*³⁷², един Господь Иисус Христос. Невозможна святость абсолютная, но возможна святость относительная, когда падения минутны, а святость нормальна, составляя общий колорит жизни и отношений. И эта относительная святость составляет не заслугу, а обязанность каждого искренно верующего и нелицемерно любящего Бога Творца, Спасителя Христа и Духа Святого Господа Животворящего.

Можно падать, не желая того, но нельзя лежать бессрочно и тем более признавать это лежание в грязи явлением нормальным, без явного отсутствия доброй воли ходить по пути, указанному нам всем Откровением и всего более Тем, Кто был *путь и истина, и жизнь*³⁷³.

Устойчивая святость невозможна для человека без помощи Божьей, но мы не имеем права забывать, что *невозможное для человека возможно Богу*.

§ 3. Внешние проявления внутренних настроений

Представление о Боге

(□) Архиресь отрицания любви и разума. Представляя себе Бога по образу и подобию своему, что неизбежно при всяком настроении и делает вечной истиной святые слова: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*³⁷⁴, в этой низшей степени скотоподобия называя себя христианами, имея глаза – не видят, имея уши – не слышат и жестоким сердцем ничего не разумеют. Для нечистого все нечисто, на все, до чего он дотронется, он налагает клеймо позора его позорного настроения. Святой, мудрый Бог-Любовь христианского Откровения унижен в его представлении до уровня колеблющегося, взбалмошного, то жестокого и злого, то благодушного, чванливого, корыстного, недостойного ни любви, ни уважения божества. Для него Бог – деспот, страшный физическим, материальным всемогуществом, у него свои прихоти, которые исполнить непременно надо, но исполнить невозможно по их бесконечному разнообразию и совершенному несогласию с насущными потребностями природы человеческой. Окру-

---

³⁷² ...един свят... – Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? ибо Ты един свят. Все народы придут и поклонятся пред Тобою, ибо открылись суды Твои (Откр. 15, 4).

³⁷³ Ин. 14, 6.

³⁷⁴ Мф. 5, 8.

жено это божество многочисленным придворным штатом, вся святость которого заключается в том, что сумели угодить капризам верховного деспота. Угодить – вот вся суть нравственности и святости; угодить, если не самому верховному деспоту, которому угодить слишком трудно, то по крайней мере кому-либо из вельмож его двора; эти, имея меньше власти, менее горды, более доступны, а они уже знают, как достигнуть и к самому, заступятся, исходатайствуют, оградят от чрезмерной требовательности. Божество это награждается вместе с вельможами его двора всеми пороками, присущими его поклонникам; они злобны, и потому любви для угождения им не нужно; они не ценят разум, и потому ни боговедения, ни разумной жизни по вере для них тоже не надо; они корыстны – угодить можно дарами, они жестоки – угодить можно самоистязаниями, они чванливы – угодить можно лестью, они властолюбивы – угодить можно рабской покорностью; они взбалмошны – угодить можно точным выполнением их капризов. В этом правоверие. Исповедание значения любви и разума в природе Бога в Его творения, их значения в жизни церкви и отношения к Богу и верным чадам Его признается отступничеством от правоверия, вредной ересью, требование разумной организации жизни на основах любви признается опасной утопией.

(□+Δ) Ересь отрицания любви и подчинения разума ощущениям. Божество по-прежнему злое и корыстное, но менее взбалмошное. Угодить ему по-прежнему можно дарами и лестью, но при этом нужно еще точно знать разумные основания богоугодности лести и даров и сами способы подношения даров и воскурения фимиама лести; более прежнего пользуются услугами разума.

(□+Δ+○) Ересь подчинения любви разуму и ощущениям. Божество по-прежнему корыстное и чванливое, требует не только осмысленности даров и лести, но и доброго чувства к себе со стороны того, кто дарит и льстит.

(□+○) Ересь отрицания разума и подчинения любви ощущениям. Божество умеет ценить любовь и ради нее мирится с самыми неразумными проявлениями этой любви, лишь бы проявлялась она по-прежнему дарами и лестью.

(□+○+Δ) Ересь подчинения разума и любви ощущениям. Божество ценит любовь выше разума, но требует при этом, чтобы проявлялась любовь разумнее прежнего, хотя и тут ценит исключительно разумные проявления любви в форме все тех же материальных, внешних плодов – дара и лести, что и составляет отличительную особенность представлений о Боге, соответствующих низшим степеням греховной дисгармонии верующих, когда они еще не доросли до понимания самоотвержения Божьего и потому не могут понять и того, что бы Бог что-либо поставил выше личных выгод, чем-либо дорожил более даров и лести; не могут себе представить, что Бог мог бы внутреннее настроение человека и его отношения к ближним ставить выше лично Ему приносимых даров, лично к нему обращенной лести, тем более не могут себе представить, что Бог мог бы отвергнуть дары и лесть, каково бы ни было духовное настроение, как бы порочна ни была жизнь благотворящего Богу льстеца или благотворящего Богу народа льстецов.

(Δ) Ересь отрицания любви и ощущений. Теперь впервые начинают понимать, что Бог не может быть тем грубым, эгоистичным, корыстным и взбалмошным божеством, каким представляли Его себе рабы ощущений. Теперь впервые начинают понимать, что Он есть высший разум мира, еще не понимая, что Он Бог-Любовь. В этой степени греховной дисгармонии Он представляется великим изобретателем сложной машины мирового организма, сухим, неумолимым, бесстрастным; угодить ему можно только одним способом, постигая умом основную мысль мироздания, подавляя в себе, как греховную слабость, и любовь, и ощущения. Отличительным признаком того, что из периода царства ощущений перешли к периоду царства разума, и является очищение понятия о Боге от грубого эгоизма божества, всему предпочитающего дары и лесть. Теперь признана Его неподкупность, признана и Его неизменяемость в связи с признанием разумной конечной цели, к которой разумными путями ведет свое творе-

ние верховный разум мира. Этот холодный, неумолимый верховный разум не любит, не жалеет, Ему дела нет до горя и страданий Его созданий, все отношения его строго измерены и взвешены, основаны на холодной справедливости, не на правде живой любви, а на жестокой правде холодного разума. Вся жизнь земная – одна сплошная жертва свободы духа живого торжеству идей Творца, ад – неизбежный итог отступлений от разумного плана домостроительства Божьего, рай – торжество холодной справедливости, утоления жажды разума в общении с высшим разумом мира.

(Δ+□) Ересь отрицания любви. Признавая законность прав ощущений, считая, что в здоровом теле – здоровый дух, и в жизни духа признавая исключительно права разума, понимают, что Бог-Творец не может быть тем черствым, мрачным, аскетическим божеством, которое интересуется исключительно победой отвлеченной идеи, ради которой оно и построило мудреную машину мира. Признают, что высший разум мира желает не только, чтобы во что бы то ни стало машина мира работала на точном основании точных вычислений изобретателя, но и признает необходимость смазывать машину, чтобы она исправно работала, признает необходимым разумно организовать жизнь ощущений. Угодить божеству считают возможным, только изучая установленные им законы и организуя на разумных началах помощь ближним, ограничивая, однако, помощь эту удовлетворением материальных потребностей.

(Δ+□+○) Ересь подчинения любви ощущениям и разуму. Признают, что высший разум мира в творении своем дал место не только ощущениям, но и любви; по-прежнему считают, что мир Он создал по отвлеченным соображениям, ничего общего с личным благом, личным счастьем каждого отдельного создания не имеющим, но что жизнь ощущений имеет определенное место в общем плане мироздания и потому законна, что любовь не есть только слабость и глупая сентиментальность, а имеет свое разумное основание на законное, хотя и служебное относительно разума и ощущений право на существование.

(Δ+○) Ересь отрицания ощущений и подчинения любви разуму. Высший разум мира на любви основывает порядок мироздания, хотя по-прежнему любовь – не цель, не самодовлеющий смысл жизни мира, а только главное средство достижения цели, намеченной разумом. И любовь Творца не имеет первенствующего вечного значения, и сам Творец еще не стал Бог-Любовь, и в отношении к Богу любовь теряется в трепетном преклонении перед ослепительным, не озаряющим, а именно ослепительным светом разума Его. Если, находясь в первой степени царства разума, исповедовали холодное, сухое, мрачное, аскетическое божество, из-за отвлеченных соображений отрицавшее права им же вызванных к бытию любви и ощущений, теперь исповедуют божество доброе, признающее права любви, но по-прежнему из-за отвлеченных соображений отрицающее права им же вызванных к бытию ощущений.

(Δ+○+□) Ересь подчинения любви разуму. Высший разум мира не отрицает более права на существование за всем, что вызвано Им к бытию, но любовь подчиняет разуму и требует этой расчетливой любви и от творения своего. Цель бытия по-прежнему туманная, холодная; то же торжество разума и справедливости при помощи любви, но, на этот раз, без придирчивой, капризной требовательности бесцельного самоумерщвления; аскетизм не имеет более самодовлеющего значения.

(○) Ересь отрицания разума и ощущений. Бог-Любовь для любви создал все сущее, не ради торжества отвлеченной идеи или решения сложной задачи, а именно ради личного блага, вечного блаженства причастия любви Творца каждого существа, способного любить, сознавать и ощущать. Любовь – конечная цель бытия; одна любовь имеет самодовлеющее значение. Ересь тут состоит в том, что, исповедуя Бога-Любовь, не придают должного значения мудрости Его и разумности служения на святое дело Его, да к тому же еще отрицают права Им же вызванных к бытию ощущений.

(○+□) Ересь отрицания разума. Бог-Любовь признает право на существование за вызванными Им к бытию ощущениями, насколько права ощущений не противоречат высшим

правам любви. Творец радуется благоденствию человечества на основах любви и братства, но не требует разумного служения на дело братства и любви.

(○+□+Δ) Ересь подчинения разума ощущениям. Бог-Любовь признает чистым все Свое творение, но ощущениям отводит в нем место более почетное, нежели разуму, жалости к убожеству материальному требует более, нежели жалости к убожеству умственному; напитать, одеть, приютить более богоугодно, нежели научить, воспитать, просветить, труд физический более богоугоден, чем труда апостольский.

(○+Δ) Ересь отрицания ощущений. Бог-Любовь является в то же время и высшим разумом мира; не достает только признания прав Им же вызванных к бытию ощущений, чтобы духовно дорасти до нравственного исповедания истинного Бога. Любовь Бога несовершенна потому, что не все творение Его включено в эту любовь и не изгнан страх перед ощущениями.

(○+Δ+□) Правоверие. Правоверно исповедуют Бога-Любовь, мудрого Творца, прекрасного и чистого творения, которое не требует само по себе никаких изменений, а нуждается только в гармоничном согласовании жизни с любвеобильной, мудрой волей общего Творца.

Отношение к Богу

(□) Господство буквы мертвящей. К Богу не стремятся, а откупаются от Него дарами и лестью и пользуются Им, как чародейственным средством для приобретения всевозможных благ земных, заставляя Его исполнять волю свою при помощи определенных формул и заклинаний.

Так смотрят на богослужения и на таинства; с таким чувством строят храмы, осыпают драгоценными камнями ризы икон, подают Богу милостыню нескольких минут молитв утром и вечером, двух часов пребывания в храме по праздничным дням, даже и не подозревая, что надо уразуметь волю Божью, что надо любить Бога до твердой решимости, всю жизнь организовать на основах любви и братства.

Это христиане на час, глубоко убежденные в своем неотъемлемом праве быть грубыми язычниками, жить по прихотям злого сердца, мириться со строем жизни, основанной на страхе, корысти и других антихристианских основах во все остальное время.

Христианство они принимают только в этой удобной для них форме, обзывая настоящее христианство смешным преувеличением, непрактичной, опасной утопией, подлежащей гонению как зловредная ересь, способная нарушить общественное спокойствие, подрывая строй ими установленной жизни.

(□+Δ) Люди, которые до тех пор поклонялись доске, не рассуждая о том, что на ней изображено, и занимались гимнастикой благочестивых упражнений, даже не задаваясь вопросом о том, почему это может быть богоугодно, теперь начинают считать душеполезным рассуждения о спасительности мертвящей буквы.

Тут еще нет места христианской философии, по-прежнему господствует в религии материализм бессодержательной формы, разум – раб ощущений, и смысл – только раб формы.

Это период мертвой схоластики, сухих, бесплодных, бесконечных комментариев на букву текста и обряда.

(□+Δ+○) По-прежнему царствует буква, но украшается эта буква, кроме схоластических комментариев на нее, еще и поэзией любви к ней.

Тут нет любви к Богу живому, приводящей неизбежно к боговедению и честной жизни по вере. Тут сентиментальное пристрастие к букве обряда, умиление перед привычной, отцами завещанной правоверной формой. Всякое нарушение излюбленной буквы, привычной формы оскорбляет религиозное чувство, возмущает до глубины души, в то время как самое грубое религиозное невежество, самый вопиющий разлад умов, сердец и всего строя жизни с правдой

Божьей не только не вызывает святого гнева ревности по Богу, но признается нормальным явлением, освященным многовековой рутинной и заветами дедов.

(□+○) Любовь к букве текста и обряда доходит до абсурда, до издевательства над разумом. Во всяком случае это искренняя наивная любовь, которая не лишена своеобразной поэзии и потому легко вызывает сочувствие, при котором легко впасть в грубую ошибку, принять пламенную любовь к букве за любовь к Богу, во имя Которого эта буква установлена, Которого в действительности буква эта совершенно собою заслоняет.

Убедиться, что тут мы имеем дело не с любовью к Богу, а только с любовью к букве, нетрудно. Те же люди, которых мы увидим в храме умиленными до слез, выйдя из храма, чувствуют себя привольно, как рыба в воде, с головой погружаясь в омут жизни, представляющей из себя сплошное отрицание Бога и Христа Его. Ни в мыслях, ни в сердце, ни в жизни их нет Бога.

(□+○+Δ) Букву текста и обряда не только любят, но и с любовью комментируют, с любовью, конечно, не к Богу, а все к той же букве, которая во все время, пока длится царство ощущений, совершенно подавляет собой и христианскую философию, и вдохновение любви.

(Δ) Начинается период христианской философии. Боговедение признается обязательным. Еще не понимают места любви и ощущений в христианском мировоззрении, и потому христианская философия сужена до холодного, мрачного, мертвящего аскетизма, который и признается за единственную правоверную форму проявления верности Богу.

И любовь, и ощущения признаются одинаково греховными; холодный, черствый стоицизм принимают за честную жизнь по вере. В действительности тут нет главного элемента правоверного христианства – любви, при которой немислимо было бы считать греховным не только любовь, но и ощущения, вызванные к бытию тем же горячо любимым единым Творцом всего сущего.

(Δ+□) Философия христианства расширилась до признания прав ощущений. Только любовь по-прежнему считается греховной. Как ни странно звучат эти слова, но именно эта комбинация отношений к Богу встречается в настоящее время довольно часто. Признается необходимость боговедения, признается законность широкого удовлетворения материальных потребностей под контролем разума, признается законность внешнего культа, воплощающего во вне отвлеченные религиозные понятия, и только любви не придают никакого значения, подменяя ее философией и согласованной с ней обрядностью.

(Δ+□+○) Христианская философия, согласованный с ней обряд и на придачу поэзия любовного отношения к этой философии и этому обряду.

(Δ+○) Христианская философия и горячая любовь к ней, приводящая вновь к аскетизму отрицания прав ощущений и внешнего культа. Эта форма аскетизма не может быть названа сухой, черствой, мертвящей, что не мешает ей оказывать мертвящее влияние на жизнь и отношения к ближним, которых, как и философию христианства, любят только в теории.

Именно теоретичность, отвлеченность этой любви и является самым убедительным доказательством того, что мы имеем дело не с любовью торжествующей, а с любовью – слугой разума, и не с любовью к Богу живому, а только с любовью к философии христианства. Восторженная любовь и правда Божья на словах и во время размышлений о высшей правде христианской философии совсем не переносится в практику жизни и не оказывает на нее никакого влияния. Орел, поднимающийся на могучих крыльях в лазурную высь и мыслью, и словом, оказывается жалким паралитиком в жизни.

(Δ+○+□) Горячо любимая философия христианства доросла до признания прав ощущений, не боится внешнего культа и с любовью к ней относится, насколько он не противоречит требованиям христианского разума.

(○) Впервые любят Бога всем сердцем, любят самого Бога живого, а не букву обряда, установленного во имя Его, и не философию христианства, вытекающую из позиции мудрой воли Его.

Это новая форма аскетизма, аскетизма, осиянного светом любви и радости, когда во имя любви отвергают права разума и ощущений, считают и разум, и ощущения греховными, боясь за любовь, когда чуждаются и философии христианства, и всяких проявлений внешнего культа, опасаясь, что они могут осилить любовь, не понимая еще всемогущества властной любви.

(○+□) Живая любовь к Богу живому изгоняет страх перед ощущениями, не считает их более греховными, насколько они не противоречат любви к Богу. Философия христианства по-прежнему внушает страх и потому считается греховной.

Вновь возвращаются к обрядам внешнего культа, но на этот раз не признают за ними никакого самодовлеющего значения, не считают их спасительными самими по себе, а любят их и дорожат ими как внешними проявлениями любви к Богу.

(○+□+Δ) Живая любовь к Богу живому, изгнав страх перед ощущениями, начинает изгонять страх и перед разумом. Тут еще не отведено философии христианства подобающее место, а только жаждут боговедения и понимают необходимость разумной любви к Богу разумному и разумного отношения к выражению этой любви в формах внешнего культа.

(○+Δ) Живая любовь к Богу живому доросла до признания за философией христианства ее истинного значения, и не достает только признания прав ощущений, законности внешнего культа, чтобы отношения к Богу стали вполне правоверными.

Это последняя, высшая форма, осиянная двойным светом любви и разума, аскетизма.

(○+Δ+□) Совершенная любовь изгнала всякий страх; она познала силу свою и не боится более ни разума, ни ощущений. Живая любовь к Богу живому отводит философии христианства подобающее ей почетное место и не чуждается более обрядов внешнего культа, насколько они согласованы с живой любовью к Богу живому и философией христианства.

Церкви поместные

(□) Единственной обязанностью своей духовные власти признают точное выполнение внешнего обряда, совсем не заботясь ни об умах, ни о нравственности, ни о согласовании строя жизни с верой своих пасомых. Исполнив обряд, они уверены, что все исполнили, и ничего более не требуют ни от себя, ни от других.

Всякое отступление от обряда признается за вредную ересь, с которой всякие меры борьбы дозволительны. Заблудших овец не стараются вернуть ни убеждением, ни лаской, а загоняют их или сокрушают их дубиной, цепями, тюрьмой, а, если можно, то и пытками, и казнями.

(□+Δ) К точному выполнению обряда присоединяют поучения, но не в смысле обстоятельного разъяснения жизненных вопросов, согласно вере или систематичному изложению христианской философии, а только как схоластические, бесплодные комментарии к букве текста и обряда.

От пасомых требуют, кроме точного выполнения обряда, бесплодного знания отдельных фактов священной истории, объясняющих обряд, и вместо боговедения – знание катехизиса.

Уклоняющихся по-прежнему дубиной загоняют на лоно правоверия, приправляя насилие поучениями, которые задаются не целью убедить, а скорее целью мотивировать неизбежность насилия.

(□+Δ+○) Духовные власти признают за собой обязанность любить, но только тех, кто точно выполняет обряд и знает комментарии к нему.

От пасомых требуют любовь в границах верности обряду и правоверия в комментариях к нему.

Уклоняющихся стараются вернуть к правоте не только силой и авторитетом буквы, но и лаской, насколько она может служить подспорьем для них.

(□+○) Наступает период поэзии обряда, восторженной сентиментальности, еще не преобразующей ни сознания, ни жизни, но окружающей обряд ореолом искреннего чувства.

От пасомых требуется не только точное выполнение обряда, но и *благочестие*, понимается это слово не в смысле сознательной веры и жизни по вере, а в смысле сентиментального ханжества.

На уклоняющихся действуют гипнозом восторженного фанатизма, прибегая, в случае неуспеха, и к насилию, которое во все время преобладания ощущений, наравне с обрядом и буквой, остается доминирующей нотой, главным по отношению ко всему остальному.

(□+○+Δ) Поэзия обряда и фанатизм ханжества подкрепляются доводами разума.

Тут налицо и любовь, и разум, притом в гармоническом соотношении между собой, что легко может обмануть легкомысленного наблюдателя. Лучшим доказательством тому, что мы имеем дело только с высшей формой низшей степени дисгармонии в жизни церкви поместной то, что и любовь, и разум не приводят ни к сознательной вере, ни к честной жизни по вере, а только служат к опоэтизированию и возвеличению обряда, что и любовь, и разум – не конечные аргументы в деле обращения уклоняющихся, а только вспомогательные средства по отношению к конечному аргументу насилия.

(Δ) Главной обязанностью своей духовные власти признают распространение боговедения, разработку христианской философии.

От пасомых требуются исключительно знания, сдача экзамена.

Обращая уклоняющихся, не прибегают более к насилию, а стараются воздействовать на них силой убеждения.

(Δ+□) Под властью разума ощущения в жизни церкви поместной не могут более выражаться в форме поклонения букве и обряду, тут ощущениям соответствует формальное согласование жизни с требованиями христианской философии; говорю *формальное* потому, что разумения совершенно недостаточно для дела; разумение приведет неизбежно к пониманию значения любви в христианском мировоззрении, экономии жизни в жизни по вере, но можно прекрасно рассуждать о любви, не имея любви; одна торжествующая любовь может дать чудодейственную силу, необходимую для дел любви, без чего хотя и возможно внешнее, формальное благочестие в жизни, но совершенно непосильны истинные дела любви, подлинные плоды ее.

(Δ+□+○) Поэтизируется, покрывается позолотой любви внешнее, формальное благочестие в жизни.

(Δ+○) Поэтизируется, окружается ореолом любви до ханжества, до фанатизма не внешнее, формальное благочестие в жизни, а сама идея христианства, сама христианская философия, в то время как в действительности не любят ни Бога, ни ближних.

(Δ+○+□) Эта комбинация в жизни церкви характеризуется тем, что с любовью стремятся понять и осуществить христианский идеал, но силы на достижение этой цели ищут в боговедении, в прилежном изучении христианской философии, а не в живом общении с Богом живым, не в любовном общении с чадами Божьими в форме реального братства ума, сердца и жизни, реального единомыслия, реального единокровия, реального экономического, трудового братства в жизни.

(○) Главной обязанностью своей власти духовные признают самоотверженную любовь к Богу живому и Им вверенным пасомым, воспитание душ живых в духе живой любви для жизни братства и любви.

От пасомых требуют деятельной любви, рождения к жизни новой, крещения духа.

Уклоняющихся стараются вернуть вдохновением любви.

(○+□) Бога любят не только всем сердцем, но и всей крепостью. В жизни церкви не только проповедуют любовь и любят, но и полагают все силы духа на то, чтобы организовать жизнь на основах любви и братства, так как под верховным главенством любви ощущения в жизни церкви проявляются заботой о стройной организации материальной стороны жизни на основах братства и любви.

(○+□+Δ) В жизни церкви проявляется любовь к Богу и ближним всем сердцем и всей крепостью, но еще не всем разумением, а настолько, насколько необходимо разумение для практического христианства, для стройной организации жизни на началах любви и братства.

(○+Δ) При живой любви к Богу и ближним философия христианства занимает подобающее ей почетное место. В жизни церкви проявляется любовь к Богу всем сердцем и всем разумением, но стройное согласование материальной стороны жизни с сознательной верой находится в некотором пренебрежении.

(○+Δ+□) В жизни церкви поместной наступает полная гармония между тремя главными сторонами жизни: нравственной, умственной и материальной, между живой любовью к Богу живому, христианской философией и стройным осуществлением христианского трудового братства в жизни. Бога любят всем сердцем, всем разумением и всей крепостью.

От пасомых требуют истинного покаяния в смысле полного согласования мыслей, симпатий и всего строя жизни с волей Божьей, реального духовного рождения свыше и постоянного благодатного общения с источником любви, мудрости и правды.

Власти духовные признают своей обязанностью любить своих пасомых так, как Христос возлюбил человечество, по образу Христа, до смерти крестной, полагая все силы и всю жизнь на то, чтобы честно выполнять святые обязанности руководителей в деле познания воли Божьей и стройной организации жизни по вере, не останавливаясь на этом пути ни перед какой жертвой, не отвлекаясь от него никакими политическими соображениями.

Уклоняющихся стараются вернуть на лоно правоверия исключительно силой вдохновения всепобеждающей любви, неотразимыми доводами высшей истины правоверия, высшей правды жизни по вере. От упорствующих в отпадении, от опасности соблазна от них верные достаточно ограждены сознательностью веры своей и стройной организацией добра в жизни.

Отношение к самому себе

(□) Скотоподобие. Злое и глупое животное. К себе никаких требований не предъявляет, считая неотъемлемым правом своим самодурство в самом широком значении этого слова. Девиз: Чего моя нога хочет!

(□+Δ) Скотоподобие. Злое, но умное животное. К себе предъявляет требование не делать глупостей, не вредить себе, в этом вся его нравственность. Неотъемлемым правом своим по-прежнему считает самодурство, на этот раз в пределах эгоистического благоразумия. Девиз: Чего моя нога хочет и голова одобряет.

(□+Δ+○) Скотоподобие. Умное и незлое животное. К себе предъявляет требование не только не делать вредных для себя глупостей, но и не делать бесполезного зла другим. Неотъемлемым правом своим считает широкий разврат, возможность умственного развития, необходимого для приобретения материальных средств и разумной организации разврата, и благотворительность, насколько она не мешает разврату и наживе. Девиз: Чего моя нога хочет и голова одобряет для себя, остальное для ближнего.

(□+○) Скотоподобие. Доброе, глупое животное. К себе предъявляет требование не мешать жить другим. Неотъемлемым правом своим считает широкое участие в общей оргии. Девиз: Жить и другим давать жить.

(□+○+Δ) Скотоподобие. Доброе, умное животное. К себе предъявляет требование способствовать разумной организации идиллии всеобщей оргии. Неотъемлемым правом своим

считает свободу разврата при условии уважения к священным законам организованной общественной оргии. Девиз: Поэзия всеобщей оргии на разумных началах.

(Δ) Разумный человек. Умный, злой аскет. К себе предъявляет требование полного умерщвления в себе любви и ощущений ради торжества отвлеченной идеи. Неотъемлемым правом своим считает свободу мысли и свободу слова.

(Δ+□) Разумный человек. Злой фанатик. К себе предъявляет требование осуществления в жизни идеала без всякого внимания к благу человечества. Неотъемлемым правом своим считает свободу мысли, слова и дела.

(Δ+□+○) Разумный человек. Деятельный философ. От себя требует осуществления в жизни идеала, по возможности избегая причинять зло кому-либо. Для себя требует свободы мысли, слова и дела, в границах уважения к благу ближних.

(Δ+○) Разумный человек. Поэт мысли. От себя требует самоотверженного апостольского служения в деле широкого распространения идеи, совмещающей в себе, по его убеждению, и истину, и всеобщее благо. Для себя требует не только свободы мысли и слова, но и сочувствия горячо любимой идее.

(Δ+○+□) Разумный человек. Вдохновенный, деятельный философ и поэт. От себя требует осуществления горячо любимого идеала, совмещающего в себе, по его убеждению, истину и всеобщее благо. Для себя требует не только свободы мысли, слова и дела, но и горячего сочувствия к горячо любимым идее и идеалу.

(○) Богоподобие. Христианин, любящий Бога всем сердцем своим. Христианский, юродивый аскет. От себя требует одного отречения от разума и ощущений ради любви. Неотъемлемым правом своим признает свободу совести и свободу громко исповедовать веру и любовь свою.

(○+□) Богоподобие. Христианин, любящий Бога всем сердцем и всей крепостью своей. Христианская, деятельная, добрая душа. От себя требует бессистемного проявления в жизни любви к Богу и ближним. Неотъемлемым правом своим признает не только свободу совести и свободу исповедания, но и свободу проявления деятельной любви.

(○+□+Δ) Богоподобие. Христианин, сознательно любящий Бога всем сердцем и всей крепостью своей. Христианин, разумно проявляющий в жизни деятельную любовь к Богу и ближним. От себя требует разумной христианской деятельности. Неотъемлемым правом своим признает не только свободу совести и свободу исповедания, но и свободу разумной христианской деятельности.

(○+Δ) Богоподобие. Святой христианский философ и аскет. Христианин, любящий Бога всем сердцем и всем разумением. От себя требует полного отречения от жизни ощущений ради охранения чистоты сердца, способного узреть и уразуметь Бога. Неотъемлемым правом своим считает не только свободу совести и исповедания, но и свободу мысли и слова вообще.

(○+Δ+□) Богоподобие. Христианин, любящий Бога всем сердцем, всем разумением и всей крепостью своей, до разумения воли Его, до святости жизни по вере, до вдохновенной радости о служении на вечное дело Его. Святой христианский философ и деятельный соратник Бога живого, любящий ближних деятельной братскою любовью. От себя требует сознательной веры и стройной организации жизни по вере. Неотъемлемым правом своим признает не только свободу совести, свободу исповедания, свободу мысли и свободу слова, но и свободу стройной организации жизни на основах любви и братства.

Семья

(□) Основанное на эгоизме организованное насилие. Под внешним видом законного устоя грубое рабство со всеми его последствиями: взбалмошным самодурством деспотов и

затаенной ненавистью рабов, лицемерием, хитростью и жадой анархии как неизбежного протеста против ненавистных цепей.

(□+Δ) Насилие, приправленное резонерством и софизмами. Деспоты требуют не только слепой покорности, но и признания разумности насилия, чем узаконивают молчаливо критическое отношение к жизни, желая лукавыми мудрованиями оправдать насилие.

(□+Δ+○) Идиллия насилия, приправленного лукавыми мудрованиями.

(□+○) Религия опозтезированного насилия.

(□+○+Δ) Поэзия насилия, смягченного благоразумием.

(Δ) Деловой контракт, биржевая сделка, лишённые чувств взаимной любви и взаимного уважения участники.

(Δ+□) Деловой контракт, или биржевая сделка, при которой возможны добропорядочные взаимные отношения участников, не считающих ощущения за скверну и грех и потому способных с уважением относиться к источнику семьи – браку.

(Δ+□+○) Идиллия делового контракта, или биржевой сделки.

(Δ+○) Религия делового контракта, или биржевой сделки. Благоговейное почитание семейного дома.

(Δ+○+□) Поэзия делового контракта, или биржевой сделки. Религия семейного дома без мертвящего аскетизма презрения к ощущениям.

(○) Малая церковь Божья, по выражению святого Климента Александрийского. Основой отношений к Богу и взаимных отношений членов семьи стала торжествующая любовь, на этот раз слепая и аскетическая, но все же любовь искренняя, торжествующая.

(○+□) Малая церковь Божья на основе радостной любви, все очищающей и освящающей.

(○+□+Δ) Малая церковь Божья на основах радостной любви и сознательной веры.

(○+Δ) Малая церковь Божья на основах сознательной веры и любви, при самоотрицанием себя аскетизме, не признающем себя за самодовлеющее благо, что невозможно при сознательной вере, но и признающем себя полезным в практике жизни, страха перевеса ощущений над разумом и любовью.

(○+Δ+□) Малая церковь Божья, достигшая полной гармонии, ставшая святой на основе торжествующей любви и вдохновения сознательной веры, победивших страх.

Общество

(□) Скопище разбойников, глубоко убежденных в вечности царства, силы и славы зла, в вечной правде права, силы и насилия, в абсолютной разумности грубого эгоизма и анархии. Общественные отношения сводятся к непрерывной зверской борьбе за существование. Единственная основа общественного порядка – страх.

Грубый эгоизм состоит в том, что всю любовь у Бога и ближних украли для самого себя. Отсюда правильной, естественной группировкой общественных отношений во весь период господства ощущений признается постепенность личной пользы от центрального Я к окружности в таком порядке: центральное Я, семья, друзья и кумовья, сослуживцы, соотечественники, союзники и все прочее человечество, без всякого отношения к нравственным качествам представителей этих общественных групп и к характеру их деятельности.

За общественный порядок признается террор, сдерживающий проявления анархии в умах и сердцах бесправных членов общества в границах, необходимых для беспрепятственного проявления анархии в умах и сердцах властных.

(□+Δ) Скопище разбойников и воров, стройно организующих разбой и воровство на законном основании.

(□+Δ+○) Идиллия разбоя и воровства, при благодушных взаимных отношениях в пределах, не стесняющих широкого размаха насилия и корысти победителей.

(□+○) Религия насилия и корысти. Восторженное, фанатичное, благоговейное почитание железа и золота.

(□+○+Δ) Поэзия насилия и корысти, сдерживаемых благоразумием.

(Δ) Правовой союз. Общество людей, отказавшихся от грубого личного эгоизма ради идеи общности или государственности, причем только перемещается центр тяжести, и грубый личный эгоизм уступает место эгоизму общинному или национальному.

Естественным, правильным признается распространение чувства долга от этого нового центра общины по степеням полезности на общее благо. Так, во времена процветания Римской республики общественное мнение требовало жертвовать всем для Рима. Личное счастье нередко приносилось в жертву долгу относительно семьи, рода, верховной власти, отечества. На этой ступени основой общественного порядка и является долг, на этот раз холодный, неумолимый, аскетичный.

(Δ+□) Правовой союз, основанный на взаимных выгодах участников. Основы общности – долг и корысть. Неумолимая жестокость всепожирающего долга смягчена признанием обязанности со стороны общества соблюдать выгоды частных лиц.

(Δ+□+○) Идиллия правового союза, основанного на выгодах всех участников, при благодушной уживчивости со всеми в границах соблюдения общественного долга и личных выгод.

(Δ+○) Религия правового союза долга, доходящая до фанатизма, до самоотвержения сознательного, радостного аскетизма на пользу общества.

(Δ+○+□) Поэзия правового союза, горячо любимого и смягченного практически благоразумием, благодаря которому основа общественного порядка – долг – теряет характер мрачного фанатизма, слепой жестокости, реже требует человеческих жертв.

(○) Христианское братство, еще не осуществляющееся в жизни, даже не сознающее своей высшей разумности, но живущее в сердцах, объединяющее всех в одну любовь. Братство сердец – наивное, инстинктивное. Единственная форма братства, с которой мирятся даже и люди-волки, мирятся потому, что она не организует добро в жизни, не ограждает от волков ни себя, ни других.

(○+□) Христианское трудовое братство, стремящееся организовать жизнь на началах любви, не отводя еще подобающего места христианской философии, вере сознательной, почему и не может быть достигнуто в организации жизни надлежащей стройности.

(○+□+Δ) Христианское трудовое братство, еще не просвещенное светом христианской философии, но более прежнего пользующееся услугами разума в деле достижения целей, намеченных любовью.

(○+Δ) Христианское братство умов и сердец, еще не осуществляющееся в практике жизни. Любовь и разумение христианской философии привели к единодушию и единомыслию, совершенно непонятным людям иного настроения, не достает только осуществления единомыслия и единодушия в жизни, чтобы общество стройно организовалось на христианских началах любви и сознательного братства.

(○+Δ+□) Христианское трудовое братство, стройно организованное на началах любви и христианской философии.

Государство

(□) Анархия. Господство грубой силы. За порядок признается своеволие.

(□+Δ) Анархия философствующая, стремящаяся доказать разумность и высшую правду анархии, своеволия, привлекая к этому делу и религию, и науку, составляя многотомные уложения, ничем не стесняющие безграничный произвол.

(□+Δ+○) Идиллия анархии.

(□+○) Религия анархии, признаваемой доблестным, дедами завещанным, веками освященным свойством национального духа или великим откровением, внезапно озарившим национальное сознание. Самодурство имеет характер мании величия, наивного, фанатичного самообожания.

(□+○+Δ) Поэзия анархии, смягченной благоразумием.

(Δ) Правовое государство. Взаимные права и обязанности ясно определены. Устои государственного порядка, честное выполнение долга как властями, так и подвластными, и закон одинаково обязательны для тех и других.

(Δ+□) Правовое государство, стремящееся обеспечить национальное благосостояние путем развития промышленности и торговли.

(Δ+□+○) Идиллия благоденствующего правового государства.

(Δ+○) Религия правового государства. Идея высшей правды всепожирающего долга и неумолимой законности возведена в религиозный догмат.

(Δ+○+□) Поэзия правового государства, религиозное поклонение которому лишено характера мрачного фанатизма, смягчено благоразумием в практической жизни.

(○) Христианское государство. Отношения основаны на единокровии и доверии живой любви.

(○+□) Христианское государство, стремящееся создать национальное благосостояние на основах любви. По самой сути своей христианское государство не может насиловать, гнать кого-либо из своих подданных, но явно становится на сторону добра и любви, проводя в жизнь христианские начала любви и братства всеми доступными ему, достойными христианского государства мерами: путем воспитания в государственных школах всех разрядов, путем нравственной поддержки и могущественного покровительства всякого частного начинания, способного содействовать упорядочению жизни на христианских началах.

(○+□+Δ) Христианское государство. В дело упорядочения жизни на христианских началах любви и братства вносятся более системы, и сама деятельность государства в этом направлении основана не только на чувстве и сознании практической правды жизни по вере, но и на сознании высшей разумности, высшей государственной мудрости согласования жизни с верой живой.

(○+Δ) Христианское государство, основанное на началах христианской любви и христианской философии. Антихристианские явления жизни, прежде считавшиеся вполне нормальными и пользовавшиеся, как таковые, сочувствием и покровительством государства, теперь только терпимы в нем. Христианское государство, озаренное светом христианской философии, вполне последовательно в своих отношениях к явлениям жизни, согласно христианской правде.

(○+Δ+□) Христианское государство, озаренное светом христианской философии, стремится всю жизнь государственную стройно организовать на началах христианской любви и братства, не считая более возможным вступать в компромиссы с явлениями жизни антихристианской, признавая своей обязанностью ревнивое ограждение подданных от соблазна, постоянного соприкосновения и невольной уживчивости со злом, всячески содействуя очищению государства от антихристианских элементов путем систематического выселения их за пределы государства, по возможности не причиняя им не только никакого зла, но и материального ущерба. Добровольно покинуть государство, в котором вся жизнь стройно организована на христианских началах, и кроткие христиане ревнивой бдительностью власти и общественного мнения действительно ограждены не только от растерзания, но и от эксплуатации, для людей антихристианского настроения вполне естественно.

Осуществление в жизни такого идеального христианского государства является, конечно, несбыточной утопией при настроении большинства, совершенно для того не пригодном, и стало бы естественным, неизбежным при соответствующем настроении большинства.

Глава III. Что есть истина?

§ 1. Томление духа

*Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё – суета и томление духа!*³⁷⁵

*И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это – томление духа!*³⁷⁶

*И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот, всё – суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!*³⁷⁷

*И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа!*³⁷⁸

*Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы после отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа!*³⁷⁹

*Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа!*³⁸⁰

*Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не поражаются им. И это – суета и томление духа!*³⁸¹

*Лучше видеть глазами, нежели бродить душою. И это – также суета и томление духа!*³⁸²

Как жить?

Среди утомительной пестроты колеблющейся мысли человека есть одна истина, которая всеми неизбежно признается, без которой нет мысли, нет цели, нет жизни – возможно одно голое прозябание. Эта истина, которую не может отрицать даже самый фанатичный дух отрицания, – разумность человека. Нельзя отказаться от этой истины, не делая самого отрицания бессмысленным.

Мы не можем признавать себя разумными, не признавая себя в то же время способными и обязанными жить разумно. И вот возникает перед нами неизбежный, грозный, роковой вопрос: *как жить?*

Во все времена человек задавался и не мог не задаваться этим вопросом. Он мучительно поглощал его даже и тогда, когда устраивать жизнь разумно было не в его власти. Только раб, сделавшийся вещью в руках своего властелина, может не задаваться этим вопросом; чужая воля или собственная страсть заменила ему разум; вопрос *как жить?* подменен для него вопросом *что приказано?* Даже раб по положению, сохранивший свободу мысли и желаний, отказаться от этого вопроса не может. Именно по мере того как он определеннее решает этот

---

³⁷⁵ Еккл. 1, 14.

³⁷⁶ Еккл. 1, 17.

³⁷⁷ Еккл. 2, 11.

³⁷⁸ Еккл. 2, 17.

³⁷⁹ Еккл. 2, 26.

³⁸⁰ Еккл. 4, 4.

³⁸¹ Еккл. 4, 16.

³⁸² Еккл. 6, 9.

вопрос, по мере того как выясняется перед ним разница между его подневольною жизнью и тем, что он считает разумным, растет и его стремление к свободе. Разумный человек, свободно творящий жизнь, не может не задаваться этим вопросом в каждую минуту своего свободно разумного существования. В настоящее время, когда человечество во имя разума отказывается от вековых верований и во имя свободы колеблет вековые устои, этот вопрос становится более грозным, чем когда-либо.

Мы слишком разумны, чтобы верить! Мы слишком свободолюбивы, чтобы подчиняться! Разумный свободный человек, скажи, *как жить?* Горе, горе тебе, если ты не решил этого вопроса! Нет у тебя разумной цели жизни, не может быть разумна жизнь твоя. Жалкое разумное создание! Твой разум отравит твоё существование; он осветит позор каждого бессельного, неразумного шага твоей бессельной, неразумной жизни. Жалкий свободный человек! Презренный раб случайных обстоятельств, шатаний мысли, пьянства страсти. Горе, горе тебе! Человечество выше всего ставит свой разум. Мне кажется, пора убедиться, что разум – орудие обоюдоострое. Мы заставили его разрушать, он потребует, чтобы мы созидали, и не позволит нам долго обманывать себя, пряча за мишурными щитами пустое место с горами обломков; он заставит нас понимать, что это только обманчивые ширмы, и что вся наша жизнь пустая, глупая игра самообмана, а не разумное, великое, стройное дело. Мы хотим пользоваться своею свободою; пора нам знать, что и это обоюдоострое орудие, свобода неизбежно приведет нас в рабство страстей, если мы свободно не изберем высоких разумных целей.

Итак, если мы не хотим отказаться от права признавать себя существами разумными, нам надо решить этот роковой вопрос: *как жить?* Это не отвлеченный вопрос досужего ума, это жизненный вопрос, без которого мы не можем жить разумно, а можем только бессельно прозябать изо дня в день. Никакая наука ответить на этот вопрос не может. Чтобы решить его, надо ответить на целый ряд других столь же роковых, столь же жизненных вопросов, нераздельно, органически связанных между собою, обнимающих в совокупности великую тайну сути бытия.

Нельзя решить вопроса *как жить?* – не зная конечной цели жизни; нельзя решить вопрос о конечной цели нашей жизни, не зная цели жизни мировой; и вот мы стоим лицом к лицу с таинственным вопросом о вечной истине, об абсолютной правде бытия.

На мировые вопросы пытаются отвечать философы. Когда они слабоумны, они говорят с уверенностью нахального тупоумия; когда они гениальны, они скромно предлагают свои гипотезы, думая, как Платон: *Мы будем ждать того, будь это Бог или Богом вдохновенный человек, который научит нас и снимет повязку с наших глаз.*

От имени Бога отвечают на эти вопросы основатели религий.

На эти вопросы торжественно и прямо, *весь осиянный светом высшего разума мира, Свет от Света небесного, Бог истинный от Бога истинного* принес на землю ответ Господь наш и Бог наш, Спаситель Христос.

Пока люди верят, признают какую-либо религию, у них есть ответ на вопрос: *как жить?* Жизнь их представляет сложный компромисс между разумным выполнением предписаний религии и неразумными уклонениями под влиянием того, что принято называть слабостями человеческими. Как только человек отказывается верить в Откровение свыше, не признает никакой религии, он тем самым отказывается от возможности разумно искать познания истины абсолютной, отказывается тем более от возможности ответить на вопросы о конечной цели жизни мира, о цели земной жизни человека, не имеет почвы под ногами и для решения вопроса о том, *как жить?* Все равно, будь он грубый невежда или высокоинтеллигентный философ, он неизбежно погружается в хаос противоречивых гипотез, и вся его жизнь превращается в пеструю смесь неразумных привычек и столь же неразумных увлечений. При этом хаосе мысли, лишенной твердой почвы знаний абсолютной истины, может быть только два состояния: мрачное отчаяние разумного существа, сознающего безвыходную неразумность жизни, или пьянство жизни в форме опьянения наукою, бесшабашным разгулом диких страстей, изящными

искусствами или усидчивым трудом рабочего муравья. Во всяком случае, разумной цели жизни быть не может. Не имея источников для познания абсолютной истины, мы не можем даже и мечтать познать разумный смысл жизни и смерти; между тем смерть отнимает у жизни всякую возможность иметь самодовлеющее значение, всякую возможность быть разумной самостоятельно, самой по себе.

Не в этом ли главная причина тягостного положения современного человечества? Один отказывается от веры сознательно, якобы во имя разума; другие только не признают своего отпадения, подменяя веру сознательную и жизнь по вере суевериями и столь же неосмысленными внешними привычками благочестия в жизни. Для них абсолютной истины не существует, разумная жизнь невозможна.

Только для тех, кто смиренно принимает Божественное Откровение, отдавая все силы своего разума на то, чтобы понять его животворящий дух под покровом буквы мертвящей, абсолютная истина существует, возможна разумная жизнь. Для тех, кто гордо, во имя разума отказывается верить, абсолютная истина не существует, разумная жизнь невозможна, остается только гордое сознание разумного отчаяния. Страшная тайна! Пылающее клеймо проклятия на мраке гордого чела!

Что есть истина?

Пилат сказал Ему: что есть истина? И, сказав это, опять вышел к Иудеям и сказал им: я никакой вины не нахожу в Нем³⁸³.

С той минуты, когда впервые мы сознаем себя разумными и свободными, перед нами возникают вопросы: *Как жить?* и *Что есть истина?*

Многим кажется, что вопрос об абсолютной истине – такая философская отвлеченность, что задаваться им могут только люди, специально посвятившие себя витанию в туманной области отвлеченного мышления, что человеку жизни не только можно легко обойтись без него, но даже неприлично, смешно им задаваться.

Разделять человечество на практиков жизни, не нуждающихся в разрешении мировых вопросов, и идеалистов, бесцельно занимающихся разрешением этих вопросов в виде умственной роскоши, – одна из самых наивных привычек материалистического склада ума, современного ума утратившего веру человечества.

На самом деле эта вопросы настолько жизненны, настолько неизбежны для всякого разумного существа, что они ежеминутно возникают в каждом из нас и непременно бессознательно решаются нами по силе возможности. Вся разница в том, что большинство решает их бессознательно, по прихоти своих желаний, не только не формулируя своих решений на словах, но даже не пользуясь при этом услугами разума. Мыслители стараются осмыслить, вылить в определенную словесную форму то, что толпа решает неразумно, по прихоти. Слишком часто мыслители строили свои рассуждения на шатких, иногда даже призрачных основаниях; это давало возможность злорадно издеваться над ними, признавать всю их деятельность беспочвенной; и так относились к ним именно те, кто в жизненной практике бессознательно решает те же вопросы на совершенно неразумном основании собственных прихотей.

Во всяком случае, независимо от того, как мы к ним относимся, они стоят перед нами, эти мировые вопросы, и, не разрешив их, мы не можем сделать ни одного разумного шага, не можем высказать ни одного разумного слова.

Что есть истина?! С этим вопросом, не ожидая ответа, Пилат прервал свою беседу с Христом. Этот вопрос не был в действительности вопросом; это было восклицание убежден-

---

³⁸³ Ин. 18, 38.

ного скептика. Пилат был так уверен, что никто на этот вопрос ответить не может, что ему и в голову не могло придти дать время ответить на него. Это было восклицание презрительной жалости к этому простому, в его глазах, еврею, говорящему о том, что мучительно поглощало умы целого сонма философов и все же оставалось неразрешенной, таинственной загадкой.

Только абсолютная истина и есть истина, относительной истины нет и быть не может. Дойти до познания абсолютной истины самостоятельно, при помощи тех гипотез, которые порождает в ограниченном уме человека обманчивая деятельность органов чувств, невозможно.

Познание абсолютной истины может дать человеку только Бог. Отнимите у человека веру в Бога, и самое понятие об абсолютной истине для него теряет всякий смысл. Даже веруя в существование Бога, но не веруя в то, что на землю было принесено Божественное Откровение, что Бог поведал человечеству абсолютную истину бытия, нельзя разумно допустить, что эта истина известна на земле.

Пилат, не признавая Бога во Христе, не мог разумно ожидать от Него ответа на предложенный вопрос; не мог разумно допустить самую возможность познания абсолютной истины на земле.

Мы, христиане, признаем Христа Богом, и, однако, как много нас, способных повторить вопрос язычника Пилата именно в том смысле, в каком он его высказал: в смысле презрительной жалости к тому, кто задается этим невозможным вопросом, в смысле глубокого убеждения в том, что разрешить его нельзя. Не говорю о тех, кто сознательно отказался от Христа и носит имя христианина только потому, что его принуждают к тому законы или расчеты практической мудрости; не признавая Христа, не веруя в Божественное Откровение, отрицая, может быть, самое существование Бога, – эти христиане-политики обязательно должны вместе с Пилатом отрицать и самую возможность познания истины. Говорю о тех бессознательно отпавших от веры, которые по рутине продолжают считать себя верующими, исполняют обряды внешнего культа, когда живая вера давно угасла в них; угасла настолько, что они, в непонимании истины, упали до уровня язычника Пилата; угасла настолько, что они более не умеют ни думать, ни чувствовать по-христиански, и каждый шаг их жизни служит доказательством их молчаливого отречения от того, что признано за истину Христом.

Нет и быть не может относительной истины, нет и быть не может относительной веры. Слова *относительная истина*, *относительная вера* лишены всякого разумного смысла. Истина абсолютна или ее нет, и вера абсолютна или ее нет. Говоря *относительная истина*, *относительная вера*, мы подразумеваем, что к истине примешана ложь, к вере – сомнения. Большею частью мы только обманываем себя, ребячески пряча за ширмочку неприятное для нас сознание, что истины мы не знаем, что веры мы не имеем.

Нельзя верить во Христа и не признавать, что Он принес на землю абсолютную истину, абсолютный *Свет от Света небесного*, вечную правду Божию, что *истинны и святы слова Его*³⁸⁴. Нельзя разумному созданию признать, что Христос принес на землю абсолютную истину, и не стараться уразуметь ее: иметь глаза и не хотеть видеть, иметь уши и не хотеть слышать. Нельзя разумному созданию понять абсолютную истину и не желать жить разумно, не желать согласовывать весь склад ума своего, чувства и весь строй жизни с этой на деле воспринятой истиной.

Если склад ума нашего, наши чувства, весь строй нашей жизни есть сплошное отрицание, вопиющее противоречие с тем, что Христос признал за истину, не будем обманывать себя, извиняясь какою-то относительной, слабой верою. Можно только верить или не верить.

---

³⁸⁴ ...*истинны и святы слова Его*... – Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине (Ин. 18, 37). Освяти их истиною Твоею; слово Твое есть истина (Ин. 17, 17). И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною (Ин. 17, 19). Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6).

Если абсолютной веры нет, мы не верим во Христа. Он сказал: *я есть путь, и истина, и жизнь*³⁸⁵. Если мы вместе с язычником Пилатом способны скептически ставить вопрос: *Что есть истина?* – упорно уклоняясь от пути, указанного Христом, способны думать, что согласовать жизнь с Его учением невозможно, – мы не верим во Христа; никакой относительной веры в нас нет, есть только абсолютное неверие, которое мы по дряблости своей боимся выразить словами, может быть, даже по трусливому суеверию боимся признать и в тайнике нашего сознания.

Итак, не может разумно искать знания абсолютной истины тот, кто не верит в Божественное Откровение; не может разумно игнорировать абсолютную истину учения Христа тот, кто верит во Христа, признает Его сыном Бога живого. Мы непременно должны выбрать одно из двух: верить во Христа, благоговейно принять от Него вечную истину правды воли Божией и отдать все силы умственные, нравственные и материальные на разумное согласование жизни с верою или отказаться от веры во Христа, не признавать Божественное Откровение, отказаться от возможности познать абсолютную истину, отказаться с тем вместе и от возможности разумного существования, обречь себя на отчаяние или бесцельное прозябание на земле, заглушая страшное сознание своего абсолютного непонимания мировой правды и цели жизни бесцельной, суетливой деловитостью или опьяняя себя дурманом пестрых развлечений.

Даже тот, кто никогда не открывал Евангелия и не испытал благодатного умиления молитвы, кто не испытал тихой радости веры в Отца Небесного и не продумал чуда истории: торжества бедных темных галилейских рыбаков над Римской империей, высокоумными философами Греции и фанатизмом европейских изуверов, даже язычник, не сознающий, что христианству человечество обязано лучшими сторонами современной цивилизации, и тот, желая понять смысл жизни и жить разумно, тоскливо искал бы луча с неба, сознавая, что земля не может дать ему ни малейшей нити для искания абсолютной истины; по первому заявлению, что есть книга, содержащая в себе Божественное Откровение, этот искатель истины не может с жадностью не ухватиться за нее как за доску спасения, утопая в море противоречивых гипотез, не может не изучить ее содержания добросовестно, с трепетным чувством того, кто алчет и жаждет правды, не может отказаться от нее раньше, как убедившись, что и она – дитя земли, ничтожная соломинка бренного мира.

Мы родились в христианской стране; у нас есть книга, которая, по официальному признанию, заключает в себе сокровище абсолютной истины, свет Божественного Откровения, и должна служить основой жизни частной, общественной и государственной, – эта книга Библия. Знаем ли мы ее содержание? Стремимся ли согласовать жизнь с тем, что мы признаем за вечную истину правды Божией? Если в ней действительно абсолютная истина, ведь это свет во мраке жизни, великое откровение цели бытия, возможность разумно направлять свободу воли – жить разумно! Таинственная, святая книга жизни! Хорошо ли мы усвоили твое животворное содержание? Существуют ли разумные основания нашего равнодушия к тебе или мы нашли себе другой источник воды живой, другой источник познания абсолютной истины, или то сонная апатия бесцельного прозябания неверующего, для которого легче, не заглядывая в Библию, саркастично повторять полувопрос язычника Пилата: *Что есть истина?!*

Ответ школы

*Науку незаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся*³⁸⁶.

---

³⁸⁵ Ин. 14, 6.

³⁸⁶ Пс. 50, 15.

Вся Европа официально признает Христа Богом, признает, что Библия содержит в себе Божественное Откровение, абсолютную истину; торжественно признает тем самым, что христианское мировоззрение и есть абсолютная истина бытия, что христианский идеал и есть высший идеал не только земной, но и мировой, что христианская нравственность не дисциплинарная мера, основанная на политическом расчете, а самая суть жизни, согласованная с абсолютной истиной вечной правды Божией; торжественно признает и то, что весь строй жизни в семье и государстве должен быть, по возможности, согласован в мельчайших подробностях с этой поведенной нам Божественным Откровением, официально нами признаваемой, вечной, абсолютной истиной бытия, вечной, неизменной правдой Божией.

Жизнь целого государства не может быть разумно согласована с абсолютной истиной правды Божией, если не согласована с нею жизнь большинства многомиллионного населения; не может быть согласована с нею и жизнь отдельной личности без ясного понимания истины, без строгого согласования с нею всего склада ума, общего настроения духа. *Царствие Божие внутри вас есть*³⁸⁷.

С другой стороны, не может человек, искренно и сознательно верующий, считать разумною какую-нибудь другую жизнь, кроме жизни по вере; не может не стремиться согласовать с абсолютной правдой весь строй жизни своей. Не может не быть христианским и весь строй жизни целого государства, если честно согласована с верой жизнь миллионов его граждан.

Святая, непрременная обязанность христианской школы – дать своим питомцам строго определенное, совершенно ясное понимание христианского мировоззрения, христианского идеала и христианской нравственности. Она обязана достигнуть того, чтобы сознание абсолютной истины бытия, вечной правды Божией так сроднилось с умом воспитанников, чтобы они приобрели привычку христианского склада ума, привычку христианского настроения духа.

По образу Божию создан человек, и вечный дух его, как Бог, свободен. Школа не может дать живой веры; вера – результат совокупной деятельности свободного произволения духа и благодати Божией, школа обязана дать ясный, определенный ответ на вопрос: *Что есть истина? Что есть абсолютная вечная правда Божия?* – одним словом, во что верить? Если она этого не делает, она перестает быть школою христианскою. Отказываясь научить тому, что государство официально признает за единую абсолютную истину, за единую разумную основу жизни, школа отказывается давать возможность христианам получать навык христианского склада ума, подготовить себя к возможности честно согласовать жизнь с верою.

Христианская школа обязана поставить во главе наук высшее знание абсолютной истины бытия и затем строго согласовать с нею знания, основанные на опыте обманчивых органов чувств и сомнительной достоверности выкладок разума. Тут никакого компромисса быть не может. Одно из двух: школа должна признать абсолютную истину Божественного Откровения или открыто отказаться признавать ее. Если она признает абсолютную истину Божественного Откровения, она должна признавать абсолютной ложью всякую научную гипотезу, с нею не согласную.

Если школа этого не делает, если рядом с абсолютной истиной Божественного Откровения она выдает за истину научные гипотезы, прямо ей противоречащие; если она терпит учебники с вредным направлением и преподавателей со складом ума не христианским, она явно, торжественно отказывается от веры во Христа и в истину Божественного Откровения, навязывает ученикам привычки антихристианского склада ума, воспитывает врагов религиозной жизни государства, становится миссионерским учреждением для пропаганды неверия.

При таких обстоятельствах школа издевается над Божественным Откровением, выдавая за результаты строго научного исследования гипотезы, допустив которые, нельзя верить не только в существование разумного духа, но даже и в существование Бога разумного, навязывая

---

³⁸⁷ Лк. 17, 21.

ученикам такой склад ума, при котором каждая мысль, каждое слово становятся актом отречения от веры, издевательством над нею.

Не будем смешивать свободу научных исследований со свободой преподавания. Государство может предоставить ученым людям широкую свободу заблуждаться, но оно не может, оставаясь христианским, предоставить свободу вводить в заблуждение тех представителей подрастающих поколений, в которых вся будущность страны. В своих лабораториях и кабинетах ученые могут создавать самые дикие гипотезы, но допускать их в государственную школу, подрывать религиозные основы государственной жизни христианское государство права не имеет.

Школа, если она хочет быть христианской, должна водворить стройный порядок в умах и сердцах своих питомцев, дать им путеводную нить ясного понимания истины абсолютной среди хаоса пестрых впечатлений и противоречивых гипотез и прежде всего озаботиться приисканием педагогов, умеющих думать и чувствовать по-христиански. Без этого горемычный искалеченный человек, когда, помимо школы, свет веры озарит его, должен будет направить всю энергию воспрянувшего духа на мучительную внутреннюю борьбу с привитыми школою неразумными привычками антихристианского склада ума.

Если школа не способствует тому, чтобы вера становилась сознательной, и самое изложение наук не согласует с общим христианским мировоззрением, она признает свое неверие или клеветает на Божественное Откровение, заставляя предполагать, что в нем нельзя почерпнуть ни познания абсолютной истины, ни понимания того, как жить разумно и свято, согласно абсолютной истине вечной правды Божией. Вот это хула на Духа Святого, и не простится она тем, кто держит ключи Царства Небесного, *сами не входят и желающих войти не пускают*³⁸⁸, а христианская школа должна быть ключом к пониманию абсолютной истины Божественного Откровения, без которого для христиан нет реального знания, нет понимания смысла жизни, нет возможности жить христиански-разумною жизнью.

Что дает христианская школа, я сам знаю по собственному опыту. Родившись в христианской России, пройдя курсы христианской гимназии и христианского университета, когда с душою, изнывшею по правде Божией, желая согласовать мою жизнь с моими христианскими убеждениями, начать жить разумно и честно, я задал себе неизбежный вопрос: как жить? Оказалось, что школа не дала мне самого необходимого. Она не дала мне цельного христианского мировоззрения, не дала мне ясного понимания христианского идеала и стройной системы христианской нравственности, не дала мне познания абсолютной истины, стройного понимания святого учения Христа Спасителя и определенного указания на мои христианские обязанности относительно Бога, самого себя и моих ближних. Все это было подменено мертвящею буквою чудесных событий и столь же мертвящею буквою нравоучительных сентенций.

Пройдя курс гимназии, я узнал несколько эпизодов из жизни ветхозаветных патриархов без всякого объяснения глубокого внутреннего значения их примера для нас, узнал точное число лет, прожитых ими, и точное измерение Ноева ковчега; узнал несколько чудесных обстоятельств из жизни пророков и не слышал ни малейшего намека на содержание наиболее замечательных из пророческих книг; ни одного слова из этих страниц, полных жгучего вдохновения, которые писали эти колоссы духа: Исайя, Иеремия, Иезекииль, Ездра, когда *дух Божий был на них*³⁸⁹. Узнал о слабостях царя Давида и остроумии царя Соломона и не слышал ни о глубоком внутреннем смысле псалмов, ни о неисчерпаемых рудниках мысли в книгах Соломона. Узнал о чудесах, сопровождавших рождение, жизнь и кончину Господа нашего Иисуса Христа, и не получил ясного понимания громадного значения неисчерпаемого богатства содержания Нагорной проповеди, бесед Спасителя в Евангелии от Иоанна и апостольских посланий.

---

³⁸⁸ ...*сами не входят и желающих войти не пускают*... – Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человеку, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете (Мф. 23, 13).

³⁸⁹ ...*дух Божий был на них*... – Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы (Ис. 61, 1).

Что же могло дать мне подобное преподавание Закона Божия?! Что сказали бы тому, кто вздумал бы заменить преподавание геометрии серией эпизодов из жизни Архимеда и других великих геометров с подобными исчислениями величины тех геометрических фигур, которые они чертили?! Тем менее простительно подобное отношение к абсолютной истине Божественного Откровения!

Вся история Ветхого и Нового Заветов – непрерывная серия чудесных событий. Вполне признавая не только возможность чудес, но и то, что они ежеминутно совершаются и в нас самих, и кругом нас, вполне понимая их громадное значение для очевидцев в минуту их совершения, мы не можем не признавать значения повествования о них второстепенным сравнительно с насущною необходимостью ясного цельного христианского мировоззрения и учения Христа Спасителя. Людей, верующих в чудеса, ни в чем не убеждают, так как верят они рассказам о них не раньше, а после того, как свет веры озарил их; ничему и не научают, так как совершать чудеса научает вера, а не пример чудес, совершенных другими. Для человека неверующего рассказы о чудесах не имеют ровно никакого значения; он просто отвергает их достоверность, что и делает в настоящее время большинство юношей, получающих образование в псевдохристианских школах.

Столь же плачевны и результаты преподавания катехизиса. О, если бы он выполнил то, что обещает на первой странице. На вопрос о значении катехизиса, он отвечает: *Православный катехизис есть наставление в православной вере христианской, преподаваемое всякому христианину для благоугождения Богу и спасения души*, и далее, на вопрос о том, что нужно для благоугождения Богу и спасения души, он отвечает прекрасными словами: *Во-первых, познание истинного Бога и правая вера в Него; во-вторых, жизнь по вере и добрые дела*. Вот широкая, прекрасная программа: научить познанию истинного Бога – значит научить абсолютной истине бытия, озарить светом небесным стройное, цельное мировоззрение, в котором *Бог есть альфа и омега*³⁹⁰ мироздания; научить тому, как жить по вере и творить добро – значит дать определенный ответ на вопрос, как жить, указать путь алчущим и жаждущим правды к источнику воды живой, совершить великое чудо претворения буквы мертвящей в дух животворящий слова Бога живого.

Тот, кто изучит Библию и поймет заключающуюся в ней абсолютную истину вечной правды Божией, поймет и живое значение тех глубоких истин, которые для остальных кажутся в катехизисе такою мертвою буквою, но не в катехизисе он почерпнет понимание животворящего духа религии. Все, долбившие наизусть катехизис, знают, каким мертвым духом ученого педантизма веет от этой книги, как она мало способствует пробуждению живого интереса к познанию абсолютной истины, живого понимания способов осуществления в жизни правды Божией. И вот молодые христиане, на самом пороге жизни приняв в катехизисе животрепещущую правду бытия за бессодержательную риторическую формулу, как они приняли судьбы человечества на уроках священной истории за фантастическую сказку из «Тысячи и одной ночи», надолго теряют охоту вникать в основные вопросы жизни, без которых, однако, невозможно разумное существование.

Слушая лекции богословия в университете, я познакомился с взглядами и разрушительными теориями Баура, Шлейермахера, Штрауса, Ренана и прочих врагов Божественного Откровения и опять-таки не приобрел никаких положительных знаний.

Нет, современная школа не дает познания воли Бога живого, не дает и понимания того, как жить по вере и творить добро; не отвечает ни на основной мировой вопрос о том, что есть истина, ни на насущный жизненный вопрос о том, как жить. Она не научает незаконным путям Божиим, и нечестные к ней не обращаются.

³⁹⁰ ... *Бог есть альфа и омега*... – Я емь Альфа и Омега (Откр. 1, 8, 10; 21, 6).

Ответ церкви

*Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее*³⁹¹.

Мы видели, что общеобразовательная школа, обязанная давать подрастающим поколениям самые необходимые для жизни познания, не дает ясного понимания абсолютной истины Божественного Откровения и, как увидим далее, не соотносит с нею изложение наук человеческих или не признает за Божественным Откровением авторитета абсолютной истины, перестает быть христианской, становится в христианском государстве учреждением враждебным, вредным для христианства или не понимает истины, которой берется поучать, бессознательно обманывает юношество, выдавая фальшивую монету за чистое золото, становится для христианства опаснее врага.

Прежде чем говорить о том, как научает церковь путям Божиим, установим, что мы будем понимать под словом *церковь*.

Не будем говорить о том хаосе представлений, какой возникает при слове *церковь* в умах большинства представителей нашего скептического века, отличающегося полным равнодушием, а потому и вполне понятным невежеством во всех вопросах веры. Очень интересно сравнить, что говорят о церкви А. С. Хомяков и граф Л. Н. Толстой, два писателя, которых в легкомысленном равнодушии упрекнуть нельзя. Хомяков говорит, что *церковь непогрешима и обладает познанием абсолютной истины*, а Толстой говорит, что *у церкви ничего не осталось, кроме храмов, икон, парчи и слов*. Неужели могут два разумных человека о том же предмете разумно высказывать такие прямо противоположные суждения! Не называют ли они одним и тем же слово *церковь* два совершенно разные понятия?

Символ православной веры говорит о *единой Святой Соборной и Апостольской Церкви*. Эта церковь, как ее понимали апостолы и отцы Вселенских соборов, есть *совокупность всех истинно верующих на небе и на земле под главенством Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*. Так понимает ее и А. С. Хомяков. Это единственный полный и истинный смысл слова *церковь*, и все остальные значения, суживая это полное определение, не должны, однако, ему противоречить, иначе это будет или нелепое смешение понятий, или недобросовестная игра словами.

Это понятие о церкви многие признают неудобопонятным. Что нам трудно его усвоить – очень знаменательно. Не только для людей, сознающих свое неверие, но даже и для большинства людей, считающих себя верующими, это единство церкви земной и небесной кажется не реальностью, не действительностью, а чем-то фиктивным, что придает и всему определению характер бессодержательной риторической фигуры. Происходит это от того, что большинство современных, номинальных христиан бессознательно пропитано материалистическим взглядом на вещи, совершенно утратило понимание христианского мировоззрения, разучилось думать по-христиански. Антихристианский строй жизни, материалистическое направление науки, литературы, искусства и более всего христианская по названию, но вполне материалистическая по преподаванию, часто и по личному влиянию педагогов школа, – все это навязало большинству людей материалистический склад ума, исключающий всякую возможность веры.

Для представителей этого большинства действительно существует только то, что они могут видеть и осязать; все остальное не имеет для них реального существования. Их мировоззрение сужено до узости того немногочисленного, что может быть воспринято нашими грубыми, обманчивыми органами чувств. Даже признавая в теории существование недоступного для нас

---

³⁹¹ Мф. 16, 18.

невидимого мира, представление о реальности бытия его они вместить не могут. Между тем, сознание реального существования невидимого мира и есть непереносимое условие живой веры; без этого мы воображаем, что верим в те минуты, когда думаем о вере, а на самом деле живем по обычаю мира сего, совсем не принимая в расчет реального существования мира незримого. Стыдно сказать, большинство современных христиан в этом отношении далеко отстало от язычника древности Платона: сознать продолжающееся, реальное бытие невидимого мира; сознать, что неизменное вечное бытие гораздо более реально, чем наше изменчивое, кратковременное бытие в теле на земле, – не вмещается более в их сознание, подавленное рутиною материалистического склада ума.

Итак, церковь в полном, истинном значении этого слова составляют: глава ее, Богочеловек Иисус Христос, и все истинно верующие, исполненные благодатью и истиной сыны Отца Небесного, творящие волю Его на земле и на небе.

Всякий верующий в Божественное Откровение не может не признать, что эта церковь обладает полнотою знания абсолютной истины и истину эту поведала человечеству. И пророки ветхозаветные, и апостолы, и святые новозаветные, и более всех воплотивший слово Божие – Мессия, Христос, все эти члены церкви небесной свидетельствовали об истине и указывали человечеству, что есть *путь, и истина, и жизнь*³⁹². Откажитесь признать, что чрез них Бог поведал человечеству абсолютную истину бытия, понимание того, как жить по правде Божией и творить добро, и вам придется отказываться от самой надежды познать абсолютную истину и жить разумно.

Второе, более узкое, но согласное с первым значением слова *церковь* есть то, когда под этим словом понимают земную часть единой церкви Божией, тех членов ее, которые еще томятся в темнице тела, но духовно поддерживают постоянное общение с церковью небесною, те, в ком святится имя Божие, кто алчет и жаждет правды, в чью душу отверстую Бог живой изливает благодать Свою, те, кого мир ненавидит, потому что они не от мира сего, а составляют, по выражению апостола Павла, тело Христа, которого тоже мир и видел, и возненавидел, потому что и Он был *не от мира сего*³⁹³.

И в этом более узком значении *церкви земной* церковь несомненно обладает знанием абсолютной истины и пониманием разумной жизни по вере.

Эта церковь на Вселенских соборах установила, в каких писаниях содержится абсолютная истина Божественного Откровения, отвергла апокрифические измышления ума человеческого и свято, подобно христианской весталке, сохранила нам неугасимо божественный светоч, книгу жизни – святую Библию.

Эта церковь выставила на пробуждение и озарение во мраке спящего человечества те легионы мучеников, жизнь которых была одним торжественным гимном во славу Божию, которые без слов, одним примером жизни научили понимать нечеловеческую силу веры, доказали торжество разумного, властного духа над стихийными явлениями неразумной материи веры. Эта церковь и теперь выставляет как живой укор сынам мира сего – сынов Божиих, живущих верою в Него, творящих волю Его.

Эта церковь дала человечеству те инстинкты добра, которые материалистическая наука называет альтруизмом. Она породила все лучшие стороны современной цивилизации и борется крепкою борьбою со зверством холодного расчета, пропитавшего весь строй жизни, основанной на своекорыстии капитализма и убежденной безнравственности материализма. Она спасает человечество от одичания, пробуждая его совесть, смущая нахальное бесстыдство его наглого разврата, молчаливо протестуя своею святостью против разрушительных теорий,

---

³⁹² ...путь, и истина, и жизнь... – Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня (Ин. 14, 6).

³⁹³ ...не от мира сего... – Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда (Ин. 18, 36).

отрицающих свободу воли, отрицающих самое существование вечного духа и утверждающих законность грубых страстей. Она и прежде, и теперь высоко и честно держит знамя Богочеловека, противопоставляя богоподобного человека Божественного Откровения – скотоподобному человеку материалистической науки.

Суживая еще более значение слова *церковь*, мы приходим к поместной церкви, какова православная церковь в России. Ни церковь вселенская, ни часть ее, церковь земная, не имеют не только видимой внешней организации, но и никакого другого органа, могущего претендовать на значение выразителя совокупной воли всей церкви. В первые века христианства такое значение имели Вселенские соборы. Теперь Вселенский собор стал невозможен по двум причинам: церкви разделились, и священнослужители перестали быть выборными представителями мирян. Если бы даже съехались со всех концов православного мира все представители священной иерархии, и тогда это не был бы Вселенский собор, и постановления его не были бы выражением сознания всей церкви. Церковь составляют все истинно верующие, а не одни представители священной иерархии, которые, особенно с тех пор, как их не выбирают приходы, не имеют никакого основания считать себя уполномоченными говорить от имени всей церкви. Отсутствие внешней организации представляет, несомненно, весьма существенные неудобства, оно имеет, однако, и свою добрую сторону: ничто не затмевает понимание самого слова *церковь*, ничто не заслоняет ее в жизни. Не то в церкви поместной; есть обстоятельство, значительно затмевующее понимание ее истинного значения: она имеет сложную организацию, и представители ее принимают участие в жизни сложного государственного механизма.

И здесь слово *церковь* означает не внешнюю организацию, не механическое соединение людей, носящих общее название и выполняющих общие обряды, а общество истинно верующих и только верующих живою верою, которая не может быть без дел. Тот, кто утратил живую веру, кто в жизни не стремился выполнять волю Отца Небесного, кто любит мир и то, что в мире, тот отпал от церкви, возмутился и против главы Ее, Господа нашего Иисуса Христа, сбросил с себя Крест Его и не идет по Нему; он более не член церкви, хотя бы представители церкви поместной и не отлучили его, хотя бы даже он продолжал занимать в священной иерархии высокое положение.

Всякая ошибка, всякое уклонение от жизни по вере есть несомненный признак отпадения от церкви, которая всегда и неизменно остается свята и непорочна. Если бы все представители поместной церкви утратили веру и перестали жить по вере, в этой местности церкви более не существовало бы, *осталась бы одна внешняя форма, ничего кроме храмов, икон, парчи и слов*, как говорит граф Толстой. Его слова находят сильными; несравненно сильнее говорит ученик, которого любил Иисус³⁹⁴, апостол Иоанн, обращаясь к поместным церквам, не дошедшим до такой степени падения.

Вот как он выражается на вдохновенных страницах Апокалипсиса: Ангелу Ефесской церкви напиши: *<...> знаю дела твои, и труд твой, и терпение твое, и то, что ты не можешь сносить развратных, <...> ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал. Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. И так вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину светильник твой с места его, если не покаешься. <...> И Ангелу Сардийской церкви напиши: <...> знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. <...> Я не нахожу, чтобы дела твои были совершенны пред Богом Моим. Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся <...>. И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: <...> знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и*

³⁹⁴ ...ученик, которого любил Иисус... – Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя? (Ин. 21, 20).

не холоден, то извергну тебя из уст Моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг³⁹⁵.

Вот как говорит апостол! Мне кажется, что этого достаточно, чтобы не смешивать внешнюю земную форму с *единою Святою Соборною Апостольскою Церковью*, которая неизменно пребывает свята и непорочна.

---

³⁹⁵ Откр. 2, 1–5; 3, 1–3, 14–17.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.